ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет русской филологии и иностранных языков
Кафедра русского языка
и русского языка как иностранного
Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ
И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

**(к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной
и 50-летию выхода 1 выпуска
«Псковского областного словаря
с историческими данными»)**

Часть 1

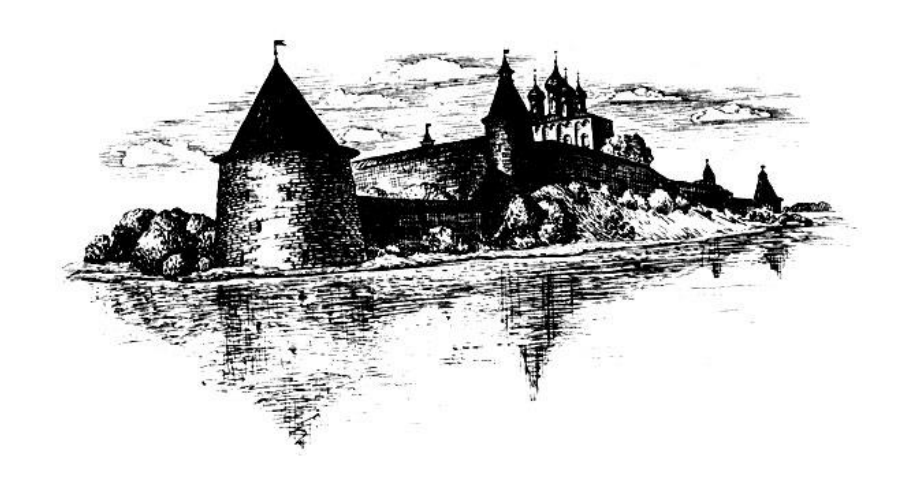
Псков 2017

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет русской филологии и иностранных языков
Кафедра русского языка
и русского языка как иностранного
Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

(к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»)

Часть 1



Псков 2017

УДК 801
ББК 81.2 Рус
П 868

Рекомендовано к изданию
Ученым советом факультета русской филологии и иностранных языков
Псковского государственного университета

Рецензенты:
Е.И. Зиновьева, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета (Санкт-Петербург);
С.А. Мызников, доктор филологических наук, профессор, чл.-кор. РАН, заведующий Словарным сектором ИЛИ РАН (Санкт-Петербург).

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ (к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Н.В. Большаковой, Л.Я. Костючук. – Псков: ЛОГОС, 2017. – 420 с., иллюстр.

ISBN 978-5-9908858-8-2

Сборник статей публикуется по итогам международной научной конференции (Псков, 19–21 октября 2017 г.), посвященной изучению псковских народных говоров в контексте фундаментальных научных проблем в области диалектологии и истории русского языка.

Публикуемые работы российских и зарубежных ученых демонстрируют научные и научно-практические результаты, связанные с разработкой теоретических и прикладных проблем языкознания и смежных дисциплин.

Значительный блок статей посвящен уникальному по замыслу и образцовому по исполнению лексикографическому труду – «Псковскому областному словарю с историческими данными», содержание которого показывает историко-культурную специфику псковских говоров, являясь памятником языка русского Северо-Запада, отражающего приграничное пространство через разные типы языкового и культурного взаимодействия.

Особое место в тематике сборника отводится памяти выдающегося диалектолога и историка русского языка Софьи Менделевны Глускиной, много лет проработавшей преподавателем в педагогическом вузе и ставшей Учителем для многих поколений работников сфер образования, науки и культуры.

Сборник подготовлен в рамках реализации поддержанного РФФИ научного проекта № 17-04-14023.

ISBN 978-5-9908858-8-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных статей посвящен двум датам, знаменательным не только для региональной диалектологии, но и для отечественной лингвистической науки в целом. В 2017 году исполнилось 50 лет с момента выхода первого выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными» и 100 лет со дня рождения С.М. Глускиной – блестящего лексикографа, высококвалифицированного филолога, педагога и просветителя. С.М. Глускина была выдающимся диалектологом и историком русского языка, научное наследие которой составляет классику русской диалектологии и истории русского языка (принадлежащее ей одно из важнейших открытий в славистике середины XX в. получило в истории языкознания название «эффект Глускиной»).

Историческое совпадение двух дат явилось уникальным поводом показать, что сочетание «псковские говоры» уже с самого начала их изучения не является отражением узко локальной темы: исследования в области псковских говоров на протяжении ряда десятилетий формируют систему научных подходов к решению насущных лингвистических проблем.

В сборнике публикуются материалы международной научной конференции на тему «Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска Псковского областного словаря с историческими данными)», прошедшей в Пскове 19–21 октября 2017 г., которая явилась логическим продолжением серии проводимых в Пскове научных мероприятий, системно и последовательно разрабатывающих ключевые вопросы общей и региональной диалектологии, истории и теории русского языка, практики его преподавания в вузе и школе.

Международная научная конференция прошла в Псковском государственном университете, являющемся опорным региональным вузом.

Конференция и публикуемый сборник статей показали историческую связь фундаментальных научных проблем в области диалектологии и истории языка, имеющих междисциплинарное значение, с теорией и практикой лексикографии, с полевой диалектологией, методикой обучения русскому языку в вузе и школе; продемонстрировали роль личности в науке и просвещении.

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

УДК 81.411.2

Т.В. Белова
(Псков, Россия, belova60rus@mail.ru)

К проблемам изучения диалектного словообразования (на материале псковских говоров)

В статье рассматриваются некоторые проблемы изучения диалектного словообразования. Речь идет прежде всего о степени учета семантики при проведении словообразовательного анализа, выявлении словообразовательного значения аффикса, выяснении словообразовательной мотивации, отнесении слова к тем или иным словообразовательным типам, словообразовательным категориям, а также об определении статуса словообразовательного форманта.

Ключевые слова: десемантизация аффиксов, словообразовательная категория, словообразовательное значение, словообразовательный формант.

T.V. Belova

To the Problems of Dialect Word-formation (Based on the Materials of Pskov Dialects)

The article reveals some problems of the dialect word-formation. Specifically, it deals with word semantics when carrying out the word-formation analysis, identifying the meaning of a word-formation affix, clarifying a word-formation motivation, referring a word to a particular type or category, and defining the status of a word-formation formant.

Key words: affix desemantisation, word-formation category, word-formation meaning, word-formation formant.

Выявление особенностей словообразования в говорах является одним из важных направлений изучения специфики словообразовательной системы русского языка в целом. Иногда то, что является потенциальным в литературном языке, находит

воплощение именно в говорах, поскольку «словообразовательные процессы в народных говорах более подвижны, чем в литературном языке» (Новикова 2007: 94).

В диалектном словообразовании еще много нерешенных вопросов и задач. Одним из проблемных вопросов в изучении словообразования в говорах до сих пор является вопрос о том, чему отдать предпочтение в словообразовательном анализе – семантике или структуре. Безусловно, при изучении диалектного словообразования прежде всего необходимо учитывать тесную связь семантики и структуры производных слов. Однако учет семантики особенно важен при рассмотрении диалектных словообразовательных единиц: «Устная форма влияет на высокую степень словообразовательной вариативности той или иной номинации. Это проявляется в преобладании в словообразовании и морфологии семантического начала над формальным, что обусловливает и тенденцию к мотивированности слова, требующую структурной прозрачности производной единицы, и вариантность мотивационных связей производных, проявляющуюся в контексте» (Антипов 2001: 32).

Составителям диалектных словарей, в частности Псковского областного словаря с историческими данными, приходится проделывать большую работу по определению толкования слова, потому что от этого может зависеть и выявление словообразовательного значения аффиксов, и отнесение данного слова к определенному словообразовательному типу. Только внимательное отношение исследователя к лексическому значению слова и словообразовательному значению аффиксов в определенному говоре, выявляемых прежде всего из контекста, поможет обнаружить иные словообразовательные типы, словообразовательные категории, специфические форманты, морфонологические явления, омонимы и т.п., чем в литературном языке или других говорах.

При серьезном рассмотрении ***словообразовательного значения формантов*** выявляется особое соотношение семантики и структуры в говорах. Так, довольно часто в

народной речи обнаруживаются примеры, связанные с ***десемантизацией аффиксов***. Например, в словах *зыбе́лица* и *зыбе́лина*, имеющих дефиницию ‘то же, что *зы́бе́ль 1*’, т.е. ‘топкое место’ (ПОС 13: 128), суффиксы -*иц*- и -*ин*- не вносят иного значения, кроме подчеркивания предметности (существительные на -*ин(а)* со значением подчеркивания в псковских говорах изучены Ю.И. Гарник (Гарник 2000: 175–177)). Терять свое обычное значение могут также префиксы: *занапра́сно* ‘зря, напрасно’ (ПОС 12: 6), *запроти́вный* ‘неприятный, отвратительный’ (ПОС 12: 67), *заусну́ть* ‘уснуть’ (ПОС 12: 217), *нажени́ться* ‘вступить в брак, жениться’ (ПОС 19: 395), *напохо́жий* ‘имеющий сходство с чем-н.’ (ПОС 20: 160), *напото́м* ‘спустя некоторое время, под конец’ (ПОС 20: 160). В такого рода производных словах прибавлением суффикса или префикса значение мотивирующего слова как бы еще раз подчеркивается, фактически мы сталкиваемся с тождеством значения у производящего и производного слов. Это явление, по мнению Т.И. Вендиной, «во многом объясняется давлением языковой системы, а именно существующей в диалектах тенденцией к мотивированности слова» (Вендина 1998: 87).

Некоторые аффиксы в ряде случаев утрачивают эмоциональную окраску (об этом в первую очередь должно свидетельствовать отсутствие в словарной статье разного рода экспрессивных помет). Так, слово *парню́га* (с суффиксом -’*уг*-) в первом значении ‘то же, что *парень 2*’, т.е. ‘молодой мужчина вообще’ (*Вот май парню́ги, уе́дете зна́чить. Холм. + Копаневич* (ПОС 25: 123)) не воспринимается как экспрессивное, имеющее пренебрежительный оттенок (ср. *медведю́га* ‘экспр. → *медведь 1*’ – *в сравн. Здень руба́ху. Хо́диш как медвядю́га гря́зный. Беж.* (ПОС 18: 90)). А прилагательные с суффиксами -*еньк*-/ -*оньк*- в псковских говорах, как отмечают Л.А. Ивашко и О.С. Мжельская, в зависимости от контекста могут иметь разные значения: указывать на усиление качества, сопровождаемое эмоцией ласки, приязни; иметь отрицательную экспрессивную окраску; обозначать уменьшение, смягчение качества; представлять качество без всяких изменений, но с

эмоцией ласки, доброжелательности (Ивашко, Мжельская 1976: 21–22).

Одной из серьезных проблем в изучении словообразования, в том числе диалектного, в рамках семантикоцентрического подхода остается вопрос об описании словообразовательной системы языка с помощью ***словообразовательных категорий***, т.е. совокупностей словообразовательных типов, «объединенных общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения» (Земская 1981: 220). Эта проблема волнует ученых уже давно. О словообразовательных категориях (в основном на материале литературного языка) писали В.В. Виноградов, Е.С. Кубрякова, И.С. Улуханов, Е.А. Земская, Ю.С. Азарх, Р.С. Манучарян, А.А. Зализняк, В.Н. Немченко, Т.В. Шкварцова и др. (Косова 2010). На восьмой Международной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов в 2005 году обсуждались перспективы и методы исследования словообразовательных категорий, что «служит признанием значимости этой единицы языковой системы и вместе с тем подтверждает факт недостаточной разработанности связанных с ней теоретических и практических аспектов дериватологии» (Косова 2010: 206). Наиболее полный опыт описания словообразовательной системы литературного языка в виде словообразовательных категорий мы находим в работе Г.А. Пастушенкова (Пастушенков 2004). Есть и исследования, посвященные словообразовательным категориям в говорах. Так, Л.Н. Новикова изучает словообразовательные категории на материале тверских говоров (например, категории префиксальных глаголов (Новикова 2016)). Нами сделана попытка описания словообразовательных категорий прилагательных в псковских говорах (Белова 2005). Продолжение изучения словообразовательных категорий, на наш взгляд, поможет не только представить словообразовательную систему литературного языка и говоров на более высоком, абстрактном уровне, но и будет способствовать решению лексикографических и

лингвогеографических задач, изучению словообразования в аксиологическом аспекте. Даже в рамках одной словообразовательной категории на основе синонимических рядов можно судить о ценностных ориентирах носителей говоров, о менталитете русского народа, поскольку в народной речи «наблюдается большая степень детализированности и расчленённости одного и того же семантического пространства с помощью словообразовательных средств» (Вендина 1998: 23). Так, в псковских говорах мы можем найти более 20 однокоренных наречий со значением ‘передвигаясь на своих ногах, не на транспорте’, являющихся лексическими и словообразовательными синонимами, которые можно поместить в одну словообразовательную категорию (*пёхом, пе́ша, пешака́, пе́шем, пе́шка, пешка́м, пешкарём, пешко́м, пе́шку, пешкуля́м, пе́шью* и др. (ПОС 26: 102–103, 132–137)). Это показывает, что для диалектоносителя данный признак действия является чрезвычайно актуальным: такой способ передвижения – основной в сельской местности (ср. *Пёхам-та хадить мы привыцны.* Н-Рж. *Двадцать пять и сорак [километров], ета за адин день пяшком!* Вл.). Богатые синонимические ряды словообразовательных дериватов, отражающих жизненно важные для диалектоносителей признаки, обозначающие размер, оценку физического состояния и др., выявляются и в рамках словообразовательной категории ‘усиленная степень качества’; наибольшее количество синонимов – при мотивирующем прилагательном *здоро́вый* (22): *здорове́нный, здорово́тный, здорову́зный, здорове́зный, здорову́нный, здорове́цкий* и др. (ПОС 12: 299–305). Развитость лексико-словообразовательной синонимии говорит о значимости того или иного участка действительности для сельского жителя, свидетельствует о важности определенного предмета, явления, признака, действия и т.п.

Кроме того, наблюдения над ***лексико-словообразовательной синонимией*** могут помочь сделать выбор в отношении мотивации слова. Так, существительное *медвеженёнок* ‘то же, что *медвежонок*’ (ПОС 18: 90) может быть мотивировано как существительным *медвежонок* (с

усечением в производящей основе *-ок*, чередованием *о//е* и добавлением суффикса *-'онок*), так и существительным *медведь* (при этом словообразовательным формантом является суффикс *-енёнок* (*-'онок* с наращением *-ен*), деривация сопровождается чередованием *д//ж*). Учитывая, что сему 'детеныш медведя' имеют несколько однокоренных синонимов (*медвежóнок, медведёнок, медведóк*[1], *медвеженёнок, медвежóныш, медвенёнок*), мотивацию существительного *медвеженёнок* словом *медведь* можно считать более правомерной. Исследование однокоренных синонимов в пределах словообразовательных категорий позволит более полно представить словообразовательную систему говоров и языковую картину мира сельского жителя.

Еще одна проблема изучения диалектного словообразования заключается в том, что в говорах часто встречаются ***специфические словообразовательные форманты***. Иногда трудно определить, является ли, например, данный суффикс специфическим для диалектного словообразования или при словообразовании наблюдаются разные морфонологические явления – наращение, усечение производящей основы и т.д. (ср. *быкáрий* (ПОС 2: 232); *мышéвий* (ПОС 19: 138)). В определенном говоре могут наблюдаться несвойственные другим (или пока не выявленные) специфические диалектные форманты или морфонологические явления. Как верно заметила С.М. Глускина, «во многих словообразовательных моделях в псковских говорах начали устанавливаться иные морфонологические закономерности, чем в литературном языке и в других русских говорах» (Глускина 1979: 122). Сложность определения статуса словообразовательного форманта может повлечь затруднения в отнесении производного слова к тем или иным определенным словообразовательным типам или словообразовательным категориям. А.Г. Антипов при рассмотрении единиц диалектного словообразования в своем исследовании останавливается на понятии «суперморфемы», он утверждает, что «если морфонологическая структура форманта оказывается семантически релевантной, соответствующие формантные

варианты либо уже функционируют в качестве самостоятельных средств номинативной деривации, либо ещё представляют собой переходные единицы, стоящие на грани формирования самостоятельных аффиксов» (Антипов 2012: 180). По отношению к диалектной системе целесообразнее говорить о самостоятельных формантах, а не о морфах или вариантах одного какого-то форманта, тем более что в ряде случаев обнаруживаются наращения, несвойственные литературному языку; ударение иногда падает то на наращение, то на «ядерный» суффикс. Выделяя специфические форманты, можно более эффективно проследить за словообразовательной синонимией, выявить специфику словообразовательных единиц в говорах по сравнению с единицами других языковых систем.

Итак, мы рассмотрели только некоторые проблемные вопросы, связанные с изучением диалектного словообразования. Однако можно сделать вывод о том, что необходим именно комплексный (структурно-семантический) подход к выяснению словообразовательных явлений, что в свою очередь поможет верно определять словообразовательные значения аффиксов, находить специфические диалектные форманты, выявлять словообразовательную мотивацию слова, представлять словообразовательную систему с помощью описания не только словообразовательных типов, но и словообразовательных категорий.

Литература

1. Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). Томск: Томск. гос. ун-т, 2001. 188 с.
2. Антипов А.Г. Суперморфемные форманты и их роль в диалектном словообразовании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 177–180. // URL: https://cyberleninka.ru/article/v/supermorfemnye-formanty-i-ih-rol-v-dialektnom-slovoobrazovanii
3. Белова Т.В. Прилагательные в языке и речи (деривация прилагательных в народной речи как результат структурно-семантических отношений слов): Дис. … канд. филол. наук. Псков, 2005. [Рукопись].

4. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
5. Гарник Ю.И. Слова на *-ин(а)* в народной речи (комплексное изучение на материале псковских говоров): Дис. … канд. филол. наук. Псков, 2000.
6. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над псковскими говорами // Псковские говоры: Сборник научных трудов. Л.: ЛГПИ, 1979. С. 113–125.
7. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. С. 133–239.
8. Ивашко Л.А., Мжельская О.С. Из словообразования имен прилагательных в псковских говорах // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск: Петрозаводск. гос. ун-т, 1976. С. 21–29.
9. Косова В.А. Словообразовательная категория: формирование понятия и основные направления исследования // Ученые записки Казанского университета, 2010. Серия: Гуманитарные науки. Том 152, кн. 6. С. 199–212. // URL: C:/Users/Администратор/Downloads/slovoobrazovatelnaya-kategoriya-formirovanie-ponyatiya-i-osnovnye-napravleniya-issledovaniya.pdf
10. Новикова Л.Н. Глагольные словообразовательные категории в тверских говорах // Вестник ТвГУ, 2016. Серия: Филология (3). С. 147–152. // URL: http://eprints.tversu.ru/6183/1/147-152%20Novikova.pdf
11. Новикова Л.Н. Специфика словообразования диалектных наречий // Вестник ТвГУ, 2007. Серия: Филология (8). С. 92–96. // URL: http://eprints.tversu.ru/1493/
12. Пастушенков Г.А. Современный русский язык. Структура слова. Морфемика. Формообразование. Словообразование. Тверь: ТвГУ, 2003. 220 с.

УДК 811.161.1’282.2(470.317)::582.28+81’373.6

Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова
(Екатеринбург, Россия, berezovich@yandex.ru, surok62@mail.ru)

К этимологии костромских миконимов

В статье производится этимологическая интерпретация ранее не фиксировавшихся в словарях русских диалектных названий грибов, записанных сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского университета в Шарьинском районе Костромской области в 2013–2016 гг.: *ку́рзы́-му́рзы́* ‘грибы строчки’, ‘грибы сморчки’; *вахла́к*, *макла́к*, *токма́к*, *ту́кманка*, *урю́па* и др. ‘гриб валуй’. У анализируемых слов «грибное» значение не является единственным, поэтому этимологии предлагаются с учетом разведения омонимов и выстраивания семантико-мотивационных цепочек.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, миконимия, этимология, семантико-мотивационная реконструкция, номинативная модель.

E. L. Berezovich, O. D. Surikova

On the Etymology of Mushroom and Fungus Names (Mykonyms) in the Кostroma Region

The article refers to an etymological interpretation of Russian dialectal names of mushrooms and fungus, which have not been earlier recorded in dictionaries. These names were collected by the researchers of the Ural Federal University Toponymic Expedition in the Sharya district of the Kostroma region in 2013–2016: *kúrsý-múrzý* ‘saddle fungus’, ‘morel’; *vakhlák*, *maklák, tokmák, túkmanka, uryúpa*, etc., ‘mushroom Agaricus emeticus’. The meaning of “mushroom” is not the only word to be analyzed, so the etymologies take into account homonyms, semantic and motivational lines.

Key words: Russian dialect lexis, mushroom and fungus names (mykonyms), etymology, semantic and motivational reconstruction, nominative model.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

В статье с этимологической и семантико-мотивационной точек зрения рассматриваются названия грибов, записанные сотрудниками Топонимической экспедиции (ТЭ) Уральского университета на территории Шарьинского района Костромской области в 2013–2016 гг. Эти миконимы не анализировались в этимологической литературе, а бо́льшая часть из них не была зафиксирована ранее диалектными словарями. У слов, выбранных для анализа, «грибное» значение не является единственным, поэтому этимологизация предполагает и выстраивание иерархии значений (или разведение омонимов).

КУРЗЫ-МУРЗЫ

Парное слово ***ку́рзы-му́рзы*** (чаще), ***курзы́-мурзы́*** (реже) обозначает первые весенние грибы: «По увалам я по курзы-мурзы ходила. Сморчки как ёлочкой, а курзы-мурзы круглыё. Их промывать хорошо надо, в их грязь попадаёт» (Завьялиха)[1]; «Сморчки есь и курзы-мурзы, первые грибы» (Берзиха); «Сморчки и строчки у нас растут, самые первые грибы, их кто сморчки, кто строчки, кто как хочет, тот так и называет. Их ещё курзы-мурзы называют» (Майтиха); «Курзы-мурзы, они растут весной, их надо отваривать, они съедобные, но я по ним не хаживала» (Столбецкое); «Грибы такие весной, как снег сойдет, их и сморчками зовут, и курзы-мурзы. Как колобушка пухлая, вот такая неровная. Как вот кулак – вишь, пальцы-то расходятся, неровноё такое, зовём курзы-мурзы» (Плосково); «Курзы-мурзы, они весной растут, вперёд всех грибов, они не как гриб, они сжатые, скомканные, по их не ходят, я вот не бывала ни разу, сморчки их называют ещё» (Плосково). Как видно из контекстов, речь идет о строчках (чаще) или сморчках (реже), а иногда о тех и других грибах вместе. Это слово устойчиво

[1] Здесь и далее полевые материалы (контексты) по Шарьинскому району Костромской области, извлеченные из (ЛКТЭ), приводятся без указания на источник.

фиксируется в говорах южной части Шарьинского района, при этом оно не отмечено, кажется, диалектными словарями. Единично записаны также формы *курзы́* и *курзо́вник* (являющиеся, по всей видимости, вторичными по отношению к *курзам-мурзам*): «За курзами ходил я, принес курзов» (Сергеево); «Курзовник – гриб такой бороздочками. Его жарят. Он бывает с самой весны. Отваривать их надо» (Быниха).

Лексема *курзы-мурзы* многозначна. При ответе на вопрос, что она означает, информанты первым приводили «грибное» значение. Если же следовал вопрос, что еще можно назвать таким словом, то появлялись другие значения, которые можно разделить на две группы.

Первая группа – предметные значения: ‘об остатках пищи’: «Воде, вот это надо есть, эти вот курзы-мурзы» (Плосково); ‘о чем-то бесформенном, запутанном, неудачном (обычно о неудачной стряпне или шитье)’: «Ну, какие курзы-мурзы, неровно чего-то, как курзы-мурзы, грибы-ти, карамулинами <зигзагами>» (Плосково); «Ну, навышивала какие-то курзы-мурзы» (Завьялиха); «Какие курзы-мурзы наделала, хоть и вышивка, хоть и стряпня. Настряпала чего-то такое неровное» (Берзиха).

Вторая группа – характеристики человека: ‘о неряшливом, нескладном человеке’: «Курзы-мурзы есть, их надо долго отваривать. Первые грибы они. Их иначе строчки называют. Нынче ходили за ними. Можно человека обозвать *курза-мурза*. Гриб неприглядный – и человек неприглядный, неряшливый, несимпатичный» (Берзиха); ‘об инородцах, пришельцах’: «Ну, скажут, пришли какие-то курзы-мурзы! Кто они – никто не знает. Не наши, не местные, не русские» (Берзиха).

Последнее значение дает нам в руки ту ниточку, которая позволяет размотать получившийся клубок. Она ведет к парному слову *курзы́-мурзы́*, которое не отмечено в (СРНГ), но фигурирует в текстах печорских былин. Так, в былине «Исцеление Ильи Муромца» (БП 1: 282–287, № 43) неоднократно упоминаются *курзы́-мурзы́* – слуги князя Владимира, которые клевещут ему на Илью Муромца,

выкапывают ему (по приказанию князя) яму, а затем, когда над Киевом нависла опасность, откапывают его: «Богатыри-то спят, а *курзы́-мурзы́* городовые стали князю сказывать: “Старой шибко хвастат <…>” Владимир-князь приказал: “*Курзы́-мурзы́*, копайте яму <…> и посадите старого Илью Муромца в эту яму со всем с конём”»; «Ну, вот князь и приказывал: “*Курзы́-мурзы́*, идите откапывайте Илью Муромца и ведите ко мне на лицё, буде живой”. Вот эти *курзы́-мурзы́* кланяютца: “Просит тебя солнышко Владимир-князь, тебя на почестен пир”» (Там же: строки 180, 184–185, 195–196, 200–201).

В другом варианте этой же былины (БП 1: 269–276, № 41) встречается форма *турзы-урзы*, которая означает врагов Ильи, стоящих на заставе у Соловья-Рахматовича: «Кабы были у его ведь сильни заставы: Кабы первая застава – станичники, А другая кабы застава – граничники, Кабы третья была застава – *турзы-урзы*, Как *турзы* эте *урзы* ёне проклятыя»; «Приежжаёт как к посленьнёй ноньце заставы, Тут стоели как на заставы *турзы-урзы*, Как *турзы* ле *урзы*, Богом проклятыя» (БП 1: 271, 272).

В архангельской былине «Васька-пьяница и Кудреванко-царь» (АБИП I/1–2: 317–324) есть *турзы-мурзы*. Они тоже выступают в ряду обозначений чужеземных врагов – «недифференцированных» *панов, татар* и пр.: «Уж вы ой еси, панове-уланове, Все *турзы-мурзы*, тотаришша поганые! Ишша кто из вас бывал да на светой Руси?»; «Здрастуйте, панове-уланове, Все *турзы-мурзы*, тотаришша поганые! Я веть как еду к вам в помощ[н]ицьки!» и др. (Там же: 319, 323).

Наконец, в былинах Печоры и Зимнего берега Белого моря встречаются *косы́-мурзы*: «Вы *косы-мурзы*, вам сказано было, что моя смерть вам страшна будет» (СРНГ 15: 92), а также *ю́рзы-му́рзы*: «Заскоцил царь Соломенной на добра коня, Брал тут да саблю острую, Нацал *ю́рзов-му́рзов* всех покашивать, Куда махнет, туды – улоцка, Поворотитца – туды переулочек»; «Повезли царя Соломона во чисто поле казнить, Говорит царь Соломенной таковы слова: Уж и што, братцы, за чудо, за диковина – Одно колесо катитце, а друго не оставатце. Вы

ю́рзы-му́рзы да вся поганыи, Вы татары все да кособрюхии» (КСРНГ).

Указанные былинные парные слова (хоть и не во всех приведенных выше формах и контекстах) анализировал Ф. Р. Минлос, предположивший, что «источником этого наименования послужило тюркское слово *murza* ‘сын князя, дворянин’, которое достраивалось до рифмованного сочетания с помощью разных элементов – реже семантически прозрачных, как *косы*, а чаще вроде бы ничего не значащих, как *турзы*, *курзы*, *юрзы*» (Минлос 2005: 103). Думается, такое предположение справедливо.

Интересно, что изучаемые лексемы, реализующие характерную для фольклора модель образования парных слов (Минлос 2005), «шагнули» из былинных текстов в стихию русской речи второй половины XX – начала XXI в. (хотя и не фиксируются словарями). Очевидно, «возрождению» своему эти слова отчасти обязаны такому «ретранслятору», как популярный фильм-киносказка «Илья-Муромец» (1956), в котором Калин-царь обращается к своим приспешникам: «*Турзы мои! Мурзы мои!* По всем дорогам искать, все собрать! До самых до ворот до Киевских!» Аллюзию к этому тексту можно встретить, например, в книге Джона Шемякина «Дикий барин»: «Смотрим на репродукцию васнецовских “Богатырей”. Что может сказать русский человек об этой картине? Мощь там, удаль, гроза, ай, *урзы* мои, ай, *мурзы* мои, буду Кыев-город жечь-губить, вот тебе, Калин-царь, от Илюшеньки гостинчик, все на стены, кто с мечом и пр.»[1]. Запрос «турзы-мурзы» в поисковой системе «Яндекс» показывает, что так могут называться и домашние животные. Например, одна из пользовательниц интернета пишет о том, что назвала котенка *Турза-Мурза* (http://pukekimax.livejournal.com/14957.html), другая сочиняет стихи о котах: «Турзы мои, Мурзы мои, Пушистые и пестрые,

---

[1] Ср. и такой публицистический текст: «Однозначно, что УК ЖКС – это Калин-царь, а мы его *турзы-мурзы*. Вспоминается эпизод, когда на горе золота и серебра сидит Калин-царь и говорит: “Мало золота, мало серебра”, а его воины, *турзы-мурзы*, идут и кидают, кидают свои деньги» (https://www.hibiny.com/news/archive/11297).

Мне душу греют зимами И вдохновляют веснами» (http://fabulae.ru/poems_b.php?id=43856). Вероятно, здесь стимулом для «раскрутки» устойчивой формулы стал компонент *мурз-*, который отсылает к популярной кличке котенка *Мурзик*.

Но как все это связано с названиями грибов? Известна модель, в соответствии с которой в основу миконимов кладутся обозначения инородцев, см. примеры из русских и инославянских диалектов, приведенные в (Березович 2007: 435): рус. ср.-урал. *татарик* ‘несъедобный гриб’, тамб. *чужак* ‘то же’, иван. *цыганский табак*, *цыганская пудра* ‘гриб-дождевик’, арх. *цыганский дым*, влг. *цыганский табак* ‘то же’, одесск. *цыганские грибы* ‘ядовитые грибы’, укр. *жидки́* ‘гриб Agaricus vernalis’, чеш. *žid* ‘несъедобный гриб вообще, поганка’, слвц. *ňетес* ‘название некоторых видов несъедобных грибов, в т. ч. ядовитый гриб Boletus Satanus’. Этот ряд можно дополнить: чеш. *cikán, němeček, kozak* ‘гриб Boletus rufus’ (ALJ), польск. *żydówka* ‘гриб Agaricus (Psalliota) campester L., считавшийся несъедобным’, *panek, panicz, polak, mazur*, *ulan* ‘Leccinum aurantiacum (Bullex)’ (Marczyk 2003: 85, 132), *cygan, cyganki* ‘Craterellus cornucopioides’ (SGP IV/3: 576, 580), *moskalik* ‘подосиновик, Leccinum rufum’ (Тугра 2011: 109), блр. *маскаль* ‘то же’ (ЭСБМ 6: 246), серб. *турчин, козак* ‘то же’ (Симоновић 1959: 73), блр. *паніч* ‘то же’ (РасС: 277) и др. О связи наименований грибов с образами инородцев пишет также О. В. Белова (1995: 549). В большинстве представленных примеров речь идет о несъедобных или малоценных грибах, что соответствует логике ксенонимической номинации (Березович 2007: 404–466). В случае же с наименованием подосиновика, очевидно, актуализируется образ инородческого солдата в красном головном уборе, который вписывается в известный сюжет «войны грибов», ср. поговорку «Это было при царе Горохе, когда грибы воевали» (об этом сюжете см.: Белова 1995: 550)[1].

[1] В числе наименований грибов, имеющих «воинственные» ассоциации, следует привести также влг. *солда́това беля́нка* ‘гриб

Курзы-мурзы, таким образом, пополняют ряд «инородческих» наименований грибов. На возникновение этого образа работают такие признаки реалии, как малоценность этих грибов (вызывающая экспрессию наименований), их «неожиданное» появление весной во множестве, темный цвет и способность впитывать грязь (ср. приведенный выше контекст: «Их промывать хорошо надо, в их грязь попадаёт»)[1]. Последний признак, вероятно, обусловливает притяжение второго компонента пары *курзы-мурзы* к гетерогенным диалектным словам, родственным просторечному *замурзанный*: моск., яросл., тул., зап.-брян., пск., смол., рост. *му́рза* и *мурза́* 'грязный, неопрятный человек; о человеке, чем-либо запачкавшемся', свердл., рост. *му́рзаться* 'пачкаться' (СРНГ 18: 354–355), костр. *му́рзиться* 'то же' (ЛКТЭ) и др.[2]

Что касается дальнейшего развития семантики ('о чем-то комковатом, бесформенном, неудачном', 'об остатках пищи'), то здесь значим как внеязыковой фактор (представления о неровной поверхности грибов), так и собственно языковой: экспрессия сочетания *курзы-мурзы*[3]. Возможно, сыграли свою роль и ассоциации со словами типа простореч. *кургузый*, влг. *курзова́тый* 'неуклюжий, неловкий (о человеке)' (СВГ 4: 48).

(какой?)': «Солдатова белянка – гриб такой, с о ш т ы к о м наверху, так много растёт у нас» (КСГРС).

[1] Эта способность во многом связана с неровной, «морщинистой» поверхностью гриба, ср. влг. *морхи́, морхова́тики, моршова́тики* 'грибы сморчки' (КСГРС), твер. *морщаки́* 'общее название для сморчков и строчков' (ТСГТО 5: 36).

[2] Относительно происхождения этих слов высказывают разные мнения: некоторые исследователи считают их балтизмами (ср. лит. *mùrza*, лтш. *mur̃za* 'грязный человек') (ЭСБМ 7: 96–97), другие возводят к польск. *murzać, murzyć* 'пачкать, чернить', далее – к *murzyn* 'человек черной расы, негр' (Меркулова 1971: 80) etc.

[3] Об экспрессивности парных слов (рифмованных повторов) см. также (Матвеева 2013; Никулина 1976: 77). Лишним аргументом в пользу такой экспрессии служат сочетания, созвучные *курзам-мурзам*: ср., к примеру, рус. костр. *курлы́-мурлы́* 'кочковатое место' (ЛКТЭ), укр. *курзу́(ю́)-верзу́(ю́)* 'чепуха, бессмысленная болтовня' (СУМ 2: 239) и др.

ВАХЛАК, МАКЛАК, ТОКМАК, ТУКМАНКА И ДРУГИЕ НАЗВАНИЯ ВАЛУЯ

Все приведенные в заголовке слова имеют несколько значений и в одном из них называют гриб валуй. Такая их семантика фактически уникальна для говоров Шарьинского района: по нашим данным, «грибные» значения почти не фиксируются у этих лексем (или однокоренных им) на других территориях. В доступных нам диалектных словарях удалось обнаружить только следующие близкие случаи: костр. (Чухломской район) *вахлу́й* ‘пластинчатый гриб для засолки, валуй’ (Ганцовская 2015: 44), яросл. *вахлу́йки* ‘грибы (какие?)’ (ЯОС 2: 50), ленингр. *вахля́к* ‘червивый гриб’ (СРГК 1: 165) и, возможно, ленингр. *маклы́шка* ‘шляпка гриба’ (СРГК 3: 188).

Слова *вахла́к*, *макла́к*, *токма́к* и *ту́кманка* (также *ту́кменка*, *ту́кманица*) объединены не только общим значением и волей авторов статьи, но и номинативной моделью, в рамках которой появились названия валуя: «нечто круглое, выпуклое, “вспухшее” → гриб». Прежде чем подробнее проанализировать происхождение каждого из этих миконимов, укажем, что данная модель активно привлекается для производства «грибной» лексики: в ее рамках созданы такие наименования, как арх. *бо́бка* ‘гриб-дождевик’ (АОС 2: 38), влг. *бобы́к* ‘гриб подберезовик’ (СГРС 1: 125) (< **bobъ* ‘нечто круглое’), влг. *була́ч* ‘гриб-дождевик’ (Там же: 211) (< **bula* ‘шишка, набалдашник’), арх. *колобо́к* ‘гриб моховик’ (СГРС 5: 249), арх. *яйцо́* ‘гриб дождевик’ (АОС 11: 268), арх. *пузы́рь* ‘то же’ (КСГРС), арх. *карава́й* ‘белый гриб’ (СГРС 5: 66), без указ. м. *оклу́б* (< *клуб* ‘шар, нечто округлое’) (Меркулова 1967: 188) и др. (подробней об этой модели см.: Великова 2006: 18–19). Модель «нечто круглое → гриб» особенно подходит для воплощения представлений о таких грибах, как дождевики или валуи. Последние имеют шаровидную / куполовидную шляпку (которая при старении раскрывается), ср., к примеру, названия валуя, образованные от **kul-* ‘гнуть’: иван., арх., влг., костр. *кула́к* ‘гриб валуй’ – «Шляпка у него как кулак, вот и зовётся кулаком он» (костр.), «Быканы-ти кругленьки таки очень, пока маленькие ещё, потому и назвали кулак, потом

раскручивается в большой» (костр.) (СРНГ 16: 52; СГРС 6: 243; ЛКТЭ); свердл., перм. *ку́льбик* ‘гриб валуй’ – «Кульбик колды маленький, края у него кульбиком, а колды вырастет, края расправляются» (перм.) (СРНГ 16: 73; ДЭИС).

Обсуждаемая модель «в чистом виде» реализуется в костр. ***вахла́к*** ‘гриб валуй’ – «Гриб вахлачком растёт, а потом большой распустится. Поэтому и вахлак» (Плосково). *Вахлаками* (*вахлышами*, *вахлышками* и пр.) называются шишки, опухоли, бугорки на теле человека, наросты на деревьях, дождевые пузыри и т. д.; А. Е. Аникин связывает такие наименования с гнездом глагола *вихлять*, приводя в качестве внутригнездовых параллелей обозначения разного рода искривлений: костр. *вихлева́тый* ‘искривленный, коряжистый (о деревьях)’, влг. *вихля́* ‘дерево с кривым, изогнутым стволом’ и др. (Аникин РЭС 6: 128). Тот же признак «шишкообразности» лежит в основании названия из родственного разряда фитонимов: костр. *вахлаки́*, без указ. м. *вахла́чка* ‘морошка’ (ЛКТЭ; Даль I: 168), причем связь «наименования валуя – обозначения морошки» имеет системный характер.

Так, наряду с костр. ***макла́к*** ‘гриб валуй’ (ЛКТЭ) фиксируется костр. *маклаки́* ‘желтая морошка’ (Ганцовская 2015: 203), костр. *моклаки́* ‘морошка приземистая’ (СРНГ 18: 207), костр. *мохлаки́*, *мухлаки́* ‘ягоды морошки’ (ЛКТЭ), яросл. *маклаки́*, *мохлаки́*, *махлаки́* ‘то же’ (ЯОС 6: 63), костр. *махлаки́* ‘то же’ (СРНГ 18: 47–48). Отношение последнего к *вахлаки́* ‘морошка’ признается неясным (Аникин РЭС 6: 130). Говоря о неясности, А. Е. Аникин, видимо, допускает возможную вторичность анлаута (*м* < *в*), как и в случае с омонимичными формами, являющимися характеристиками человека: кемер. *махла́к* ‘неуч’ < простореч. *вахла́к* ‘неповоротливый, нерасторопный, глуповатый человек’ (Там же: 129). Ту же связь видят для блр. диал. *маклак* ‘толстый ребенок’, ‘неряшливый человек’, ‘неуклюжий человек’ и *вахлак* авторы (ЭСБМ 6: 173). Однако в отношении названия ягоды и гриба это предположение недостаточно убедительно: гнездо **макл-*/*мокл-* имеет более разнообразную в семантическом и словообразовательном отношении структуру, чем гнездо **вахл-*, и вряд ли является

производным от последнего. Чтобы объяснить, что мы имеем в виду, приведем перечень ключевых для этих гнезд обобщенных «предметных» значений (не учитывая характеристики человека):

*__*макл-/мокл-*__ (*макла́к, махла́к, мокла́к, макла́шка, макла́жка, маклы́га* и т. д.): ‘кусок мяса’, ‘выпирающие сустав, кость’, ‘деревянная колотушка; пест; молоток’, ‘оплеуха, подзатыльник’, ‘ягода’, ‘гриб’ (подробнее см.: СРНГ 17: 310–311; 18: 47, 207), а также ‘голова’ (СРГМ 1: 514), ‘круглое, выпуклое утолщение на конце чего-л., набалдашник’, ‘шишка, комок’, ‘пучок волос на голове’ (ЛКТЭ);

*__*вахл-*__ (*вахла́к, вахля́й, вахлы́ш* и т. д.): ‘шишка, опухоль’, ‘нарост’, ‘водяной пузырь’, ‘ягода’, ‘гриб’ (подробнее см.: СРНГ 4: 73–75).

Можно предложить другое объяснение для слова *маклак* (и др.), обозначающего валуй и морошку: оно появилось независимо от *вахлака* и связано с общенар. *макло́к* ‘выступающий вперед и в сторону бугор крыла подвздошной кости (обычно у лошади)’ (БАС VI: 513), костр., тамб., ленингр., зап. *макло́к* ‘мосол, выступающая кость’ (СРНГ 17: 311); сюда же, очевидно, относятся костр. *маклы́га, маклы́шечка* ‘круглое, выпуклое утолщение на конце чего-л., набалдашник’, костр. *маклы́жка* ‘шишка на лбу’, ‘комочек; бомбошка, помпон’ (ЛКТЭ). В этом случае перед нами вновь воплощение модели «нечто круглое, вспухшее, выступающее → гриб / ягода». Если иметь в виду более частный переход «сустав / кость → гриб / ягода», то нужно упомянуть и другие случаи его реализации: влг. *култы́шки* ‘костяшки пальцев’ (КСГРС) и костр. *култы́шка* ‘гриб валуй’ (ЛКТЭ); иван., арх., влг., костр. *кула́к* ‘гриб валуй’ (СРНГ 16: 52; СГРС 6: 243; ЛКТЭ); костр. *хо́лочка* ‘о грибе валуе’ – «Устюшки крепеньки, кругленьки, выпирают из земли, как холочки» – и костр. *хо́лка, хо́лочка* ‘выступающий сустав на запястье или щиколотке’ (ЛКТЭ).

В свою очередь, *макло́к*, а также *мокла́к, мокло́к* ‘мосол; торчащая от худобы кость’ и т. д. считаются темными словами (Фасмер II: 640). Они не включаются в (ЭССЯ), т. е. признаются новообразованиями. Учитывая семантический спектр

однокоренных им лексем, в котором представлены обозначения чего-то выпирающего, выступающего, округлого, часто являющегося вершиной (ср. ‘голова’, ‘круглое, выпуклое утолщение на конце чего-л., набалдашник’), допустим, что они продолжают праслав. **makъ*, рус. *мак* ‘мак; семена этого растения’. Ср. другие континуанты этого гнезда: рус. общенар. *макушка* ‘верхняя оконечность, вершина чего-н.’, ‘верхняя часть головы’, *маковка* ‘купол церкви’, пск. *мáковка, мáколка, мáкалка* ‘верхняя оконечность, вершина чего-л.’ (ПОС 17: 336, 339) и под. Если принимать эту версию, то у слова *маклак* (а также *маклыга* и проч.) следует выделить именной суффикс *-л-* (*-*ъl*-). Структурно-семантическими параллелями в этом случае выступают слова с суффиксом *-ul-/-ъl-* из гнезда **bobulь*, **bobul'a*, **bobъl'a* (< **boba*, **bobъ* ‘боб’), которые в разных славянских языках имеют значения ‘ягода’, ‘маленький круглый камешек’, ‘плоды, клубни картофеля’, ‘клецки’ (ЭССЯ 2: 147).

Вернемся к обсуждаемым миконимам. Модель «нечто круглое, выпуклое, выступающее → гриб / ягода» связывает и другие обозначения валуя и морошки (а также сходной с ней княженики), записанные сотрудниками ТЭ в Шарьинском районе: ***токмáк*** ‘гриб валуй’ и ‘лесная ягода красно-бурого цвета, похожая на малину, но растущая низко, княженика’. Однако в данном случае семантический переход имеет дополнительные ступени. Дело в том, что «базовые» денотаты слова *токмак* (< тур., чагат., тар. *tokmak* ‘деревянный молоток, колотушка’ – Фасмер IV: 70) – разнообразные хозяйственные инструменты – молотки, песты, колотушки, ср. *токмáк* костр., перм. ‘молот, которым били печь’, костр., киров. ‘деревянный пест’ (ЛКТЭ; СРНГ 44: 177) и др. В результате смыслового переноса *токмаком* называется не только бьющий инструмент, но и сам удар (костр. *токмáк* ‘удар, «тумак»’ (ЛКТЭ), перм. *токмакá дать, надавать токмакóв* ‘ударить кулаком (по голове)’ – СРНГ 44: 177), а также, условно говоря, «последствия» этого удара – нечто, имеющее форму шишки,

опухоли, – грибы и ягоды (последние обладают также сходством с самим орудием)[1].

«Ударная» метафора («шишка от удара, “ударный” инструмент → гриб валуй») реализуется, кажется, и в шарьинских миконимах ***ту́кманица***, ***ту́кманка***, ***ту́кменка*** ‘гриб валуй’, образованных от костр. *тю́кманка*, *ту́кманка, тю́кменка* ‘удар, «тумак», оплеуха’ (ЛКТЭ). Для вят. *тукма́нка* ‘тумак, удар кулаком’ предполагается производность от звукоподражательного *ту́кать* ‘бить, стучать’ (Фасмер IV: 116, 117)[2].

О продуктивности этой семантико-мотивационной модели в производстве миконимов свидетельствует еще такой факт, как костр. *толка́ч*, моск. *толка́чик* ‘гриб валуй’ – «Валуй обыкновенный, он толкачиком растет, края нависшие на корень, выпуклый он, толкачиком» (моск.) (ЛКТЭ; СРНГ 44: 188). Ср. ряз., курск., пск., твер. *толкачи́* ‘колотушки, тумаки’ (СРНГ 44: 187), диал. *толка́ч* ‘приспособление для тромбования почвы,

---

[1] Сюда же, вероятно, следует отнести кулинарную лексику: перм. *токма́к* ‘сдобный каравай из гороховой муки, испеченный в глиняной посуде’, вят. *токмачи́* ‘род клецек, лепешек, сваренных в воде, похлебке’ (СРНГ 44: 177) и под.

[2] Ср. там же: «едва ли контаминировано с *токма́ч*, вопреки Преображенскому». Знакомство с диалектными словами на *ток-, тук-*, *тюк-*, имеющими сходное суффиксальное оформление и близкую семантику, позволяет поддержать версию А. Г. Преображенского: непросто определить точный этимон (*тукать* или тюркское заимствование?) для *тукма́к* морд. ‘пест’, казаки-некрас. ‘молоток, колотушка’, р. Урал ‘высокий цветной верх казачьей шапки’, *тукма́ч* сарат. ‘удар кулаком, тумак’, петерб., пск. ‘пест’, новг. *ту́кманка* ‘битье, избиение’ (СРНГ 45: 227–228) и под., которые встречаются наряду с перм. *токма́к* ‘деревянный пест’, яросл. *то́кма́ч* ‘деревянный молоток для битья глины’ (СРНГ 44: 177) и др. Мысль о контаминации элементов гнезд (или даже простом чередовании лабиализованных *о* и *у*) подкрепляется также их совпадающими вторичными значениями: вят., киров., енис. *тукмачи́* ‘кушанье вроде лапши или клецок из ржаного теста с горохом’ (СРНГ 45: 228), вят. *токмачи́* ‘род клецек, лепешек, сваренных в воде, похлебке’, перм. *токма́к* ‘сдобный каравай из гороховой муки, испеченный в глиняной посуде’ (СРНГ 44: 177).

земли’, *толка́чик, толка́чка, толка́шка* ‘пест для толчения, дробления чего-л.’ и т. д. (Там же) < *толкать, толочь*.

Нет сомнений в том, что востребованность метафоры «шишка → гриб валуй» основана на выделении номинатором отличительного физического признака этого гриба – его шарообразной шляпки. Однако наблюдения над бытованием миконимов *вахла́к, макла́к, токма́к* и *ту́кманка* показывают, что, называя валуй этими экспрессивными словами, диалектоноситель учитывает и другой его важный признак – н е в ы с о к у ю п и щ е в у ю ц е н н о с т ь. Этот гриб годится только в засолку, и его нужно долго вымачивать, ср. костр. *квашёнка* ‘гриб валуй’, записанное сотрудниками ТЭ в Шарьинском и Солигаличском районах. Кроме того, валуй, растущий в тенистых, влажных местах, – гриб скользкий, «сопливый». Вероятно, эти его свойства отражены в очередном шарьинском наименовании гриба – *ду́доловка*, для которого можно предположить производность от диал. *дудо́лить* ‘пить неотрывно, много’ (СРНГ 8: 249–250). Этот скользкий гриб «неопрятен», он «цепляет» на себя грязь и лесной сор, ср. такие наименования, как морд. (рус.) *слизня́к* ‘гриб валуй’ (СРГМ 2: 1178), арх. *сопля́тик* ‘гриб со шляпкой, покрытой слизью’ (КСГРС).

Вероятно, признак «неопрятности» и «плаксивости» валуя воплощен также в костр. *урю́па* ‘гриб валуй’ (ЛКТЭ), которое, видимо, связано с *рю́па* (карел. ‘грязнуля’), *рюпа́н* (ворон. ‘плакса, рева’) (СРНГ 35: 327); последние можно сравнить с *рюма* (ряз., влад., нижегор., симб. ‘плакса, рева’), *рюмы* (дон., ряз., яросл., моск., симб. ‘слезы, плач’) (Там же: 326), производные от *рюмить* ‘плакать’ (глагол звукоподражательного происхождения, см.: Фасмер III: 533)[1]. Показательна номинативная параллель: без указ. м. *гриб-плаку́н* ‘гриб валуй’ (https://ru.wikipedia.org/wiki/Валуй).

Учитывая такие особенности валуя, нередко при наличии других (более ценных) грибов им пренебрегают: костр.

---

[1] Для *урюпа* < *рюпа* находим словообразовательную аналогию: смол. *урю́ма* ‘об упрямом, непослушном ребенке’ (СРНГ 48: 26) < *рюма*.

«А урюпы и не берем, на кой их, сопливых»; «Кулаки-то мы не берем» (Ганцовская 2015: 395, 181); «Марюхи <валуи> тоже собираем. Их отваривают и солят. Только я их не беру, не люблю их» (Одоевское). Ср. также контекст, зафиксированный сотрудниками ТЭ в Павинском районе Костромской области (соседнем с Шарьинским); «Если хорошие грибы есь, устюшки <валуи> не будут брать, их мочить надо» (Шайменский).

Подобное отношение к валую обеспечивает особую окраску его названий: носители народной культуры стремятся обозначить этот гриб с помощью негативно коннотированных слов, «украсить» номинации экспрессивными суффиксами – или приходят к переосмыслению «нейтральных» названий, базирующихся на реальных свойствах валуя, которые не вызывают отторжения. Последний процесс затрагивает и разбираемые нами лексемы: слова *вахла́к*, *макла́к* и *ту́кманка* не только называют гриб валуй по «безоценочному» признаку его шарообразной шляпки, но и обладают характерологической семантикой – являются негативными обозначениями человека, ср. простореч. ***вахла́к*** ‘несообразительный, неповоротливый человек’; костр. ***макла́к*** ‘плохой, злой человек’ (ЛКТЭ), ‘жадный человек’, ‘плут, обманщик’ (Ганцовская 2015: 203); костр. ***ту́кманка*** ‘бестолковый человек’ – «Она как тукманка, не знает, куда идёт» (Печенкино). Значения, характеризующие человека, появились у этих слов независимо от «грибных»[1], однако, по всей видимости, в сознании диалектоносителей они соединяются друг с другом: оценочный шлейф негативной характеристики человека «привязывается» к изначально нейтральной номинации валуя, и этому особенно способствует

[1] Не вдаваясь в подробности, отметим только, что в случае с *тукманкой* негативная семантика появляется за счет импульса, идущего от этимона, общего для «грибных» и «антропологических» номинаций («шишка» – номинативный признак для значения ‘гриб’; «стучать, колотить» – для значения ‘бестолковый человек’); то же касается слова *вахлак* (подробно см.: Аникин РЭС 6: 128–130). «Антропологическая» семантика слова *маклак* развивается в пределах другого этимологического гнезда (< *маклак* ‘перекупщик, маклер, плут’ < нов.-в.-н. *Makler* – Фасмер II: 561).

малоценность этого гриба. Таким образом, негативное «вливание» в формирование отрицательного образа валуя происходит с двух сторон – из его реальных непривлекательных физических свойств и со стороны омонимичного пейоратива. Ср. контекст, совмещающий эти два типа значений и доказывающий их взаимное «подкрепление»: «Мужик он – вахлак неутяненный <неуклюжий>. Гриб вахлачком растёт, а потом большой распустится, поэтому и вахлак» (Плосково).

В заключение скажем, что это взаимовлияние изначально не связанных (возникших автономно) смыслов поддерживается активностью номинативной модели «человек (в том числе имя человека) → гриб» (распространенной благодаря известному антропоморфизму грибов). Данная метафора описывалась в литературе (см.: Топоров 1979; Меркулова 1967 и др.), и здесь мы приведем только некоторые случаи ее реализации на примере названий валуя в костромских говорах: *обалду́й* – «Обалдуи у нас еще растут, да я их не люблю: горькие они» (Ганцовская 2015: 241), *холу́й*, *ма́рьюшка*, *марю́ха*, *аку́ля*, *аку́лька*, *оку́ля*, *устю́шка*, *устю́ха*, *ду́нюшка* (ЛКТЭ).

Сокращения

АБИП – Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. СПб.: Тропа Троянова, 2002–2003. (Полное собрание русских былин. Т. 2). Т. 1. Ч. 1: Поморье. Ч. 2: Пинега.

Аникин РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

БП 1 – Былины: в 25 т. / РАН; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001–. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России / Отв. ред. А. А. Горелов.

ДЭИС – Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / Авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина, Свердловский областной Дом фольклора, Кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ. Екатеринбург, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

КСГРС – картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
КСРНГ – картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований, Санкт-Петербург).
ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
РасС – Раслінны свет. Тэматычны слоўнік. Мінск: Беларуская навука, 2001.
СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 т. / Под ред. Р. В. Семенковой. СПб.: Наука, 2013.
СУМ – Словарь української мови: у 4 т. / Сост. Б. Д. Грінченко. Репр. воспр. изд. 1907–1909 рр. Киев: Вид-во АН УССР, 1958–1959.
ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 т. / Под ред. Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. Тверь: Золотая буква, 2001–2006.
ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Ред. Г. А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–. Т. 1–.
ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / Науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.
ALJ – Archiv lidového jazyka dialektologického oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně (архив отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской Республики, Брно).
SGP – Słownik gwar polskich. Kraków, 1979–. T.1, z.1–.

Литература и источники

1. Белова О. В. Грибы // Славянские древности: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 548–551.
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
3. Великова А. В. Названия грибов в русских народных говорах (на материале говоров Русского Севера): дипл. работа. Екатеринбург, 2006.
4. Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
6. Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность рифмованных повторов // Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова: семантика, тематика, средства выражения, лексикография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. С. 133–139.
7. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. (Травы. Грибы. Ягоды). М.: Наука, 1967.
8. Меркулова В. А. Заметки по истории и этимологии слов // Этимология. 1968 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1971. С. 79–91.
9. Минлос Ф. Р. Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1. С. 96–115.
10. Никулина З. П. О прозвищах со вторым рифмующимся компонентом // Вопросы ономастики. Вып. 11: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1976. С. 75–77.
11. Симоновић Д. Ботанички речник: Имена биљака. Београд: Научно дело, 1959.
12. Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Balcanica. Лингвистические исследования / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1979. С. 234–298.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.
14. Marczyk M. Grzyby w kulturze ludowej. Wrocław: Wyd. ATLA, 2003.
15. Tyrpa A. Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich. Kraków: Lexis, 2011.

УДК 811.161.1'28'373.611

Л.З. Бояринова
(Смоленск, Россия, boyarinova.larisa@mail.ru)

Псковско-смоленские параллели в словообразовании (исходное слово словообразовательного гнезда)

В статье рассматриваются в сопоставительном аспекте на базе материалов ПОС и ССГ особенности исходного слова словообразовательного гнезда. Определяются группы исходных слов

по сфере употребления, по локальным характеристикам. Сопоставляются особенности семантики исходных слов. Выявляется степень реализации словообразовательного потенциала исходных слов, предлагается сопоставление диалектных и общенародных словообразовательных гнезд в рамках рассматриваемого сегмента ПОС (*баба – биять*).

Ключевые слова: диалектное словообразование, псковские и смоленские говоры, словообразовательное гнездо и его исходное слово, сопоставительный аспект.

L.Z. Boyarinova

Pskov-Smolensk Parallels in Word-formation (the Initial Word of the Derivational Nest)

The article considers and compares the features of the initial word of the derivational nest. The words are taken from “The Pskov Region Dictionary with Historical Data” (PRD) and “The Dictionary of Smolensk Dialects” (DSD). Groups of initial words are defined according to the sphere of their usage and local characteristics. The semantics of the original words are compared. The word-formation potential of the initial words is revealed, and a comparison of dialect and nationwide word-formation nests within the considered segment of PRD (*baba-biyat*) is proposed.

Key words: dialect word-formation, Pskov and Smolensk dialects, word-formation nest and its initial word, comparative aspect.

«Псковский областной словарь с историческими данными» – уникальный лексикографический труд, созданный авторским коллективом за пятьдесят лет титанической, самоотверженной, творческой работы. И неоценимый вклад в его создание внесла Софья Менделевна Глускина. Материалы Словаря дают основания для лингвистических (и не только лингвистических) исследований в самых разных направлениях.
Древняя история псковских говоров, восходящая ко времени существования славянских племен, общая граница со смоленскими землями, имеющими столь же древнюю историю, существование племени кривичей на данной территории – все это дает основания для изучения псковских и смоленских говоров в сопоставительном аспекте. Необходимость такой

работы несомненна: «В разное время на материале различных славянских диалектов мы уже отмечали актуальность сопоставления диалектов не по крупным ареалам и наречиям, а по отдельным локальным узлам и микроузлам» (Герд 2014: 178–179).

Наше внимание привлекают особенности деривационной системы в псковских и смоленских говорах, в частности словообразовательное гнездо.

«Псковский областной словарь с историческими данными», являясь словарем полного типа, содержит богатый материал, включающий диалектную и общенародную лексику, необходимую для объединения слов по гнездовому принципу. «Словарь смоленских говоров» – словарь дифференциального типа, общенародная лексика в нем не представлена, следовательно, присутствие общенародного слова в словообразовательном гнезде определяется наличием однокоренного с ним диалектизма.

Словообразовательное гнездо – многоплановая структура, в которой представлен широкий спектр парадигматических, синтагматических, грамматических, семантических, деривационных отношений. Параметры гнезда определяются рядом факторов, среди которых немаловажную роль играют частеречные, лексико-семантические и другие характеристики его исходного слова (Казак 2004). В данной статье мы обратились к исходным словам – именам существительным. К анализу привлечены непроизводные слова на букву Б (*баба – биять*), выписанные из ПОС. Для сопоставления использованы имена существительные на букву Б (*баба – биющий*), являющиеся исходными словами в диалектных словообразовательных гнездах, составленных по материалам ССГ. При сопоставлении со словами общенародного языка использованы материалы БАС.

В псковских говорах зафиксировано 158 слов, в смоленских – 140 слов с непроизводной основой, способных выступать в роли исходных (вершинных) слов гнезда. В диалектном СГ в роли исходного выступает как диалектное, так и общенародное слово.

В псковских и смоленских говорах имеются слова, функционирующие с теми же значениями, что и в общенародном языке (БАС). В ряде случаев толкования значений данных слов, приведенные в ПОС и БАС, не совпадают полностью: толкования могут быть краткими или пространными, могут актуализировать разные качества, свойства одного и того же предмета и т.д.; некоторые слова различаются количеством значений. В дифференциальном ССГ общенародная лексика не отражена, однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют определять значение общенародного слова, функционирующего в смоленских говорах. Приведем несколько примеров:
баба: баба 1 ‘Замужняя женщина’ // ‘О женщине вообще’, ‘Жена’, ‘Бабушка’, ‘Знахарка, повитуха’ (ПОС 1: 78–79) – *1 баба* ‘(в просторечии) Замужняя женщина (обычно о крестьянке) (устар.)’, ‘(обл. и в просторечии) Жена’, ‘О женщине вообще’, ‘переносно и в сравнении: О мужчине слабого, нерешительного характера, робком, изнеженном и т.п.’; ‘То же, что бабушка’; ‘Человеческая фигура, слепленная из снега’ (БАС I: 232–233) – *баба 1* ‘Замужняя женщина’, ‘Жена’, ‘Знахарка’, ‘Женщина, оказывающая помощь при родах’, ‘О женщине вообще’, ‘Бабушка’ (ССГ I: 91);
бензин: ‘Бесцветная горючая жидкость’ (ПОС 1: 171) – ‘Бесцветная, легко воспламеняющаяся жидкость, получаемая при перегонке нефтяных продуктов’ (БАС I: 393) – ‘Бесцветная горючая жидкость’ (смол.);
бирюк: бирюк 1 ‘Волк’, ‘Медведь’, ‘«перен. Угрюмый человек’, ‘Вор’ (ПОС 2: 13) – *бирюк* ‘Волк, волк-одиночка’; ‘Переносно: об угрюмом, нелюдимом человеке’ (БАС I: 459) – *бирюк* ‘Волк’, ‘Медведь’, ‘перен. Об угрюмом человеке’ (ССГ I: 180).

В данную группу помимо названных входят следующие слова:
бёрдо 2 и *бёрда* (ПОС 1: 172) – *бёрдо* (БАС I: 393) – *бёрдо* и *бердо* (смол.), *баббит, бабочка, базар, балаган, балалайка, бандаж, банк, барабан, барахло* (ПОС 1: 81–116; БАС I: 235–275; смол.), *библиотека, библия, билет, бисер* (ПОС 2: 10–14; БАС I: 449–460 ; смол.) и др.

Зафиксированы слова, употребляющиеся в псковских и смоленских говорах, а также в общенародном языке и имеющие менее тесные семантические связи, чем слова предыдущей группы. Они обладают общей семой, но называют реалии, бытующие у носителей той или иной формы языка. Такие слова, как правило, относятся к одной лексико-семантической группе. Например:

бабка 13 ‘щиколотка’ (ПОС 1: 84) – *3 бабка* ‘надкопытный сустав ноги у животных; кость этого сустава’ (БАС I: 235) – *бабка 9* ‘коренной зуб’ (смол.): входят в ЛСГ ‘части тела человека и животного’;

бак ‘котел для воды’ (ПОС 1: 95) – ‘металлический закрытый сосуд для жидкостей’ (БАС I: 246) – ‘металлический закрытый сосуд для жидкостей’ (смол.): входят в ЛСГ ‘емкости для хранения и переноски жидкостей’;

банкет ‘собрание гостей с угощением’ (ПОС 1: 107) – *1 банкет* ‘торжественный обед с участием общественных, политических и т.п. деятелей’ (БАС I: 268) – *банкет* ‘пирушка, попойка’ (ССГ I: 120): входят в ЛСГ ‘времяпрепровождение’.

Сюда же относятся слова *баклага, бал, балахон, балбес* и др.

В псковских и смоленских говорах функционирует большая группа диалектных непроизводных слов:

баба: баба 2 ‘малая укладка снопов в поле…’ (ПОС 1: 79) – *баба 3* ‘малая укладка снопов в поле…’, ‘последний сноп’ (ССГ I: 91–92); *багун* ‘багульник’, ‘папоротник’ (ПОС 1: 90) – ‘багульник’, ‘глупость, помрачение ума, затмение’ (ССГ I: 101); *байна, байня* ‘специальная постройка, в которой моются и парятся’ (ПОС 1: 94–95) – *байна* «баня» (ССГ I: 106); *барабули* ‘кушанье’ *(«барабули варили с картошки»)* (ПОС 1: 111) – *барабуля* ‘клубни картофеля’, ‘засохшие комочки грязи, навоза на шерсти животных’ (ССГ I: 122); *баран 4* ‘рубанок’ (ПОС 1: 112) – *баран 2* ‘рубанок’ (ССГ I: 123).

К этой группе относятся также слова *баган, баз, байдак, барс* (ПОС 1: 89–123; ССГ I: 100–127), *баран 5* (ПОС 1: 112) – *баран 2* (ССГ I: 123), *баранок 1* (ПОС I: 113–114) – *баранко,*

баранок (ССГ I: 124), *бастрык* (ПОС 1: 128) – *бастрыг* (ССГ I: 131) и др.

Как следует из примеров, совпадение может быть во всех значениях или в части значений полисемичного слова. Иногда различия между псковскими и смоленскими диалектизмами проявляются на фонетическом или грамматическом уровне.

Среди слов с непроизводной основой много таких, которые известны псковским говорам, но отсутствуют в смоленских: *бадья 2* ‘лодка, выдолбленная из дерева’ (ПОС 1: 92), *балка 3* ‘лепешка’ (ПОС 1: 102), *баркан 1* ‘морковь’ (ПОС 1: 120), *биржура* ‘отходы при вытапливании масла, вытопки’ (ПОС 2: 12–13), *бирули (мн.)* ‘тростник’ (ПОС 2: 13).

К этой же группе относятся слова *баба 5, баба 6, баба 7, баба 8, баба 9, бабка 6*, *бавелна*, *бадак*, *базика*, *бала*, *балбак*, *балды (мн.)*, *балка 2*, *балмаш*, *балхва*, *баля*, *банжур*, *бапок*, *барзухи (мн.)*, *барка 2*, *барона*, *басоны (мн.)*, *батаник, батота*, *батя 2*, *башмак 2, беда 3*, *белка 2*, *бельё 2*, *беребёр, береза*, *бетины (мн.)* (ПОС 1: 79–197), *бирюк 2*, *бирюк 3* (ПОС 2: 13) и др.

Зафиксированы слова с непроизводной основой, которые известны смоленским говорам, но отсутствуют в псковских: *бабка 6* ‘гриб подберёзовик’, ‘белый гриб’ (ССГ I: 96), *бартыль* ‘инструмент для обмера земельных площадей’ (ССГ I: 127), *без* ‘бузина’ (ССГ I: 168), *белямбица* ‘просоленное свиное сало, снятое со спины’ (ССГ I: 160).

Помимо названных к этой группе относятся слова *бавтрюк*, *бажма*, *баклан*, *балетка 1*, *балетка 2*, *балея*, *балик*, *бамбаза, банбаза*, *бамбиза*, *банка 2*, *банцей, банцуй*, *барахтан*, *бареток*, *батырь, бахарь*, *башмет*, *башметы (мн.)*, *беза*, *бейка*, *белевар*, *бешиха, бикса 1*, *бикса 2*, *биндюг* (ССГ I: 160–179) и др.

Значительный интерес представляют описанные исходные слова с точки зрения их словообразовательного потенциала.

Вычленяются непроизводные слова, производные от которых не зафиксированы в рассматриваемом сегменте ПОС. В большинстве своем к данной группе относятся диалектизмы,

функционирующие только в псковских или только в смоленских говорах:
(ПОС 1: 89–197) *бавелна, базика, байбак, балава, балхва, банжур, бапок, барбер, барсули, басалай, басоны, бетины* (ПОС 2: 12–14) *биндара, бисенцы*;
(ССГ I: 105–180) *бавтрюк, баланец, балетка, банцей, барахтан, бареток, бармыль, бартыль, баслуй, башмет, без, беза, бекетка, белевар, белямбица*.

Несколько слов встречаются в псковских и смоленских говорах: *барабули, барс, бардадым, бастрык – бастрыг, бизюк*.
Из общенародной лексики к этой группе слов относятся: *бак, баббит, балерина, бандура, банк, банкет, банкрот, барак, баранка, баржа, батальон, басурман, батон, бахча, бекас, библия, бинокль, бинт, биография, бирюк*. В общенародном языке они являются вершинами гнезд, как правило, с небольшим количеством производных, от одного до десяти, например: *баббит* – 2 слова, *балерина* – 1 слово, *бандура* – 3 слова, *баранка* – 5 слов, *биография* – 8 слов. Только три слова возглавляют гнезда, включающие в себя большее количество производных: *банк* – 17 слов, *батальон* – 17 слов, *бинт* – 28 слов (ССРЯ I: 81–96).

Другая группа – непроизводные исходные слова, возглавляющие СГ той или иной мощности. Сюда входит общенародная лексика *базар*, *байка*, *байня-баня*, *балаган*, *балахон*, *баляса*, *банда*, *барабан*, *барахло*, *бархат*, *баска*, *батрак*, *батя*, *бахрома*, *башка*, *башня*, *безмен*, *бекеша*, *белка*, *бельё*, *бёрдо*, *берег*, *берёза*, *берёста*, *бремя – беремя*, *беседа*, *бетон*, *библиотека*, *бидон*, *билет*. Все они известны псковским и смоленским говорам.

Исходя из следующей мысли: «Своеобразие лексических систем говоров создается неповторимым сочетанием диалектных и общенародных элементов» (Сороколетов, Кузнецова 1987: 126), мы сопоставили диалектные и общенародные СГ. Приведем несколько примеров.
(ССРЯ I: 81–93) *байка* (1 слово: *байковый*), *балаган* (7 слов: *балаганчик*, *балаганщик – балаганщица*, *балаганщина*, *балаганный*, *балаганить*, *балаганничать*), *батя* (6 слов: *батька*

– *батькин*, *батько*, *батенька*, *батюшка* – *батюшкин*), *бёрдо* (2 слова: *бёрдовый*, *бёрдочный*), *берёза* (9 слов: *берёзка, берёзонька, берёзина, березник, березняк, берёзовик, берёзовый – берёзовица и берёзовка*).
(ПОС 1: 93–179) *байка 2* (1 слово: *байковый*), *балаган* (1 слово: *балаганщик*), *батя* (15 слов: *батька, батьков, батенька, батечкин, батин, батьковщина, батюлька, батюша, батюшка, батюшкин, батюшков, безбатичный, безбатькович, безбатьковщина, безбатьковье*), *бёрдо* и *бёрда* (9 слов: *бердечко* и *бердечка*, *бердинка*, *бердиха, бердовище, бердовщик, бёрдочко* и *бёрдачка*, *бердячко*), *берёза* (28 слов: *березий, березинина, березинка, березинье, березица, березина, берёзка, березник, березничек, березнюг, березнюжек, березнюк, березняг, березняжек, березняк, березнячок, берёзовик, берёзовичек, берёзовики, березовина, берёзовый, березовица, берёзовка, берёзовник, берёзонька, берёзочка, березье, березянка*).
(ССГ I: 105–180) *байка* (1 слово: *байковый*), *балаган* (нет производных), *батя* (17 слов: *батька*, *батькин*, *батенька, батьковский, батьковщина, батюнь, батюнька, батютка, батюхна, батюш, батюшка, батюшкин, батяй, безбатевщина, безбатешник, безбатькович, безбатьковщина*), *бёрдо* (7 слов: *бердечник, бердина, бердинка, бердиться, бердовик, бердовщик, бёрдовый*), *берёза* (13 слов: *берёзка, берёзонька, березина, березник, березничек, березняк, берёзовик, берёзовый, берёзовка, берёзочка, берёзухна, березье, берька, бирька*).

Словообразовательные гнезда, в вершине которых стоят общенародные слова, в псковских, смоленских говорах и общенародном языке демонстрируют различные формы и различную степень реализации своего словообразовательного потенциала. Большую роль в этом играет такой фактор, как значимость для носителей диалекта реалий, явлений окружающего их мира. В таких гнездах отчетливо проявляются различные пути и этапы происходящих изменений в слове, в его семантике, фонетических и грамматических формах.

Дальнейшая работа по сопоставлению деривационных особенностей псковских и смоленских говоров будет

способствовать выявлению специфики языковой картины мира, ее общих основ и свойственных каждому диалекту направлений развития. Делать это необходимо, ибо «Слово, наименование реалии в широком смысле слова останавливают мгновения жизни человека, мимо которых никому нельзя пройти, не заметив их» (Костючук 2005: 31). Анализ даже небольшого по объему материала еще раз показал, насколько близки псковские и смоленские говоры и в то же время как они самобытны в отражении многовековой истории развития каждого слова.

Сокращения

ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 1 / Под ред. А.И. Ивановой. Смоленск, 1974.

ССРЯ – Тихонов А.Н Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

смол. – смоленский (используется в тех случаях, когда слово не зафиксировано в ССГ).

СГ – словообразовательное гнездо.

ЛСГ – лексико-семантическая группа.

Литература и источники

1. Герд А.С. Из материалов по истории межславянских региональных связей // Севернорусские говоры. Вып. 13: Межвуз. сб. / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 178–181.
2. Казак М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование. Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2004.
3. Костючук Л.Я. Словарь смоленских говоров как необходимый источник сведений о русской народной речи // Слово: внутренняя и внешняя система: сб. статей по материалам докладов и сообщений международной научной конференции / Мин-во образования и науки РФ; Смоленский гос. ун-т. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2005. С. 22–32.
4. Словарь смоленских говоров. Вып. 1. Смоленск: Изд-во СГПИ, 1974.
5. Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987.

УДК 81’28

И.А. Букринская, О.Е. Кармакова,
А.В. Тер-Аванесова
(Москва, Россия, dialects@mail.ru)

Изоглоссы псковско-витебского пограничья

В работе описан диалект, распространенный на псковско-витебском пограничье, который по мнению авторов, является псковским в своей основе. В нем также отмечены диалектные черты, свойственные северо-восточному наречию белорусского языка, более поздние по своему происхождению.

Ключевые слова: диалекты, Псков, Витебск, псковско-витебское пограничье, лингвогеография, диалектный атлас, изоглоссы, фонетика, формоизменение, лексика.

I.A.Bukrinskaja, O.E.Karmakova, A.V.Ter-Avanesova

The Isoglosses of Pskov-Vitebsk Border Area

The article deals with the dialect which is now wide-spread partly in Belarus (the northen part of the Vitebsk region) and partly in Russia (the southern part of the Pskov region). The dialect is regarded by the author as Pskovian in origin. It also has some dialect features which are specific to the late northeastern dialect of the Belarussian language.

Key words: dialects, Pskov, Vitebsk, Pskov-Vitebsk border area, linguogeography, dialect atlas, isoglosses, phonetics, inflection, lexis.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №17-04-18022 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

Говоры северо-восточной части Витебской обл. образуют тесное единство с южнопсковскими говорами Невельского и Усвятского р-нов Псковской обл. и части Велижского р-на Смоленской обл. В более широком плане эти говоры включаются в диалект, современные границы которого с севера очерчиваются пучком изоглосс южнорусского наречия (Захарова, Орлова 1970), с юга – изоглоссами явлений,

имеющих севернорусское распространение либо образующих крупные ареалы на русском северо-западе, а также явлений, свойственных псковским говорам, смоленским и тверским. На территории Белоруссии южная граница этого диалекта проходит вблизи Западной Двины, очерчивая в основном говоры Городокского и Полоцкого р-нов Витебской обл.).

В этих говорах отсутствует, с одной стороны, ряд явлений, характерных для (среднерусских) говоров Псковской группы; южные границы их распространения более или менее совпадают с северной границей рассматриваемого диалекта. С другой стороны, в них отсутствует ряд явлений северо-восточного наречия белорусского языка, а также говоров белорусского языка в целом.

Данный диалект в работе (Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008) был описан 1) в плане лингвогеографии, с опорой на карты атласов (ДАРЯ, ДАБМ) и ряда работ (Опыт 1915; Дурново 1927; Kuraszkiewicz 1954; Глускина 1962; ЛГ 1969; Захарова, Орлова 1970; Образование 1970; Николаев 1988; Николаев 1989; ВСИ 1995, 1998, 2000, 2006; Пшеничнова 1996); 2) в системном плане: на основе наших экспедиционных записей 2003-2006 гг. было предложено краткое описание фонетики, словоизменения, акцентуации и лексики отдельных образующих его говоров. Диалект был условно назван «городокско-невельским» (в действительности его территория охватывает, хотя бы отчасти, территории нескольких соседних с Городокским и Невельским районов). Расположенный на границе Белоруссии и России, он является смешанным: псковско-смоленским в своей основе, на которую, по всей вероятности, позднее наслоились явления, свойственные граничащим с ним с запада и юга белорусским говорам.

В настоящей работе мы стремимся уточнить ряд характерных для него изоглосс (на основании неопубликованного исследования, посвященного группировке северо-западных русских говоров); выявить некоторые важные для языковой истории рассматриваемой территории явления; подчеркнуть смешанный характер этого диалекта и в частности показать, что в его говорах на фоне системы «смоленской»

фонетики встречаются лексикализованные фонетические «псковизмы», впервые детально описанные и интерпретированные С.М. Глускиной (Глускина 1962; Глускина 1968; Глускина 1979) и впоследствии получившие в исторической русистике мощный и яркий отклик (Янин, Зализняк 1986; Николаев 1988; Николаев 1989; Николаев 2003; Зализняк 2004 и ряд др. работ).

1. Говоры псковско-витебского пограничья и восточнославянская лингвогеография. Говоры русско-белорусского пограничья привлекали внимание многих ученых, которые отмечали континуальный характер этого лингвистического пространства. При этом статус пограничных говоров, их принадлежность к русскому или белорусскому языку по-разному оценивались лингвистами (Дурново 1927; Бузук 1928; Орлова 1961; Попова 2007; Barszczewska, Jankowiak 2012; Янковяк 2015; и др.).

На картах в (Опыт 1915; Дурново 1927; Kuraszkiewicz 1954) городокско-невельские говоры трактуются как белорусские, пограничные с псковскими и испытавшие их влияние. Последние Н.Н. Дурново считал переходными между северновеликорусским и севернобелорусским наречиями, добавляя, что «псковские говоры, могут быть названы переходными только по отношению к прошлому, так как переходный процесс закончился уже несколько веков тому назад» (Дурново 2000: 77). Вслед за (Дурново 1927) на переходный характер северных витебских и северных смоленских говоров белорусского языка указывает В. Курашкевич в связи с представленным в них цоканьем и синкретизмом форм дат. и тв. падежей мн. числа (Kuraszkiewicz 1954: 76).

Как известно, в советской лингвогеографии при создании национальных диалектологических атласов в целом соблюдался принцип картографирования говоров восточнославянских языков в рамках политико-административных границ – тогдашних Белорусской, Украинской республик и РСФСР. Наиболее последовательно этот принцип проведен в ДАБМ; за его пределами оказались

белорусские говоры на территории Польши и прибалтийских республик. В ДАРЯ, где показаны говоры русского языка центра Европейской территории СССР, за пределами территории РСФСР картографирована лишь узкая полоса говоров на территории Эстонии. И только АУМ показывает территорию распространения украинских говоров в полном объеме (в том числе за пределами государственных границ Украины). В результате языковой ландшафт обширных территорий, где издавна сосуществуют вперемежку говоры разных восточнославянских языков (например, территория Слобожанщины по обе стороны российско-украинской границы), оказались отражены в национальных атласах «однобоко». Вопрос о статусе говоров русско-белорусского пограничья – известной зоны переходных говоров – в период создания национальных атласов был снят вовсе.

Авторы создававшегося в советское и постсоветское время AGWB принципиально не решают вопрос о том, к украинскому или белорусскому языку принадлежат полесские белостокские говоры, называя их «восточнославянскими говорами Белосточчины».

Эта ситуация отразилась и на опытах диалектного членения русского и белорусского языков, которые появились во второй половине XX века, например (ЛГ 1969; Захарова, Орлова 1970). Вопрос о статусе пограничных говоров в этих работах снят, так как в них показано диалектное членение территорий в пределах государственных границ. При этом говоры «брянского угла» (Стародубский р-н) в опыте диалектного членения русского языка не учитываются, так как признаются «белорусскими» или «переходными к белорусским» (Захарова, Орлова 1970). В результате близкие говоры по разные стороны российско-белорусской границы оказались отнесены к разным классификационным единицам, а их признаки трактуются как признаки разных диалектных объединений.

Атлас ВСИ вновь показал актуальность изучения говоров пограничья. Представляя изоглоссы, идущие «поверх государственных границ», этот атлас не ставит задачу отнесения говоров пограничья к тому или иному восточнославянскому

языку; в нем собран материал, на основании которого можно лишь ставить об этом вопрос. Карты атласа ВСИ были в основном составлены на материале национальных атласов восточнославянских языков.

Важным шагом на пути определения статуса говоров белорусско-русского пограничья является опыт структурно-типологической классификации русских говоров Н.Н. Пшеничновой, полученной автоматически с применением методов диалектометрии. В рамках этой классификации уже на первом уровне членения говоры Псковской, Смоленской и Брянской областей были автоматически выделены как западнорусский диалектный тип, наряду с южнорусским, севернорусским диалектными типами и среднерусскими переходными говорами (Пшеничнова 1996 и др. работы автора). Западнорусский диалектный тип, в отличие от других, представляет собой совокупность разнородных говоров. Можно ожидать, что опыт исследования методами диалектометрии белорусско-русского диалектного пространства позволит сделать решающие выводы о статусе пограничных говоров; однако такое трудоемкое исследование в ближайшее время едва ли будет проведено.

2. Говоры псковско-витебского пограничья и диалектное членение восточнославянских языков. В имеющихся опытах диалектного членения белорусского и русского языков «городокско-невельский диалект» в указанных границах не выделяется. Исследуемые говоры на территории Белоруссии относятся к северной группе говоров (Витебская подгруппа) северо-восточного диалекта белорусского языка (ЛГ 1968: карты 72, 74, 75). Попытка показать специфику крайних северных говоров Белоруссии содержится в (ЛГ 1969, карта 45), где выделен «езярищанско-ульско-лёзненский» пучок изоглосс: диссимилятивное яканье витебского типа (в отличие от белорусского яканья на смежных территориях); лексемы *кро́шнi* ‘приспособление для переноски сена или соломы’, *жбано́к* ‘глиняная посуда для молока’, *згаро́да* ‘забор из жердей’; формы 1 л. мн. ч. типа [с’’п’ом], [с’’адз’о́м] ‘спим; сидим’ и нек. другие. Эти явления характеризуют также невельские и

велижские говоры. Территория, очерченная «езярышчанска-ульска-лёзненским» пучком изоглосс, у́же, чем территория городокско-невельского диалекта (этот пучок выделяет восточную разновидность последнего).

Согласно диалектному членению русского языка Захаровой – Орловой, полоса южнопсковских говоров вдоль границы с Белоруссией относится к юго-западной зоне южнорусского наречия. Говорам описываемой в настоящей работе территории свойствен ряд признаков, называемых в русской диалектологии «общезападными», то есть диалектных черт, которые распространены в западнорусских говорах, а также обычно встречаются по крайней мере в граничащих с последними белорусских и украинских говорах (Захарова, Орлова 1970: 83–85, 96–101). М. Янковяк (2015) явления юго-западной диалектной зоны русского языка и южнорусского наречия в себежских говорах трактует как белорусские.

В качестве особой единицы говоры описываемой территории выделены в классификации Н. Н. Пшеничновой: «совокупность разнородных говоров западнорусского диалектного типа», не относящаяся ни к северному (Псковскому), ни к южному (Брянскому) его подтипам.

3. Изоглоссы «городокско-невельского» диалекта. Южная граница диалекта определяется пучком изоглосс, идущих приблизительно вдоль Западной Двины в районе Полоцка и Витебска, а западнее их, как правило, отклоняющихся от Двины на север.

3.1. Первостепенную важность для понимания происхождения этого диалекта имеют изоглоссы явлений севернорусского, северозападнорусского, псковского и новгородского распространения, которые соотнесены с течением Двины. Эти явления не встречаются в других говорах Белоруссии, а из южнорусских свойственны только южнопсковским и северносмоленским говорам. Эти изоглоссы, по-видимому, указывают на первоначальное единство северновитебских говоров с русскими и в первую очередь – с псковскими и западнотверскими.

3.1.1. *Твердое цоканье*: совпадение в [ц] рефлексов трех палатализаций **k, *tj, *kt-, *kj* – сохраняется в современных говорах Городокского р-на в лексикализованном виде. В этих говорах различаются непалатализованные, невеляризованные фонемы /ц/ (из **k* в позициях II и III палатализаций) и /ч/ (в прочих названных позициях). О прежнем цоканье свидетельствует [ц] в словах *цало́* 'устье русской печи', *цат* 'чад, дым' (из **k* в позиции I палатализации), *аб'и́ц*, мн. *аб'ицы́* 'бьющая часть цепа' и 'цеп'. На месте **k* в позициях II и III палатализаций в корнях обычно [ц]: *це́ўка*, *це́лъй*, *цадз'и́ц*'; *ац'е́ц*; мягкий [ц'] произносится перед [в']: *ц'в'ет* 'цветение', *ц'в'ис*" 'цвести'. На стыке основы и окончания переход заднеязычных в свистящие отсутствует.

Карты МДК показывают цоканье в невельских, части городокских и велижских говоров (Дурново 1927(1969)). Севернобелорусский ареал цоканья является юго-западной оконечностью былого сплошного псковско-новгородского и севернорусского ареала цоканья, первые фиксации которого, как известно, относятся к XI в.

В большинстве современных русских северо-западных говорах цоканье как системная особенность утрачена и сохраняется лишь в виде реликтов (ДАРЯ I, к. 45–47). Ср. подобную городокской ситуацию в опочецких говорах, где на фоне системы с различением /ч/ и /ц/ зафиксированы *цало́* 'устье русской печи' и *цълано́к* 'челнок в ткацком стане'.

3.1.2. *Синкретизм показателей дат. и тв. мн. у имен*: *к двум новым домам*; *с двум новым домам* – считается одним из важных признаков севернорусского наречия (справедливые возражения с учетом данных олонецких и архангельских говоров см. в (Пожарицкая 2000: 88–90)), однако он характерен и для западных среднерусских, в частности псковских и гдовских, и небольшого числа западных южнорусских говоров, а именно говоров окрестностей Невеля и Велижа. За исключением велижских, в смоленских говорах данное явление не представлено. На белорусской территории синкретизм дат. и тв. мн. отмечается лишь в говорах к северу от Двины (ДАБМ: карта 104). Время появления данной инновации не известно;

первая ее фиксация (XVII в.) – в Разговорнике Т. Фенне (Хабургаев 1990; Пожарицкая, там же). Компактный обширный ареал этой флексии на территории севернорусских и среднерусских говоров, а прежде всего – новгородско-псковский ареал позволяют предполагать ее древность.

3.1.3. *Синкретизм показателей род., дат. и местн. ед. существительных I склонения* объединяет северные городокские и полоцкие говоры, см. (ДАБМ: карта 67), с обширным псковско-новгородско-тверским ареалом и производными от псковских и новгородских олонецкими и архангельскими поморскими говорами (ДАРЯ II, карты 1, 2). Специально с псковскими и западными тверскими говорами их объединяет наличие *двух или более разновидностей I склонения* в системах с синкретизмом показателей род.–дат.–местн. ед.; системы этого типа составляют единый ареал с так называемыми «обратными» системами I склонения (Тер-Аванесова 2002; Абраменко, Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013). Так, в говорах дд. Берёзно и Хмельник Городокского р-на выступает синкретическая система с распределением показателей {и} и {е} в зависимости от исхода основы и ударности/безударности флексий. Окончание {и} присоединяется к основам на парные твердые, если на окончание падает ударение, и к основам на парные мягкие и шипящие (независимо от ударности окончания). Варьирование окончаний {и} и {е} наблюдается при основах на парные твердые, если окончание является безударным, а также при основах на непарные по твердости/мягкости губные и задненебные (независимо от ударности окончания). Подобные системы зафиксированы в материалах ДАРЯ в говорах окрестностей Невеля и Велижа (Тер-Аванесова, там же).

Материал: Род., ударные окончания, основы на парные твердые, {и}: *з другéй стърънý, залý*, *вадý*; основы на задненебные и губные, {и}’{е}: *травý*; *н’ет мук’é* 2х, *дай мн’е мук’é*, *ат мук’é*, *шълух’е,и з мук’ú*, *мук’ú*, *ух’ú звáр’им*; основы на мягкие и шипящие, {и}: *у с”в’ин’н’ú*; *з” М’ажý*; безударные окончания, основы на парные твердые, {и}’{е}: *шкóлы н’é былъ*, *з” Л’áл’еwшичыны*, *у В’éры Ивáнъwны*, *у В’éры*, *стóръны*,

м’ак’и́ны штоп н’ь було́, у мушчы́н’ь, къль хáц’и, с тéй хáц’и; основы на губные, {е}: *у бáб’ь, бýл’б’ь, ат мáм’ь, у тéй карóв’и, ры́б’и кýп’им*; Дат. и местн., ударные окончания, основы на парные твердые, {и}: *с’’астры́, пъ вады́*; основы на губные и задненебные, {и}’{е}: *у Масквы́, нъ гълъв’é*; *пъ муке, пъ рук’е, в мук’é, в рук’éи*; основы на мягкие и шипящие, {и}: *пъ м’ажы́*; *нъ м’ажы́, нъ з’’амл’и́;* безударные окончания, основы на парные твердые, {и}’{е}: *у хáц’и, нъ рáн’и, на В’и́ц’ипшчыны, нъ* (*у*) *кварц’и́ры*, основы на губные, {и}’{е}: *бáб’ь пъмъгáл, к мáм’и, г бáб’и, пъ бáб’и, па бул’б’ь, у стýп’ь, нъ салóм’и, нъ с’’винаф’éрмы, нъ п’ильрáмы*; основы на шипящие, {и}: *у йéжы*.

3.2. С Двиной соотносятся также границы распространения на север некоторых типично белорусских явлений, например, *переходного смягчения задненебных перед окончаниями дат.–предл. пп. ед. ч.* существительных I склонения: *руц’é, наз’é, блас’é*. При этом границы распространения различаются на картах (Дурново 1927; Kuraszkiewicz 1954) и (ДАБМ, карты 65, 66). По (Дурново 1927) она фактически совпадает с границей Витебской губернии, захватывая говоры к югу от Себежа, Невеля, полосу западных смоленских и обходя лишь наиболее северные городокские и велижские говоры; по ДАБМ, полоцкие, городокские, себежские, невельские, велижские, говоры между Витебском и Оршей имеют только непереходное смягчение задненебных в этой позиции: *рук’é, наг’é, блах’é*.

Языковой границей, идущей по Двине, но в районе Витебска отклоняющейся к югу, является изоглосса форм типа *кричéць* (гласный [е] в суффиксе «ятевых глаголов» после *ч*; ДАРЯ II, карта 103; ДАБМ, карта 36). Городокские, полоцкие, велижские, псковские и тверские характеризуются формами типа *кричáть*. Северная граница распространения форм *кричéть* почти полностью совмещается с южной границей синкретизма показателей дат. и тв. мн. ч. (Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008, карта 1).

3.3. **Фонетика** городокских говоров имеет «западные» черты, свойственные псковским, смоленским и севернобелорусским говорам. Смоленские черты преобладают,

однако говоры характеризуются рядом лексикализованных фонетических «псковизмов».

Пятифонемный ударный вокализм отличает выраженный передний [ы] после дентальных, после губных он имеет более заднее образование (эта черта свойственна также большому числу южнорусских, бел. и укр. говоров); широкий [е] из *е, * ě, *ь перед твердыми согласными, и значительно более узкий [е] перед мягкими.

*«Напряженные» *ъ и *ь* имеют рефлекс [е]: им. ед. м. *л'аснéй*, *мъладéй*, *как'éй*, *н'иплах'éй*, *бал'шéй*. [е] выступает также в окончании род. ед. ж.: *пустéй*, *у дз'úк'ьй*, *самéй*, *тéй* и в формах других косвенных падежей ж. рода адъективного и местоименного склонений: дат., тв., местн. ед. ж.: *мъладéй*, *тей*, *как'éй*; в тв. ед. субстантивного склонения перед *j* [о]: *с'астрóй.* На месте **ь* в окончании род. мн. **-ьjь* – [е]: *с"в'ин'н'éй*, *кас'ц'éй*, *л'удз'éй.* В корнях на месте **y*, **ĭ* и **ь* перед *j* – [ы], [и]: *мы́йу*, *падмы́йеш*, *ры́йу*, *закры́йу*, повел. *мый*, *рый*, *л'ий*, *п'ий*; им. ед. *шы́йа*, *чый* 'чей' (f. *чыйá*, *чыйý*). Согласно (Николаев 1988), это «смоленский» тип рефлексации напряженных **ъ, *ь, *y, *ĭ*; при этом [е] < *ъ(j)* распространен широко (псковские, витебско-могилевские говоры). У информантки из Рудни отмечены также «южнопсковские», по С.Л. Николаеву, рефлексы указанных гласных: в корне варьируют *аткрéйу*, *аткрéйеш* и *аткри́йу*, *аткри́йеш*. Гласные **ъ, *ь* перед мягким сонантом из сочетания *Sj<*Sьj* имеют рефлексы ненапряженных редуцированных: *абалóн'н'е* 'болотистый луг' (для псковских говоров в этой позиции характерны особые рефлексы напряженных редуцированных).

Редуцированные после плавных совпадают с рефлексами напряженных **y, *ĭ* перед сонантами в примерах: *астры́вки* и *астр'úwк'и* 'островье, жерди с сучками для просушивания сена'; *гр'им* 'шум, грохот', род. *гр'úму*, прош. *гр'им'éлъ*. В основной массе примеров в этой позиции – рефлексы ненапряженных редуцированных: *хр'ест* и *хр'ост*, *хр'ьстá*, *хр'асты́*; *кроw*, *кръвáвъй*; род. мн. *дроw*, им. мн. *дръвá*; *с"л'ьзá*, *с"л'азý*, *с"л'óзы*; *блъхá*, *блахý*, *блóх'и*.

Сочетания редуцированных с плавными не развили второе полногласие: *с”ер’п* и *с”ерп*, *с”арпо́м*; *с’ц’е́ржын’*; *в’ер’х* и *в’ерх*, *з”в’е́рху*, *в’ар’х’и́*, *в’ьр’ха́*, *в’ар’хо́м*; *в’ьрста́*, *в’арсту́*; *ше́р’с’ц’и*; *жърства́*; *б’о́рдъ*; *жо́рдъчка*, *горп*; *далжо́н*; *столп*; вставной гласный – только между плавным и следующим сонантом: *мълън’н’а́*, *мълан’н’у́*; м. *по́лън*; *го́рън*. Но в отдельных городокских говорах отмечено второе полногласие: *в’ар’о́х*, *хо́лъст* Бычиха, *с”м’ар’о́тнъйа пла́т’т’ъ* Хмельник, что указывает на связь их с псковскими говорами. (ДАРЯ I: карты 91, 92) показывает, что наиболее южные случаи фиксации второго полногласия в словах *серп* и *верх* доходят до границы Псковской и Витебской обл.

Безударный вокализм характеризуется диссимилятивным аканьем/яканьем белорусского (жиздринского) типа в 1-м предударном слоге, с элементами витебского яканья. Северная граница белорусского аканья/яканья является **северной границей** рассматриваемого диалекта. Произношение безударных огубленных гласных в соседстве с губными согласными: *ъстоwл’а́т’*; утрата огубленности безударным *у* не в соседстве с губными: *вы́ц’ьгнъл’и* ‘вытянули’, *нъ хътъра́х* свойственны средне-, южнорусским и белорусским говорам разных территорий.

Для городокского *консонантизма* характерен набор «общезападных», «юго-западных» и «южнорусских» черт, в терминологии К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой: фарингальный фрикативный *г* (северная граница такого произношения входит в пучок изоглосс, образующих **северную границу** рассматриваемого диалекта); фонема /в/ представлена губно-зубным [в] перед гласными, кроме [у], губно-губным [w] на конце слова, перед *у* и перед согласным: *пра́wда*, *праw*, *н’а wс”и́*; предлог *у* перед гласным [у], между согласными и в абсолютном начале перед согласным реализуется как [у]: *#у Гъратку́*, *рабо́таw у л’асу́*; протетический *в* перед *о* и *у*: *во́с”ьн’*, *wу́гъл*, *wуга́л’л’ъ*; противопоставление твердых и мягких губных только в середине слова: *ма́ц’* – *м’а́ц’*, на конце слова оно нейтрализовано: *дуп*, *го́луп*; *фс”им* ‘всем’, *с”ем*; *Пакро́w*, *броw*; различение /р/ и /р’/ в городокских говорах, как и в полоцких и

могилевских на территории Белоруссии; «дзеканье» – реализация мягких пар фонем /т/, /д/ как аффрицированных палатализованных [ц'] и [д'з']; мягкие пары фонем /с/ и /з/ реализуются как палатализованные «шепелявые» [с"], [з"] (последние отмечаются в русских говорах псковской группы, южнопсковских, гдовских, западносмоленских; имеются также обширные севернорусские ареалы такого произношения); сочетания *Cj* > *C'C'*: *абало́н'н'е*; собир. ед. *су́чча* 'сучья', собир. мн. *пла́т'т'и;* ассимиляция в сочетании *л'н'*: *л'л'ано́йь.* Реализации фонемы /л/ различаются по говорам: как губно-губной [w] она представлена в большинстве говоров на конце форм прош. времени: *шоw*, *спаw*, как веляризованный [л] – перед гласным непереднего ряда, [w] и [л] варьируют в словах типа *волк* (близкая к лит. и диал. белорусской система, представленная также в смоленских и брянских говорах). В отдельных городокских говорах (Хмельник, Смородник) во всех названных позициях произносится [л].

Практически тот же набор фонетических признаков характерен для невельских говоров (Рыко 2016) и себежских (Янковяк 2015). М. Янковяк трактует их как черты белорусского языка или его северо-восточного наречия. Однако большинство из этих черт характеризует и многие русские говоры, а именно: псковские и тверские среднерусские говоры, часть говоров северного и южного наречий.

Укажем некоторые черты консонантизма, объединяющие городокские говоры с псковскими. В кластерах «шепелявые» [с"], [з"] иногда отвердевают, совпадая с невеляризованными [ш], [ж] – реализациями фонем /ш/, /ж/. Мягкие «шепелявые» – обычный рефлекс **s* и **z* в позициях «вторичного смягчения»: *с"а́ду, пърас"о́нък, с"и́въй* 'седой', *з"има́, з"ьмл'а́, з"ац'*; в местоименной основе **-s'-*: *с"уды́,* и смягчения перед мягким согласным: *з"в'ер', с"в'о́кър, з"м'ьйа́, с"м'е́х, с"п'аку́ц', з" н'ей, пл'ас"н'и́въй, по́с"л'ь, во́з"л'ь.* Реже перед мягким отмечено произношение твердых шипящих: *шм'ашно́, шм'е́шънъй л'ес, во́жл'ь.* Отвердением [с"] после согласного перед гласным непереднего ряда можно объяснять примеры форм местоимения *весь* и производных: им. ед. ж.

wша, вин. ед. ж. *wшу,* им. ед. ср. *wшо,* род. ед. м.-ср. *wшагó,* дат. ед. м.-ср. *wшамý, wшáк'ьй, wшýды*; перед гласными переднего ряда в формах того же местоимения – мягкий *с*'': им. мн. *wс''и,* род.–местн. мн. *wс''их,* тв.–местн. ед., дат.-тв. мн. *wс''им,* косв. пп. ед. ж. *wс''ей.* Ср. примеры смешения *с', с* и *ш* в кластерах в псковских говорах, приведенные в (Глускина 1962; Николаев 2003).

В связи с формами типа *wша,* где [ш] – на месте **х* в позиции III палатализации, укажем рефлексы **х* в позиции II палатализации и **sj*. Первые представлены регулярными [с'']: *с''éрьй* и лексикализованным [ш] в *шéрый* 'веснушчатый' (эта лексема широко распространена в смоленских и северных белорусских говорах, что С. Л. Николаев считает сохранением древнего рефлекса, свойственного диалекту смоленских кривичей (Николаев 1988: 143–144, 152–153), ср. также смол. *шар'йó* 'ветошь', из **хĕrьje*). Лексикализованный рефлекс **sj* > [х] перед [а, ъ] в городокских говорах отмечен лишь в образованиях от одного корня: *пав'éхай, пав'éхъйу, выв'éхъвъц'*. Эти примеры представляют собой наиболее южную фиксацию такого развития **sj*, широко представленного в псковских говорах (Глускина 1962; Николаев 2005).

Как фонетический «псковизм» можно оценивать случаи перехода *т* > [к], *т'* > [к'], *д'* > [г] (взрывной!) в кластерах не на стыке приставки и корня, очевидно, диссимилятивной природы: *пачк'ú* 'почти', *пръчклá, нъзгр'á* 'ноздря', *гл'а* 'для'.

3.4. **Лексические изоглоссы**. «Городокско-невельский» диалект характеризуется «общезападными» лексическими изоглоссами (*толокá* 'коллективная помощь в сельской работе'; *прáльник, прáйник* 'орудие для выколачивания белья при стирке'); южнорусскими изоглоссами (*дежá, дéжка* 'посуда для теста', *дю́же* 'очень'); пучком изоглосс юго-западной диалектной зоны. Перечислим некоторые из них: дериваты от глагола *бить* в значении 'бьющая часть цепа'; лексемы *вúлы, вúлки* 'ухват'; *бурáк* 'свекла'; *ховáть* 'прятать'; *лáпина, лáпик* 'заплатка', *лáпить* 'ставить заплату'; *жúто* 'рожь', *ля́да* 'росчисть под пашню'; см. карты в (ДАРЯ III). Большинство этих изоглосс

имеет продолжение на территории бел. и укр. говоров (ДАБМ; ВСИ 1998; ВСИ 2006).

Для доказательства генетической общности городокских и невельских говоров с псковскими наиболее важны изоглоссы лексем *ка́лика* ‘брюква’ (ДАРЯ III, карта 58; ДАБМ, карта 276) (северо-западные русские говоры и говоры Городокского р-на); *паха́ть* ‘мести (пол), сметать (пыль)’ (ДАРЯ III, карта 100; Букринская, Кармакова 1995а: 90-93) (севернорусские говоры, говоры Псковской и Новгородской групп, западные тверские и невельские); *тяга́ть* ‘убирать лен с поля’ (ДАРЯ III, карта 57; ДАБМ, карта 267; Каментарыі: 86, нас. пп. № 67, 81, 92) (говоры Псковской группы, западнотверские, южнопсковские, городокские); *сто́йка, стоя́нка* ‘малая укладка снопов’ (ДАРЯ III, карта 50; ДАБМ, карта 286; Клепикова 2006: 163) (говоры Псковской группы, южнопсковские, северные полоцкие и витебские говоры; ареалы этой лексемы в среднерусских говорах совмещаются с изоглоссами так называемого «кривичского пояса» (Николаев 1988, 1989)); *су́прядки* ‘вечерние собрания молодежи с работой’ (ДАРЯ III, карта 93; Кармакова 1983) (ареал охватывает псковские говоры, западную часть новгородских, смоленских и брянских; лексема известна на территории Белоруссии, но не ясен ареал ее распространения).

В невельских говорах отмечена лексема *печи́на* ‘участок земли, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, сад, огород’. По материалам ДАРЯ, это слово образует компактный ареал в говорах Псковской области, а именно в говорах Опочецкого р-на, в междуречье верхнего течения Великой и Двины, но не достигает границы с Белоруссией (подробнее см. Мораховская 1996: 144–146).

Ряд словообразовательных изоглосс очерчивает сравнительно небольшие ареалы, охватывающие южнопсковские, северносмоленские, западнотверские говоры и северные витебские говоры. Они совмещаются с изоглоссой синкретических и обратных систем I склонения существительных, что показано на карте 2 как явления «городокско-невельского» диалекта, объединяющие его с псковско-тверскими говорами (Букринская, Кармакова Тер-

Аванесова 2006): *жбано́к* ‘глиняная посуда для молока’; *пра́йник* ‘орудие для выколачивания белья’, *чепельни́к* ‘сковородник’.

Ряд лексических изоглосс определяет **северную границу** «городокско-невельского» диалекта, совмещаясь на севере с границей говоров Псковской группы и южнопсковских говоров; на территории Белоруссии они очерчивают разные ареалы, не выходя за пределы северо-восточного наречия белорусского языка. Это изоглоссы лексем *обичёвка* ‘бьющая часть цепа’ (Букринская, Кармакова 2006: 153); *весёлка* ‘радуга’ (Букринская, Кармакова 1995б: 194); *испо́дки* ‘вязаные рукавицы с одним пальцем’ (ДАРЯ III, карта 33, ДАБМ: карта 333).

4. Северной границей диалекта, проходящей на территории России, таким образом, является пучок *изоглосс южнорусского наречия* распространение /γ/; лексем *дежа́*, *де́жка* ‘деревянная посуда для растворения ржаного теста’; *изоглосс юго-западной диалектной зоны*, в первую очередь, диссимилятивного аканья и яканья белорусского типа, а также специфические *псковские изоглоссы*, отделяющие рассматриваемые говоры от других южнопсковских. Северный и южный пучки изоглосс, выделяющих городокско-невельский диалект, пересекаются северо-восточнее г. Велижа Смоленской области.

Северная граница диалекта представляется достаточно поздней: она соотносится с границей Польши второй половины XVIII в., а затем с границей Витебской губернии. Черты, свойственные говорам юго-западной зоны южнорусского наречия и северо-восточному наречию белорусского языка могли распространиться в пределах политико-административных границ, существовавших на протяжении нескольких столетий, вытеснив в городокско-невельских говорах часть исконных «псковских» черт. Явления, изоглоссы которых образуют южную границу «городокско-невельского» диалекта, и отдельные лексикализованные псковские фонетические особенности, по-видимому, указывают на более древнюю «псковскую» основу говоров витебско-псковского пограничья.

Сокращения

АУМ – Атлас української мови. Т.1–3. Київ, 1984–2001.
ВСИ – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 1–4. М., 1995–2006.
ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
ДАБМ Каментарыі – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт. Пад рэдацыяй Р.І. Аванесава, К.К. Крапівы, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963.
ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части РСФСР. Вып. I. Фонетика. М., 1987. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III. Лексика. Ч. 1. М., 1997; Ч. 2. Синтаксис. Лексика. М., 2004.
ЛГ 1969 – Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.
AGWB – Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. Tt. I-IX. Warszawa, 1980–2006.

Литература и источники

1. Абраменко О.А., Николаев С.Л., Тер-Аванесова А.В., Толстая М.Н. Системы соотношения gen. и dat.-loc. в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13: Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013.
2. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Глаголы со значением ‘возделывать землю с помощью орудий’ (рала, сохи, плуга) // ВСИ. Вып. 1. М., 1995.
3. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Названия радуги // ВСИ. Вып. 1. М., 1995.
4. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Названия орудия для ручной молотьбы и его деревянных частей // ВСИ. Вып. 4. М., 2006.
5. Букринская И.А., Кармакова О.Е., Тер-Аванесова А.В. Говоры русско-белорусского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008.
6. Бузук П. Спроба лінгвістычнае геаграфіі Беларусі. Менск, 1928.
7. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962.

8. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968.
9. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. Брно, 1927 (переиздание: М.,1969).
10. Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
11. Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением «Очерка русской диалектологии». М., 1915.
12. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
13. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
14. Кармакова О.Е. Названия коллективной помощи в сельской работе // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1983.
15. Клепикова Г.П. Названия укладки снопов (в поле) // ВСИ. Вып. 4. М., 2006.
16. Мораховская О. Н. Крестьянский двор. История названия усадебных участков. М., 1996.
17. Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
18. Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.
19. Николаев С. Л. Рефлексы **s*(**z*), **š*(**ž*) и **sj*(**zj*) в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005.
20. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
21. Орлова В. Г. О «переходных» говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961.
22. Пожарицкая С.К. Флексии творительного падежа множественного числа существительных // ВСИ. Вып. 3. М., 2000.
23. Попова Т. В. «Восточнославянские изоглоссы». Некоторые итоги работы над темой // Русский язык в научном освещении. М., 2007, №1 (13).

24. Пшеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М., 1996.
25. Рыко А.И. О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья (Невельский район Псковской области) // Севернорусские говоры. Вып. 15. СПб., 2016.
26. Тер-Аванесова А. В. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных **а*-склонения в восточнославянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.
27. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
28. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951-1983 гг.). М., 1986.
29. Янковяк М. Говоры Себежского и Невельского районов Псковской области как пример русско-белорусских переходных (смешанных) говоров // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной научной конференции. М., 2015.
30. Barszczewska N., Jankowiak M. Dialektologia białoruska. Warszawa, 2012.
31. Kuraszkiewicz W. Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1954.

УДК 81.04

В.Л. Васильев
(Великий Новгород, Россия, vihnn@mail.ru)

О различиях генезиса говоров новгородских и псковских (по топонимическим и другим языковым данным)

В статье рассмотрены особенности формирования диалектов в Новгородско-Псковском регионе в начальный (догородской) период истории – до X в. Предложена гипотеза, согласно которой дифференциация новгородских и псковских говоров первоначально связана с двумя разновременными миграционными волнами славян на Русский Северо-Запад.

Ключевые слова: археологические культуры, древненовгородский диалект, древнепсковский диалект, миграции славян.

V.L. Vasilyev

On the Differences of the Genesis of the Novgorod and Pskov Dialects (Based on Toponymic and Other Linguistic Data)

The article deals with the formation of dialects in the Novgorod-Pskov region during the initial (pre-urban) period – up to the 10th century. The hypothesis that the differentiation of the Novgorod and Pskov dialects was connected with two chronologically different waves of Slavic migration to the Russian Northwest is proposed.

Key words: archaeological cultures, Old Novgorod dialect, Old Pskov dialect, Slavic migrations.

При изучении генезиса новгородских и псковских говоров важно учитывать и диалектное своеобразие, и те территории, которые многими столетиями культурно-исторически тяготели к Новгороду и Пскову, считались их ближайшими пригородными землями. Ядерная территория новгородских говоров – окрестности оз. Ильмень включая течения рек Мсты, Волхова, Шелони, Полы, нижнего течения Ловати (не выше с. Поддорье, ниже которого начинается ареал псковского аканья), а также верхнее и среднее течение р. Луги. Очерченная территория Ильмень-Волховского бассейна была освоена славянами до начала II тыс. н.э., что ознаменовалось заложением городской структуры Новгорода в середине X в. и установлением княгиней Ольгой погостов и даней по Мсте и Луге в 947 г. Ядром псковских говоров являются окрестности Псковского оз. и бассейн р. Великой, где издревле стояли города, считавшиеся псковскими пригородами, были волости (засады) и уезды средневековой Псковской земли; по современному делению – это центральная и южная части Псковской обл.

Самостоятельный характер развития новгородских и псковских говоров, разумеется, задан наличием двух местных столиц – Новгорода и Пскова, но их генезис восходит к временам до появления этих культурных и территориально-

политических центров. Наша заметка посвящена рассмотрению самой ранней истории, или, точнее, догородской предыстории диалектов Новгородско-Псковского региона. Для столь ранних эпох важно обращение не к массовому диалектному материалу, а к языковым фактам местной древней письменности, особенно к фактам редким, спорадическим, реликтовым, которые часто отражают исчезновение ранее регулярного явления. Другой не менее значимый, но мало используемый источник – местная топонимия, сохранившая лексико-морфологические осколки прошлого состояния диалектов.

Исследование древних летописей, актов, берестяных писем XI–XV вв. выявило в Новгородско-Псковском регионе множество специфических языковых черт, существенно отличных от признаков известного ранее стандарта древнерусского языка. Многие связывают эти специфические древние черты с диалектом ветви западных славян, пришедших некогда в бассейн Великой (среди языковедов, например, А.А. Шахматов, Г.А. Хабургаев, С.Л. Николаев, А.А. Зализняк); другие же придерживаются восточнославянского единства, а языковую специфику трактуют периферийностью и, следовательно, архаичностью восточнославянского новгородско-псковского диалекта, оказавшегося далеко на севере в окружении балтийского и финского языков (О.Н. Трубачев, Ф.П. Филин, В.Б. Крысько). Первая группа исследователей исходит из подразделения генезиса говоров новгородских, в основе своей восточнославянских, среднеднепровских, и говоров псковских, причем к западнославянскому типу относит только диалект, ассоциированный со Псковом и Псковской землей. Так, в одной из работ А.С. Герда, посвященной псковским говорам, читаем: «В принципе вполне можно допустить, что еще задолго до появления в Верхней Руси носителей среднеднепровских диалектов здесь уже был распространен некий славянский диалект западнославянского типа» (Герд 2001: 13). Согласно А.А. Зализняку, «западные и восточные говоры Новгородской земли не связаны между собой исключительным родством»: отличительные западноновгородские говоры, находившиеся

западнее Новгорода, принадлежали древнепсковскому диалекту, а восточноновгородские, лежавшие восточнее Новгорода на коренных его землях, «стояли сравнительно близко к наддиалектному древнерусскому»; в самом же Новгороде сложилось койне, объединявшее черты обоих указанных типов говоров (Зализняк 2004: 5–7). С этноисторической точки зрения древнепсковский диалект отождествляют с диалектом племени северных кривичей, которыми стали славянские земледельцы-переселенцы из Повисленья (Седов 1999: 124–127). В первом издании монографии «Древненовгородский диалект» древнепсковский назван севернокривичским диалектом, а восточноновгородские говоры отнесены к говорам племени словен ильменских (Зализняк 1995: 4), хотя во втором издании 2004 г. автор от племенной терминологии решил отказаться (как, впрочем, и от полемических упоминаний об особенном псковско-западнославянском родстве).

В свою очередь В.Б. Крысько, проанализировав в серии статей основные древненовгородские и древнепсковские языковые черты, произвел убедительную диахроническую классификацию данных черт с целью обобщения их генезиса, выявления архаического, инновационного и диалектного. Было выделено пять групп: праславянские архаизмы (неосуществление 2-й палатализации, сохранение праслав. *dl, tl*, имен. п. ед. ч. муж. р. мягкого *о*-склонения на -*е*, формы адъективного склонения с сохранением в составе флексии субстантивного окончания, недоразвитие категории одушевленности в ед. ч. и др.), праславянские диалектизмы, восточнославянские инновации дописьменного периода, общеновгородские диалектные явления, разновременные инновации отдельных новгородско-псковских говоров. Проведенная генерализация признаков, во-первых, отрицает особенную связь говоров древних новгородско-псковских земель – в отрыве от прочих восточнославянских – с западнославянским ареалом, во-вторых, позволяет думать, что эти говоры генетически не размежеваны и составляют в сущности один восточнославянский новгородско-псковский диалект (как совокупность восточнославянских говоров) и, в-

третьих, этот диалект отличается в кругу других восточнославянских не только архаичностью, но и собственными своеобразными инновациями (Крысько 1998: 80–88).

Свое слово в данном споре обязательно должна сказать местная топонимия, главным образом славянская топонимическая архаика позднепраславянского и древнерусского типов. Сразу отметим, что топонимический материал не позволяет целиком присоединиться ни к одной из изложенных выше лингвогенетических версий, скорее склоняет к промежуточной, компромиссной точке зрения на диалектный генезис Новгородско-Псковского региона.

С одной стороны, состав архаической топонимии этого региона, локализуемой как в зоне новгородских, так и в зоне более западных, псковских говоров, препятствует признанию их западнославянского генезиса, ввиду большого количества эксклюзивных схождений со Славянским Югом. В работах Ф. Безлая, И.М. Железняк констатированы неожиданные сепаратные черты сходства между реликтовыми гидронимами Словении и топонимией Псковской обл., реже Новгородской обл. и Северо-Запада в целом: словен. *Nevljica* – пск. *Невель*, словен. *Dnika* – пск. *Днико*, словен. *Svibnik* – пск. *Свибло* и ряд других. Из суммы подробно проанализированных нами топонимических архаизмов Новгородско-Псковского региона до 40% имеют соответствия в пространстве восточных, западных и южных славян, до 40% – только у западных славян, до 20% – исключительно или преимущественно у южных славян (подр. см. Васильев 2012: 675–678). Поэтому, хотя с территориально более близким западнославянским ареалом топонимических перекличек, найдено больше, видеть исходный пункт движения ранних славян на земли будущих Новгорода и Пскова «в областях, прилегающих с юга к Балтике» (Янин 2004: 79), нет оснований.

С другой стороны, свидетельства топонимии не согласуются с выводом о том, что «исторические новгородцы и псковичи предстают перед нами как потомки одной племенной группы – ильменских словен <…> – и, тем самым, изначально

носители одного диалекта» (Крысько 1998: 87). Серьезный аргумент против монодиалектности региона являет раннеславянская отантропонимная топонимия со вторым элементом *-гощ-/-гост-* типа *Видогоща, Моглогость, Коегощи, Подгощи, Радгостицы*. Концентрированный, самый мощный во всей Славии ареал «*гостевой*» топонимии в центральных районах Новгородской земли резко контрастирует с полным отсутствием таких названий в бассейне Великой – ядре Псковской группы говоров. Появление «*гостевой*» топонимической архаики в Ильмень-Волховском бассейне, особенно плотно сосредоточенной в ближайших окрестностях Ильменя, лучше всего объяснить быстрым притоком сюда славянского населения, которого в бассейне Великой не было. «*Гостевый*» топонимический ареал хорошо ложится на зону распространения новгородских сопок и был сформирован славянским населением, сооружавшим сопки. С приходом этого населения, надо полагать, связан и тот факт, что древние названия селений и урочищ, включающие и другие типовые общеславянские топоосновы (не только *-гост-/-гощ-*, но и *рад-, хот-/ хут-, слав-, люб-, добр-, жир-, мир-, вид-, вит-, буд-, мил-, дорог-, люд-, жад-, рах-/ раш-, нег-/неж-* и др.) опять же более плотно проявляются в новгородских говорах Приильменья, нежели в псковских говорах Повеличья.

Что касается раннеславянской колонизации Новгородско-Псковского региона, предпочтительной выглядит гипотеза о двух волнах данного процесса (Носов 1992: 11–12). Славяне первой, ранней волны миграции, пришедшие с юга, приняли участие (в процессе взаимодействия с различными группами неславянского населения) в создании культуры длинных курганов начиная с VI в. Эти славяне впервые появились в бассейне Великой и в районе будущего Пскова примерно в конце V – начале VI вв. и распространились не только на Псковщине, но и восточнее – в бассейне Ловати южнее Ильменя, огибая само это озеро, и в бассейне Мсты к востоку от Ильменя (поэтому длинные курганы археологи называют псковско-новгородскими, псковско-боровичскими). Позднее к оз. Ильмень пришла вторая волна славян с юга, чьи

первые селища близ Новгорода датируют концом VII – началом VIII в. Они создали в Ильмень-Волховском бассейне культуру новгородских сопок, которая перекрывает восточную (новгородскую) часть ареала длинных курганов и покрывает бескурганное побережье оз. Ильмень.

На наш взгляд, именно две разновременные волны раннеславянских миграций на Русский Северо-Запад в конечном счете определили формирование говоров псковских и новгородских как отдельных диалектных образований. Истоки ядра псковских говоров бассейна Великой обязаны диалекту славян первой волны, которые начиная, вероятно, с VI в. участвовали в создании длиннокурганной культуры. В свою очередь генезис новгородских говоров Ильмень-Волховского бассейна задан пересечением и последующим слиянием диалектов славян первой и второй волн миграций: на диалект курганных славян в восточной части их ареала, особенно в бассейне Мсты, в Нижнем и Среднем Половатье, в верховьях Луги и Плюссы, наложился диалект более поздних славян, пришедших сюда в конце VII в. и образовавших культуру новгородских сопок. Волна сопочных славян была более мощной, их говоры возобладали и отчасти усвоили, отчасти заместили диалектное своеобразие курганных славян, а в конечном итоге обе эти племенные группировки, после образования Новгорода и новгородской государственности, превратились в древних новгородцев. Расхождение диалектов курганных и сопочных славян было хронологическим, а не географическим: носители тех и других, с разницей примерно в пару столетий, продвинулись в бассейн Великой и к оз. Ильмень в общем из одного исходного места и по одному маршруту. Судя по поясной дистрибуции топонимической архаики, обе группировки славян двигались в Новгородско-Псковский регион из галицко-волынских земель (смежные Северо-Западная Украина и Южная Польша), пройдя сначала к востоку, с обходом левобережья Припяти, а затем к северу – вверх по Днепру и его притокам, преимущественно по восточной части Верхнего Поднепровья, минуя запад и центр Белоруссии (Васильев 2013: 22–24).

Предложенная гипотеза догородской предыстории диалектов Новгородско-Псковского региона объясняет несколько ключевых моментов. Она хорошо трактует этноисторический статус отличительного древнепсковского (или, иначе, севернокривичского) диалекта. Констатируемая всеми его архаичность обязана не столько удаленности и периферийности псковской территории, сколько сравнительно ранней миграции от славянской прародины в Центральной Европе на Русский Северо-Запад. На своей прародине это был диалект, принадлежавший к той более широкой позднепраславянской диалектной группе, носители которой вскоре мигрировали на восток и стали восточными славянами; именно поэтому в древнепсковском диалекте присутствуют как многие праславянские архаизмы, так и многие праславянские и более поздние диалектизмы, релевантные для его восточнославянской идентификации. Если же и наблюдаются в древнепсковском диалекте дополнительные сходства с западнославянским языковым ареалом, то их лучше объяснять не миграцией из Южной Прибалтики, а сложным переплетением пучков изоглосс еще на самой центральноевропейской прародине, ставшей очагом разнонаправленных миграций. Далее, в рамках предложенной гипотезы становится понятно, почему черты диалекта, называемого древнепсковским, отмечаются и на самой псковской территории, и на новгородской территории к западу от Новгорода, и в самом древнем Новгороде (который летопись, между прочим, называет городом словен, а не кривичей), и далеко к востоку от Новгорода, в том числе на путях древненовгородской колонизации. Некоторые древнепсковские черты проявились с большей выразительностью как раз восточнее Новгорода, как, например, гидронимы типа *Клещино* с рефлексом *кл-* (Васильев 2012: 412). Это легко связать с изначальным распространением к востоку от Новгорода говоривших на этом диалекте курганных славян, а тот факт, что черты этого диалекта чаще отмечают все же на псковской территории, объяснимы тем, что на Псковщине на первых порах почти не было сопочных славян, диалект которых отчасти нивелировал эти черты в Ильмень-

Волховском бассейне. Наконец, данная гипотеза объясняет более плотное сосредоточение славянской топонимической архаики в Ильмень-Волховском бассейне (см. выше), часть которой отсутствует в бассейне р. Великой: эту архаику оставили преимущественно славяне, сооружавшие сопки, а отдельные архаические топонимы осталась еще от славян длиннокурганной культуры. Приток славян второй волны миграции в Ильмень-Волховский бассейн был очень многочисленным, их диалект стал преобладающим, благодаря чему именно новгородские (а не псковские) говоры стали источником формирования ряда явлений, которые охватили Русский Северо-Запад и Русский Север и отчасти надвинулись и на псковскую территорию, располагаясь ступенчато, с севера на юг (Герд 2001: 14).

Говоря о двух волнах раннеславянского заселения Новгородско-Псковского региона, мы намеренно не использовали летописные племенные наименования *кривичи* и *словене ильменские* ввиду того, что эти две группировки в первое время их появления на Русском Северо-Западе, похоже, не имели особых этнонаименований. За летописным *словене ильменские* стоит лишь общее имя всех славян, особого имени данная группировка так и не успела приобрести. К славянам, создававшим длинные курганы, этноним *кривичи* действительно мог прилагаться, судя по названиям дд. *Кривск* близ Пскова, *Кривцы* и *Кривицы* на юге Псковской обл., *Кривско* и *Кривкино* в Юго-Восточном Приильменье, севернее пос. Демянск Новгородской обл. Но сами эти топонимы подразумевают деривацию от основы *крив*-, а не от *кривич-/кривит*-, склоняя к мнению о неславянском ее происхождении (ср. подобного типа бессуффиксальные *весь*, *чудь*, *русь*, *голядь*, *корсь*, *либь*, *меря* и т.п., относившиеся всегда к неславянам). Хочется согласиться с теми исследователями, которые обосновывали этническую основу *крив*- как балтизм (принимая в расчет имя и титул верховного жреца у всех балтов *Krive, Krivaitis*, и частотность *Kriv-/Kriev-/Kreiv*- в балтийской антропонимии и топонимии и др., подр. см. Топоров 2000: 392–395). Данная балтийская основа перенеслась на славян, пришедших в бассейн Великой

(ср. бессуффиксальное лтш. *krievs* ‘русский’), и подверглась затем славянизации путем патронимического оформления: *kriv-* > *кривичи*. За процессом превращения балтийского имени в славянский этноним, очевидно, кроется ассимиляция местных балтов пришлыми славянами. Это сопрягается с выводами археологов о полиэтничности культуры псковско-новгородских длинных курганов: в состав ее носителей, вместе со славянами, влились также местные балты и финны.

Литература и источники

1. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2012.
2. Герд А.С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
3. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
4. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Крысько В.Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.
6. Носов Е.Н. Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. … д-ра ист. наук / Ин-т истории материальной культуры РАН. СПб., 1992.
7. Седов В.В. Древнерусская народность. М.: Языки славянской культуры, 1999.
8. Топоров В.Н. О балтийском слое русской истории // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 349–411.
9. Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004.

УДК 81'374, 811.161.1

С.Св. Волков, Е.М. Матвеев, М.Г. Шарихина
(Санкт-Петербург, Россия, sergejvolkov2006@yandex.ru,
ematveev@list.ru,justmilya@yandex.ru)

Принципы Ларинской лексикографии в «Словаре языка Ломоносова» (фразеология)

В статье рассматриваются принципы выделения и описания устойчивых сочетаний в «Словаре языка М. В. Ломоносова», а также формулируются задачи, актуальные для составления исторического авторского словаря. Описание различных лексико-грамматических разрядов устойчивых сочетаний, построенных как по модели словосочетания, так и предложения, проводится с учетом специфики словарного материала.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое сочетание, лексикография, язык Ломоносова

S. Sv. Volkov, E. M. Matveev, M. G. Sharichina

The Principles of Larin's Lexicography in the "Dictionary of the Lomonosov's Language"

The article discusses the principles of phraseological units description in the "Dictionary of the Lomonosov's Language", and defines the goals relevant for the compilation of the historical authorial dictionary. A description of different lexical and grammatical groups of set expressions which are founded on the model of both phrases or sentences (idioms, metaphoric combinations, set comparisons, proverbs, etc.) is provided.

Key words: phraseological unit, set expression, lexicography, the Lomonosov's Language.

I

Одним из важнейших аспектов описания **авторского слова** является не только демонстрация его семантической «глубины», специфики авторских трансформаций и «приращений», обогащения семантики, актуализации одних семантических элементов и ослабления других, но и словарное

представление того, насколько активно ведет себя авторское слово в плане комбинации с другими лексическими единицами, его способности вступать в разнообразные непродолжительные или длительные «союзы» и «отношения», благодаря которым и рождается тот самый уникальный у каждого автора контекст, «уловить» который, по словам Л.С. Ковтун, является задачей научного авторского словаря (Ковтун 1962: 310). Безусловно, образ мира автора – как литератора, так и ученого, – является нам равно как через семантику авторского слова, так и через его сочетаемость.

Знакомство с современной литературой по фразеологии показывает, что изучение фразеологии отдельных авторов является одним из актуальных направлений современных фразеологических штудий. Соответственно сказанному, одним из значимых параметров «Словаря языка М.В. Ломоносова» является фразеологический параметр – демонстрация сверхсловных идиолектных единиц, т. е. устойчивых сочетаний разного типа. В плане характеристики идиолекта, как считал Ю.С. Сорокин, такого рода информация преследует троякую цель: 1) выделить и описать случаи реализации фразеологически связанных значений слова; 2) отметить ситуации возникновения семантического единства, наблюдать за процессом формирования «слитности»; 3) раскрыть сочетаемостные потенции слова, выделив различные синтаксические модели с интересующим нас словом в качестве одного из компонентов, синтаксических характеристик функционирования идиом (Сорокин 1960: 54–55). Важным представляется изучение влияния устойчивых сочетаний на изменение семантики слова (см. Корнев 1981). Не менее значимый аспект лексикографирования фразеологических единиц идиолекта представляет описание формального варьирования устойчивых сочетаний в пределах идиолекта и относительно лексико-фразеологического массива русского языка XVIII века (*внутреннее* и *внешнее* варьирование), фиксация частотности употребления (допустим, с использованием специальных помет или, например, путем приведения бóльшего, чем у нечастотных единиц, количества примеров) в целом или в текстах отдельных

произведений (групп произведений, например, одической поэзии).

Если речь идет об устойчивых сочетаниях в «Словаре языка Ломоносова», то какие виды сверхсловных единиц должны были бы найти в нем отражение? Какие именно разряды устойчивых словосочетаний можно считать релевантными для создания более-менее объективной лексикографической модели языка и стиля выдающегося русского писателя и ученого? Главным принципом представления материала в современном авторском словаре, как нам представляется, является провозглашенный проф. Б.А. Лариным принцип полноты охвата авторского языкового материала. Этот принцип, как мы полагаем, должен быть в полной мере распространен и на устойчивые словосочетания в языке М. В. Ломоносова, поэтому в словарной статье должны найти описание все имеющиеся их типы. Как справедливо отмечает А. Г. Балакай, «применительно к задачам составления словаря языка писателя <...> целесообразно придерживаться широкого понимания фразеологии. К фразеологическим единицам следует относить все устойчивые в языке и воспроизводимые в речи обозреваемого периода комбинации слов различных грамматических структур, обладающие разной степенью семантической слитности и мотивированности значения» (Балакай 2009: 11). К таким единицам исследователь относит идиомы, фразеологические сочетания, составные наименования («номенклатуры»), описательные наименования (перифразы), предложно-падежные сочетания с идиоматичным значением, устойчивые сравнения, модальные выражения, этикетные формулы, пословицы, поговорки, крылатые выражения. Мы должны добавить к этому обширному списку грамматические фразеологизмы (*как бы там ни было*; *между тем как*; *не что иное как, за благо рассудится* и под.), синтаксические фразеологизмы (Баранов, Добровольский 2008: 9), а также т. н. языковые штампы или клише – устойчивые сочетания, имеющие «ходовой для своего времени характер» (САТГ 1: 30).

Итак, в «Словаре языка М. В. Ломоносова», составление которого идет в ИЛИ РАН, принято широкое понимание

фразеологии. Термин *фразеологическая единица* при таком подходе синонимичен термину *устойчивое сочетание*. Под *фразеологической единицей* мы понимаем языковую единицу, возникшую в результате процесса фразеологизации, *воспроизводимую* в языке и любом акте речи как готовая единица более сложной организации, нежели слово (Бирих, Волков, Никитина 1993: 89).

Таким образом, главным признаком устойчивых сочетаний, помимо, конечно, их раздельнооформленности, является их воспроизводимость: «Фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы» (Шанский 1996: 22–23), т. е. как бы извлекаются из языковой памяти целиком, в «готовом» виде», это своего рода «предварительное, дотекстовое бытие языковых сочетаемостей» (Копыленко, Попова 1978: 15). Воспроизводимость, по-видимому, следует принять как основное свойство фразеологии, так как именно она является единственным общим и отличительным признаком, выделяющим устойчивые сочетания из массы свободных сочетаний слов.

Воспроизводимость сочетания, по-видимому, должна доказываться: а) «положительной» частотностью употребления сочетания в идиолекте М.В. Ломоносова (назовем этот вид воспроизводимости *внутренней* или *идиолектной*). Условно примем за критерий включения словосочетания в число устойчивых повторяемость словосочетания в текстах М.В. Ломоносова не менее трех раз[1]; так, например, ФЕ *живота лишиться* ‘умереть’ употребляется в текстах М.В. Ломоносова 9 раз (см. ниже) и, следовательно, вполне заслуживает включения в Словарь; б) фиксацией сочетания в исторических, толковых, диалектных, авторских словарях (в том числе в «Словаре русского языка XVIII века», «Большом академическом словаре», «Толковом словаре живаго великорусского языка» В. И. Даля, «Словаре русских народных говоров», «Архангельском областном словаре», «Вейсманновом лексиконе», «Словаре

[1] Такой подход нам любезно подсказал проф. Университета Трира (Германия) А.К. Бирих.

языка Пушкина» и пр.), а также сводных фразеологических собраниях, таких, как, например, «Большой словарь русских поговорок» (Мокиенко, Никитина 2007) и др.; в) фактами регистрации сочетания крупнейшими словарными картотеками (картотека «Словаря русского языка XVIII века», Большая словарная картотека ИЛИ РАН, картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.», картотека «Словаря русских народных говоров». Весьма полезными окажутся сведения, которые составители словаря почерпнут из электронных корпусов. Этот вид воспроизводимости следует назвать *внешней* или *языковой*.

Второй не менее важный признак фразеологической единицы – это ее имманентная *экспрессивность* (этим свойством обладает большинство описываемых устойчивых сочетаний, кроме составных терминов и некоторых фразеологических сочетаний и грамматических фразеологизмов, но и они имеют особую маркированность в тексте М.В. Ломоносова). Экспрессия фразеологических единиц, указывает С.Б. Берлизон, – «способность фразеологизма (слова) выражать понятия ярко, наглядно, красочно, передавать интенсивность его смыслового содержания, наивысшую степень признака, напряженность действия, создавать "особое восприятие" – своеобразный компонент его смысловой структуры, обусловленный особенностями его семантики, формальной структуры, звукового состава» (Берлизон 1972: 242). По мнению В. М. Мокиенко, фразеологизмы являются почти «идеальными» прагмемами: «у фразеологизма номинативное растворено в экспрессивном, подчинено ему. Эти две стороны языкового знака во фразеологизме синкретичны» (Мокиенко 1989: 210–211).

Однако выделить, используя указанные выше критерии, совокупность воспроизводимых словосочетаний в идиолекте М. В. Ломоносова и составить их реестр – это только половина дела. Актуальной задачей словарного описания фразеологических единиц в «Словаре языка М.В. Ломоносова» можно считать исследование особенностей применения устойчивых сочетаний в текстах М.В. Ломоносова разной

тематической приуроченности. В фокусе лингвистического анализа при этом должны находиться семантические и формальные «сдвиги», «переделки», изменение связей, варьирование компонентного состава, обогащение значения и, как указывал Б.А. Ларин, появление «добавочности смысла». Так, например, устойчивое сравнение *как град падать, сыпаться* ‘обильно, во множестве’ является общеязыковым, в том числе и для русского языка середины XVIII века; употребление этого сравнительного оборота, например, находим у Ломоносова в трагедии «Демофонт» (1751). Но в трагедии «Тамира и Селим» (1750 г.) находим этот же оборот уже в трансформированном виде: *как град сгуще́нный шуметь* ‘о звуке, который издают падающие во множестве стрелы’:

[Тамира:]
К нему [Селиму] я чувствую в себе любовну страсть!
Любовь меня влечет его смотреть на стены.
Куда? И как? Или на стрелы устремлюсь,
Что ныне против нас ***шумят, как град сгущенный****?*
Но я уязвлена и стрел уж не боюсь (8, 296)[1].

Так создается новый яркий поэтический образ, в котором актуализируются иные, нежели в традиционном устойчивом сравнении, содержательные элементы – звук, который издается обильным дождем, градом, сополагается с шумом или звуком, который издают летящие стрелы. Следует заметить, что особенностью поэтического идиостиля Ломоносова является использование этого устойчивого сравнения с интегрированным «интенсифицирующим» или «гиперболизирующим» определением (*сгущенный*).

II

В «Словаре языка М.В. Ломоносова» будут отдельно описываться две группы устойчивых словосочетаний:

---

1 Все цитаты даются по Академическому полному собранию сочинений М.В. Ломоносова в 11-ти томах (1950–1983).

фразеологические единицы, построенные по структурной схеме словосочетания или имеющие глагольно-пропозициональную структуру;
фразеологические единицы, построенные по структурной схеме предложения, в терминологии Н.М. Шанского – «фразеологические выражения коммуникативного характера» (Шанский 1996: 70), представленные пословицами и афоризмами – т.н. «крылатикой».

В пределах первой группы устойчивых сочетаний (в соответствии с традицией ларинской лексикографической школы) в «Словаре языка М.В. Ломоносова» различаются три *основных* типа единиц. Б.А. Ларин в «Инструкции Псковского областного словаря» писал: «Тремя знаками – уголка, треугольника и ромба – мы выделяем устойчивые сочетания разных степеней семантической слитности» (Ларин 1963: 267–268). Идиомы, фразеологические сращения, в которых невозможно расчленение на смыслоразделительные слова, в словарной статье выделяются знаком семантического ромба ◊. Иносказательные речения, в которых так сказать еще «осознается» внутренняя форма, которые характеризуются «двуплановостью», живой образной связью с исходным словосочетанием, выделяются знаком «треугольник» Δ. Устойчивые словосочетания, употребляемые с прямым значением слов-компонентов (или семантическим сдвигом в одном из компонентов), выделяются принятым, не только в «Псковском областном словаре», но и «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» знаком угла ∠. Последняя группа представляет особый интерес для авторского словаря.

Предполагается, что устойчивые сочетания, приводимые за знаком угла, будут толковаться только при необходимости; лексикографическая разработка таких словосочетаний осуществляется внутри словарной статьи и следует после описания семантики и особенностей употребления заголовочного слова (леммы) и подтверждающего иллюстративного материала. К этой группе устойчивых сочетаний составители «Словаря языка Ломоносова» относят:

а) Субстантивные сочетания.

СОСТОЯНИЕ ..

∠ **Цветущее состояние**. *Благополучие, слава и* ***цветущее состояние*** *государств от трех источников происходит* (6, 421). *Того ради Канцелярию Академии Наук прошу, чтобы о вышеписанном определить соблаговолила, ибо я не сомневаюсь, что Академическая лаборатория таким образом вяще и вяще размножится и может придти в* ***цветущее состояние*** (9, 51).

РОД ..

∠ **Российский род**.

Подобным жаром воспаленный
Стекался здесь ***Российский род***
И, радостию восхищенный,
Теснясь взирал на Твой приход (8, 218).

б) Глагольно-именные описательные обороты.

ПОПЕЧЕНИЕ ..

∠ **Иметь попечение**. *И по окончании тяжких трудов военных, по укреплении со всех сторон безопасности целого отечества первое* ***имел*** *о том* ***попечение****, чтобы основать, утвердить и размножить в нем* науки (2, 368). *Того ради государи и правительства, справедливое* ***имея*** *об общей пользе* ***попечение****, не щадят своих иждивений на строение и сооружение астрономических обсерваторий* (4, 363).

БЛАГОДАРЕНИЕ ..

∠ **Воздавать (воздать) благодарение**. *Великое* ***благодарение*** *всевышнему человеческий род* ***воздавать*** *должен за дарованную ему к толиким знаниям способность* (2, 368). *Нарицается именем царским Василей, свобождается от слепоты и*

поганства и, ясно прозрев, ***воздает*** *горячее* ***благодарение*** *создателю* (6, 267). *Какое* ***благодарение****, какой дар тебе* ***воздам****?* (7, 199)

БЕГСТВО ..

∠ **Обратиться в бегство**. *Печенежское войско, объятое робостию,* ***обратилось в бегство*** (6, 272). *Но когда Отеческий скипетр и мечь приняла мужественная Елисавета, тогда, как некоторым бурным дыханием возметаемы, неприятели с трепетом* ***в бегство обратились*** (8, 244).

в) Фразеологизмы-формулы (см. Зиновьева 2012: 22–26), плеонастические и парные сочетания:

ЖИВОТ..

∠ **Живота лишиться**. *Умереть, погибнуть*. *Из россиян мужественный военачальник Икмор, не родом, но удальством достигший своего чина, вторый по Свигелле,* ***живота лишился*** *от меча Анемала, стипатора царского* (6, 244). *Фридерик-цесарь несчастливее был в реке Цидне, нежели Александр Великий, ибо сей, умывшись в ней, только разболелся, а оный* ***живота лишился*** (7, 108).

СМЕРТЬ ..

∠ **Казнить смертию**. *Поиманные старейшины городские иные* ***казнены смертию****, иные Ольгиным военачальникам отданы в рабство* (6, 235).

МИР ..

∠ **Мир и тишина, тишина и мир**. *В долговременную* ***тишину и мир*** *между Россиею и Грециею жили многие россияне в Цареграде для купечества* (6, 284). *Но далее простирается прехвальная сия Монархини нашея добродетель, бóльший пример великодушия показует Российская Героиня, ибо, не*

токмо отпустив врагам своим предерзость, ***мир и тишину****, и земли покоренныя возвращает, но и оружие свое простирает к их защите, отвращает с другой страны грозящую им войну и наследство их престола купно с вольностию утверждает* (8, 246).

г) Адвербиальные сочетания.

НЫНЕШНИЙ ..

∠ **В нынешние веки**. ***В нынешние веки*** *всё свое рачение на сие положили преискусные в астрономии и в мореплавании люди, отчего оно до того достигло, что многим трудностям, которые неприступны быть казались, ныне преодоленным и изъясненным чудимся и употребляем их с пользою в действие* (4, 126).

ПАЧЕ ..

∠ **Паче чаяния**. *Сверх или против ожидания.* ***Паче*** *общенароднаго* ***чаяния****, противу невероятия оставивших надежду и свыше препинательных происков и явительнаго роптания самой зависти загремели внезапно новые полки Петровы и в верных Россиянах радостную надежду, в противных страх, в обоих удивление возбудили* (8, 593).

ВРЕМЯ ..

∠ **Со временем**. *Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они* ***со временем*** *чрез употребление знакомее будут* (1, 425).

д) Предложно-субстантивные сочетания.

ЗНАК ..

∠ **В знак** *чего*. *Прими **в знак** благодарности недостойное сие приношение* (8, 612). ***В знак** моего к вашему преосвященству усердия имею прислать книжицу моих трудов* (10, 435).
е) Формулы речевого этикета, клише и наименования титулов.

БИТЬ..

∠ **Бить челом**. *Традиционная формула обращения в прошениях на высочайшее имя*. ***Бьет челом** коллежский советник и Академии Наук профессор Михайло Васильев сын Ломоносов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты* (9, 108).

ЧЕСТЬ ..

∠ **Честь иметь** и **иметь честь**. *По требованию вашего превосходительства приношение его высочеству, сочиненное мною, при сем прислать **честь имею** и отдаю на ваше рассуждение* (10, 461).

ГОСУДАРЫНЯ ..

∠ **Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица**. *Основанныя здесь почтенныя Художества благословенным предначинанием блаженныя памяти Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, которыя сладчайшее воспоминание в роды родов не умолкнет, ныне под высочайшим покровительством достойныя престола и щедрот Ея Преемницы, **Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы** Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския <...> с ускорением восходят и отворяют цветы, настоящею приятностию предзнаменующия будущих плодов сладость* (8, 786). ***Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица** Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая* (9, 92).

МИЛОСТИВЫЙ ..

∠ **Милостивый государь**. ***Милостивый государь*** *Иван Иванович!* (10, 469) ***Милостивый государь****! исходатайствуй бедной вдове его или детям до смерти. За такое благодеяние господь бог вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за свое* (10, 485).

ж) Устойчивые сравнения.
Сравнительные конструкции у Ломоносова часто являются эффективным средством создания экспрессивных и ярких гиперболизированных и аффектированных образов; сравнения, утверждает В.П. Берков, «вообще один из важнейших элементов художественного текста и авторы <...> стремятся к тому, чтобы сравнения были необычными, неожиданными, яркими» (Берков 1996: 109). Именно такие образы наиболее часто встречаются в поэтических произведениях Ломоносова: вторая строфа «Вечернего размышления о Божием Величестве» целиком построена на последовательности сравнений с общей семантикой ‘*ничтожный, беспомощный*’:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен! (8, 120).

III

Описание устойчивых сочетаний в «Словаре языка М.В. Ломоносова» строится по следующей схеме:

Вокабульное выражение и его варианты (полужирный прямой шрифт), например, ∆ **Лавровый венок**, **венец**; ∆ **Кастальские нимфы**, **сестры**… На первом месте всегда находится статистически сильный (наиболее употребительный) вариант.

Словарные пометы (курсив): а) фиксация фразеологических новаций: «*впервые у М. В. Ломоносова*», «*только в поэзии М. В. Ломоносова*», «*в переписке*» и под.;

б) выделение локализмов и регионализмов (помета *Обл.*); в) пометы, демонстрирующие формирующееся в трудах М. В. Ломоносова «тяготение», «приуроченность» лексической единицы к разным предметно-понятийным сферам знания, существенным для его научной и практической деятельности (см. Волков 2015: 143–162), например:

∠ **Венгерский, желтый мышьяк** *Минер*. ..

∠ **Пробирный горн** *Метал*.

∠ **Электрическая атмосфера** *Метеор*.

∠ **Вспомогательный** [**спомогательный**] **глагол** *Грамм*.

∠ **Огнедышащая гора** *Геогр*.

Толкование значения (приводится только для *идиом* и *мотивированных фразеологизмов*):

Иллюстрации, демонстрирующие употребление ФЕ в текстах М.В. Ломоносова; если ФЕ встречается в параллельных текстах Ломоносова (латинско-русских, русско-латинских, немецко-русских), то обязательно приводятся параллельные контексты. Все иллюстрации (цитаты) обязательно паспортизируются указанием на том и страницу АПСС М.В. Ломоносова.

Этимологические и историко-культурные комментарии.

В «Словаре языка Ломоносова» лексикографическая разработка *идиом* (знак «ромб») и *мотивированных фразеологизмов* (знак «треугольник») представляет собой отдельную рубрику словарной статьи (см. Волков 2006: 19), которая размещается после семантической части и иллюстративного материала. *Фразеологические сочетания* (знак «угол») помещаются в зоне семантического описания слова, т. е. до идиом и мотивированных фразеологизмов.

Дискуссионным вопросом всегда является место лексикографической разработки фразеологической единицы: разные авторы считают, что на это место указывает, например, «структурно организующий компонент» (ФСРЯ: 20) или «начальные буквы первого компонента – генетически знаменательного слова» (Словарь русского языка XIX века 2002: 149), «лексико-грамматическая характеристика», т. е. глагольные ФЕ типа *бить поклоны* получают описание под

словом **бить** (Словарь русского языка XVIII века 1977: 102–103) и т.д. В «Словаре языка Ломоносова» фразеологические единицы со знаками ромба, треугольника и угла, разрабатываются под опорным словом. Согласно принципам, которые были разработаны В.М. Мокиенко и его соавторами (см.: Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 8; Мелерович, Мокиенко 1997: 35) и получили уже надежную апробацию, используется метаязыковой прием иерархии гнездовых слов. На первом месте стоит первое (или единственное) существительное, далее следуют глагол, прилагательное, местоимение, наречие, числительное и т.д. Кроме этого, каждая фразеологическая единица помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов, включая варианты. Как справедливо считал А.И. Молотков, этим обнаруживаются, вскрываются связи и отношения фразеологизмов между собой и с другими единицами языка, а система *отсылок* всегда точно укажет, где находится разработка фразеологической единицы (ФСРЯ: 20).

Сокращения

САТГ – Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1–6. Л., 1974–1990.
СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–21. СПб., 1992–2015
ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.

Литература и источники

1. Балакай А.Г. Фразеология в тексте и фразеология текста (О понятии «фразеология» применительно к авторскому словарю) // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума 4–6 мая 2009 г. Великий Новгород, 2009. С. 11–13.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
3. Берков В. П. Семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики. Количественность. Качественность. СПб.: Наука, 1996. С. 107–129.

4. Берлизон С. Б. Выражение экспрессивности и эмоциональности в фразеологической единице и слове // Вопросы фразеологии. Труды Самаркандского государственного университета. Вып. 219. Ч. 1. Самарканд, 1972. С. 241–247.
5. Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г. Словарь русской фразеологической терминологии. München, 1993.
6. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. В.М. Мокиенко. СПб., 1999.
7. Волков С. Св. Словарная статья в «Словаре языковой личности» М.В. Ломоносова // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Вып. 2. СПб., 2006. С. 10–19.
8. Волков С. Св. Стилистическая и функциональная характеристика лексических единиц идиолекта М.В. Ломоносова // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014. СПб., 2015. С. 143–160.
9. Зиновьева Е.И. Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2012.
10. Ковтун Л. С. О специфике языка писателя // Словоупотребление и стиль М. Горького / Отв. ред. Б.А. Ларин. Л., 1962. С. 12–31.
11. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978.
12. Корнев А.И. Роль устойчивых сочетаний в развитии семантики слова // Современная русская лексикография. Л., 1981. С. 43–53.
13. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры I. Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1963. С. 252–271.
14. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950–1983.
15. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997.
16. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. 2-е изд. М., 1989.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.
18. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.

19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
20. Словарь русского языка XVIII века: Проект / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.
21. Словарь русского языка XIX века: Проект / Отв. ред. З.М. Петрова. СПб., 2002.
22. Сорокин Ю. С. Инструкция по составлению словаря к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. М., 1960.
23. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

УДК 801.56

Л.Б. Воробьева
(Псков, Россия, lina5558@yandex.ru)

Отражение пространственной оппозиции близко/далеко в русской и литовской фразеологии

Статья посвящена вопросам анализа пространственной оппозиции близко/далеко, который проводится в сопоставительном аспекте: анализируются фразеологические единицы русского и литовского языков.

Ключевые слова: оппозиция близко/далеко, пространственные отношения, русский и литовский язык, фразеологическая единица.

L.B. Vorobieva

The Spatial Opposition of Near/Far in Russian and Lithuanian Phraseological Units

The article is devoted to the analysis of the spatial opposition of near/far. The analysis is carried out in a comparative aspect: the phraseological units of Russian and Lithuanian languages.

Key words: near/far opposition, spatial relationships, Russian and Lithuanian languages, phraseological unit.

В лингвистике ведущим видом системных связей, определяющим организацию языковых элементов в единое и целостное множество и задающим структурные изменения этого множества, признают отношение оппозиции –

противопоставления языковых единиц на основании их общности.

Членение мира на оппозиции давно известно культурологам, историкам, лингвистам. Базовые семиотические оппозиции были выделены и подробно описаны Вяч. Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым в книге «Славянские языковые моделирующие системы». Выделено большое количество противопоставлений, в основе которых лежат различные категории: «жизнь – смерть», «правый – левый», «верх – низ», «свой – чужой», «светлый – темный», «близкий – далекий», «старший – младший» и др. При этом авторы выделяют главную оппозицию – «положительное» и «отрицательное» по отношению к коллективу и человеку. «Это главное противопоставление реализуется в серии более частных противопоставлений» (Иванов, Топоров 1965: 64).

Проблема восприятия географического пространства и пространственных отношений стала одной из наиболее актуальных в филологических и культурологических исследованиях последних лет (Березович 2009: 82). Бинарные оппозиции с пространственным значением подразделяются на оппозиции с конкретным пространственным значением и оппозиции, которые связаны с так называемым культурным, или этническим, пространством. Культурная, или этническая, разновидность данного феномена образуется из представлений каждого этноса, которому присущи определенные мировоззрение, мироощущение, традиции, поверья, культурные и бытовые установки, трансформирующие и структурирующее конкретное пространство (Ненькина 2011: 72). Как правило, во фразеологизмах конкретное (далеко – близко, правый – левый, верх – низ) и культурное (свой – чужой, внутренний – внешний) пространства смешиваются, почему и единицы, обозначающие в определенном смысле конкретное пространство (близко и далеко), представляют интерес для лингвокультурологического изучения.

Пространственный код является продуктивным источником процесса фразеологизации. Одной из бинарных пространственных оппозиций является оппозиция

близости/дальности, реализуясь во фразеологии единицами с пространственными значениями ‘близко’ и ‘далеко’.

Большинство фразеологических единиц (ФЕ) русского языка, в которых отражается значение ‘близко’, характеризуются связью образа «с такой ориентацией человека в пространстве, когда расстояние... соизмеряется с самим человеком, точнее, с частями его тела (рука, локоть, плечо, бок), с частями лица (лицо, глаз, ухо, нос), т.е. с так называемыми соматизмами» (Савчук 1995: 82). Из 34 фразеологизмов со значением ‘близко’, отобранных из «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (1968), 20 являются соматическими. Данные единицы имеют значение ‘в непосредственной близости, вплотную’: *бок о бок, под боком, вертеться [путаться] под ногами, глаза в глаза, перед глазами, лицо в лицо, лицом к лицу, носом (нос) к носу, нос в нос, нос с носом, из-под <самого> носа, под <самым> носом (перед <самым>носом), плечо в [о] плечо, плечом (плечо) к плечу, за плечами, на плечах, ухо в ухо, ухо к уху.*

Культурные коды активно взаимодействуют друг с другом и могут обладать свойством взаимопроникновения. «Так, соматический код наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека и структурирование окружающего мира» (Андрейченко, Харченко 2015: 9). Это объясняется тем, что соматический культурный код является наиболее древним из существующих. Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. Затем через осознание себя пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (Красных 2001: 6). Таким образом, многие антропоморфные метафоры (изначально принадлежащие коду соматическому) «обслуживают» пространственный код (Красных 2001: 7). В данном случае «компоненты-соматизмы выступают в функции культурного пограничного ориентира в организации пространства, через который происходит контакт с внешним миром, выполняя тем самым символьные или эталонные функции» (Захаренко 2013: 22).

Подобная картина наблюдается и в литовском языке. Из 22 фразеологизмов со значением ‘близко’, зафиксированных в словаре Й. Паулаускаса (Paulauskas 1977), 19 являются соматическими: ***po šonu*** /под боком/, ***prieš akis*** /перед глазами/, ***prie akių*** /у глаз/, ***aplink akis*** /вокруг глаз/, ***ant nosies*** /на носу/, ***po nosimi*** /под носом/, ***iš po [pat] nosies*** /из-под [самого] носа/, ***iš panosės*** /из-под носа/, ***į nosį duria*** /в нос колит/, ***ant nosies kabėti /***на носу висеть/, ***už pečių*** /за плечами/, ***ant pečių*** /на плечах/, ***po ausimi*** /под ухом/, ***už nugaros*** /за спиной/, ***pirštu prikišamai*** /пальцем достать/, ***už pakaušio /***за затылком/, ***po ranka*** /под рукой/, ***prie rankos*** /у руки/, ***prie rankų*** /у рук/.

Фразеологизмов с соматизмом *спина* со значением ‘близко’ в русском языке нет, и это объясняется тем, что *спина* «является «границей» между доступным человеческому взгляду пространством, находящимся впереди, и невидимым для человека пространством, расположенным сзади, вне поля его зрения» (Захаренко 2013: 23). Такое пространство уже относится к далекому. В литовском языке одна единица со значением ‘близко’ зафиксирована: ***už nugaros*** /за спиной/.

В ходе анализа в русском языке были обнаружены многозначные фразеологизмы, которые своим первым (исходным) значением входят во фразеосемантическое поле пространства, вторым – в поле времени: *за плечами, не за горами, ни шагу, ни на шаг.* В.В. Красных отмечает непосредственную связь кода пространственного и кода временного. Во-первых, потому, что пространственные отношения накладываются на временные (окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени). Во-вторых, потому что пространство и время тесно связаны в сознании человека. (Например, использование пространственных предлогов для выражения временных отношений: *со дня на день, до поры до времени, сквозь годы*) (Красных 2001: 9–10). В литовском языке к данному типу относится одна единица, эквивалентная русской, описывающая пространство и время через элемент ландшафта: ***ne už kalnų*** /не за горами/.

В русском языке явно выделяются фразеологизмы, определяющие близость пространства по отношению к человеку, с компонентом *шаг*: *ни на шаг, на шаг, один шаг, в двух [в трех, в нескольких] шагах, ни шагу.* И.В. Захаренко отмечает, что «важная роль в структурации пространства принадлежит шагу, который в эталонно-метрической сфере предстает как эталон минимального расстояния [жить в двух шагах, не отходить ни на шаг], кратчайшего временного отрезка [быть на шаг от гибели], мера минимальных деятельностно-волевых усилий человека [ни на шаг не продвинуться, шагу лишнего не сделать, первые шаги, сделать шаг]» (Захаренко 2013: 30). В литовском языке единиц с данным структурным компонентом в значении ‘близко’ нет.

Большое значение в жизни человека имеет дом, который является «своим» пространством, поэтому, безусловно, языковые единицы, соотносимые с понятием *дом*, обозначают близкое расстояние. Так, в русском языке были выявлены 4 ФЕ, относящиеся непосредственно к дому (с компонентами *дверь* и *стена*) и двору: *дверь в дверь*, *стена в стену (стенка в стенку), стена об стену (стенка об стенку), двор о двор.*

В литовском языке в данном значении 2 единицы содержат компонент ***дверь***: ***už durų*** /за дверью/, ***į dris [belstis]*** /в дверь [стучать]/.

Фразеологизмы с пространственным значением ‘далеко’ в сравниваемых языках количественно представлены меньше. В русском языке удалось обнаружить 13 ФЕ, в литовском – 6. Русские единицы указывают на местоположение (*на отлете, на отшибе, в стороне, у черта на куличках [на рогах], за тридевять земель*), характеризуют перемещение на далекие расстояния (*к черту (чертям) на кулички, за семь верст киселя хлебать, куда Макар телят не гонял, на край света [земли], куда ворон костей не заносил, в сторону*), обозначают протяженность чего-либо в пространстве (конца-краю (конца и краю, ни конца ни краю) не видно (не видать) [нет], насколько [куда] хватает [достает] глаз). Наряду с семами пространства и дальности выделяются дополнительные значения: ‘идти попусту’ (*за семь верст киселя хлебать*), ‘глухие места’ (*к*

черту (чертям) на кулички, у черта на куличках [на рогах]), ‘идти куда угодно’ (*на край света [земли]*). Литовские фразеологизмы указывают на местоположение: ***už marių*** /за морями/, ***už kalnų jūrų*** /за горами морями/, ***kažin kur*** /где-либо/, **kur ten kas** /где там что/, ***kur pipirai auga (dygsta)*** /где перец растет (всходит)/, ***dievo ir žmonių užmirštas*** /забытый богом и людьми/.

Особенно важен при анализе фразеологизмов с семантикой ‘далеко’ лингвокультурологический подход, так как во многих единицах отображается восприятие действительности согласно архаической модели мира: то, что недоступно человеческому зрению, приобретает черты таинственного, неблагоприятного и, возможно, зловредного, и, кроме того, осознается как «чужое» пространство.

Таким образом, фразеологическая оппозиция близко/далеко тесно связана с оппозицией свой/чужой. Как отмечают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, в древнейших представлениях «свое и чужое» пространство мыслятся как совокупность концентрических кругов: в самом центре находится человек и его ближайшее родственное окружение, а степень «чужести» пространства возрастает по мере удаления от центра, от «мира своих» (человек – дом – двор – село – поле – лес). При этом «свое», т.е. освоенное, окультуренное пространство через ряд границ (лес, река, горы) переходит в «чужое», природное пространство, которое граничит или отождествляется с потусторонним миром (Славянская мифология 2002: 425). Как отмечалось ранее, в большинстве фразеологизмов со значением ‘близко’ отразились суждения Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского о «своем» пространстве (человек – дом – двор).

О.И. Андрейченко и Е.В. Харченко отмечают, что за границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых. Чужой мир находится, как правило, далеко: *конца-краю (конца и краю, ни конца, ни краю) не видно (не видать), на край света [земли], куда ворон костей не заносил (куда ворон костей не занесет (не заносит).* Такие ФЕ создают образ удаленности от «своего» пространства, в

результате чего метафорически образное содержание единицы соотносится с далеким, неизвестным, неосвоенным пространством, потенциально опасным для человека (Андрейченко, Харченко 2015: 10).

Таким образом, анализ фразеологизмов, репрезентирующих пространственные отношения близко/далеко, показал, что группа со значением ‘близко’ количественно значительно превышает группу со значением ‘далеко’ в русском и литовском языках. Большинство единиц данной группы в обоих языках являются соматическими. Обнаруживаются в сопоставляемых языках и специфические образы, обусловленные своеобразием видения мира. Фразеологическая оппозиция близко/далеко тесно связана с оппозицией свой/чужой.

Литература и источники

1. Андрейченко О.И., Харченко Е.В. Репрезентация пространственной оппозиции близко/далеко во фразеологии (на материале русского и украинского языков) // Славянская мифология и этнолингвистика: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. С. 8–11.
2. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3. Захаренко И.В. Архетипическая оппозиция «свой–чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Редкол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 15–31.
4. Иванов Вяч.Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965.
5. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 5–19.
6. Ненькина Е.В. Категория пространства и ее отражение в донском казачьем диалекте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2011. Т. 64. № 10. С. 72–76.

7. Савчук Г.В. Отражение в русской фразеологии пространственной модели мира: Дис. … канд. филол. наук. Орел, 1995.
8. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002.
9. Фразеологический словарь русского языка / Коллектив авторов: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А. И. Молотков, А.И. Федоров. Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1968.
10. Paulauskas J. Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. Kaunas: Šviesa, 1977.

УДК 81`04

А.А. Гиппиус
(Москва, Россия, agippius@mail.ru

***Къто, кето* и *кетъ* (к морфологии неличных местоимений в древненовгородском диалекте)**

В статье публикуется надпись-граффито XIII в. из Георгиевского собора Новгородского Юрьева монастыря. К стандартной молитве о Божьей помощи надпись добавляет благопожелание тому, кто ее прочтет. Употребленная в этом контексте словоформа *кетъ* интерпретируется как закономерное фонетическое продолжение древненовгородской формы местоимения ‘кто’ – *кето* с диалектной флексией Им. ед. -*е*.

Ключевые слова: древнерусская эпиграфика, древненовгородский диалект, историческая морфология, местоимения.

A.A. Gippius

***Кътo, кetо* and *ketъ* (On the Morphology of Impersonal Pronouns in Old Novgorod Dialect)**

The article publishes a 13th century graffito-inscription from St. George’s Cathedral of the Yuriev Monastery in Novgorod.

Besides the typical ‘asking for God’s help’, the author of the inscription ‘asks for God’s benevolence to whoever would read it’. A word-form *ketъ* which occurs in this phrase is interpreted as a direct phonetic continuation of Old Novgorodian *keto* ‘who’with a dialectal ending *-e* in Nominative Case, singular.

Key words: Old Russian epigraphy, Old Novgorod dialect, historical morphology, pronouns.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

В ходе проводившихся в 2014 г. экспедицией Вл. В. Седова археологических работ по понижению уровня пола в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря в заполнении прослойки между первоначальным полом и полом XIX в. было обнаружено большое количество обломков фресковой штукатурки XII в., многие из которых несли на себе фрагменты надписей-граффити. Новооткрытые надписи стали крупнейшим за последние десятилетия массивом древнерусской эпиграфики, единовременно введенным в научный оборот. Большинство их носит поминальный характер, фиксируя даты кончины тех или иных лиц. Среди надписей этой группы выделяется граффито, сообщающее о смерти и погребении в монастырском соборе сыновей князя Ярослава Владимировича, Изяслава и Ростислава, скончавшихся, согласно Новгородской первой летописи, весной 1198 г. (Гиппиус и Седов 2015). В отличие от летописного известия граффито содержит точные даты смерти княжичей; это самая длинная из известных в настоящее время новгородских надписей домонгольского времени. На том же блоке штукатурки, составленном из более чем двадцати фрагментов, читается надпись о смерти 8 октября 1232 г. архиепископа Антония, в миру Добрыни Ядрейковича, до своего избрания на кафедру совершившего паломничество в Царьград и оставившего бесценное для византинистики описание святынь Константинополя накануне его разграбления Четвертым крестовым походом. На краю того же блока

сохранились окончания четырех строк еще одной надписи. Различимы слова: (*пр*)[*ѣ*]*ста*(*висѧ*), (*нов*)*горо*(*д*)-, *агуста* и (*с*)*т҃г*(*о*) *апо*(*стола*)[1]. Но этого достаточно, чтобы с опорой на текст Новгородской летописи уверенно утверждать: надпись сообщала о смерти новгородского архиепископа Мартирия, случившейся 24 августа 1199 г., на память святого апостола Варфоломея (см. Гиппиус и Седов 2016).

В том же ключе, как памятник официальной церковной эпиграфики, была поначалу интерпретирована и надпись, которой посвящена эта заметка. Фрагмент штукатурки с зеленым фоном содержал заключительные пять строк обведенной прямоугольной рамкой надписи: «… мног[а] (е)му| (лѣ)та исполни | (е)[м]у Б҃ъ добра| (а с)лужиле у свѧ|(та)го Георгиѧ». Построение фразы давало основание относить пожелание многолетия к тому же лицу, о котором далее сказано, что он «служил у святого Георгия». Такое благопожелание, казалось нам, уместно, если лицо, о котором идет речь, оставило свою службу в Георгиевском соборе для более высокой церковной должности. Именно это произошло в 1229 г., когда новгородскую кафедру занял Спиридон, служивший до того дьяконом в Юрьеве монастыре. С избранием Спиридона мы предположительно и связали граффито, публикуя его в общем обзоре находок (Гиппиус и Седов 2016: 204–205). С этой атрибуцией хорошо согласовывалась палеографическая датировка надписи – XIII в.[2]

---

[1] В квадратных скобках помещены частично сохранившиеся буквы, в круглых – конъектуры.

[2] Палеографическую и лингвистическую датировку надписи задают следующие признаки (пользуемся методикой, разработанной А.А. Зализняком (2000) для берестяных грамот): 1) буква *у*, целиком помещающаяся в строке [<1140–1300>];буква *з* с хвостом, мало выступающим из строки [предпочт. <1220–1300>], написание *у* после согласных [1100>, предпочт. 1160>]; позднедревнерусское состояние редуцированных [(*про*)*з̲в̲ище, исп̲о̲лни*) [после 1160, предпочт. после 1200]. Пересечение этих параметров дает внестратиграфическую дату <1160–1300>, с предпочтением интервала <1220–1300>.

Как вскоре выяснилось, эта трактовка была ошибочной. Через несколько месяцев реставраторами Т. А. Ромашкевич и А. В. Самошиной был выявлен еще один фрагмент того же граффито, в результате чего текст, вместе с очевидными конъектурами, приобрел следующий вид (илл. 1):

(Господи помоз⸗)
и раб(у свое⸗)
му Еван(у а про⸗)
звище О[б]----
аке[т]ъп----е
ть- мног[а] (е)му
(лѣ)та исполни
(е)[м]у Б҃ъ добра
(а с)лужиле у свѧ⸗
(та)го Георгиѧ

Вопреки ожиданиям, начало надписи оказалось содержащим стандартную молитву о Божьей помощи, с указанием имени писавшего – *Еванъ* и его «прозвища», начинавшегося на *Об-*. Из известных древнерусских некалендарных имен так начинаются *Обрадъ* и *Обидѣнъ*, причем размеру лакуны удовлетворяет только первое[1]. Но как интерпретировать буквенную последовательность *аке*[*т*]*ъп----ть* в середине надписи (илл. 2)? На *-аке* могла бы оканчиваться словоформа *диаке* с новгородской диалектной флексией И. ед. *Тъ* в таком случае можно трактовать как указательное местоимение. Однако, поскольку диалектное окончание *-е* имеет и форма *служиле*, мы ожидали бы появления его и здесь, тем более что форма И. ед. *те* уже засвидетельствована берестяной грамотой № 1031 (НГБ XII: 129). С другой стороны, сколько-нибудь правдоподобной конъектуры для следующего слова не

[1] В Новгородской первой летописи под 1234 г. упоминается убитый в Русе при набеге литвы Павел *Обрадич* (НПЛ: 73). Деревни *Обрадово* отмечаются новгородскими писцовыми в Деревской и Бежецкой пятинах (НПК II: 800, 801; VI: 40). Имя *Обидѣнъ* известно из берестяной грамоты № 348 (ДНД: 490).

просматривается, и связная интерпретация текста в целом оказывается на этом пути невозможной.

Выход из положения дает выделение в тексте местоименной словоформы *кето* ‘кто’, записанной как *кетъ,* с «бытовой» графической заменой *о* на *ъ*. По характеристике А.А. Зализняка, распознавшего эту словоформу в грамоте № 12 из Старой Руссы (XII в.), «она распадается на *к*- (корень), -*е* (окончание Им. ед. муж.) и элемент -*то*, играющий роль постфикса. Таким образом, это правильное др.-новг. соответствие словоформе *к-ъ-то* (с окончанием Им. ед. муж. -*ъ*), представленной в остальных славянских диалектах» (ДНД: 33). В грамоте Ст. Р. 12 этот ярчайший морфологический новгородизм выступает во фразе: *а кето ва не вод*(*асть*) …‘а кто вам (двоим) не даст’. Позже он встретился в грамоте № 891, также XII в.: *кетъ ти бържже поидеть въ гърђдъ*‘кто раньше всех поедет в город…’.

Как и в примерах из берестяных грамот, за местоимением ‘кто’ в надписи явно следовала форма 3 л. ед. числа презенса: *п----еть*. Самую вероятную конъектуру для этого места – *п*[*р*]*оч*[*т*]*еть* – предложил С.М. Михеев[1]. Пожелание многолетия относится не к автору граффито, а к тому, кто прочитает его надпись: *А кетъ прочтеть, а многа ему лѣта исполни ему Б҃ъ добра* ‘А кто прочтет, того Бог сохрани в добре на долгие годы’. В коммуникативном отношении фраза представляет собой вставку, так как слова *а служиле у святого Георгия* вновь имеют в виду автора.

Справедливость такой интерпретации подтверждает еще один обломок штукатурки, сохранивший фрагмент надписи похожей структуры. Остатки пяти строк (… | *раб*… | *оль*… |…*топро*…|-*слуож*[*и*]… |----[*к*]*ос*… позволяют следующим образом реконструировать текст (см. илл. 3)[2]:

(Г҃и помози)

---

[1]Удовлетворительный смысл дает и реконструкция *п*[*о*](*мя*)[*н*]*еть,* но сохранившиеся элементы второй буквы более подходят для *р*; эту версию подтверждает и приводимая ниже параллель.

[2]Реконструкция дана в условной раннедревнерусской наддиалектной форме. Варианты имени и названия церкви могли быть и другими.

раб(уо своему)
Оль(къшѣ и къ҂)
то про[ч](ьтеть)
а слуож[и](лъ оу)
(с҃тую) [К]ос(тѧ҂)
нтина и Елены)

Отсутствие антецедента у относительного придаточного (ожидалось бы: *и* [*тому*], *къто прочтеть*, но тогда третья строка оказывается намного длиннее остальных) не должно смущать: такое эллиптическое введение придаточного находим, например, в новгородской пергаменной грамоте 1266–1269 гг.: «От князя Ярослава ко рижаномъ, и к болшимъ и к молодымъ, *и кто гоститъ*, и ко всѣмъ» (ГВНП: 57, № 30).

Демонстрируемое двумя текстами распространение эпиграфического благопожелания не только на автора граффито, но и на потенциального читателя весьма примечательно. Оно позволяет думать, что и стандартные молитвенные автографы вида «Господи, помози рабу твоему N» могли делаться в расчете на прочтение теми, кто мог обнаружить их на стене церкви: каждое такое прочтение актуализировало молитву, заставляло ее звучать вновь (вспомним, что чтение в древности, как правило, предполагало проговаривание читаемого вслух). Этому способствовало и упоминание автора в третьем лице, делающее молитву как будто специально предназначенной для чужих уст. Рассмотренные надписи лишь эксплицируют этот механизм «соучастия» читателя в прагматике молитвы. Надпись Олекши делает это в рамках основного (и единственного) молитвенного обращения. В первой надписи та же идея воплощена более сложным и изысканным образом. Ее автор вступает с читателем в своеобразную коммуникативную игру: прочитавший слова «Господи, помоги рабу своему Ивану» тем самым уже помолился за автора, за что автор испрашивает для него у Бога добра[1].

[1]Сниженный вариант этой коммуникативной игры находим в берестяной грамоте № 46 (первой половины XIV в.), представляющей собой классическую школьную шутку. Текст записан в два ряда и

Изложенная трактовка, при всей ее привлекательности, наталкивается на серьезное препятствие. В берестяной грамоте № 891 словоформа *кетъ* выступает на фоне бытовой орфографической системы, характеризуемой графическими эффектами *о* → *ъ*/*о*, *ь* → *ь*/*е*, при этом замена *о* на *ъ* проведена почти последовательно (в семи из восьми случаев). Орфография же нашего текста не содержит никаких других проявлений бытового письма; в частности, этимологическое *о*, как и *о*, возникшее из сильного редуцированного, в четырех случаях записано как *о* (*многа*, *исполни*, *добра*, *свѧт*(*аго*). Интерпретируя *кетъ* как <*кето*>, мы вынуждены допустить, что именно в этом слове писавший единственный раз отступил от орфографического стандарта[1].

Без этого допущения можно, однако, обойтись, приняв во внимание данные акцентологии. В акцентном отношении др.-новг. *кето*, как и наддиалектное *къто,* представляло собой энклиномен (см. Зализняк 2014: 447), и автоматическое ударение в этом слове должно было падать на первый слог. В отличие от *къто*, ставшего после утраты слабого редуцированного односложной словоформой, *кето* сохранило двусложность и должно было произноситься как *ке́то*, с безударным *о* на конце. Как известно, безударные конечные гласные, не составлявшие отдельного морфа, в истории русского языка утрачивались: -*ши* во 2 ед. презенса заменилось на -*шь,* -*ти* в инфинитиве – на -*ть*, безударное *ся* в возвратных глаголах – на *сь*. В рамках того же процесса, ставшего одним из следствий падения конечных редуцированных, утрачивался

читается по вертикали, столбец за столбцом: «Невѣжѧ писа, недума каза, *а хто се цита* …». «‘Невежда написал, пустомеля (букв.: бездумный) показал, а кто это прочитал, тот …’ (далее шло ругательство, которое школьник, ставший жертвой этой забавы, от обиды или от стыдливости оторвал» (ДНД: 542).

[1] Это препятствие представлялось нам настолько существенным, что поначалу заставляло вообще отвергать соблазнительную возможность истолкования *кетъ* как ‘кто’. Только после того, как конъектура *п*[*р*](*оч*)[т]*еть* была предложена С.М. Михеевым, стало ясно, что эта версия должна быть принята в качестве основной.

гласный и на конце неизменяемых слов: *тамо* изменилось в *там*, *како* – в *как*, (*в*)*ото* (из *о-то*) – в *вот* и т. д. Поскольку и в *кето* конечный гласный не нес на себе морфологической нагрузки, будучи частью постфикса -*то*, континуант этой словоформы в позднедревнерусскую эпоху должен был приобрести вид *кетъ* (с чисто орфографическим ъ на конце). Данные берестяных грамот позволяют относить начало процесса утраты конечных безударных гласных к XII в.; в XIII в., которым датируется надпись, он протекал уже достаточно интенсивно (см. ДНД: 68–69). Это дает основание видеть в написании *кетъ* не случайно прорвавшийся эффект бытовой графики, но точное отражение того звукового облика, какой приобрела к этому времени в новгородском диалекте форма И. ед. местоимения ‘кто’. Иначе говоря, если *къто* и *кето* соотносятся как наддиалектный и диалектный варианты И. ед. вопросительного местоимения, то *кето* и *кетъ* распределены хронологически – как ранне- и позднедревненовгородский варианты.

Такому распределению вариантов не противоречит и общая картина представленности местоимения ‘кто’ в берестяных грамотах. В раннедревнерусский период на два случая *кето* приходится один пример *къто* (*кото*) в грамоте № 831, где эта форма находится в ряду других словоформ И. ед. на -ъ и должна, по-видимому, объясняться нормативной «коррекцией» диалектной морфологии (см. ДНД: 302–305). В позднедревнерусский период встречены только *кто* (№ 40, 281) и *хто* (46, 373, 962); при этом, если в грамотах № 373 и № 962 *хто* сочетается со стандартным окончанием -ъ в И. ед. м. перфектного причастия), то в № 281 *кто* фиксируется на фоне диалектного -*е* в *послале*. Учитывая, что разговорное произношение явно отражает и вариант *хто* с результатом диссимиляции *кт* > *хт* грамоты, окончание -*е* у местоимения ‘кто’ было уже утрачено. Что же касается XIII в., то материала по нему берестяные грамоты не дают, так что надпись из Георгиевского собора оказывается единственным текстом с диалектной морфологией, содержащим данную словоформу. Это делает ее свидетельство особенно ценным. Можно думать,

что именно превращение *кето* в *кет*(ъ) обрекло этот морфологический диалектизм на исчезновение: разрушенный таким образом структурный параллелизм между местоимениями *кто* и *что* был восстановлен за счет использования наддиалектной формы.

Иллюстрации к статье см. в конце издания.

Сокращения

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

ДНД – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

НГБ XII – Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 2002–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.

НПК – Новгородские писцовые книги. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Литература и источники

1. Гиппиус А.А., Седов Вл. В. Надпись-граффито 1198 г. из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси средневековой Руси. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. Вологда; Москва: «Древности Севера», 2015. С. 462–474.
2. Гиппиус А.А., Седов Вл. В. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и новые надписи // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М.: Наука, 2016. С. 190–208.
3. Зализняк А.А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // В. Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Т. X: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. С. 134–429.

УДК 801

Ю.Н. Грицкевич
(Псков, Россия, grickevich68@yandex.ru)

Диалектный дискурс как способ репрезентации реальности

В статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией и реализацией диалектного дискурса и факторами, определяющими особенности репрезентации реальности в рамках диалектной дискурсивной практики. Особое внимание уделено механизмам и законам вербализации отношения к власти и лицам, наделенным властью, как фрагмента действительности, характеризующегося наличием определенных ограничителей для реализации и развертывания диалектного дискурса.

Ключевые слова: автор дискурса, адресат дискурса, диалектный дискурс, репрезентация реальности

Y. N. Grickevich

Dialect Discourse as a Way of the Reality Representation

The article deals with the issues related to the dialect discourse and the factors that determine the features of the reality representation in the dialectal discursive practice. The particular attention is paid to the mechanisms and the laws of verbalization in terms of the attitude to the authorities and to people in power. The latter is seen as a fragment of reality which is characterized by the presence of certain restrictions for dialect discourse history.

Key words: discourse author, discourse addressee, dialect discourse, reality representation.

Диалектный текст и диалектный дискурс от других видов текста и дискурса отличаются целым рядом характеристик (Гольдин 2000, Гынгазова 2000), что вызвано спецификой сбора, обработки и фиксации материала, используемого для анализа. Однако даже небольшие контексты, приводимые в словарной статье для определения дефиниции слова в диалектных словарях, с учетом совокупности подобных текстов, представленной в словаре как система, дают возможность говорить о диалектном дискурсе и его

особенностях. Словарные и архивные диалектные материалы, во многом уточняющие и подкрепляющие друг друга, представляют значительный интерес с точки зрения изучения диалектного дискурса с учетом различных факторов, определяющих характер реализации дискурса. Взаимосвязанные по разным основаниям, в том числе тематически, диалектные тексты, составляя корпус диалектного дискурса, репрезентируют реальность, позволяя реконструировать значимые для носителей диалекта фрагменты языковой действительности.

Вербализация отношения к власти и лицам, наделенным властью, представляет особый интерес при анализе диалектного дискурса с учетом разных факторов, влияющих на реализацию дискурса. Количество диалектных текстов, репрезентирующих отношение к власти, ограничено, что объясняется взаимодействием факторов автора, адресата и информации, а также и способом фиксации информации.

Фактор информации прежде всего накладывает целый ряд определенных ограничений не только на развертывание дискурса (тексты даже в архивных записях небольшие по объему), но и на саму возможность дискурса: несмотря на актуальность понятийная сфера «Власть» в рамках диалектного дискурса является в большой степени закрытой, поэтому и репрезентация данного фрагмента реальности, связанного с ролью и местом лиц, наделенных властью, в жизнеустройстве сельского жителя, происходит с помощью ограниченного круга лексических и фразеологических единиц. Автор дискурса, учитывая потенциальную опасность информации, а также способ фиксации информации (до сих пор у информантов наблюдается настороженность к записи их речи – особенно на диктофон), интуитивно вынужден учитывать потенциальное интерпретационное поле, границы которого и амплитуда возможных модификаций зависят от уже имеющейся системы оценок и интересов адресата, воспринимаемого в большинстве случаев как носителя другой системы взглядов, «чужого».

При исследовании диалектного дискурса в роли автора чаще всего понимается (если речь не идет об исследовании

большого по объему дискурса одного человека) совокупная языковая личность, которая проявляется в диалектном тексте с учетом ценностного, культурологического и личностного компонентов. Процесс коммуникации строится по нормам и эталонам, заданным во многом этноязыковой культурой. Структура и наполняемость дискурса выступают отражением (и выражением) особенностей языковой личности. В рамках дискурса устанавливается зависимость особенностей репрезентации фрагмента действительности от стиля мышления языковой личности в связи с тем, что каждый из стилей мышления использует свои приоритетные стратегии и тактики построения дискурса и текста (Калашникова 2007).

Языковая картина мира реализуется посредством широкого круга языковых средств разного уровня – от лексемы до текста. Среди языковых средств репрезентации какого-либо фрагмента действительности в тексте ведущее место занимают единицы лексического и фразеологического уровней. Лексемы и фраземы закрепляют в своей семантике историческую память и мировосприятие народа. В диалектном дискурсе может быть отличная от других дискурсов лексическая и фразеологическая наполняемость: это может касаться как выбора самих единиц, так и различий в семантическом объеме слова. «Выбор слова определяется не его предметной отнесённостью, а позицией интерпретанта, в языковом сознании которого оно занимает аксиологически определённое место, вступая в семантические оппозиции, отражающие общую структуру соответствующего этно/ социо/ культурного сознания» (Чесноков 2009: 24–25).

Представления о власти отражаются в народном сознании в виде некой шкалы, что и актуализируется за счет слов с корнями *верх-* (***верх*** ‘высшее начальство, руководящие органы’ (ПОС 3: 100)), *выс-/выш-*. Вербализация сложившегося в народе чинопочитания может реализовываться в диалектном дискурсе с помощью слов со значением, схожим со значением данного слова в литературном языке: ***высший*** ‘обладающий наибольшими полномочиями, властью’: *Патом пришол начальник* ***вышшый*** *и ишшо два.* Пыт. // ‘занимающий видное общественное положение’: *Начали играть свадьбу, сталы*

рассадили в двух памешшениях: ***вышшыи*** *люди в адном, а прикашшыки в другом.* Остр. (ПОС 6: 74) – ср. лексему ***высший*** в литературном словаре в значении ‘самый главный, руководящий’ (Ожегов 1999: 109). В то же время наблюдается и появление новых значений у имеющихся в системе языка слов или появление в говорах однокоренных лексем. Так, в диалектном дискурсе прилагательное ***высокий*** реализует значение, не свойственное лексической системе литературного русского языка: ‘занимающий видное общественное положение’ (ПОС 6: 62). Занимаемая должность, положение в обществе, которые наделяют человека властью и предполагают определенные материальные ценности, всегда были значимы для сельских жителей. Одним из значений слова ***вышний***, отсутствующего в литературном русском языке, является значение ‘обладающий наибольшими полномочиями, властью’: *Ат* ***вышнего*** *начальства дали бумагу.* Остр. (ПОС 6: 106). Желание актуализировать значимость конкретного лица выражается и в возможной расчлененности сложной по структуре лексемы ***главнокомандующий*** на две лексические единицы ***главный*** со значением ‘старший по должности, занимающий руководящий пост’ и ***командующий***, употребленные в одном контексте: ***Главный камандующий***, *барада завязана лентами.* Н-Сок. (ПОС 6: 165).

Представления о власти как факторе, определяющем благосостояние, благополучие, уважение в обществе, в диалектном дискурсе отражаются и в оценке противоположной позиции по отношению к власти. Лексема ***низкий*** в своей семантической структуре имеет и значение ‘имеющий незначительное служебное положение’: *Фсим таким не быть, нада каму-та и* ***ниским*** *быть.* Гд. (ПОС 21: 319). Еще более явно выражена негативная оценка людей, не добившихся высокого положения в обществе и соответственно не наделенных определенной властью, в включении в дискурс местоимения ***никто*** в значении ‘о незначительном человеке’: *Паперваcти и ани были* ***нихто***. Пск., *Мы дяржали пустош ад барина, и лафка была, тяперь я* ***някто***. Тор. (ПОС 21: 332).

Субстантивная лексика, задействованная в диалектном дискурсе для обозначения лиц, наделенных властью, часто соотносится с определенным историческим периодом в развитии общества. Важным оказывается выделение в дискурсивной практике как представителей власти в целом (*бурмистр, верх, владыка, властелин, властители, вожак, вождь, вышние, глава, главарь, голова, головарь, господин, держава, диктатор, командир, командирка, начальник, начальство*), так и отдельных лиц: главы государства (*государь, кесарь, королиха, король, царь*, а также обозначения первых лиц государства по их фамилии), представителей привилегированных сословий в дореволюционной России, обладающих властью (*барин, барон, барыниха, барынька, барыня, боярин, боярка, боярок, господин, господишка, господство, госпожанка, граф, графиня, губернатор, дворянин, дворянка, княгиня, князь, пан, фараон*), представителей власти на местах в дореволюционный период (*бурсюк, воевода, войт, волостной, волость, выборный, десятник, десятский, кулак, кулачина, кулачник, кулачок, кулачьё, управляющий, хозяин, царь*), представителей коммунистической партии как руководящей в советский период (*большак, большевик, коммунист, коммунистиха, коммунистка, парте, партеец, партиец, парторг, правитель, совет, состав*), представителей власти в колхозах и совхозах (*бригадёр, бригадир, бригадирка, бригадирко, колхоз, конторщик, начальство, председателиха, председатель, управа, управленец, хозяин*). Подобное членение показательно для диалектного дискурса: для сельского жителя представители власти на местах не менее значимы, чем представители власти на уровне государства: ср. ***хозяин*** ‘директор совхоза’: *Пьют,* ***хазяина*** *ня слухают*. Кр. (Архив КПОС).

В зависимости от коммуникативной ситуации, направленности диалектного дискурса автор дискурса может актуализировать отдельные фрагменты действительности, в том числе и выражая свое отношение к лицам, наделенным властью. Так, если в одних случаях наблюдается одобрение достижения высокого положения в обществе, то в других случаях на первый

план в дискурсивной практике выходят отношения человека и государства. Семантический объем слова ***власть*** в псковских говорах отражает тесную связь понятий *власть* и *государство*: 1. ‘право, возможность подчинять кого-нибудь своей воле, распоряжаться кем-нибудь, чем-нибудь’, 2. ‘образ правления; политическое государство’: *А теперь пришла савецкая влась*. Пуст., 3. ‘правительство; местные органы правления’: *Пад нашэй властью дяревня*. Печ. // Лица, входящие в органы правления: *Дай бох власти-та здаровьица*. Дед. > *Высшая власть*. Лица, занимающие высокие должности: *Тут ня панимает вышшая власть, вот и накляузничают*. Локн. // Государственные организации, учреждения: *Был сын маряк, сам пагип и деньги аставил ва власти*. Порх. (ПОС 4: 49–50). В таких случаях при реализации дискурса отношение к власти и лицам, наделенным ею, может меняться. Представители власти могут быть воспринимаемы как те, к кому можно обратиться за помощью или с жалобой: *Пажалюсь* ***вышему нацальству, властителям***. Себ. (ПОС 4: 49); *После голад был, пакуль жывы асталися, благодарю усех* ***державф****, што ани мяне грешную не аставили*. Себ. (ПОС 9: 39). Включение в дискурс слова ***держава*** в значении ‘представители власти’ на первый план выдвигает сему силы и надежности, могущества государства, представителями которого являются должностные лица.

Другая сторона репрезентации власти в диалектном дискурсе – это отражение некоторого недовольства отношением властью наделенных лиц к народу. Показательно расширение семантического объема отдельных лексических единиц и включение их в круг номинаций лиц, обладающих властью, в том числе и для выражения неодобрения их поведения, демонстрации своей значимости и нежелания быть вместе со всеми: ***господин*** ‘руководитель, начальник’: *Вот* ***гаспадин*** *в закрытай машыны паехал, закрылся ат фсех*. Кр. (ПОС 7: 147).
При более развернутом диалектном дискурсе, зафиксированном чаще всего в архивных записях, может наблюдаться столкновение большого для одного диалектного текста наименований лиц, наделенных властью. Такие наименования

могут быть как нейтральными, так и оценочными. Авторское начало при развертывании дискурса становится более явным:
*...Мой атец **старшыной** в диревни паставлин был, как бы **дижурный**. В нас свая крофь в Рассии. Брат за Рассию пад Варшавай зарытый… Канешна, **правитильства** нас нарушыла. Взяли абадворак нам абрезали. Пашли вырали навос – за эта нам абадворак абрезали. Лесу ат нас атабрали сто пнёф. И скатинину-та растить нечим... Нормы платили. С калхоза вышли, прикрипили каня, прикрипили навины пахать. Фсё кровью... Ани нам памагают, так, балтаимся. Ягадак прададим, агуречкаф – вот и памога. Сказал бы **таваришшю**, а он* [муж] *фсе бумаги в уборную. Фсё я прибирала их, калхозникаф семьсот трудадней вырабатала... Тожы прискорбна жыли: дроф нет, сваиво нет ницаво. Думаю, можа **таваришши** памогут. Фсё **таваришшам** аддала. Эта да Эстонии при микалаифскай жызни жыли...* (Архив КПОС).

В русском национальном менталитете понятия Родина и государство часто не совпадают, что и отражается в диалектном дискурсе за счет использования таких лексических единиц, как *товарищ, начальник*, передающих в определенных контекстах при обозначении представителей властных и силовых структур негативное отношение с целым рядом сопутствующих коннотаций – от настороженности, неудовлетворенности до страха, опасения беды.

Противопоставление народа и лиц, наделенных властью и занимающих высокое положение в обществе, создается в дискурсе и с помощью сравнительных конструкций:
...Раньшы тут была фся меснасть пад Эстонией. Жыл я раньшы ф Пенева. Кагда Савецкая власть устанавилась, тагда я паехал Бабишэк. Там я пражыл в Зажына... Ф Талини я гот аджыл. И вот давно, давно я жыву ф Кудрова, а мая сястра так и асталась жыть. В ней трое дятишык. Так и жывём тут. Жывём харашо. Лучче етай жызьни никагда ня буди. Я уверен в етам. Што сичас ня жыть? Работають слягка. Едять, скока захочат. А мы-та хадили в лаптях. Раньшы на гулянья хадили так, как сичас ходят на работу. Тяперь тока па сем часоф

*работают, а раньшы па сямнаццать работали. А тяперь и сем ня хатят. Нарот **как барин** стал…* (Архив КПОС).

При наименовании представителей власти в диалектном дискурсе может стираться соотнесенность слова с определенным историческим периодом, характерная для литературного языка, и актуализироваться смысл ‘представитель власти’: ***бурмистр*** ‘начальник’: *Он, навернае, был каким-нибуть **бурмистрам**, он был старшыной*. Вл. (ПОС 2: 219); ***государь*** ‘глава советского государства’: *Пенсию нынче стали давать, ета **гасударь** зделал, наверна*. Н-Рж. // ‘этот глава как олицетворение государства’: ***Гасударю** малако буду здавать*. Локн. (ПОС 7: 157); ***царь*** ‘глава государства, президент’: *Пенсию нынче стали давать, ета **гасударь** зделал, наверна*. Н-Рж. // Этот глава как олицетворение государства: *Зима придёт, буду кармить кароўку, **гасударю** малако буду здавать*. Локн. (ПОС 7: 156–157); *Неужэль **царю*** [о Б. Н. Ельцыне] *не фступицца*? Пск., ***Царь-та** мог бы внушыть, што адивайтись паскрамнее*. Пск., *Наверна, собью и этава, а то **царь** наш* [о М.С. Горбачеве] *никуды гонный*. Гд. (КПОС). Вероятно, причиной расширения семантического объема и утраты соотнесенности подобных лексем с наименованиями лиц, наделенных властью, в конкретный исторический период, может быть народное представление о необходимости сильной и централизованной власти.

Системность и неслучайность подобных лексических единиц в диалектном дискурсе подтверждается и включением в дискурс лексемы ***царство*** ‘государство’, которая в современном языке употребляется редко, преимущественно в традиционных народно-поэтических сочетаниях. В псковских говорах находим не только ***царство*** ‘государство’: *Визде мазурства, в этам **царстве** канца ни найдёш*. Пыт., но и глагол ***царствовать*** ‘руководить, управлять государством’: *Малинкова фси благадарят, да мала он **царствава**л*. Печ. (КПОС).

Таким образом, диалектный дискурс предстает как особое структурно-семантическое и коммуникативно-прагматическое образование, со специфическими целями и задачами, с особым местом в структуре других типов дискурса.

Исследование диалектного дискурса, связанного с отношением к власти и лицам, наделенным властью, позволяет выявить специфику коммуникативного сознания и коммуникативного поведения сельских жителей при реализации дискурса на темы, которые во многом были и остаются закрытыми в рамках данного дискурса. Автор дискурса интуитивно выбирает способы и приемы репрезентации действительности. В то же время автор дискурса осознанно ограничивает себя в текстообразовании и развертывании дискурса на «опасные», по его мнению, темы, учитывая при этом и характеристику адресата, который является для говорящего носителем другой культуры.

Литература и источники

1. Гольдин В.Е. Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического фонда русского языка. № 7. Тексты устной речи. СПб.; Бохум, 2000. С. 49–55.
2. Гынгазова Л.Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 230–238.
3. Калашникова С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументивном дискурсе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2007.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ технологии, 1999.
5. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): Автореф. дис. … докт. филол. наук. Волгоград, 2009.

УДК 811.161.1.28

Г.-Р.А.-К. Гусейнов, А.Л. Мугумова
(Махачкала, Россия, garun48@mail.ru)

К контактологической интерпретации генезиса цоканья в псковских и новгородских говорах

В статье обосновывается возможное субстратное воздействие прибалтийских финно-угорских языков на становление твердого произношения аффрикаты [ц] в русских псковских и новгородских говорах. Начало этого процесса относится к XIII–XIV вв. Тогда вследствие татаро-монгольского нашествия русскоязычное население было вынуждено более продвигаться на север и запад в области проживания финно-угорских народов.

Ключевые слова: финно-угорские языки и народы, фонетический субстрат, русский язык, псковские и новгородские диалекты, контакты языков.

G.-R.A.-K. Guseynov, A.L. Mugumova

On Contactologic Interpretation of <ts> Pronunciation Genesis in the Pskov and Novgorod Dialects

This article proved possible substratum impact of Baltic Finno-Ugric languages on [ts] affricate pronunciation in the Pskov and Novgorod dialects. The beginning of the process dates back to the 13th – 14th centuries. Then due to the Tatar-Mongolian invasion, the Russian-speaking population was forced to move ahead to the north and west in the regions of the Finno-Ugric peoples' residence.

Key words: Finno-Ugric languages and peoples, phonetic substratum, Russian language, Pskov and Novgorod dialects, language contactes.

Цоканье считается одной из древнейших диалектных черт русского языка. Его возникновение объясняется некоторыми учеными иноязычным влиянием «со стороны таких языков, где или вообще отсутствовали аффрикаты, или представлена одна аффриката, или же отношения между

аффрикатами были иные, чем в русском и вообще в славянских языках» (Русск. диал. 1973: 88).

Известно также мнение, что цоканье появилось в севернорусских диалектах под влиянием финно-угорских языков, так как древнейшее население северо-запада Руси, ассимилированное восточным славянством, было финно-угорским по языку (см. Древнепсков. диал.). Помимо финно-угорских языков, говорят также о влиянии польских говоров (см. Иванов 1990: 91).

Древнему новгородскому диалекту, который был распространен в Новгородской земле с дописьменной эпохи до XV века, и землям, колонизованным новгородцами, было свойственно мягкое цоканье (Русск. диал. 1989: 64; Древненовгор. диал.). Оно отразилось в основном в берестяных грамотах XI–XV вв., а также в Новгородской Минее 1096–1097 гг. (Зализняк, Шевелёва 2005: 438).

Данное явление в древнем новгородском диалекте распространяется на явления дописьменной (праславянской) эпохи – совпавшие в *c”* [в кириллице *ц”*] продукты первой регрессивной палатализации **k* и рефлекс сочетания **kj* (в вост.-новг. говорах также продукта второй регрессивной палатализации для **k* и рефлекса сочетаний **tj* и **ktj*). В южнорусском диалекте (и в наддиалектном древнерусском) этому с соответствуют две фонемы: *č* и *c* (Зализняк 2004: 39).

В западноновгородском и/или древнепсковском ареале (новгородско-псковский пучок диалектов), ареально наиболее близком к современной зоне распространения угро(прибалтийско)-финских языков, наблюдается, как и в древненовгородском, отсутствие эффекта второй регрессивной палатализации заднеязычных. Здесь согласные **k, *g, *x* в позиции перед гласными *ě* и *i* были только смягчены, а не перешли в свистящие согласные, как во всех остальных праславянских диалектах (Галинская 2004: 43–44).

Подобная ситуация наблюдается угро-финских языках, в которых праязыковой **k* (при отсутствии первичных **g* и **x*) в положении перед гласными переднего ряда имеет более переднюю, чем перед гласными заднего ряда, артикуляцию, но

является, как и прочие согласные, вариантом основной фонемы. Вместе с тем в них же восстанавливаются праязыковые аффрикаты – твердая **č*- и мягкая *ć*- (Основы 1974: 121).

В ареально же смежных рассматриваемому ареалу прибалтийско-финских (финский, карельский, вепсский, ижорский, водский, эстонский и ливский) языках представлены вторичные звонкие. Значительной их части известны палатализованные согласные и отдельным – полузвонкие и звонкие аффрикаты. Из аффрикат, в свою очередь, «общераспространена *c*, которая обычно встречается внутри слова или в конце его». «В начале слова *c* возможна в заимствованиях», и «только в [наиболее ареально близком к рассматриваемой зоне] южноэстонском диалекте встречаются исконные слова, начинающиеся с *c*» (!). Данное явление в нем относится многими учеными общеприбалтийско-финскому времени, т.е. до I в. н. э. (см.: Основы 1974: 39,124; Основы 1975: 28).

Действие же первой и второй славянских регрессивных палатализаций относится к более позднему времени. Они имели место от начала н. э./ II в. н. э. до VII в. н. э. (Первая палат.) и не ранее II–IV вв. н. э. и до IX–X вв. н. э. (Вторая палат). Мягкое цоканье известно и в ареально смежных Новгородской земле регионах – в более поздних смоленских, полоцких и псковских памятниках XIII–XIV вв., а также некоторых рязанских и черниговских говорах (Горшкова 1972: 136 табл. 6; Горшкова, Хабургаев 1981: 63).

После присоединения в 1478 г. Новгородской земли к Московскому княжеству некоторые черты ее диалекта начали утрачиваться, в том числе и цоканье. К концу XVI в. аффриката <ц> уже отвердела (тверда она и в современных новгородских говорах), цоканье в рукописных источниках диалектной речи конца XVI – первой половины XVII вв. оказалось не отмеченным, и современные новгородские говоры в массе своей его не знают. В (древне)псковском диалекте в конце XIV в. [ц’] еще было мягким при том, что как в церковнославянской письменности древнего Пскова, так и в некнижных текстах XIII–XIV вв. имело место широкое отражение мена букв *ц* и *ч*. В

конце XV в. эта аффриката отвердевает, и в деловых текстах конца XVII в. уже имеются неоспоримые свидетельства ее твердости, и в современных псковских говорах [ц] – твердый звук (Галинская 2002: 35–36, 36 прим. 28, 103, 104).

Следовательно, в древних псковском и новгородском диалектах отвердение <ц> завершается к XIV–XV вв. И начало этого процесса можно отнести к предшествующему времени. Твердое цоканье фиксируется на северо-западе Псковской областии, на юго-востоке Рязанской (см. Пожарицкая 1997: 70) (в так называемой Мещере). Пережиточно – на территории бывшей Новгородской и Псковской земли (Русск. диал. 1973: 64). Будучи отмеченным к востоку от Москвы – в Московской, Владимирской, Ивановской и Нижегородской областях, обычно объясняется за счет отвердения мягкой аффрикаты [ц’] (Русск. диал. 2005: 64).

Лингвисты, возражающие против подобной интерпретации твердого цоканья, указывают на позднее, по их мнению, происхождение данного явления (Русск. диал. 1973: 88). Другие считают, что его возникновение, например, в рязанских мещерских говорах невозможно объяснить влиянием со стороны Новгорода или каких-либо цокающих русских диалектов (см. Иванов 1990: 91, 92, 93).

Вместе с тем еще до этого Р.И. Аванесов (1947: 119), отметивший, что «цоканье является общей чертой всех говоров восточного Подмосковья и северной части Рязанской области – территории так называемой Рязанской Мещеры», указывал на наличие в них «мещерской (финно-угорской?) подосновы (притом сравнительно позднего времени)». Причем обрусение большей части мещеры, которая традиционно считается древним финно-угорским племенем, жившим в I тыс. н. э. по среднему течению р. Оки, относится к XVI в., а слияние другой ее части с казанскими татарами – к XV–XVI вв. (БСЭ XVI: 205).

К востоку от Москвы твердое цоканье обнаруживается лишь в марийских йошкар-олинском и северо-западном диалектах, в которых, как в прибалтийско-финских языках, в одном звуке [с] совпали праязыковые твердая шипящая **č*- и мягкая свистящая **ć*- аффрикаты. Но в них данное явление

считается развившимся либо из мягкого чоканья под влиянием чувашского языка, в котором в тот период была одна мягкая аффриката [č́], либо в результате языкового контакта с угро-финским племенем меря (Основы 1974: 124; Основы 1976: 38–39). Областью его проживания были территории современных Владимирской, Ивановской, Ярославской, восточной части Московской и западной Костромской областей (Матвеев 1997: 6).

Вместе с тем одним из авторов данной статьи (см. Гусейнов 2010) было установлено, что развитие в русских говорах Мещеры рассматриваемого явления могло иметь место не ранее и не позднее XIV–XVI вв. С учетом древности цоканья в тюркских языках его источником мог стать татарский мишарский диалект.

Данное явление поддерживается здесь аналогичным происхождением шепелявых согласных <с”> и <з”> в то время, как на Средней Волге, где имеет место территориальное соприкосновение носителей русских говоров с финно-угорским населением, они могли быть усвоены из марийских диалектов, а также мордовских языков, в которых они известны (см. Гусейнов 2016). Происхождение тех же звуков в северо-западной части среднерусских говоров вокруг Пскова и Великих Лук (по Е.А. Галинской (2002: 105–106), известны в древнепсковских памятниках XIV – первой половины XV вв. при утрате их в речи к концу XV–XVI вв.) также объясняется воздействием финно-угорских языков (Касаткин 1973: 89–90).

Вышеприведенные фонетические факты являются естественным следствием того, что «в русских говорах Северо-Запада, в которых прибалтийско-финских пласты лексики составляют основной пласт слов неисконного происхождения, на западе региона в псковских и примыкающих к ним говорах Новгородской области доминируют данные эстонско-водского типа». Показательно, что при этом именно «в новгородских говорах выделяются древние лексические элементы субстратной прибалтийско-финской (!) природы» (Мызников 2004: 372).

Тем более что, как указывал еще В.И. Абаев (1956: 58), «языковой субстрат выявляется как совокупность закономерных

ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходящие на новый язык», каковыми в нашем случае явились носители прибалтийско-финских языков, перешедшие на (древне)русский язык. Тем самым субстратное воздействие прибалтийско-финских языков могло способствовать, наряду с усвоением шепелявых согласных <с”> и <з”> в псковский диалект к XIV – первой половине XV вв., закреплению в XIV–XV вв. твердого произношения соответствующей аффрикаты в рассматриваемых русских диалектах с характерным для них цоканьем. Оно имело место примерно в то же время, когда аналогичное явление развилось под булгаро-тюркским влиянием в Рязанской Мещере.

Закреплению прибалтийско-финского субстрата в местной русской речи могло способствовать то, что в период татаро-монгольского нашествия и после него наблюдалось массовое перемещение русского населения на север и на запад (в сторону Новгородской и Псковской земель) в XIII–XIV вв. (Каргалов).

Оно осваивало, надо полагать, новые удобные пределы, занятые до этого местным впоследствии ассимилированным угро-финским населением, которое стало в дальнейшем переходить на новую (русскую) речь. Примерно тогда (см. выше) в устной древнерусской речи населения региона, наряду с появлением шепелявых согласных, завершилось и отвердение *ц*.

Сокращения

БСЭ – Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1974.

Литература и источники

1. Абаев В.И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.: Изд. АН СССР, 1956. № 9. С. 57–60.
2. Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9. С. 109–158.
3. Вторая палатализация. // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Вторая_...
4. Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002. 273 с.

5. Галинская Е.А. Историческая фонетика русского языка. М.: Изд-во МГУ, Наука, 2004. 158 с.
6. Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 160 с.
7. Горшкова К.В., Хабургаев Г.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.
8. Гусейнов Г.-Р.А.-К. К генезису шепелявых согласных <с”> и <з’’> в южнорусских говорах // Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции «Фонетика сегодня». М.; СПб.: Нестор–История, 2016. С. 33–34.
9. Гусейнов Г.-Р.А.-К. К контактологической (в аспекте отношений с тюркскими языками Северо-Восточного Кавказа) интерпретации одного из ареалов русского цоканья // Труды и материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 492–493.
10. Древненовгородский диалект. // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/...
11. Древнепсковский диалект // URL: http://dic.academic.ru /dic. nsf /ru wiki/1486627/
12. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
13. Зализняк А.А., Шевелева М.Н. Восточнославянские языки. Древненовгородский диалект // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 438–444.
14. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
15. Каргалов В.В. Последствия монголо-татарского нашествия на Русь. // URL: http:// litresp.ru /chitat /ru /k/ kargalov-...
16. Матвеев А.К. К проблеме расселения летописной мери // Известия Уральского государственного университета. 1997. №7. Гуманитарные науки. Вып. 1. С. 5–17.
17. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 491 с.
18. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 347 с.

19. Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М.: Наука, 1975. 483 с.
20. Первая палатализация. // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Первая_...
21. Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М.: Изд-во МГУ, 1997. 168 с.
22. Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Academia, 2005. 283 с.
23. Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
24. Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. 279 с.

УДК 811.161.1.28

Г.-Р.А.-К. Гусейнов
(Махачкала, Россия, garun48@mail.ru)

Фонетические особенности терского (гребенского) русского говора станицы Старый Щедрин в историческом и лингвогеографическом контексте. К вопросу об области исходного расселения

В статье на основе анализа фонетических особенностей терского (гребенского) русского говора станицы Старый Щедрин устанавливается в качестве области исходного расселения его носителей восточные владимирско-поволжские окающие говоры. Их миграция в Восточное Предкавказье могла иметь место не ранее второй половины XVI в.

Ключевые слова: говор станицы Старый Щедрин, гребенские казаки, исходное расселение, исторический и лингвогеографический контекст.

G.-R.A.-K. Guseynov

Phonetic Features of a Tersky (Grebensky) Russian Dialect of the Village Old Shchedrin in the Historical and Linguo-geographic Context. On a Question of the Region of Initial Resettlement

The article, on the basis of the analysis of phonetic features of the Terek River (Grebensky), Russian dialect of Old Shchedrin village is

established as the region of initial resettlement of its carriers east o speaking Vladimir Volga dialects. Their migration to the Eastern Pre-Caucasian region took place not earlier than the second half of the 16th century.
Key words: dialect of Old Shchedrin village, Grebensky Cossacks, initial resettlement, historical and linguo-geographic context.

Историки казачества полагают, что историческая основа говора гребенских казаков северная. Окончательное оформление их говора как среднерусского произошло уже на новом месте жительства в результате смешения с прибывавшими сюда «южнорусами». Если же признать их говор изначально среднерусским, то это часть Новгородской и Тверской, а также Московская, Владимирская, Псковская области (Великая 2001).

То есть речь идет об обеих основных группах среднерусских (переходных) говоров раннего (сложившихся в основном до XV в.) формирования (Захарова, Орлова 2004: 30–31), разделившихся к XIV–XV вв. (Горшкова 1972: 142–143), – западных (окающих новгородских и акающих псковских) и восточных владимирско-поволжских (окающих тверских и владимирских, а также акающих отдела А). Сам гребенской говор станицы Старый Щедрин считается среднерусским с исторически северной основой (Бенская 1955: 7, 19).

Первый ее северный признак – твердый ***-т*** в глаголах 3 лица ед. и мн. числа настоящего (будущего простого) времени (Бенская 1955: 19) – присущ среднерусским говорам (Русск. диал. 2006: 165; Русск. диал. 1973: 165), включая восточные окающие и акающие (Язык рус. дерев.: карта 22). Считается широко распространенным севернорусским новообразованием, возникшим в новгородском диалекте с XII в. и проникшим с середины XIV в. в говоры Москвы (Захарова и др. 1970: 359).

Вторая севернорусская черта – ***'а*** в Р. (В.) п. ед. ч. личных и возвратных местоимений (Бенская 1955: 19) – характерна не только для северного наречия, но и среднерусских говоров (включая, возможно, и восточные окающие – см. в последующем изложении), а также для наиболее восточных говоров южного наречия в то время, как иная система распространена в псковских говорах (Русск. диал. 1989: 97–98).

Третья (Бенская 1955: 19), известная средневеликорусским говорам (Русск. диал. 1973: 266) и подтверждаемая документальными сведениями первой половины XVII в. (см. Галинская 2002 а: 38–39), – заднеязычный ***г*** (в абсолютном конце слова обычно ***к***): *гълавá, агарóт, аглóбл'а*; *п'иро**к**, ут'у**к***. В речи молодого поколения станицы часто звучит южнорусское **γ** (в абсолютном конце слова обычно ***х***): а**γ**óн', ***γ**рóзный; сапó**х**, врá**х*** (Бенская 1955: 7). Смычно-взрывной звонкий ***г***, чередующийся с ***к*** в конце слова и слога (*но*[*г*]*á* – *но*[***к***], *бер'е*[*г*]*ýс'* – *бер'ó*[***к***]*с'а* и т. п.), отмечается и в окающих восточных среднерусских говорах (Язык рус. дер.: карта 14), что могло иметь место (см. выше) до первой половины XVII в. Восточным среднерусским окающим (Владимирско-Поволжским) говорам (*дóбр*[***ъвъ***], *к*[***ъвó***]) (Нар. Европ. части 1964: 153) известна еще одна (фонетико-морфологическая) особенность рассматриваемого говора – окончание ***-ово*** родительного (винительного) падежа единственного числа местоимений и прилагательных (*дóбръ**ва**, майи**вó***) (Бенская 1955: 7).

Что касается упомянутых выше предполагаемых западных среднерусских особенностей данного говора, то сюда может быть отнесено отвердение конечных мягких губных (*вно**ф**, пъзнакó**м**, атсы́**п***) (Бенская 1955: 10), присущее новгородским, двинским, псковским XIV–XV вв. (Горшкова 1972: 86) и великолукским текстам первой половины XVII в. (Галинская 2002б: 130). В говоре отмечаются и отмирающие севернорусские черты: оканье, сохранявшееся еще в начале XX в., постпозитивная частица и др. (Бенская 1955: 19).

Последняя особенность (Бенская 1955: 15) представлена в былинном фольклоре гребенских казаков тремя, включая *а*, постпозитивными частицами: *та* (*Уж он нос **та** держит этот червон кораблик… **А** ой хорошо **та** было **та** на энтем корабличке изукрашено… **А** ой носом **та** он володал на энтим корабличике… **А** ой да ешо и сам большой **та** султан… **А** ой **та** бежите **та** ребята ко синю морю… **А** ой нагребайте поскорее на сокол-**та** корабль*») и *от* («***А-от**, хорошо-то было на етом*

*корабличке… **А-от**, изувешанай етот червон… корабля…*) (Путилов 1946).

Причем частица *а*, встречающаяся в начале простого предложения, очень употребительна в олонецких, архангельских и вологодских говорах того же северного наречия (Русск. диал. 2006: 211). В нем и в большинстве восточных среднерусских говоров отмечается употребление нескольких согласуемых постпозитивных частиц *-от, -те, -та, -ту* и т. п. (Русск. диал. 1973: 197; Русск. диал. 1998: 143), в отличие от юго-восточной диалектной зоны (Язык рус. дерев.: карта 25).

Аналогичный генезис представляется возможным допустить и в отношении перехода ударного **и́** в **е́** в речи старшего и среднего поколения носителей говора: *луд'**е**л'шик, м'**е**т'ка* (=*Митька*) (Бенская 1955: 8), известного большинству только северорусских говоров, в которых он наблюдается в позиции между мягкими согласными (см. Русск. диал. 1989: 40).

Наряду с характерным для первого слога после твердых согласных восточных говоров южного наречия (Русск. диал. 2006: 80) «недиссимилятивным аканьем (*в**а**да́, тр**а**ва́, в**а**ды́, ф-тр**а**в'е́, в**а**до́й, тр**а**во́й*)», в той же позиции «в речи представителей традиционного слоя говора в нескольких словах зарегистрировано сохранение ***о*** в первом предударном слоге (*карт**о**ш’и́нъч’ка, п**о**мо́йус*)» (Бенская 1955: 7). После мягких согласных наблюдается иканье (*с’м’**и**та́на, в’**и**зу́, пл’**и**су́н, р’**и**до́чки, м’**и**шо́к, в–р’**и**ке́, гл’**и**дит, б’**и**л’и́т, п’**и**на́й– нъ–с’**и**б’а́*), которое встречается в акающих говорах, главным образом среднерусских (Русск. яз. 1998: 148), а также характерное для всей юго-западной диалектной зоны (Русск. яз. 1998: 677) сильное (недиссимилятивное) яканье: *гъст’**а**ва́л, с–акт’**а**бр’а́, в–акт’**а**бр’е́, вз’**а**ла́* (Русск. диал. 1998: 48; Бенская 1955: 8). Сюда же следует присовокупить и такую южнорусскую черту, как произношение ударного **о** на месте ударного **а** в таких формах глагола, как *в**о́**р'ит, т**о́**шыт, к**о́**т’ит, пад**о́**р'ит, пас**о́**д'ит, пав**о́**л’ит* (см. Бенская 1955: 7).

Однако в том же слоге «в говоре старшего поколения иногда наблюдается сохранение **е**» (еканье), которое «не определяется фонетическими условиями: *н’**е**су́, н’**е**сла́, н’**е**с’и́,*

н'ес'óш. И при этом «во втором и других предударных слогах, кроме начального, звуки **а** (**'а**), **о**, **е** подвергаются редукции, качественной или количественной», что также «чаще отмечается в речи старшего поколения, особенно при медленном темпе речи». Аналогичные явления наблюдаются в заударных слогах, кроме конечного открытого, а также в абсолютном начале слова для предударного **о**, кроме первого слога, в речи старшего поколения (см.: Бенская 1955: 8, 10, 11).

Тем самым в вокализме в речи старшего поколения, представителей традиционного слоя данного говора, наблюдается комплекс черт (неполное оканье), характерный для Владимирско-Поволжской группы говоров (Русск. диал. 1973: 270; Владимир.-Поволж. гр. гов.). Наряду с этим постоянная утрата интервокального йота влечет за собой утрату последующего согласного (стяжение гласных) в сочетаниях **-ое**, **-ая**, **-ую**, **-ые**, **-ие** в различных падежных формах прилагательных, притяжательных местоимений, порядковых числительных (Бенская 1955: 8, 9, 11). Этот процесс в совокупности с отмеченным выше неполным оканьем также присущ восточной части окающих среднерусских Владимирско-Поволжских говоров (см.: Русск. диал. 1973: 72, 95–96, 270, 271; Русск. диал. 1998: 216; Русск. яз. 1998: 283). Письменное отражение выпадения йота с начала XVII в. и в западных среднерусских говорах – акающих великолукских и псковских, а также окающих новгородских (Галинская 2002а: 131), позволяет предполагать их синхронную известность восточным окающим среднерусским (владимирско-поволжским) говорам.

В тех же говорах (см. выше) отмечается развитие гласного внутри различных групп согласных: *св́ок*[**ъ**]*ла*, *пóм*[***ъ***]*нý* и т. п., в числе которых отмечаемые *кóр*[***ъ***]*м* и *гóр*[ъ]*б*, могут иметь другое происхождение, чем второе полногласие на северо-западе (Диал. атлас 1986: 194). В последнем качестве в рассматриваемом говоре рассматриваются такие формы, как *мóл*[***ъ***]*нá*, *дол*[***ъ***]*жна*, *кóр*[***ъ***]*м* (!), *с́ер́éп* (см. Бенская 1955: 9).

К владимирско-поволжским говорам, в которых произношение ***е*** соответствует этимологическому **ѣ** (*хл*[***е***]*б*, *б*[***é***]*лый* и т. д.) и датируется первой половиной XVII в., будучи

известным и акающим южным (курским, брянским, смоленским) и среднерусским (волоколамским, великолукским и псковским) (Русск. диал. 2006: 71; Галинская 2002а: 35), предположительно может восходить в рассматриваемом говоре аналогичная черта, когда данная фонема «в любой позиции разделяет судьбу исконного ***е́***: *л’ес, в’**е**к, в–л’**и**су́,* в *го́ръд’**е́***» (Бенская 1955: 8).

В отношении системы согласных рассматриваемого говора следует отметить, что наряду с различением фонем **ц** и **ч̓** в «говоре старшего поколения станицы зарегистрировано появление **ц** на месте **ч̓** в слове ***ц**асту́шк’и*» (Бенская 1955: 9). Эта черта – совпадение аффрикат ***ч*** и ***ц*** (твердое цоканье) – также оказывается присущей южной части уже упоминавшихся говоров Владимирско-Поволжской группы (Язык русск. дерев.: карта 16).

Кроме того, в речи жителей станицы среднего и старшего возраста «***ц*** перед гласными непередними может изредка звучать как ***с***, а перед гласными передними может звучать мягко, почти как ***т̓***: *у́л̓иса, ф т̓е́ркву*; ***ц*** на месте ***с*** постоянно звучит в слове “сарай”: **ц**арай» (Бенская 1955: 10). Здесь следы цоканья отражают переход к различению аффрикат, как и вышеупомянутые замены, отражающие оба признака различения ***ц*** (см. Русск. диал. 2006: 50–51).

Другая особенность консонантизма, присущая речи старшего поколения станицы: ***ж*** и ***ш*** частично сохраняют свою исконную мягкость – **ж̓**и́л̓и, **ш̓**е́р̓с̓т̓, в м̓и**ш̓**к̓е (Бенская 1955: 10) и обнаруживаются в Ивановской и Кировской областях (Русск. диал. 1989: 67). В пределах первой из них представлена часть восточных среднерусских окающих говоров.

В этой же речи «**ш** долгий (не из **зч** и **сч**) обычно звучит как твердый **ш**, реже как долгий твердый **ш** или **ш̓ч̓**, спорадически появляется Ш̓: бор**ш**, л̓е́**ш̓**ик (=лещик), **шш**у́ка, му**ш̓ч̓**ина́. <…> Долгий ***жж*** звучит обычно как твердый ***ж***, реже – как долгий ***жж***, спорадически в речи самых старых появляется ***ж̓***: *прии́**ж**а́л, до́**ж**ык, уо́**ж̓**и* (=*возжи*)» (Бенская 1955: 10).

В известной мере отмеченные факты отвечают закономерностям употребления наряду с долгими мягкими шипящими ***ш'ш'***, ***ж'ж'*** ([***ш'ш'***]*у́ка*, *та*[***ш'ш'***]*у́*, во́[***ж'ж'***] и т. п.) также долгих твердых шипящих ***шш*** и ***жж*** в Владимирско-Поволжской группе говоров (Владимир.-Поволж. гр. гов.) при том, что в южнорусском наречии и во многих севернорусских говорах произношение долгих твердых шипящих не отличимо от сочетания двух фонем (***сш*** или ***шш***) (Русск. диал. 1989: 90).

В речи старшего поколения также отмечено, что «сочетание ***вн*** может звучать как ***мн*** и наоборот: *пратӥ****мн****а*, *гъла****мн****а́*, ***вн****о́га*» (Бенская 1955: 10), что присуще местным диалектным чертам Владимирско-Поволжской группы и говорам соседней Костромской, также Курско-Орловской групп (Владимир.-Поволж. гр. гов.). Кроме того, в ограниченном числе слов в речи старшего поколения происходит переход **т'**, **д'** в **к'**, **г'** (*ба****к'****и́стъва кофта*, ***к'****еста́*, *пач****к'****и́ шта*, *с'ер****г'****и́та*) (Бенская 1955: 10), известный также западной части говоров Владимирско-Поволжской группы (Владимир.-Поволж. гр. гов.).

Таким образом, произведенный в анализ показал, что преобладающая часть фонетических особенностей рассматриваемого говора восходит к среднерусским окающим говорам Владимирско-Поволжской зоны раннего формирования, выходцами из которой следует считать, по всей видимости, и его носителей. Как было показано в предшествующем изложении, отдельные факты этих говоров стали известны с XVII в.

Именно в это время из Владимирско-Поволжской зоны имело место переселение носителей этих говоров в Среднее Поволжье (Дурново и др. 1915: 89), Прикамье и другие восточные районы страны, что привело к формированию различных вторичных говоров позднего заселения со среднерусской основой (Владимир.-Поволж. гр. гов.). При этом самые ранние из вторичных русских говоров сформировалось к XVI–XVII вв. в нижнем течении Дона, а также Волги (Захарова, Орлова 2004: 30–31), куда могли мигрировать из Владимирско-

Поволжского региона будущие гребенские (терские) казаки, продвинувшиеся затем в Восточное Предкавказье.

Не случайно первое документальное сообщение о казаках на Северном Кавказе относится к 1563 г., хотя некоторые исследователи необоснованно полагают, что государственная служба вольных казаков с Терека началась с 1552 г. – взятия Казани (см. Гусейнов 2010: 60). Было бы точнее – после 1556 г., когда ликвидация Астраханского ханства полностью открыла будущим гребенским казакам путь в Каспий (о чем говорит упоминание корабля в их былинах) и далее на Восточное Предкавказье.

Литература и источники

1. Бенская Э.Я. Говор станицы Старый Щедрин Грозненской области (Фонетическая система и морфологический строй): Автореф. дисс. …канд. филол. наук. Л., 1955. 20 с.
2. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. // URL: http://www.cossackdom.com/book/bookkazak.html
3. Владимирско-Поволжская группа говоров // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/
4. Галинская Е.А. Фонетика русских диалектов конца XVI – первой половины XVII вв.: Автореф. дисс. …докт. филол. наук. М., 2002. 45 с. (а).
5. Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002. 273 с. (б).
6. Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 150 с.
7. Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала: АЛЕФ, 2010. 214 с.
8. Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М.: Синодальная типография, 1915. 140 с.
9. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970. 2-е изд.: М.: Едиториал УРСС, 2004. 176 с.

10. Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю. Образование северноруcского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970. 456 с.
11. Народы Европейской части СССР. Этнографические очерки. М.: Наука, 1964. Т. I. 984 с.
12. Путилов Б.Н. Песни гребенских казаков. Грозный, 1946 // URL: sunday-school. ucoz. ru / forum /6-657-1
13. Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
14. Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М.: Дрофа, 2006. 272 с.
15. Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. 271 с.
16. Русский язык. Энциклопедия. М.: Дрофа, 1998. 703 с.
17. Язык русской деревни. Карта 14. Звуки на месте буквы г. // URL: http://www.gramota.ru/book/village/map14.html
18. Язык русской деревни. Карта 16. Различение и неразличение согласных на месте ц и ч. // URL: http://www.gramota.ru/book/village/map16.html
19. Язык русской деревни. Карта 22. Т – т’ в окончаниях глаголов 3-го лица. // URL: http: // www. gramota. ru / book / village / map 22. html
20. Язык русской деревни. Карта 25. Изменяемая частица -то в русских говорах. // URL: http: // www. gramota. ru / book/ village / map 25.htm

УДК 811.161.1

Н.Д. Игнатьева
(Санкт-Петербург, Россия, nataliagasheva@yandex.ru)

Псковские и забайкальские фразеологизмы на общерусском диалектном фоне

В статье сопоставляются псковские и забайкальские говоры, выделяются некоторые их особенности. Рассматривается ряд диалектных фразеологических единиц с точки зрения их семантической дифференциации: от минимальных различий до полного несоответствия.

Ключевые слова: диалектная фразеология, диалектные словари, семантическая дифференциация.

N.D. Ignatieva

Pskov and Transbaikal Phraseological Units on an All-Russian Dialect Background

The article compares the Pskov and Transbaikal dialects and highlight some of their features. A number of dialectal phraseological units are considered from the point of view of their semantic differentiation: from minimal differences to complete inconsistency.

Key words: dialectal phraseology, dialectal dictionaries, semantic differentiation.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062).

Фразеологические единицы (ФЕ) известны не только в литературном языке и в просторечии, но и в регионально ограниченной или диалектной речи. Их наличие свидетельствует о сохранении в развитии диалектов и говоров тенденции к экспрессивности и вместе с тем о независимости их от влияния литературного языка. Народная фразеология, органичную часть которой составляют диалектные фразеологические единицы разных видов, изучена в значительно меньшей степени, чем литературная, что убедительно констатирует А.И. Федоров и что подчеркивается в других исследованиях народной речи и лексикографической практике (Федоров 1980; Мокиенко 1989; Ивашко 1981).

В Сибири до сих пор сохраняется относительная самостоятельность диалектной речи, что даёт уникальную возможность получить разнообразную информацию о местных обычаях, трудовом опыте, быте, о материальной и духовной культуре жителей этой территории. Значимо также изучение диалектной фразеологии в сопоставлении с литературной и для установления истории формирования и развития фразеологических оборотов. Подробное лексикографическое описание диалектной фразеологии и ее сопоставительное исследование с фразеологией литературного языка даст возможность полнее представить процесс развития русской

национальной фразеологии, определить долю участия в ней различных диалектов и говоров (Федоров 1972: 4).

Стремление говорящих давать эмоционально-образную оценку предмета мысли на основе представлений о часто повторяющихся фактах, явлениях повседневной жизни вызывает возникновение и диалектных фразеологизмов. Эти фразеологизмы могут создаваться и на основе общенародных слов-компонентов и с использованием диалектной лексики. Этимологический элемент содержания в каждом из них чаще всего отражает представления людей о тех явлениях, фактах, которые обычны для их микромира, местной среды (ср. сиб. *на комарах (жить, расти)* ‘в трудных условиях’; *быть на коне и под конём* ‘все испытать, изведать’) (Там же: 14).

Как утверждает А.И. Федоров, в условиях всеобщей автоматизации труда, исчезновения традиционных сибирских промыслов и появления новых, с ростом общей культуры населения происходит изменение психологии людей, их мировоззрения. Ориентация на литературный язык, утрата актуальности тех образных представлений, которые заложены в основе семантики диалектных фразеологизмов, – все это способствует их уходу в пассив (Федоров 1972: 174–175). Однако, как отмечал Б.А. Ларин в своей статье «О народной фразеологии», «диалектология имеет большие перспективы даже в эпоху отмирания диалектов, так как это молодая дисциплина, еще далеко не развернувшая своих потенций и владеющая даже сейчас неисчерпаемыми материалами для будущих исследований» (Ларин 1977: 149). В этом контексте приобретает особую важность изучение диалектного фразеологического материала, который способствует реконструкции духовной и материальной культуры определённого региона.

Удаленность Забайкалья от Большой земли, преобладание в экономике сельского и лесного хозяйства компенсируется сложившейся в регионе общностью материальной и духовной культуры, обусловленной характером хозяйственной и социальной жизни и выражающейся в поступках, традициях, обрядах, символах. Понятие

«Забайкальцы» не только означает местожительство в Забайкалье, – отмечает М.В. Константинов, – забайкальцам присущ особый менталитет, т. е. особо сложившаяся социальная психология <…> особое мироощущение от сочетания европейского и азиатского миров, своеобразного пересечения их традиций и приоритетов» (Константинов: электронный ресурс). На территории Забайкальского края сложилась уникальная этническая ситуация. Здесь проживали и проживают различные этносы: эвенки, буряты, русские. Русские – это этнокультурные группы казачества – первых русских поселенцев в регионе; старообрядцев, высланных правительством Российской империи в Забайкалье в XVIII в. при разделе Речи Посполитой. Старообрядцы Забайкалья – это древняя, яркая ветвь русского народа, которые до наших дней сохранили традиции русской национальной культуры, в частности элементы культуры допетровской Руси. В старообрядческой культуре очень многое связано с древними поверьями и религиозными воззрениями и преданностью старине. Староверы Сибири сохранили и многие памятники народной культуры и древнерусской письменности: древние книги и рукописи, предметы быта и обихода, образцы старинной одежды, найдены уникальные иконы. Все эти особенности несомненно оказали определенное влияние на формирование и развитие забайкальской диалектной культуры.

Для нас представляло интерес сравнить этот регион с другим, не менее уникальным, – Псковской областью. Выбор Псковской области здесь не случаен. Это сопоставление любопытно по ряду причин. С одной стороны, эти регионы объединяет уникальное пограничное местоположение: государственная граница Псковской области с Белоруссией, Эстонией, Латвией и Забайкальского края с Монголией и Китаем. С другой стороны, прослеживается явный контраст с точки зрения географии: низменно-холмистый рельеф, обилие озер в Псковской области и преобладание гор (65 горных хребтов) в Забайкалье; истории: богатейшая славянская история псковских земель, уходящая еще в «Повесть временных лет» и относительно молодая именно русская история забайкальской территории, освоение которой русскими поселенцами началось

лишь с середины XVII в. Все эти особенности, несомненно, нашли свое отражение и в различных аспектах духовной культуры народа, к которой мы попытались прикоснуться с помощью материалов областных словарей. Для этого мы обратились к Псковскому областному словарю (ПОС) и Словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края В.А. Пащенко (Пащенко 2015).

В Словаре В.А. Пащенко представлен диалектный материал русских говоров Забайкальского края (122 населенных пункта в 29 районах Забайкальского края), насчитывающий около 3000 фразеологических единиц. Словарь является по своему характеру идеографическим: фразеологизмы и иные словосочетания подаются в тематических разделах (1. Характеристика человека. 2. Действия, состояния, их характеристика. 3. Характеристика ситуаций. 4. Предметы, их характеристика). В ракурсе современных лингвокультурологических и этнолингвистических исследований данный словарь может быть весьма востребован. Ценностью словаря также является богато представленный иллюстративный материал, демонстрирующий употребление фразеологической единицы в диалектном контексте, который выявляет её значение. С точки зрения диалектологии, словарь вызывает большой интерес, так как в нем в самих фразеологических единицах, а также в иллюстративном материале отражена непосредственно диалектная лексика. Приложения к Словарю позволяют более наглядно представить значения диалектизмов, а тексты, записанные в селах и районных центрах, помогают увидеть включенность фразеологизмов в живую ткань диалектной речи забайкальцев, почувствовать ее уместность и меткость употребления (Игнатович 2015: 5–7).

Наш мир постигается различным образом не только в разных языках, но и в различных говорах. Картина мира любого языка многогранна, она включает разные формы существования языка этноса, что естественно, находит выражение и в диалектных различиях на лексико-семантическом уровне. Слова

для обозначения более или менее тождественных понятий часто отличаются по своим вторичным ассоциациям.

Рассмотрим ряд диалектных ФЕ псковских и забайкальских говоров с учетом их семантической дифференциации. Единицы, включенные в наш анализ, имеют как очень широкий ареал (напр., *взять в ум, на воле*), так и узкий, включающий только Псковский и Забайкальский края (*вертеть дырку на боку, давать взаймы, ноги не класть*).

Мы попытались создать градацию по степени различий псковских и забайкальских фразеологических единиц. К первой категории мы отнесли единицы с минимальным различием (оттеночным или уточняющем). Напр., *сыграть волосянку [кому]* ‘наказать кого-либо, таская за волосы’ (ПОС 4: 125) и ‘побить’ (Пащенко 2015: 212). В случае забайкальских говоров наблюдается уточняющее значение. *Дед много разговаривать не любил. А я-то любила петь да плясать. Ну он мне один раз* ***волосянку сыграл****. И на всю жизнь*. Петровск-Забайкальский район (Пащенко 2015: 212).

Аналогичен по степени различия пример *ноги (ногу) не класть (не положить) [куда, к кому]* ‘не ходить куда-либо, не появляться где-либо (как угроза)’ (ПОС 21, 381) и ‘не проведывать, не навещать кого-либо’ (Пащенко 2015: 152). *Заболел, дак нихто* ***ноги не положил****, нихто не заглядывал*. Шилкинский район (Пащенко 2015: 152).

Различный оттенок значения можем наблюдать в примере *брать/взять в ум [что]* ‘запоминать, заучивать что-либо’ (ПОС 2: 153) и ‘принимать во внимание, учитывать что-либо; начинать думать, подумать о чём-либо’ (Пащенко 2015: 114). *Ты иди, Самоха, батогов там сруби штук пять! – Ладно, схожу, братуха. А он* ***в ум****-то* ***не взял****, что у его маленько не хватало, и топор ему давать не след*. Могочинский район (Пащенко 2015: 114).

Семантическое отличие, не значительное, но ощутимое, отмечается в примере *в глазах (чьих)* ‘перед глазами, в поле зрения, поблизости, рядом (быть, находиться); открыто, в присутствии кого-либо, обращаясь непосредственно к тому, о ком идёт речь (говорить, делать); очень быстро проходить (о

времени)’ (ПОС 6: 171) и ‘о том, что ясно помнится, зримо представляется при воспоминании’ ср. *как сейчас вижу* (Пащенко 2015: 243). *У его десять пацанов было. Посмотришь: избенка небольшая, а весь пол заслатый до порогу, некуда шагнуть. Просто во дверях постоишь. До сих пор это у меня* ***в глазах***. Шилкинский район (Пащенко 2015: 243).

Следующий ряд диалектизмов включает уже существенные семантические различия. Данную категорию мы можем проиллюстрировать примером *на воле* ‘не на военной службе’ (ПОС 4: 141) и ‘в природе’ (Пащенко 2015: 237). *Весна уж скоро* ***на воле****-то. Само браво время. Дики курицы (дрофы) прилетают, чайки. Ургуй (подснежник) засветёт, там багул недалеко.* Приаргунский район (Пащенко 2015: 237). Здесь мы можем наблюдать особенность диалектных лексических единиц – стремление к детализации и конкретизации понятий, которые выражаются общерусскими словами. «Общерусские слова в большинстве своем обозначают общие и родовые понятия, диалектные слова – соответствующие им частные и видовые понятия. (Лукьянова 83: 19). Так, слово *воля* приобрело в псковских и забайкальских говорах более конкретное значение, мотивированное местным укладом и сложившимися реалиями. Б.А. Ларин, сопоставляя словари литературного языка и областные словари, также отмечал относительно свободное употребление слова в нестойких сочетаниях у первых и гораздо большую выдержанность традиции и большую массу устойчивых словосочетаний у вторых (Ларин 1977: 150). *Прибрать к месту [кого]* ‘съесть что-л. без остатка, доесть; наказать, выругать, побить кого-л; убить кого-л; похоронить кого-л.’ (ПОС 18: 176) и ‘наставить на путь истинный’ (Пащенко 2015: 188). *Умел он концы прятать в воду, оставил ребёнка и не признаёт. Правление должно* ***прибрать*** *его* ***к месту***. *А что сказал-то: есть разрешение делать аборты, вот чё сказал-то*. Борзинский район (Пащенко 2015: 188). Данный пример иллюстрирует несовпадение объема значений. В псковских говорах представлено четыре значения, а в забайкальских только одно, которое полностью не совпадает ни

с одним из четырех, но есть связь со вторым ‘наказать, выругать, побить’.

И, наконец, третья категория, где наблюдается полное семантическое несоответствие. *Отводить/ отвести (отвесть) очередь* ‘соблюсти порядок, поочередно выполнив работу; проливаться в большом количестве (о дожде)’ (ПОС 23: 524–525) и ‘недобросовестно работать’ (Пащенко 2015: 171). *Мы путём жизни не видели. Летом успевали, то огород, то баран стричь, потом потники катали, а потом на сенокосе. А теперь только* ***очередь отводят****. А живут!* Оловянинский район (Пащенко 2015: 171).

В ступе [пестом] не утолочь (не утолчёшь, не утолкёшь) [кого] ‘о человеке, которого невозможно заставить замолчать’ (СПП 2001: 73) и ‘о человеке крепкого здоровья’ (Пащенко 2015: 94). *Казачество возвращаются, потому как они сильны, выносливы и решительны. Таки были у нас, что в ступе не утолкёшь.* Шилкинский район (Пащенко 2015: 94).

Вертеть дырку на боку ‘назойливо приставать к мужчине, молодому человеку (о девушке)’ (Запись 1993 г.) и ‘ловчить, изворачиваться, всё успевать’ (Пащенко 2015: 114). *На боку дырку вертел. Бог наказал, убили свои же*. Читинский район (Пащенко 2015: 114).

Давать/ дать взаймы ‘одалживать кому-н. что-н.’ (ПОС 8: 106) и ‘совершать плохие поступки, не думая о воздаянии за них’ (Пащенко 2015: 127). *Так делать – это же взаймы давать. Ведь всё до поры до времени, уж потом ей всё зачтётся. И не такие головушки летели. Ну да ладно, знать буду, с кем повязываться*. Оловянинский район (Пащенко 2015: 127). Данный пример иллюстрирует явление, как в одних говорах сочетание используется в прямом значении, а в других приобрело переносное.

Ломать (гибать) хребёт (хребет) ‘трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой’ (ПОС 6: 159) и ‘переходить через перевал на территорию кедровника’ (Пащенко 2015: 158). *У него два мешка с возу стащили, ни у кого, только у него. Он приехал: я с колхозу выхожу, буду*

хребёт ломать, продадим орехи – корову возьмём. Хилокский район (Пащенко 2015: 158).

Точить (вострить, острить) зуб (зубы ‘испытывая злобу, замышлять или готовить что-л. недоброе против кого-л., стремиться причинить вред кому-л., готовиться к отмщению; болтать, пустословить’ (ПОС 13: 110) и ‘грызть орехи’ (Пащенко 2015: 214). *Через месяц едут, везут по три тулуна (мешка) из хребта. Ну мы тут не зевали, целу ночь зубы точили, аж до поноса. Радости было! Как назуглимся (насытимся) орех, мёртвым сном засыпаем – голодали же*. Красночикойский район (Пащенко 2015: 214). Можно предположить, что в последних двух примерах мы уже имеем дело с фразеологической омонимией – совпадением плана выражения при абсолютном различии плана содержания. Данное разобщение, возможно, обусловлено территориальными особенностями регионов: заметным преобладанием гор и сибирского кедра в забайкальском регионе и отсутствием таковых в псковском. В обоих примерах речь идет о кедровнике, распространенном на территории Забайкалья и ценном для хозяйства региона. Б.А. Ларин обращал внимание на образность профессиональной фразеологии, которая «отражает то древние приемы работы, то специальные формы общения участников коллективной работы, то воззрения ремесленников или промысловиков на свои занятия» (Ларин 1977: 161).

Таким образом, сопоставительный анализ с учетом семантической составляющей фразеологических диалектизмов псковских и забайкальских говоров показал, что они могут различаться объемом значений. При этом различия могут носить как оттеночно-уточняющий характер, так и иметь полное несоответствие содержания при одинаковой форме. В некоторой степени это может быть объяснено особенностью диалектной лексики – стремлением к предельной конкретности значений слов при наименовании предметов, явлений, действий и признаков, актуальных именно для данного коллектива с привычными ему ассоциациями.

Литература и источники

1. Бухарева Н.Т., Федоров А.И. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1972. 207 с.
2. Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 111 с.
3. Игнатович Т.Ю. Предисловие // Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края. 2-е изд., испр. и доп. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 5–7.
4. Константинов М.В. Забайкальцы [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. // URL: http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=1949 (дата обращения: 12.08.2017).
5. Ларин Б.А. О народной фразеологии // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 149–162.
6. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 2-е изд. М., 1989. 287 с.
7. Пащенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края. 2-е изд., испр. и доп. Чита: ЗабГУ, 2015. 484 с.
8. Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980. 192 с.

УДК 811.161

И.Е. Колесова
(Вологда, Россия, mika-vologda@mail.ru)

Некоторые семантические модели параллельного словообразования в русских говорах (на примере отглагольных существительных)

Данная статья посвящена вопросам, связанным с явлением параллельного словообразования в русских народных говорах. На примере отглагольного параллельного словообразования рассматриваются особенности семантического синкретизма производящих слов, от которых параллельно образуются когерентные имена существительные. Определяются семантические модели их образования, характеризуются особенности их словообразовательных парадигм.

Ключевые слова: вологодские говоры, параллельное словообразование, семантические модели параллельного словообразования, парадигмы когерентных лексем.

I. E. Kolesova

Some Semantic Models of Parallel Word Formation in Russian Dialects (Using the Example of Deverbal Substantive)

This article discusses the parallel processes of word-formation in Russian dialects. The example of deverbal substantive word-formation is used to reveal the features of the semantic syncretism of forming words that are used to form coherent substantives. Semantic models of their formation are determined and their derivational paradigms are characterized.

Key words: Vologda dialect, parallel word formation, semantic models of parallel word formation, paradigms of coherent lexical items.

Формирование и развитие лексической и словообразовательной системы русских народных говоров находится в зависимости от сопряженного действия целого ряда разнообразных процессов, в ряду которых достаточно важную роль играют процессы параллельного словообразования. Одним из результатов их действия становится появление в русских говорах значительного количества когерентных лексем, изучение которых представляется одной из актуальных задач исследования особенностей диалектной словообразовательной системы. При исследовании процессов параллельного словообразования следует учитывать, что данное явление является одним из вариантов развития семантической дивергенции (также как характерный для диахронии лексико-семантический способ словообразования и семантическое словообразование по модели, происходящее в рамках синхронии). Следует разделять лексемы, возникшие в результате параллельного словообразования, и словообразовательные омонимы, а также лексемы, возникновение которых опирается на словообразовательную и отраженную полисемию. Под термином **когерентные лексемы** мы, опираясь на наши более ранние работы, понимаем «те производные слова, которые образуются параллельно от одного

производящего слова по одной словообразовательной модели, с помощью одного и того же словообразовательного средства, но при этом относятся к различным предметно-логическим сферам и не вступают между собой в отношения семантической деривации» (Колесова, Яцкевич 2012: 96). Первоначально этот термин был введен в научный обиход Л.Г. Яцкевич, которая использовала его для описания производных лексем, функционирующих в близкородственных языках, соотносящихся по внутренней форме, но расходящихся при этом по значению (Яцкевич 1979). При исследовании исторических корневых гнезд с точки зрения формирования их словообразовательной структуры также можно наблюдать лексемы, особенности функционирования которых схожи с вышеописанным явлением. Этот факт дает нам возможность применять термин «когерентные лексемы» также в историческом аспекте, при описании систем слов, имеющих общий этимологический корень (Колесова 2009; Колесова, Яцкевич 2012). Наконец, необходимость использования этого термина для квалификации определенного типа диалектных лексем появляется при исследовании словообразовательной системы русских говоров (Колесова 2015; Колесова, Яцкевич 2016; Яцкевич 2013; Яцкевич 2016).

Обращаясь к причинам проявления лексической когерентности и параллельного словообразования в русских диалектах, следует упомянуть работы Л.Г. Яцкевич, которая делит эти причины на две значительные по объему группы: внешние и внутренние (Яцкевич 2016). К *внешним причинам* относятся такие факторы как постоянное возникновение потребности в номинации вновь возникающих объектов и специфика диалектной речи, которая выражается в устной форме ее функционирования, а как следствие, в мобильности диалектного лексического состава, тесной взаимосвязи диалектной речи с конкретной речевой ситуацией и отсутствии в диалектном речевом дискурсе кодифицированных норм. Все эти факторы органично сочетаются с архаичностью лексического состава говоров и в совокупности действующими в пространственно-временном континууме дивергентными

процессами повышают вероятность формирования в говорах когерентных лексем.

Среди *внутренних причин* продуктивности диалектного параллельного словообразования в первую очередь необходимо выделить синкретизм семантической структуры, который представляет собой специфическую черту семантики слова в русских говорах (Яцкевич 2016). Синкретизм как черта архаического сознания, связанная с выражением целостного, недифференцированного восприятия мира, рассматривается в работах многих историков, исследовавших славянскую культуру и славянские языки. В описании данного явления мы опираемся на наиболее распространенную точку зрения, которая основывается на идеях А.А. Веселовского, который считал, что в архаическом «сознании сами идеи тождества и различия еще не оформились в своей раздельности, а потому не накладываются на воспринимаемые явления» (Веселовский 1940: 24). Семантический синкретизм диалектных слов также неоднократно попадал в поле зрения исследователей (Оссовецкий 1982; Толстая 2008; Яцкевич 2016), но тем не менее его типы и особенности до сих пор не получили исчерпывающего описания.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть те виды семантического синкретизма, характерные для производящих слов, становящихся в русских говорах базой для образования производных когерентных существительные, которые находят свое отражение именно в отглагольном словообразовании. Также ставится задача выявления семантических моделей образования отглагольных когерентных существительных и особенностей формирования их словообразовательных парадигм.

При параллельном словообразовании когерентных производных существительных (КПС) на базе различных частей речи семантический синкретизм имеет свои особенности, которые определяются главным образом типом категориальной семантики и спецификой функционирования в высказывании производящего слова (Яцкевич 2016). Особенности отглагольного параллельного словообразования КПС

обусловлены в первую очередь спецификой глагольной семантики. По мнению исследователей, семантическая структура глагола имеет выраженный ситуативно-вариантный характер, то есть дробится на более мелкие семантические единицы, каждая из которых представляет это значение со стороны какой-либо типичной для него семантической реализации. Говоря о глагольном значении, невозможно полностью отвлечься от ситуаций использования лексемы. В связи с этой особенностью структура одного глагольного значения сама по себе представляется исследователям промежуточным звеном между моно- и полисемией, совмещающим в себе признаки обоих явлений (Колесова 2009). Таким образом, параллельное отглагольное словообразование следует очень тщательно отделять от параллельного образования лексем на основе различных ситуативных значений одного и того же глагола. В качестве примера можно привести случай образования существительных ***варец*** ‘пивовар’ и ***варец*** ‘повар’ от глагола ***варить***, значение, которого ‘готовить что-либо’ включает в себя ситуативное значение ‘приготовлять пиво’. Данные лексемы нельзя считать результатом параллельного словообразования, поскольку в основе развития их семантики лежат разные составляющие значения исходного глагола.

Параллельное отглагольное словообразование тесно связано с системой глагольных актантов и происходит чаще всего по следующим моделям: действие → результат действия; орудие действия; материал для совершения действия; исполнитель действия и т.д.

Объектом нашего внимания является ряд семантических моделей, которые реализуются при образовании когерентных существительных на базе диалектных глаголов и становятся основой формирования когерентных словообразовательных парадигм. При рассмотрении данного явления мы опираемся на определение, данное нами в одной из предыдущих работ: «**Когерентная словообразовательная парадигма** – это система производных лексем, которые находятся на одной ступени словообразовательной производности и образуются с

помощью одного и того же словообразовательного средства на одной и той же производящей базе, но при этом имеют различные лексические значения, то есть это система, включающая в себя когерентные лексемы» (Колесова, Яцкевич 2016: 66–67). Состав семантических моделей, входящих в конкретную когерентную словообразовательную парадигму, зависит в первую очередь от семантических особенностей той части речи, к которой относится производящее слово, лежащее в основе данной парадигмы.

Отглагольное параллельное словообразование занимает важное место в формировании когерентных лексем в русских говорах, хотя и не приводит к формированию значительной по объему группы когерентных производных существительных, связано это с широкой употребительностью глагольной лексики и важностью той роли, которую играют в языке лексемы с процессуальной семантикой. Остановимся подробнее на некоторых семантических моделях, характерных для параллельного отглагольного словообразования в диалектах (значения лексем в парадигмах приводятся с опорой на словарь русских народных говоров (СРНГ), словарь вологодских говоров (СВГ) и словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК)):

1. Парадигма КПС с суффиксом *-ушк-*

‘действие’	→	1. ‘результат действия’ 2. ’орудие действия’
Намазать	→	*1А. намаз/ушк/а* ‘пирог, покрытый жидкой начинкой’ *1Б. намаз/ушк/а* ‘рыболовная морда, намазанная приманкой’ *2. намаз/ушк/а* ‘самодельная костяная лопаточка’
Позвонить	→	*1. позвон/ушк/и* ‘звон’ *2. позвон/ушк/и* ‘колокола’

2. Парадигма КПС с нулевым суффиксом

‘действие’	→	1. ‘приспособление для его совершения’ 2. ‘документ, позволяющий его совершение’
Пропускать	→	*1. пропуск* ‘шлюз’ *2. пропуск* ‘церковная бумага с молитвой, которая кладется при погребении на лоб покойнику’

3. Парадигма КПС с суффиксом *-лк-*

‘действие’	→	‘орудие действия’
Носить	→	*А. носи/лк/а* ‘одна из двух жердей, на которых носили сено’ *Б. носи/лк/а* ‘большая плетёная корзина с прикрепленными к ней двумя длинными палками для переноски сена’

4. Парадигма КПС с суффиксом *-енuj-*

‘действие’	→	1. ‘процесс совершения действия’ 2. ‘материал для совершения действия’
Строить	→	*1. стро/енuj/е* ‘строительная работа, стройка’ *2. стро/енuj/е* ‘строительный материал; то, из чего строят’

5. Парадигма КПС с суффиксом *-тк-*

‘действие’	→	1. ‘результат совершения действия’ 2. ‘средства для совершения действия’

Прожить	→	*1. прожи/тк/и* ‘годы жизни; прожитое время’ *2. прожи/тк/и* ‘средства для жизни’

Таким образом, наблюдения над параллельным отглагольным словообразованием имен существительных в русских народных говорах позволило выявить ряд закономерностей.

1. В первую очередь в основе процессов параллельного словообразования когерентных лексем, в частности существительных, лежит семантический синкретизм, свойственный производящим лексемам. Характер данного синкретизма обусловливается принадлежностью производящего слова к той или иной части речи, в частности категориальными значениями и их спецификой, а также валентными свойствами.

2. Параллельное отглагольное словообразование тесно связано с системой глагольных актантов и приводит главным образом к образованию лексем, воплощающих эти актанты. Отглагольное параллельное словообразование необходимо тщательно отграничивать от параллельного образования лексем на основе различных ситуативных значений одного и того же глагола.

3. В современной диалектной словообразовательной системе в результате действия дивергентных процессов образуется целый ряд когерентных словообразовательных парадигм, опирающихся на специфические семантические модели. Состав данных моделей в первую очередь зависит от семантических особенностей части речи, к которой относится производящее слово, и от формально-семантических характеристик производных лексем. Данные парадигмы диалектных когерентных существительных представляют собой открытые системы, имеющие потенциальную возможность пополняться новыми образованиями. Типологическое описание данных парадигм, выявление их словообразовательного потенциала и специфики лексического состава каждой конкретной парадигмы представляет собой одну из наиболее актуальных для современной диалектологии задач.

Сокращения

СВГ – Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. / Ред. Т.Г. Паникаровская (Вып.1–7); Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

Литература и источники

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
2. Колесова И.Е. Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорах // Народная речь вологодского края. Вологда, 2015. С. 189–201.
3. Колесова И.Е. Функциональная и семантическая дивергенция в историческом корневом гнезде с этимологическим корнем * -lei-: Дисс. …канд. филол. наук. Вологда, 2009.
4. Колесова И.Е., Яцкевич Л.Г. Развитие лексической когерентности в структуре исторических корневых гнезд // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2. С. 94–96.
5. Колесова И.Е., Яцкевич Л.Г. Семантические модели словообразовательных парадигм когерентных имен существительных в русских народных говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 3(72). С. 65–75.
6. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.
7. Толстая С.М. Глухой и слепой // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 134–174.
8. Яцкевич Л.Г. Об адным тыпе міждыялектных і міжмоуных амонімау // Беларуская лінгвістыка. Вып. 26. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. С. 8–13.
9. Яцкевич Л.Г. Очерки морфологии вологодских говоров: Монография. Вологда, 2013.
10. Яцкевич Л.Г. Семантический синкретизм как источник ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности диалектных лексем // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. № 1. 2016. С. 91–97.

УДК 930.2

И.О. Колосова
(Псков, Россия, i9113690060@gmail.com)

Топонимы средневекового Пскова в источниках XVIII в.

В статье рассматриваются некоторые средневековых урбанонимы, сохранившиеся в письменных источниках начала нового времени. Особое значение среди этих источников имеют акты (например, купчие на дворы и другие объекты собственности). Рассматривается происхождение топонимов, а также проблемы локализации обозначенных ими объектов. Удалось выявить в составе псковской урбанонимии XVIII в. как ряд дохристианских деантропонимные образований, так и названия, происходящие от архаических апеллятивов.

Ключевые слова: акт (документ), двор, историческая топография, исторические планы Пскова, письменные источники, раннее новое время, сотня, топоним, улица, урбаноним, этимология.

I.O. Kolosova

The Toponyms of Medieval Pskov in the Sources of the 18th Century

The paper presents the analysis of some medieval urbanonyms, preserved in written sources from the beginning of the early modern times. Among these sources, the acts (e.g., the documents making out purchase of yards and other objects of property) have a special importance. The origin of toponyms as well as the meaning of objects localization are considered. Some pre-Christian deanthroponymic formations and names, derived from archaic appellatives, were identified among Pskov 13th century urbanonyms.

Key words: act (document), courtyard, historical topography, historical plans of Pskov, written sources, early modern times, a hundred, toponym, street, urbanonym, etymology.

В исследованиях по исторической топографии русского средневекового города зачастую необходимы комментарии, раскрывающие происхождение того или иного урбанонима. Таким образом, историк вторгается в сферу профессиональной

компетенции лингвиста, или, в узком смысле, специалиста в области топонимики. Но, равным образом, объяснение происхождения и значения топонима заставляет лингвиста обращаться к результатам исследований в области истории, археологии, исторической и физической географии. Тем самым реализуется принцип междисциплинарного подхода в гуманитарных исследованиях.

Обратимся в качестве примеров к топонимическим комментариям в классической работе по исторической топографии Пскова XIV–XV вв. (Лабутина 2011). При объяснении происхождения некоторых урбанонимов автор обращается к различным словарям, включая ПОС, а также к исследованиям по истории и исторической топографии русских средневековых городов, прежде всего – Новгорода. Так, хорошо известен топоним *Усоха* (*Всоха, Оусоха)*, Эта же местность называлась *Опокой, Опоцким концом*; топоним, как правило, связывается с ц. Николы и впервые употребляется в ПЛ под 1370/71 г. И.К. Лабутина приводит мнение псковских краеведов кон. XIX – нач. XX в., трактовавших эти названия как обозначение края обширного болота, и обращается в словарям Срезневского и Даля, в которых приводятся такие значения слова *опока*, как 'высохшее русло', 'речные берега', 'высохшее в засуху болото'. Топоним, по мнению И.К. Лабутиной, имел в эпоху средневековья более широкое значение и может быть соотнесен с местностью между укреплениями 1309 и 1374/75 г., близ трассы Великой улицы (Лабутина 2011: 148). Далее приведены мнения Л.И. Петровой и Е.А. Яковлевой, объяснявших слово *опока* как ‘осадок, отложение, покрытие’, т.е. заполненное в XV в. культурным слоем русло ручья или речки (Лабутина 2011: 148–149, 158–159).

С палеогеографическими характеристиками местности, на которую приходится историческая часть Пскова, связаны прозрачные с точки зрения этимологии топонимы *Пески, Броды, Гора* или *Горка* и проч. Отметим в книге И.К. Лабутиной также топонимические комментарии к урбанонимам *Буй*, *Могилка*, *Примостье*, *Поромянь*. Из немногочисленных названий улиц, встречающихся в летописных известиях XV –

нач. XVI в., автор рассматривает, например, годоним *Трупехова улица* (Лабутина 2011: 161). Отметим, что этот урбаноним, впервые упомянутый в ПЛ в связи с пожаром 1426 г., употреблялся вплоть до кон. XVIII в.

Вплоть до перепланировки Пскова в екатерининское время, т.е. до кон. 1770-х – нач. 1780-х гг., сохранялись многие особенности средневековой планировки и застройки. Это подтверждает анализ изобразительно-графических и археологических источников. Обращение к архивным материалам позволяет судить о степени сохранности средневековой топонимии; она весьма велика. Причем это касается не только обозначения наиболее устойчивых топографических объектов, например, крепостных сооружений, монастырских и приходских храмов. Как выяснилось, в середине и второй пол. XVIII в. еще употреблялись древние названия улиц и урочищ. Анализ письменных источников этого периода позволяет со значительной степенью полноты прокомментировать планы Пскова XVIII в., уточнить специфику застройки города, соотнести полученные данные с археологическими материалами. Ниже приводится краткая характеристика этих групп архивных материалов.

Купчие и закладные на дворы, дворовые места и другую недвижимость в городе (точнее, их копии) включались в особые «записные»книги, которые велись в Псковской провинциальной канцелярии. Еще в 1960-е гг. они, по-видимому, входили в собрание ГАПО, но затем были переданы в ЦГАДА (ныне – РГАДА), где и хранятся в настоящее время в ф. 615 («Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв.»), причем наиболее ранняя из книг по Пскову из этой коллекции относится к 1714 г. Наиболее ценные и полные данные содержатся в книгах 1739–1777 гг. Как известно, в кон. 1730-х гг. Сенатом была утверждена инструкция надсмотрщику крепостных дел; в ней приводились формуляры документов, включая записные книги (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. 1. Указатель к коллекции «Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв.» (предисловие). Благодаря этому мы имеем полную информацию о сделках с городской недвижимостью до начала

перепланировки Пскова. Книги отмечены литерой «В» и имеют одинаковый заголовок «Книга записная дворовая в продаже и в закладе дворов и дворовых мест и лавок».

Общее количество изученных нами актов, содержащих информацию по топографии города, достаточно велико (более 1500). Формуляр актов кон. 1730-х – 1770-х гг. включает datum, intitulatio+inscription (с указанием социального статуса и семейного положения контрагентов сделки, обширную диспозицию (включая весьма информативные адресные формулы: указывается часть города, сотня, приход, улица, другие надежные ориентиры. Дается, как правило, подробное описание участка (размеры, характер жилых и хозяйственных построек, огород, сад). Перечисляются владельцы соседних участков. Приводятся данные о стоимости двора, дворового или огородного места, лавки. Текст акта завершает corroboratio.

Записные книги привлекались О.В. Емелиной при изучении судьбы псковских каменных палат XVII в. (см., например: Емелина 2003: 391–395, 398–399); именно Ольга Владимировна обратила наше внимание на значение этих источников для изучения топографии и истории Пскова.

Средневековая урбанонимия нашла отражение в «Книгах сбора по городу Пскову с разных лавочных, клетных и кузнечных мест и с дворовых мест четвертной доли оброчных денег на … год». В ф. 22 ГАПО (Псковская провинциальная канцелярия) сохранились всего две такие книги, по формуляру и содержанию почти идентичные; они датируются 1758 и 1760 гг. (ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Дд. 749, 801). Данные о дворовых, огородных и прочих местах распределены в «Книгах сбора …» по сотням. Например, в Среднем городе в Петровской сотне перечислены 36 дворовых мест с указанием имени и статуса владельца, местоположения, суммы сбора; далее перечисляются места в Великоулицкой сотне (ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 801. Лл. 1–13).

«Офицерские описи» 1763–1764 гг. – «описные книги имений архиерейских домов, монастырей, соборов, белого духовенства и синодальных», составление которых поручалось обер–офицерам Военной коллегии в связи с подготовкой

секуляризационной реформы. Они сохранились в составе фонда Коллегии экономии РГАДА (Ф. 280. Оп. 3) и содержат обширный материал не только по исторической топографии и топонимике, но и по исторической географии, аграрной истории, истории церкви, прикладному искусству, иконописи. В настоящее время мы располагаем данными об «офицерских описях» 32х городских церквей и монастырей. Существует мнение о том, что в некоторых случаях при составлении описаний привлекались разнообразные более ранние источники. Часть описей уже рассматривалась И.К. Лабутиной: например, она обратила внимание на летописный годоним *Острая лавица* в описании ц. Георгия на Болоте (Лабутина 2011: 147, 173, 263–264).

Следует упомянуть также «Список с подлинных переписных книг псковского перепищика плац-майора господина Шувалова» 1709 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8503) и «Книги переписные подлинные города Пскова переписи перепищика дворянина Алексея Окунева» 1711 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8512).

Отметим, что некоторые сведения по городской топонимии содержат также экспликации к планам города XVIII в. (Колосова 2016: 53–58, 61–65).

Разумеется, значение перечисленных выше источников значительно не исчерпывается проблемами исторической топографии; они могут привлекаться при изучении вопросов социально–экономической истории, демографии, архитектуры города. Отметим, что значение письменных источников начала нового времени для изучения псковской народной речи уже давно осознано лингвистами (см.: Костючук 2007: 117–119). Возможно, архивные материалы, охарактеризованные выше, будут полезны для дальнейших исследований в этой области.

В некоторых наших работах уже рассматривались древние деантропонимные образования в составе псковской городской топонимии. При этом важными оказались, например, наблюдения В.Л. Васильева о происхождении годонимии средневекового Новгорода (Васильев 2005: 335–368). Так, мы посвятили специальную статью рассмотрению происхождения

названий и локализации годонимов *Боркова* (*Буркова*) лавица, *Жирковский* (*Жирков*) всход и *Жирковская* лавица, *Радчин* всход (Колосова 2011: 41–49). Два первых названия сохранились в составе урбанонимии XVIII в. Одна из двух запсковских сотен называлась *Жирковской*. В офицерской описи Псково-Печерского монастыря (1763–64 гг.) в качестве ориентира упомянуты *Бурковские* ворота (РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. Лл. 7об.–11).

Перейдем к примерам.

Смолиговка, *Смолиговская* улица, *Смолиговское* сто – названия, не отраженные в ПЛ. Впервые, и достаточно часто, они встречаются в писцовой книге 355 (1585–87 гг.). Топоним связывается с восточной частью Окольного города – Петровским концом, с ц. Покрова от Торга, с Солодовниками (Псков и его пригороды 1913: 15, 25, 27–28, 34–36, 39–40, 42–44, 46–47, 49, 56–57, 60). В выписи из писцовых книг 1624–27 гг., опубликованной А. Лихтерманом, *Смолиговка* упоминается в связи с дворовыми местами близ Пятницкого монастыря и ц. Богоявления в Бродах, улицами *Козьей* и *Полухновкой*, *Каловым* переулком, т.е. там же, в Петровском конце (Выпись из псковских писцовых книг1912: 286–287). В купчих XVIII в. улица упоминается с 1724 до 1774 г., причем в некоторых документах она носит название *Ботановой* (*Батановой*), *Ботановской* улицы. В купчей 1739 г. упоминается в качестве владельца двора Трифон Мокеев сын Ботанов (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Кн. 8696. Лл. 14об.–15). От его фамилии, несомненно, происходит второе, более позднее название улицы.

Наиболее надежные ориентиры для определения местоположения Смолиговки – цц. Богоявления в Бродах и Покрова от Торга, Зачатьевский монастырь, Богоявленские ворота и одноименная батарея на берегу р. Псковы, а также Петровские ворота Окольного города. Документы свидетельствуют о том, что улица вела от ц. Богоявления в Бродах в юго–западном направлении, разветвляясь на две: одна шла к Петровским воротам, а вторая – к ц. Покрова от Торга (Окулич-Казарин 1915: цв. вклейка: №№ 13–15, 25–27, 110,

111). Застройка выходивших к улице дворов представлена в купчих (см. Колосова 2004: 4–7).

Название улицы происходит от мужского некалендарного имени *Смолиг*, но не непосредственно, а, вероятнее всего, через комоним, название находившейся здесь еще в XIV в. деревни. В.Л. Васильев приводит большое количество подобных примеров как на Новгородчине, так и в других частях славянского мира: *Смолеговицы Старые* и *Смолеговицы Новые, Смолиговичи*; в Белоруссии и Польше, на Украине – *Смолеговская* (*Смолиговская*) *Рудня*, *Смолеговка* (*Смолиговка*), *Смолеж* (*Смоляж*), *Смоляги*, *Смогилев*, *Смогилевица*. Автор возводит средневековый ойконим к антропониму, образованному при помощи редкого суффикса -*игъ* от корня *смол*- и ссылается на новгородскую берестяную грамоту № 603 (вторая пол. XII в.), псковские антропонимы, польскую фамилию *Smoligovski*. По его мнению, почти все перечисленные выше топонимы и антропонимы связаны с Псковщиной, Восточной Белоруссией, Северо-Западной Украиной, востоком Польши (Васильев 2012: 236–237). Эти данные подтверждают гипотезу автора о проникновении славян в Приильменье с юго-запада, в обход земель, заселенных балтами (Васильев 2012: 670–680).

Восточная часть Окольного города в последние десятилетия активно изучалась археологически. Очевидно, что начало формирования здесь городской планировки и застройки может быть отнесено ко второй пол. XV – первой пол. XVI вв., что связано со строительством деревянной, а с 1480-х гг. – каменной крепостной стены (подробнее см.: Салмина 2010: 39–42). В 2000 г. восточнее Смолиговки, на противоположной стороне Большой Петровской улицы, Б.Н. Харлашовым было исследовано кладбище, существовавшее до строительства укреплений Окольного города, в XIII – нач. XV вв. Автор отмечает, что могильник принадлежал населению, проживавшему как близ городских стен (на посаде), так и на береговой террасе р. Псковы, где раскопками было зафиксировано поселение XII–XIII вв. Затем кладбище могло

использовать уже городское население. Со второй пол. XV в. начинается застройка этого участка (Харлашов 2003: 9–11).

Б.Н. Харлашов обратил внимание на то, что на плане 1740 г. показана небольшая улица, ведущая от ц. Иоанна Милостивого к ц. Григория Богослова. Отметим, что к востоку от первого из названных монастырских храмов она выходила к Смолиговке, а западнее – пересекала Большую Петровскую улицу. Улочка проходила через территорию Петровского 4–го раскопа 2000 г.; к ней выходили исследованные участки дворов, а ее границы зафиксированы по частокольным канавкам. Ширина уличной трассы составляла ок. 2,6 м. Предшественницей улицы могла быть дорога, к западу от которой совершались погребения. На начальном этапе развития посада и позднее трасса дороги застраивалась (Харлашов 2003: 15–16). Тем не менее, к середине XVIII в. улочка существовала. В купчей 1739 г. на двор и дворовые места в Пятенной сотне Петровского конца упомянуты два переулка, которые вели от Петровской улицы в западном направлении, *Григорьевский* и *Грязной* (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8696. Лл. 6об.–7). Вполне вероятно, что Григорьевским переулком в документе названа улочка, ведущая от Петровской улицы к монастырю Григория Богослова. Этот монастырь известен с кон. XVI в. как *Путятин*, причем это название употреблялось и в XVIII в. (ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 801. Л. 49). *Путята* – антропоним, известное мужское некалендарное имя. Можно сослаться, например, на надежные материалы С.Б. Веселовского о фамилиях *Путята*, *Путятин* в XVI в. (Веселовский 1974: 262–263). Название монастыря, вероятно, связано с фамилией или прозвищем его основателя, но по псковским источникам такой человек неизвестен.

Восточнее Смолиговки, близ левого берега р. Псковы, по сельской местности, как предполагается, проходила древняя дорога на Новгород (Степанов, Яковлева 1994: 108–109). Укажем в этой части Пскова, в Петровском конце, и на другие названия, происходящие от комонимов – антропотопонимов, например, *Полухновка*, *Ермаковка*. Впрочем, и в Среднем городе есть годонимы, образовавшиеся по такой же модели (*Векшенка*, *Роговка*). Первый из них, судя по локализации

обозначенного им объекта, не может быть связан с названием сельского поселения. Он интересен как с точки зрения этимологии (от *векша* – белка); так и с позиций исторической топографии и археологии (см.: Колосова 2004: 215–217). В ПОС отмечен, например, лимноним *Векшенец* (ПОС 3: 75).

В заключение остановимся на едва ли не наиболее архаичном годониме *Гверстоня* (*Гверостоня*; *Гверостонская* улица) еще сохранявшемся в XVIII в. в южной части Завеличенского посада. Так, в купчей 1758 г. улица в Завелицкой сотне названа Гверстонской; двор, о котором идет речь в документе, относился к приходу «Климонтовской церкви». В купчей 1767 г. двор на улице Гверстони отнесен к Первой Бутырской сотне, а в качестве ориентиров названы часовня Михаила Архангела и «пригорок» (?). Это же название улицы, но без точных указаний на ее местоположение, приведено в документе 1756 г. (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8820. Лл. 14об.–15об.; Д. 8836. Лл. 29об.–30; Д. 8908. Лл. 2–4). Годоним, скорее всего, происходил от названия сельского поселения, существовавшего некогда на месте будущего посада. Сходные названия известны и в наши дни, в варианте *Гверздонь*, а также *Гверёздка* и *Гверстно* в Псковском, Гдовском и Порховском районах (Административно-территориальное деление Псковской области 1988: 84). Слово *гверста* (*гверзда*) и близкие к нему означали ‘мелкие камешки, гравий’, ‘мелких щебень, дресва’ (ПОС 6: 147–148; Колосова 2006: 138–139). Действительно, в прибрежной части Завеличья под относительно тонким культурным слоем геологические отложения представлены выходами известняковой плиты, причем в верхней части – разрушенной до состояния щебня. Отметим, что В.Л. Васильев отмечает, например, новгородский ойконим *Гверстянка* Сохранение группы **gv*, как в указанных, так и в других примерах лингвисты объясняют отсутствием эффекта второй палатализации в псковских и новгородских говорах (Зализняк 1986: 113; Зализняк 1995: 38; Васильев 2012: 47, 322, 668). Отметим также множество примеров, рассмотренных Л.П. Михайловой (Михайлова 2003: 200–203).

Местоположение улицы *Гверстони* (*Гверостони, Гверостонской*) может быть уточнено в связи с упоминанием в челобитной 1680х гг. Михайловского монастыря в *Гверостони* (Марасинова 1966: 65–68). В XVIII в. на месте этой обители, между Климентовским и Мирожским монастырями, существовала часовня того же посвящения. Рассмотренные данные позволяют предположить, что улица она вела от устья р. Мирожки по ее левому берегу к Бутырской слободе (подробнее см.: Колосова 2006: 135–138, 140).

Рассмотренные примеры убедительно показывают значение данных топонимики для изучения исторической топографии и истории русского города и важность междисциплинарного подхода в этих исследованиях.

Сокращения

АИП – Археологическое изучение Пскова
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
ГАПО – Государственный архив Псковской области
ПГПУ – Псковский государственный педагогический университет
ПЛ – Псковские летописи (Полное собрание русских летописей. Том V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.; Том V. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2000. 368 с.)
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
Сб. МАМЮ – Сборник Московского архива Министерства юстиции
Тр. ПАО – Труды Псковского археологического общества
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

Литература и источники

1. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988). Указатель. Книга 2. Л.: Лениздат, 1988. 640 с.
2. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) / НовГУ им. Ярослава Мудрого (Серия «Монографии». Вып. 4). Великий Новгород, 2005. 468 с.
3. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.

4. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
5. Выпись из псковских писцовых книг // Тр. ПАО за 1911–1912 гг. Вып. 8. Псков: Электрическая типография губернского земства, 1912. Приложение V. Часть вторая. Акты (6). С. 285–296.
6. Емелина О.В. Исследование памятников гражданского зодчества XVII в. в Пскове // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Т. 1. М.: МГУП, 2003. С. 391–400.
7. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. 720 с.
8. Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 гг. М.: Наука, 1986. С. 89–219.
9. Колосова И.О. Древние улицы Пскова: Смолиговка // Псков. № 21. 2004. С. 3–18.
10. Колосова И.О. Из истории изучения планов Пскова XVIII в. // Культурное наследие Псковской земли и сопредельных территорий. Материалы I научно-практической конференции, посвященной памяти Натальи Николаевны Новиковой (8 октября 2015 г.). Псков, 2016. С. 33–69. // URL: https://www.academia.edu/29931524/.pdf
11. Колосова И.О. Историческая топография и топонимика: к изучению ранней годонимии Пскова // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Вып. 2. К юбилею И.К. Лабутиной. Псков, 2011. С. 39–49.
12. Колосова И.О. Следы средневековых монастырей в микротопонимии Завеличья XVII–XVIII вв. // АИППЗ. Материалы LI научного семинара: Сб. статей. Псков, 2006. С. 130–140.
13. Колосова И.О. Улицы Пскова: комментарии к планам города 1740–х гг. // Новгородские археологические чтения – 2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Великий Новгород, 2004. С. 210–220.
14. Костючук Л.Я. Псковские материалы XVIII века в Псковском областном словаре с историческими данными // Вестник

ПГПУ. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 1. 2007. С. 117–120.
15. Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука, 2011. 344 с.
16. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1966. 211 с.
17. Михайлова Л.П. Псковские следы в лексике говоров Обонежья // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Т. 2. М.: МГУП, 2003. С. 198–203.
18. Окулич-Казарин Н.Ф. Новые данные по топографии и истории Пскова // Тр. ПАО 1914–1915 г.. Вып. 11. Псков: Псковская жизнь, 1915. С. 91–124.
19. Псков и его пригороды. Кн. I // Сб. МАМЮ. Т. V. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. XI, 520 с.
20. Салмина Е.В. Работы на Петровских VIII–IX раскопах в 2007–2008 гг. // АИППЗ. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 55-го заседания, посвященного юбилею профессора И.К. Лабутиной. Псков, 2010. С. 39–47.
21. Степанов С.В., Яковлева Е.А. Раскопки на ул. Некрасова (Никольский раскоп) // АИП. Вып. 2. Псков, 1994. С. 97–109.
22. Харлашов Б.Н. Петровский 4 раскоп // АИППЗ. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003. С. 5–18.

УДК 81-2

С.В. Коростова
(Ростов-на-Дону, Россия, svetolen@yandex.ru)

Эмоциональная составляющая псковской народной сказки

Статья посвящена анализу способов репрезентации функционально-семантического поля эмотивности в текстах псковских народных сказок. Разноуровневые языковые средства актуализируют зоны эмотивности, функционируя в диалогах персонажей и в эмотивно-оценочных комментариях рассказчика.

Ключевые слова: микрополя эмотивности, диалектизмы, эмотивное высказывание, бранные слова, инвективы, тексты псковских народных сказок.

S.V. Korostova

Emotional Constituent of the Pskov Folk Tale

The article analyzes the ways of representing the functional-semantic field of emotivity in the texts of Pskov folk tales. Language means of various levels are actualizing the emotivity zones, performing their functions in the dialogues of characters and in the emotive-evaluative comments of the narrator.

Key words: microfields of emotivity, dialectisms, emotive utterance, swear words, invectives, texts of Pskov folk tales.

Народные сказки являются составной частью культуры и истории этноса. Приобретенные в процессе передачи из поколения в поколение языковые особенности народной сказки отражают ее национальную специфику. Именно язык как важнейший компонент культуры является средством создания сказочных образов, выражения коллективного сознания этноса. Необработанные, по сути устно бытующие, псковские народные сказки отражают эмотивную составляющую русской фольклорной картины мира, в основе которой лежат коллективные эмотивно-оценочные стереотипы сознания.

Эмоциональность как психический феномен проецируется на язык как особая категория эмотивности, функция которой заключается в вербализации эмоций. Основная особенность функционально-семантического поля эмотивности − его полицентричность, предполагающая отсутствие в его центре такой грамматической категории, которая концентрировала бы в целостной системе специализированное и регулярное выражение данной функции, т.е. функции выражения эмоций. Полицентричность эмотивности связана с существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального.

Первое микрополе (зона) эмотивности − **микрополе импульсивности** − актуализируется за счет реактивов, или импульсивов, т.е. тех языковых средств, в семантике которых эмотивность является компонентом денотативного значения, а значит реализация эмотива в речи происходит на уровне бессознательного, рефлективного, причем не учитывается адресованность речевого акта, его ориентация на другого. К

таким языковым средствам можно отнести междометия, инвективы, лексические эмотивы, специальные фразеологизмы и фразеосхемы эмотивного характера, включая устойчивые сравнения, которые не связаны с пропозициональным и коммуникативным содержанием высказывания.

Микрополе **эмотивной оценочности**, в реализации которого задействовано интеллектуальное начало, причем оно минимально, доминирует эмоциональность (бранные слова, эмотивные синтаксические конструкции с частицами «какой, как» типа *Какой прекрасный вид!*, коммуникемы типа *Где наша не пропадала*! и т.п.).

Микрополе **прагматической эмотивности,** так же, как и поле эмотивной оценочности, может быть представлено нечленимыми предложениями непонятийной семантики, в которых преобладает интеллектуальное, рациональное начало, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего в речевом акте воздействия, направленном исключительно на собеседника (например: *Еще чего не хватало! Ишь ты!).* Кроме коммуникативов (коммуникем), в названное микрополе могут входить восклицательные и вопросительные предложения, энантиосемичные высказывания, обращения, лексический и синтаксический повторы (Коростова 2014).

Все языковые средства реализации ФСП эмотивности отражают эмоции, чувства, переживания говорящего в речи. Об этом пишет В.И. Шаховский, рассматривая эмотивные приращения смысла в речи как косвенные показатели «виртуальных эмотивных сем семантики языковых единиц» (Шаховский 2008: 10). Нельзя не согласиться с утверждением ученого о том, что потенциальные эмотивные семы языковых единиц в речевых ситуациях (чаще в конфликтных и предконфликтных. – С.К.) являются основой для новых эмотивных валентностей, а это, в свою очередь, подтверждает гипотезу «о бесконечности состава речевых, т.е. некодифицированных эмотивов (эмотивно окрашенных единиц), базой которых является потенциальная бесконечность и открытость лингвистических множеств» (Шаховский 2008: 10−11). Таким образом, функционально-семантическое поле

эмотивности опирается в процессе актуализации в речи на экстралингвистические параметры ситуации, которая оценивается как эмотивная адресантом и воспринимающим эмотивное высказывание интерпретатором. Общие фоновые знания о ситуации и об аксиологическом статусе языковых единиц определяют эффективность устной коммуникации, где поле эмотивности существует в виде эмотивно-оценочных смыслов, исходящих от автора-рассказчика и интерпретируемых читателем. Эмотивный текст, эмотивное высказывание представляет собой «координированное единство прагматических и когнитивных структур сознания» (Никитин 1988: 20), именно общая эмотивная направленность диалогов персонажей сказок и комментариев рассказчика способствует реализации прагматического потенциала эмотивных языковых единиц.

Основным источником эмотивно-оценочных смыслов псковской народной сказки являются диалектные разноуровневые языковые средства, прежде всего фонетические и лексические. В качестве материала для исследования мы использовали мультимедийное издание «Народные сказки Псковского края» (2014) под редакцией Н.В. Большаковой и Г.И. Площук. Говоря о тексте псковской народной сказки, отражающей черты региональной народной речи, Н.В. Большакова пишет: «Необработанная народная сказка, записанная в условиях экспедиционного полевого сбора, в ходе непосредственного контакта рассказчика − носителя традиционной народной культуры и языка − и собирателя, представляет собой единство фольклорного произведения и устной народной речи и одновременно является важным источником познания языковой личности в традиционной культуре и традиционного народного быта» (Большакова 2015: 155). Для современного читателя, воспринимающего на слух текст сказки, непривычным и несколько комичным представляется диалектное образование и произношение отдельных грамматических форм, фрикативного согласного звука вместо взрывного [*г*], наличие эпентезы в глагольных и именных формах, удлиннение гласных звуков. Диалектная речь

рассказчика – это особый тип дискурса, неразрывно связанный с территорией бытования сказки и вызывающий позитивные эмоциональные реакции адресата. Например: *Повадилися браты́ к ведьме у сад, яблоки сбирать. Вумные тихо-онька через* ***азүароду*** *лезуть. А дурачок* ***(что з яүо узять!)*** *тольки жердям тряшшыть, а як перевалитца, так и бяүить прямым ходом у ведьми́н сад.* (40) (Сказка о трех братах, ведьме и ведьминых дочках).

Тексты сказок насыщены диалектизмами, которые также входят в функционально-семантическое поле эмотивности. Например, диалектное слово *азүарода* толкуется в словаре, входящем в состав монографии «Народные сказки Псковского края» (2016), как «изгородь (обычно из длинных жердей)» (Народные сказки Псковского края 2016: 483) Диалектные слова и выражения, фонетические диалектизмы маркируют зоны импульсивности и эмотивной оценочности в зависимости от степени интенсивности актуализирующихся в диалогах эмоций персонажей или эмоционального отношения рассказчика к содержанию сказки. Например, в сказке «Про лису» медведь выражает свое эмоциональное состояние в эмотивных высказываниях, используя бранные слова и диалектное произношение глагольных форм: *Медведь разбегся да как вдарился об сосну, так не мозги потекли, а кровь, и больно стало. – Вот* ***змяя!*** *Обманула мяня! Ня это она сделала, а где-нибудь она* ***вкрала****! Во я* ***вбился*** *как!*(1) В «Сказке про падчерицу и мачехину дочку» в финальном эпизоде рассказчик интенсифицирует текст, вводя в эмотивное высказывание диалектную форму, имеющую в псковских говорах особое значение: – *А-а поделом тебе! За твой труд вот тебе и угощение! И вот, привели её всю это… перемазанная, страшная! Все смеются над ней! Ну, вот так, вот. Это за тунеядство, за… лодырь вот, вот так и награда. Вот так дочку отблагодарили –* ***на смех****! (56)* В словаре находим объяснение: «Смех (в сочетании *на смех*) – высмеивание, порицание, осуждение» (Народные сказки Псковского края 2016: 509).

К лексическим средствам эмотивности относятся и стилистически маркированные сравнения. Эмотивно-оценочные смыслы выражаются, как правило, с помощью сравнений, характерных для рассматриваемого диалектного пространства. Они могут характеризовать поступки героя или качество его действий. Например*: Оженил Иван своих Иванов, набрал невесток Марей, да как взялись за дело, **как вши за тело!*** (183) (Иван с женой да три Ивана с Фомой); *Дал парень дочке лекарство − и **всю хворь как рукой сняло*** (62) (Есть ли правда на свете); *Слезла [Баба Яга] и давай начала это дерево зубами грызть. Грызёт зубами, **как пилой пилит**!* (38) (Васятка и Баба-Яга). Как справедливо утверждает Л.Б. Воробьева, говоря о текстах псковских сказок, «использование в них сравнений связано с характеристикой человека (его внешности, физических качеств и физиологических состояний, черт характера, поведения, речевой деятельности), с характеристикой событий, явлений природы, вещей, окружающих человека и осмысляемых человеком. Благодаря своему ассоциативно-образному происхождению, сравнения передают богатейшую гамму человеческих эмоций» (Воробьева 2015: 168).

Значимым синтаксическим средством для выражения эмоционального отношения рассказчика к герою можно назвать вставные конструкции, содержащие эмотивно-оценочные комментарии к ситуации или к поведению персонажа. В качестве таких вставных предложений используются коммуникемы, типичные для устной коммуникации нечленимые предложения непонятийной семантики, служащие для выражения эмоций. В предшествующем примере коммуникема *Что з яуо узять!* выражает разочарование, частично оправдание поступков персонажа, причем негативная оценка действий героя принадлежит коллективному сознанию, поскольку общие фоновые знания о дураках дают возможность адекватно определить способности одного из братьев, которого называют дурачком. Заметим, что эмотивно-оценочный смысл диминутива *дурачок* отличается от начальной формы *дурак,* поскольку входит в концептуальный круг «свой», получая при этом позитивные коннотации.

В псковских народных сказках бранные слова и инвективы довольно часты. Эти лексемы репрезентируют микрополя эмотивной оценочности или импульсивности в зависимости от того, употреблены ли они в диалогах персонажей, либо в авторских комментариях. Для диалогов персонажей более характерно микрополе эмотивной оценочности, например, в одной из сказок о животных находим такую реплику мужика в диалоге с зайцем: – *Поехал мужик на мельницу молоть зерно себе (раньше ж ездили молоть). Ну вот, поехал, намолол, едет домой. Бяжить навстречу яму заяц. Ён и говорит: – Дядь, а дядь, прокати меня! – Не, не прокачу! – Прокати, дядь, пригожуся! – Ну, садись, **гад косой**!* (16) (Как мужик зверей катал).

Бранные слова и анормативная лексика интимизируют повествование, вовлекая слушателя, адресата сказки в сам процесс рассказывания, предоставляя ему возможность эмоциональной реакции, эмпатии, сопереживания происходящему с героями. Например: *Жил дед и баба. Была у них коза-дериза… **Илгунння!..*** (27) (Про козу-дерезу); *Приехал жаних в сваты. А матери ейной не было. Она их приглашае к столу. – А чэм же ты нас угостишь? Она и говорит: – А прибыль на убыль**, из жопы харч**. А который приехадши с им в сваты и говорит: – Поедем домой! **Это какая-то дурочка!** И уехали.* (90) (Умная невеста).

Комментарии рассказчика, как правило, импульсивны, хотя и они отражают общие оценочные характеристики, которые в русском языковом сознании соотносимы с определенными животными или типами людей. Например, … *А петух **дурачок** быў! Обязательно ему поглядеть надо! А что там и глядеть! Ена ж, лисица, **гад, хитрая**!* (9) (Как лиса ходила за петушком); …*Замёрз мужик до костей. А чтоб согреться, взял да и зажёг амбар! Барин едет и видит, что его амбар горит. Спрашивает: – Что это ты наделал, такой-сякой? А мужик ему отвечает: – Холодно было, вот я и греюсь! Вот **такой аферист** нашёлся и барина провёл!* (96) (Барин и работник).

Сюжет сказки определяет характер эмотивно-оценочного отношения рассказчика к героям. Например, в сказке «Про падчерицу и мачехину дочку» (56) чувство жалости и сострадания к главной героине сказки, которая терпит обиды со стороны мачехи, определяет эмотивный фон текста: *У мачехи – две дочки – дочка родная и падчерица. Дочку она берегла – она ниуде не работала, а падчерицу всё заставляла прясть на* ***веретёнце****. И до такой степени она пряла-пряла, что она проколола палец…* Подобный сюжет, связанный с мачехой и падчерицей, повторяется во многих волшебных сказках, в финале которых торжествует справедливое наказание отрицательного персонажа и поощрение положительного. В «Грустной сказке об Аленушке» (57) героине помогает ее коровушка. Сказка насыщена диминутивами, в которых рассказчик выражает свое эмотивно-оценочное отношение к бедной падчерице: *Ну жил дед и баба. Была у них* ***дочушка Алёнушка*** *и* ***коровка Бурёнушка.*** *Умерла у* ***Алёнушки*** *мать. Ожанився отец на друуой. Взял мачеху. И у* ***Алёнушки*** *была мачеха. И от этой мачехи ужо было́ две девочки. И стали* ***Алёнушку*** *обижать. Всё ина ходила пасти* ***Бурёнушку****. Выуонялась в поле. – Иди, Алёна, паси* ***короўку*** *в поле! Вот она пасёт, пасёт. [Мачеха] своих-то* ***дочушек*** *жалела, одевала хорошо, обувала. Ну вот… Потом выдумала эта мачеха: надо давать, чтоб она [Алёнушка] там работала. Даёт мех кудели: – Бери,* ***Алёнушка,*** *мех кудели, чтоб спряла, соткала, в* ***трубочку*** *скатала!*

Отмечаемая многими исследователями русской языковой картины мира эмоциональность находит свое отражение в суффиксальном разнообразии, реализующем потребность говорящих передать оттенки эмоционального отношения к другому человеку, к миру в целом. Говоря о широких коннотативных возможностях диминутивов, Ф.Г. Самигулина замечает, что «именно душевность как национальная черта определяет преобладающую положительную направленность этой эмоциональности в языковых средствах, помогающих наладить дружеский контакт» (Самигулина 2014: 481). Именно эта прагматическая

направленность сказителя – наладить дружеский контакт в процессе повествования, передать свое эмоционально-оценочное отношение к содержанию сказки − реализуется посредством диминутивов, в том числе имен собственных.

Рассматривая личные имена персонажей сказок, можно заметить доминирование форм на *-ушка,* о которых А. Вежбицкая пишет, что типичным «можно считать не столько их ласкательный характер, сколько какое-то чувство жалости, сочувствия к людям». Используя формулу семантического прототипа, ученый утверждает, что формы личных имен, оканчивающихся на *-ушка,* подразумевают «теплое отношение к людям, которое выработано на основе жизненного опыта говорящего благодаря его осведомленности о тех плохих вещах, которые могут случаться с людьми» (Вежбицкая 1996: 129−131). Таким образом, семантика формы личного имени включает негативный оценочный компонент, который входит в пресуппозицию высказывания с данным именем (‘человека жалеют, когда с ним происходит что-то плохое’) (см. Аленушка, Буренушка (57), Чурилушка (37)).

Таким образом, средства выражения функционально-семантического поля эмотивности формируют общий эмоциональный фон сказки, обеспечивая эмоциональную реакцию адресата на ее содержание. Элементы назидательности, наставничества определяют общую позитивную эмотивно-оценочную доминанту псковской народной сказки, в котором добро всегда побеждает зло, а зло обязательно наказывается, т.е. удовлетворяется потребность в реализации чувства справедливости, которое существует в сознании человека и определяет его поведение.

Литература и источники

1. Большакова Н.В. Текст псковской сказки как отражение региональных особенностей народной речи // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 2. 2015. С. 154–161.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 87–149.
3. Воробьева Л.Б. Сравнения как средство языковой образности в псковских сказках // Вестник Псковского государственного

университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 2. 2015. С. 168–172.
4. Коростова С.В. Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. 224 с.
5. Народные сказки Псковского края: мультимедийное издание / Под ред. Н.В. Большаковой, Г.И. Площук. Составители: Н.В. Большакова, Л.Б. Воробьева, Н.Ф. Лищенко, З.В. Митченко, М.И. Муратова, Г.И. Площук. Разработчик приложения для ЭБД: А.М. Чиликин. Псков, 2014.
6. Народные сказки Псковского края: Монография. В 2 ч. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Под ред. Н.В. Большаковой, Г.И. Площук. Составители: Н.В. Большакова, Л.Б. Воробьева, З.В. Митченко, М.И. Муратова, Г.И. Площук. Псков: ЛОГОС, 2016. 618 с.
7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
8. Самигулина Ф.Г. Языковое сознание и культурная специфика эмотивной картины мира: прагматика диминутивности // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона: Материалы I Международной конференции (Ростов-на-Дону, 5–7 ноября 2014 года). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 478–483.
9. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

УДК 811.161

И.С. Кошкин
(Рига, Латвия, igors.koskins@lu.lv)

Данные памятников псковской письменности для изучения исторических контактов русского языка в Латвии

Данные памятников псковской письменности, данные созданных иностранцами разговорников могут быть использованы как для выяснения факторов заимствования слов из древнерусского языка северо-западного ареала в древнейший период контактов латышского языка и русского языка, так и для установления исторических значений, которые характеризовали коррелятивную лексику языка-источника. В статье представлен анализ одного древнего

заимствования из языка восточных славян – латыш. диал. *tēgāt* ‘расспрашивать; говорить; сплетничать’. Фактор заимствования данного слова связан с административно-политическим влиянием восточных славян в ходе контактов с древними латышами.
Ключевые слова: грамоты, древнерусский язык, латышский язык, лексические заимствования, псковская письменность, разговорники, русский язык, языковые контакты.

I. S. Koškin

Data of the Pskov Writing Documents for Studying of Historical Contacts of the Russian Language in Latvia

Data of the Pskov writing documents, and data from the phrase books created by foreigners can be used both for clarification of factors of words loaned from Old Russian language of a northwest area during the most ancient period of contacts of Latvian and Russian and for the establishment of historical meanings which characterized correlative lexicon of the source language. The analysis of word borrowed from a language of East Slavs is presented in the article – Latv. dialect. *tēgāt* ‘to ask, to speak, to gossip’. The factor of borrowing these words is connected with the administrative and political influence of East Slavs during contacts with ancient Latvians.
Key words: writing documents, Old Russian, Latvian, lexical loans, Pskov writing, phrasebooks, Russian, language contacts.

Древнейшие славизмы в латышском языке на основе историко-лингвистической реконструкции датируются временем приблизительно IX–XI вв. и связаны главным образом с контактами языка восточных славян (кривичей) и древнелатышских диалектов. С точки зрения истории лексики латышского языка речь идет о контактах древнерусского языка как исторической формы русского языка на территории Латвии в так называемый доливонский период. Говоря о значении данных письменных памятников, следует указать на относительный характер этих данных: древнейшие языковые контакты протекали в дописьменный период и как синхронный процесс не могут быть отражены в письменных исторических источниках. Письменные памятники северо-западного ареала

древнерусского языка, в том числе памятники псковской письменности, отражают форму и семантику слов, являющихся словами-коррелятами древнейших восточнославянских заимствований латышского языка. Речь идет о таких памятниках, как летописи («Псковская Первая летопись»), русско-ганзейские и русско-ливонские договорные грамоты, разговорники, созданные иностранцами и имеющие отношение к Северо-Западу Руси. Отраженная в этих текстах коррелятивная лексика, т. е. лексика древнерусского языка как языка-источника, дает представление о факторах заимствования, о первичной семантике заимствованных слов, о характере звуковой субституции и т.д. Кроме того, значение указанных письменных памятников заключается также в том, что они содержат свидетельства имевших место контактов, дают представление об их формах и социально-исторических условиях (военно-политическая экспансия древнерусских князей, использование торговых путей, особенно речных, и т. п.).

К древним заимствованиям, вошедшим в латышский язык из древнерусского языка в результате социально-политических контактов древних латышей и восточных славян (кривичей), относится латыш. диал. *tēgāt* ‘расспрашивать; говорить; сплетничать’ ← др.-р. *тягати(ся).*

С точки зрения традиционной этимологии слово латышского языка считается славянским заимствованием (ME LVV IV: 170; LEV II: 383). Однако остается невыясненной мотивация вхождения этого заимствования в латышский язык. Необходимость такого объяснения обусловлена двумя причинами. Во-первых, обращает на себя внимание отсутствие семантической корреляции между латышским словом и соответствующими словами современного русского литературного языка. Я. Эндзелинс, дополнивший информацией этимологического характера словарные статьи первого полного словаря латышского языка (10–20-е годы XX в.), отмечает, что по отношению к глаголу *tēgāt* близкие значения обнаруживаются в таких языках, как чешский и старославянский: «ср. значение ст.-сл. *tęzati* ‘требовать’ и чеш.

tázati ‘спрашивать’, в то время как рус. *тягать* теперь, по-видимому, имеет только значение ‘тянуть, тащить’ [перевод с нем. – И. К.]» (ME LVV IV: 170). Во-вторых, в латышском языке есть исконные слова, обнаруживающие аналогичное семантическое развитие и восходящие к тому же праиндоевропейскому (балто-славянскому) корню, что и славянские слова-корреляты. Особенно это касается разветвленной группы глаголов, соотносимой с глаголом *tēgāt* ← др.-р. *тягати(ся)*. Это позволило автору этимологического словаря латышского языка К. Карулису выдвинуть альтернативную этимологию, обосновывающую исконный характер латыш. *tēgāt*, с чем тем не менее нельзя согласиться (см. ниже).

Следует отметить, что в толковом словаре русского языка для глаголов зафиксированы следующие значения: *тягать* ‘(простореч., обл.) тянуть, дергать, вытаскивать’, *тягаться* ‘соперничать, состязаться в чем-н.’, ‘(устар.) оспаривать судом что-н., вести тяжбу’, ‘то же, что тянуться ‘тянуть друг друга, стараясь пересилить’ (ТСРЯ IV: 844). Определенная корреляция действительно наблюдается между значениями латыш. *tēgāt* и значениями соответствующих глаголов в других славянских языках, упомянутых в ME LVV. Ср.: ст.-сл. *тѧзати, тѧжеши* ‘выпытывать, выспрашивать’ (СтС: 717); чешский глагол *tázati* < **tęzati* и его дериваты развивали аналогичную семантику – *tázání* ‘vytahování zpráv [«вытягивание» сведений]’, *otázka* ‘вопрос’ (ESJČ: 637). Указанный чешский глагол этимологически связан с чеш. *tahat* ‘таскать, тащить’ < **tęgati*, который является итеративом по отношению к чеш. *táhnout(se)* ‘тянуть, тянуться’ < **tęgnǫti* (Там же: 633). Семантика слов старославянского и чешского языков в известной степени отражает последовательное развитие значений праславянского слова. Однако по отношению к заимствованию латышского языка необходимо определить семантику и факторы вхождения соответствующего слова в зоне контактов с языком восточных славян.

В наиболее полном словаре латышского языка – словаре К. Миленбахса и Я. Эндзелинса зарегистрированы два

взаимосвязанных значения латышского глагола *tēgāt*: ‘(aus)forschen, (aus)fragen [вызнавать, расспрашивать]’ и ‘etwas genau besprechen, erwägen [что-либо подробно обсуждать, обдумывать]’ (ME LVV IV: 170). Можно заметить, что речь идет не о коротких вопросах, а о процессе длительного выспрашивания, дознавания и, следовательно, обсуждения сказанного. Ср. приводимые в словаре примеры: *«kur tu dabūji? kā tu varēji?» tâ vien māte **tęgājusi*** [«Где ты добыл (это)? Как ты мог?» – так всегда мать расспрашивала]; *es tuo **tęgāšu**, kamęr **iztęgāšu**, ich werde darnach so lange forschen, bis ich es werde erforscht haben* [я буду вызнавать об этом так долго, пока не вызнаю (все)]; *viņš gāja un naca, reizām pazuda uz vęsęlām dienām, bet neviens par viņu **netęgājās**, nerūpējās* [он уходил и приходил, иногда исчезал на целые дни, но никто о нем не спрашивал, не беспокоился] (там же). Как видно, в указанном значении употребляется как невозвратный глагол, так и возвратный глагол латыш. *tēgāties* (ср. др.-р. *тягатися*).

Заимствованный характер слова *tēgāt* опирается на фонетический критерий: древнерусская форма корня восходит к праслав. **tęg-* < **teng-*, звук *ē* [æ:] выступает субститутом древнерусского звука [’a] < [ę]. Подобная субституция характерна для других древневосточнославянских заимствований, восходящих к словам, содержавшим [*ę], например, латыш. *svēts* [svæ:ts] ‘святой’ ← др.-р. *святъ* < праслав. **svętъ*, латыш. *grēda* [græ:da] ‘груда, куча; грядка’ ← др.-р. *гряда* < **grędá* и т.п. Указанный фонетический критерий объясняет, почему Я. Эндзелинс, автор этимологических версий в словаре Миленбахса-Эндзелинса, однозначно высказывается за заимствованный характер латышского слова.

К. Карулис в своем словаре (LEV II: 383) приводит две этимологии – традиционную этимологию заимствования и альтернативную этимологию, согласно которой латыш. *tēgāt* является исконным словом балтийского происхождения и входит в общую группу параллельных глаголов с близкой семантикой, имеющих исконное происхождение. К этой группе относятся глаголы – латыш. *ķengāt* ‘портить, клеветать’ (ME LVV II: 365), латыш. *tincināt*, латыш. диал. *tīcināt* ‘настойчиво,

много раз спрашивать’ (ME LVV IV: 192, 199). Глаголы *ķengāt* ‘портить, клеветать’, *tenkot* ‘сплетничать’, *tenkt* ‘болтать’, по мнению К. Карулиса (LEV I: 460), восходят к и.-е. **teng*- ‘думать, чувствовать’ (к другому индоевропейскому корню, чем праслав. **tęgati*; ср. также нем. *denken* ‘думать’).

Этимолого-семантическая интерпретация указанных глаголов в словаре К. Карулиса базируется на целом ряде допущений. Автор словаря предполагает существование пралатышских (восточнобалтийских) первичных глаголов – **tengt* (> **tengāt*) и **tēgt* (> **tēgāt*), причем вторая форма восходит к корню **teg*- / **tēg*- как варианту и.-е. **teng*-. В слове *ķengāt* < **tengāt* К. Карулисом предполагается эмоционально обусловленная палатализация *t* > *t’* > *ķ*, т.е. спорадическое изменение звука в экспрессивном слове. Кроме того, в некоторых глаголах указанной группы наблюдается чередование *g* / *k*: ср. латыш. *tenkot* ‘сплетничать’, *tenkt* ‘болтать’. Для подтверждения исконности глагола *tēgāt* ‘выяснять, вызнавать’ приводятся существительные латыш. диал. *tēga* ‘человек, который все выспрашивает, который все хочет знать’, *tēgas* ‘сведения, узнанное’.

Однако латыш. диал. *tēgāt*, хотя и демонстрирует смежность семантических рефлексов, должно быть признано заимствованием не только по фонетическим причинам. Роль аргументов выполняют реконструируемые факторы вхождения данного слова в древний латышский язык. Слово связано с административно-политическим влиянием восточных славян в ходе контактов с древними латышами в т. н. доливонский период и входит в тематическую группу аналогичных слов-заимствований, принадлежащих административно-правовой и социальной терминологии. Например, та же мотивация лежит в основе таких древнейших заимствований, как латыш. *sodīt* ‘судить; наказывать’, устар. *soģis* ‘судья’, латыш. *strādāt* ‘работать, трудиться’, латыш. *pagasts* ‘феодальный налог; подать; административно-территориальная единица’ и др. (Кошкин 2015: 191–201). Заимствование восточнославянских лексем было результатом распространения тех социально-административных и правовых институтов, с которыми

познакомились древние латыши в ходе контактов. В этой связи можно процитировать слова историка А. Швабе, написавшего большое исследование об истории погоста как политического института в Латвии: «Очевидно, немцы уже встретились с делением земель латгалов на погосты, равно как и с другими русскими институтами... погост не единственный институт, который до немцев был общим у латышей и русских [перевод с латыш. – И. К.]» (Švābe 1926: 25). Следует отметить, что в «Хронике Генриха Латвийского» (латинская рукопись «Heinrici Chronicon Lyvoniae»), рассказывающей о завоевании немцами земель древней Латвии и создании Ливонии в XIII в., содержится немало свидетельств того, что контакты с древнерусскими землями к началу немецко-христианской миссии носили длительный характер (Arbusow 1955).

Значение латыш. *tēgāt* ‘расспрашивать, вызнавать’ отражает значение др.-р. *тягати(ся)* ‘разбирать (дело) на суде, судить(ся)’ < праслав. **tęgati*. В «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского для слова *тѧгатисѧ, тѧжусѧ* отмечены значения – ‘вести тяжбу’, ‘судиться’, ‘рассудить дело’ (Срезневский III: 1097). Указанное значение является спецификацией более общего значения ‘выспрашивать, выпытывать, узнавать что-л. в результате спора’. И глагол, и производные от него, например, существительное др.-р. *тяжа* ‘судебное разбирательство’ < праслав. **tęža* употребляются в языке древнерусских деловых текстов, имеющих отношение в том числе и к Пскову.

Возвратный глагол *тягати(ся)* встречается в Грамоте псковского князя Ивана Александровича Риге (1463–1465 гг.), содержащей жалобу на рижан: *И мы ѿтвечѧли Иволту: мы тобе с тымы людмы судъ дадимъ по пскои послине. И ѡнъ ѿтвечѧлъ: ꙗзъ приѥхалъ въ Псковъ* ***не тѧгатсе*** (ОБ: № 42). Согласно исследованию А.А. Шахматова (Шахматов 1912), фонетические и морфологические особенности языка этой грамоты отражают черты древнего псковского диалекта. Производный глагол в том же значении употребляется в тексте Псковской судной грамоты (редакции грамоты датируются второй половиной XIV в. – XV в.): *А кто с кимъ* ***ростѧжутьсѧ***

ѡ земли или о борти, да положатъ грамоты старые и купленую свою грамоту... (ОБ: № 50). Ср. употребление в тексте Псковской судной грамоты глагола *тягати(ся)* рядом со словом *орудиѥ* ‘дело, занятие’, ‘судебное дело’ (СлРЯ XI–XVII вв.: 70): *А посаднику всѧко[му] за друга ему* ***не тѧгатсѧ*** *ѡпро(ч) своего* ***ѡруди[а]*** *или гдѣ црковное старощенїе дръжи(т) ино и(м) волно* ***тѧгатсѧ*** (КПОС).

Слово *тягаться* как правовой термин встречается и в русско-немецких разговорниках, которые составлены иностранцами и, будучи памятниками в том числе и контактов Северо-Запада Руси с соседними странами, имеют большое значение для реконструкции семантики заимствованных из древнерусского языка слов. Ср. в анонимном разговорнике «Ein Rusch Boeck...» в разделе 7: *Neday boch ys sylnym Borotsa da Isbohatym tegatsa Gott gewe nicht mit Einem starcken Rüngen / Vnd mit Einem Reichen* ***tho recht gaen***, в разделе 44а *Van Rossüschenn Rechten:* ***Tegatse*** */* ***Rechten*** (RB: 24, 72, 194). Ср. также в Разговорнике Т. Фенне / Tönnies Fenne (Псков, 1607 г.): *тягатися* ***tho rechte gahen****;* ***tegatza****;* ***tegatze*** (КПОС). Приведенные в немецкой части соответствия подтверждают значение ‘вести тяжбу’: ср. снн. *rechten, richten* ‘als Richter entscheiden; verurteilen, strafen; ein Urteil vollziehen, hinrichten [выносить приговор в качестве судьи; осудить, наказывать; исполнить приговор, казнить]’, *recht* ‘Gericht, rechtliche Verhandlung und Entscheidung [суд, судебное разбирательство и решение]’ (MndHw: 294, 300). Эти же нижненемецкие слова выступают в разговорнике «Ein Rusch Boeck...» и как соответствия дрр. *судъ, судити*: *Sud / Dat Recht ... Sudit halten dat recht* (RB: 72).

Анализируемый глагол в значении ‘вести тяжбу’ и производное от него существительное *тяжа* встречаются и в более ранних по сравнению с цитируемыми выше памятниками псковской письменности текстах, относящихся к северо-западному ареалу древнерусского языка. Ср. употребление глагола и существительного в Договорной грамоте полоцкого князя Изяслава с ливонским магистром и Ригой (около 1265 г.): *а кому с кымъ* ***тѧжа*** *су(д) дати безъ перевода ... а где кому*

годно ту ***тѧжетьсѧ*** (ЛГИА: № 4); в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле (1259–1263 г.г.): *что сѧ оучинило* ***тѧже*** *межи новгороци и межю нѣмци и гты…* (ЛГИА: № 3). Др.-р. *тѧжа* 'тяжба; судебное дело; суд; ссора; несогласие; спор; разбор спора; вражда' (Срезневский III: 1099–1100) отражает эволюцию семантики глагола от значения 'расспрашивать, разузнавать' к значению правового термина 'вести тяжбу'. Ср. значения отмеченного в старославянском языке производного глагола, образованного от **tędzati* / **tęzati*: стсл. *istędzati* 'vyptávat se, vyslýchat, vyšetřovat [расспрашивать, разузнавать; разбирать, производить следствие]' (ESJS 16: 961–962). Ср. в этой связи зафиксированный в лексике псковских памятников письменности глагол *истязаться* 'спорить, рассуждать' (ПОС 13: 350). В текстах ливонско-ганзейских договорных грамот на средненижненемецком языке коррелятом др.-р. *тѧжа* выступает как ср.-н.-н. *twist* 'Zwist [распря, небольшой спор]' (MndHw: 423), так и ср.-н.-н. *sake* 'Rechtssache, Prozeß [судебное дело, процесс]' (MndHw: 313). Для ст.-сл. *tęža, tęžь* также отмечены указанные значения – 'rozepře, spor, svár; pře, (soudní) proces [распря, спор, прения, ссора; судебный процесс]' (ESJS 16: 961–962).

Древнерусские слова-термины этимологически восходят к праслав. **tęg-* <**teng-*. Для праславянского глагола первичным предполагается значение 'тянуть, натягивать' ((ESJČ: 633); слово восходит к и.-е. **tengh-* 'тянуть, натягивать, напрягать' ((ESJS 16: 961–962, LEV II: 383). Следовательно, при сопоставлении праславянского глагола и указанных выше исконных латышских глаголов, восходящих к **tengt* и обнаруживающих значение 'болтать; сплетничать', можно констатировать совпадение семантических рефлексов (значение 'выспрашивать') на определенной стадии развития этимологического значения. В этимологическом словаре латышского языка коррелятивное значение латышских глаголов рассматривается как результат семантического развития: 'думать' > 'знать, узнавать' > 'делиться знаниями; рассказывать' > 'говорить; болтать' (LEV I: 460). Можно указать и на другое

балто-славянское соответствие: рус. *тякать* и латыш. *tenkt* ‘болтать’, *tenkot* ‘сплетничать’. В.А. Меркулова, анализируя слово (севернорусск.) *истучиться* ‘измельчиться’, отмечает в русском диалектном языке этимологически связанный глагол *тякать* < **tękti* ‘бить, дробить, измельчать’ в двух значениях – ‘рубить, сечь’ и (олонецкие говоры) ‘говорить пустяки, болтать’ (Меркулова 1980: 99–100). В данном случае значение ‘болтать’ является производным от значения ’рубить, бить’.

Таким образом, происхождение латыш. диал. *tēgāt* ‘расспрашивать; говорить; сплетничать’ следует связать с древними языковыми контактами латышей и восточных славян.

Сокращения

ЛГИА – Латвийский государственный исторический архив (Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs, Rīga), фонд 673, опись 4 (в тексте указывается номер соответствующего архивного дела).

ОБ – Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Изд. 2-е. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1952. (В скобках указан номер текста.)

Срезневский – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. / Репринтное издание 1893–1912 гг. М.: Книга, 1989.

СтС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Русский язык, 1994.

ESJČ – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Academia – Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1971.

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského: sešit 16. / Red. I. Janyšková. Brno: Tribun EU, 2012.

LEV – Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca: 2 sējumos. Rīga: Avots, 1992.

ME LVV – Mīlenbahs K., Endzelīns J. Latviešu valodas vārdnīca: 1.–4. sējumi / Mühlenbach K., Endzelin J. Lettisch-deutsches Wörterbuch: 1.–4. Bde. Rīga: Izglītības ministrija, 1923–1932.

MndHw – Lübben A. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / Vollendet von Christoph Walther. Reprogr. Nachdruck. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995.

RB – «Ein Rusch Boeck...»: Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / Hrsg. Adam Fałowski. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994.

Литература и источники

1. Кошкин И. Этимолого-семантическая реконструкция древнейших славизмов латышского языка и данные старославянского языка // Etymological Research into Old Church Slavonic. (Studia etymologica Brunensia, vol. 18) / Eds. J. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2015. С. 191–201.
2. Меркулова В.А. Русские этимологии IV // Этимология 1978. М.: Наука, 1980. С. 94–106.
3. Шахматов А.А. Грамота псковского князя Ивана Александровича. СПб: типография Имп. Академии наук, 1912.
4. Arbusow L. Heinrichs Livländische Chronik. 2. Auflage. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1955.
5. Švābe A. Pagasta vēsture. Pirmā daļa: Līdz krievu laikiem, Rīga: J. Rozes apgādība, 1926.

УДК 81'282.2

Н.А. Красовская
(Тула, Россия, nelli.krasovskaya@yandex.ru)

Исследование территорий, пограничных с тульской группой говоров: возможность и необходимость

В настоящей статье рассматривается вопрос о необходимости исследования говоров, территориально примыкающих к тульской группе. Проведение подобного широкого исследования дает возможность определить особенности существующих разновидностей самих тульских говоров, рассмотреть типы внутри тульской группы. Для подтверждения своего мнения о неоднородности тульских говоров автор приводит примеры обрядовой лексики, зафиксированной в западной и восточной части тульских говоров.

Ключевые слова: западная и восточная разновидность, обрядовая лексика, приграничная территория, тульские говоры, тульский свадебный обряд.

N.A. Krasovskaya

The Study of Areas, Bordering with the Tula Group of Dialects: The Possibility and Necessity

This article discusses the issue of the necessity to study dialects, geographically adjacent to the Tula group. The extensive studies allow to determine the features of the Tula dialect varieties and consider the dialect types within the Tula group. To confirm the opinion about the heterogeneity of the Tula dialects, the author gives examples of ritual vocabulary recorded in the Western and Eastern parts of the Tula dialects.
Key words: Western and Eastern variety, ritual vocabulary, the frontier territory, Tula dialects, Tula wedding ceremony.

Настоящее время можно определить как время повышенного внимания не только лингвистов, но и всех людей, интересующихся культурой, традициями, историей, к народному языку, народным говорам. На наш взгляд, современный период пристального внимания к этническим, в том числе и материнским языковым особенностям, связан с тем, что сами эти особенности не в целом, а именно в деталях разрушаются в силу целого ряда причин. Все вышесказанное дает серьезное основание размышлять не только о тех или иных признаках диалектных единиц разных уровней, но и о проблемах взаимодействия, пересечения, определения границ языковых явлений в современных условиях их разрушения и нивелировки.

Мы обращаемся к тульским говорам, которые относятся к межзональной группе говоров типа Б южнорусского наречия. Межзональность (или переходность) указанных говоров, несмотря на сегодняшнее состояние нивелировки ярких диалектных черт, ощущается довольно заметно. Хотя о сложном характере разноуровневых языковых явлений тульских говоров сказано немало (см. работы Е.Ф. Будде, В.Н. Сидорова, Ф.П. Филина, Н.Б. Париковой, Д.М. Савина, М.А. Родиной и др.), однако до сих пор не существует хотя бы приблизительного описания внутренней неоднородности тульских говоров, не определены внутренние границы так называемых типов говоров, сосуществующих в тульской группе. К общим рассуждениям о внутренней типологии тульских говоров добавим, что этот вопрос не может казаться банальным, так как он своими корнями уходит в историю формирования самой территории Тульского региона. История заселения

данного края и последующая социальная история еще полна спорных вопросов и весьма интересна.

Итак, конкретных задач изучения говоров территорий, пограничных с тульской группой, и говоров населенных пунктов, находящихся на окраинных территориях тульской группы, можно привести несколько: 1. Выявление особенностей самой тульской группы говоров в плане сопоставления с говорами соседних территорий. 2. Перспективное определение границ внутренней типологии тульской группы говоров.

Нам представляется, что для решения указанных конкретных задач необходимо: 1. Серьезное рассмотрение истории заселения Тульского региона. 2. Исследование говоров ряда населенных пунктов, расположенных на территориях, входящих в тульскую группу (в этом смысле было бы интересно проводить анализ как соседствующих населенных пунктов, так и значительно отдаленных или даже диаметрально удаленных друг от друга). 3. Рассмотрение говоров населенных пунктов, расположенных на территориях, прилегающих к тульским говорам. И здесь опять нужно оговориться, потому что, на наш взгляд, необходимо обращать внимание как на изучение говоров населенных пунктов, административно входящих в границы Тульской области, но не входящих в границы тульской группы говоров, так и наоборот: нужно обращать внимание на говоры населенных пунктов, не входящих в административные границы Тульской области, но входящих в тульскую группу говоров. Данной проблемы мы, например, уже касались в некоторых работах (см. Красовская 2017).

Анализ материала, собранного нами в процессе проведения полевых практик и экспедиций, позволяет утверждать, что на сегодняшний день прослеживается довольно заметная разница в особенностях восточных и юго-восточных территорий, с одной стороны, и, с другой стороны, западных и юго-западных. Пока для нас под вопросом проблема отнесенности и выделения говоров северных районов Тульской области.

В качестве небольшой фактической зарисовки разнообразия тульских говоров мы остановимся на некоторых

единицах, относящихся к обрядовой лексике, а именно отражающей особенности проведения свадебного обряда в Воловском районе Тульской области и в Одоевском районе Тульской области. По нашему мнению, говоры Воловского района можно отнести к восточной (или юго-восточной) разновидности тульских говоров, а говоры Одоевского района – к западной (или юго-западной) разновидности. Территориальная отдаленность указанных районов составляет примерно сто километров.

В целом, безусловно, тульский свадебный обряд имеет черты среднерусского свадебного обряда, структурные части которого довольно хорошо исследованы. Однако оговоримся, что лингвистического описания тульского свадебного обряда до сих пор не было осуществлено. В науке не выработано единой точки зрения на принадлежность тульского свадебного обряда к определенному типу. Например, Ю.В. Гайсина выделяет не три, а два типа свадьбы: северный (свадьба – «похороны») и южный (свадьба – «веселье»). Она считает, что «свадебный обряд Тульской области является контаминацией северного и южного типа свадьбы» (Гайсина 2007: 339).

Для рассмотрения мы используем материалы полевой записи, сделанной в 2017 г. в Воловском районе от жительниц д. Пруды, Марии Сергеевны Серёжкиной (1929 г.р.) и Валентины Ивановны Гнусарёвой (1937 г.р.). И материалы полевых записей, сделанных в 2010–2013 гг. в с. Стояново Одоевского района от Татьяны Афанасьевны Афанасьевой (1929 г.р.), Надежды Ильиничны Ждановой (1930 г.р.), Раисы Александровны Дмитриевой (1939 г.р.) и др. Опираемся мы также на исследование Ю.В. Гайсиной о свадебном обряде данного села. Оговоримся, что мы схематично рассматриваем структуру обряда и в основном останавливаемся на лексических единицах.

Итак, из рассказа жительниц Воловского района следует, что к предсвадебному этапу относится *сго'вор* и *сватаньё*: *Зго'вър – э'тъ ска'жут, пайдёть ана' иль нет. Снача'ла дъүава'ривъюцъ, а сва'тъть пато'м. Сва'тъть пато'м иду'т фся радня'. Е'сли он с-табо'й н’ь-дружы'л, а пашлёт свътаньё.*

Пля'шуть, иүра'ють, дъүава'ривъюцъ, ско'лька чилаве'к. Здесь стоит отметить, что диалектоносителями активно используется лексема *сватаньё*, которая имеет то же значение, что и общеупотребительная лексема *свату'шки*.

Затем информанты отмечают, что приданое уже и не выговаривалось по сути дела, а «кто что положит сам». Понятия *но'рмы* в данном населенном пункте не известно. Приданое называлось *сунду'к*, понятно, что в данном случае наблюдается метонимический перенос в употреблении указанной лексемы. Часто сундук с приданым именуется также *коро'бка*, *коробья'*. В состав приданого входило обычно: *...д'ве паду'шки, адия'лкъ ва'тнъјь, адия'лкъ каньёвъя пасте'ль зъправля'ть. А то ска'жут бе'днъјь: н'ь-аднаво' пъкрыва'лъ, н'ь-аднаво' пасте'льника*. Нужно отметить, что часто постельные принадлежности именуются словом *посте'льник*: *Ой, кака'я мълада'я плаха'я: н'ь-аднаво' кавра' нет, н'ь-аднаво' пасте'льника»*. Уточним, что слово *ковёр* обозначает вытканное в домашних условиях из шерстяных ниток изделие. Обязательной частью *коробьи'* была *ду'мочка*: *У-на'с и-кавры', и-паду'шки, и-матра'сы, ма'линькая ду'мъчкъ – э'тъ нъ-рибёнкъ*. Составной частью приданого могли быть и животные или птицы. Чаще всего это была курица – *при'данка.* Однако наши информанты указывают на следующее: *А я ку'рицу и ни-по'мню. Мы авцу' приводи'ли – со'бинку, со'бинку нъзыва'ли. Ана' ако'тицъ и во'т принаси'ли*.

Невеста, когда за ней приезжает жених, по рассказам информантов, *сиди'т за са'дом*: *Э'тъ у-ниве'ст'ь, сиди'т за-са'дъм. Сады'-тъ э'ти. Ниве'стъ сиди'ть за-ды'мкъй, ле'нты, наря'дють. Таргу'юцъ: читы'ри уүла' и сирёдъчкъ круүла'*. Свадебным деревом (или *са'дом*) в Прудах могла быть только ёлка: *То'лькъ ёлкъ была', када' за-са'дъм сиде'лъ, нъряжа'ли йиё тря'пъчкъми, канфе'тъми. Када' е'хъли г-жыниху' э'ту ёлку привя'зывъли ү-дуге' и кълако'льчики. И каро'пку визу'т*.

Перед свадьбой в подготовке приданого и в подготовке к новой жизни принимали участие подруги невесты: *Падру'шки пъмаүа'ють ниве'с'ти: жыниху' пирча'тки вя'жуть, пълате'нца вышыва'йуть. Ако'шки ме'риють, кто ве'шыить, кто нет. У-на'с тагда' хади'ли ме'стъ үляде'ть, о'кны абмиря'ть*.

Безусловно, что родня невесты прежде всего *обмеря'ла о'кны* и *ме'сто гляде'ла*, но и подружки тоже принимали в этом участие. В процессе самого свадебного обряда подружки невесты *абмина'ют пасте'ль*: *Падру'шки астаю'цъ абмина'ть пасте'ль, как привизу'ть пасте'ль, мы сте'лим пасте'ль и лажы'мси спать на-е'й*.

На столе в ходе свадебного пира в основном было то, чем могли угостить жители данной местности: *Сълама'ту ста'вили, лапша', ка'ша, хъладе'ц, кисе'ль мало'шный, кисе'ль кра'сный, щи ка'к-тъ ни-мо'днъ бы'лъ, щи ни-ста'вили, лапшу' ста'вили*. С утра также невеста и жених проходили испытания: *...γаршки' би'ли с-утра'. Ниве'с'ти – ве'ник, жыниху' – саво'к, де'ньγи кида'йуть, пръвиря'ють – н'ь-сляпа'я ниве'стъ. Во'ду ф-кашо'лк'ъ наси'ли. Э'тъ шита'лъс'ъ вада', а йиё там не'-былъ, ани' с-утра' хади'ли, их пъсыла'ли*. Обязательным действом второго дня свадьбы становились поиски невесты: *Нъ-фтаро'й день я'рку иска'ли: пасту'х идёт, я'рку и'щьт...**Чудака'ми** нъряжа'лись. Мълада'йкъ сла'зийит, взяла' кнут, фсех ръзъгнала'*. Чаще всего свадьба длилась три дня, хотя могла быть и более продолжительной: *На-тре'тий день у-жыниха' – пахме'льјь. Э'тъ уже' са'мыйь бли'зкији*.

Обратимся к некоторым фактам свадебного обряда, о которых известно в с. Стояново Одоевского района. Еще раз подчеркнем, что нас интересуют примеры использования в описании свадебного обряда определенных лексических единиц. Начиналась свадьба со сватовства, где обговаривались детали. После сватовства проходил *запо'й* (или *пропо'й*). Как мы видим, собственно сговор, о котором вспоминают жители Воловского района, здесь не отмечается, но зато существует понятие *запоя* или *пропоя*. Не используется лексема *сватаньё*, а называют либо *сватовство'*, либо *свату'шки.* Перед свадьбой родственники со стороны невесты и подруги ходили в дом жениха *око'шки ме'рить* или *ко'лышки смотре'ть*: *Ако'шки ме'рить хади'ли маи' падру'шки, я до'мъ сиде'лъ. Ко'лышки сматре'ть е'здили, не'кътърыи γълася'т у-γо'лас!* Ю.В. Гайсина отмечает, что родственники жениха ездили *на погля'дки* в дом невесты. О подобных фактах и их лексических эквивалентах мы

не слышали от жительниц д. Пруды. В селе Стояново существует лексема *образо'вка*, которая употребляется в значении ‘девичник’, в Воловском районе, да и в других населенных пунктах иных районов употребление данной лексемы мы не отмечали: *Пъүуля'ють у-ниве'сты фся радня', э'тъ абразо'фкъ*.

О приданом говорили – *но'рму выгова'ривать*: *При'данъјь выгава'ривъть, и аве'ц, и кур, и мать ниве'сты визёт ку'рицу*. Существовала лексема *но'рма*, которая подразумевала обязательную часть приданого. Про курицу-*при'данку* неоднократно упоминают диалектоносители, а вот отдельного слова, которым бы именовали овцу как составную часть приданого, не существует в Стояново, хотя, как мы писали выше, такая лексема имеется в речи жителей деревни Пруды. Обязательной частью приданого были постельные принадлежности: *Пасте'ль, када' ниве'сту зъбира'ють, и вази'ли пасте'ли*. Не используют жители с. Стояново слова *ко'роб, коробья', коро'бка*, а употребляют либо слово *при'даное*, либо слово *сунду'к*. Непосредственно в день свадьбы невеста сидела за *ёлкой* (другой лексемы для обозначения свадебного дерева не существует): *П’ьрит-те'м как жыни'х в-дом зайдёт, ниве'сту за-сто'л сажа'ли, а п’ьрид-не'й ёлку ста'вили нъряжённую. Жыни'х до'лжън был вы'купить ёлку и-таүда' то'лькъ за-сто'л к-ниве'ст’ь сесть. Мы нъряжа'ли и ёлку, и ска'лку. П’ьрит-сва'дьбъй же'нщины украша'ли ёлку, украша'ли ба'нтикъми, ска'лку украша'ли, када' зъхади'л жыни'х, то ударя'ли ска'лкъй пъ-сталу'*. В Одоевском районе существовал обряд *ови'н туши'ть* и *фона'рь сжига'ть*: *Оставшиеся в доме невесты родственники устраивали небольшое застолье (садились овин тушить). К застолью делали специальный фонарь – куб размером от 50 см до метра, составленный из нескольких подобных фигур меньшего размера, выполненных из нанизанных на нитку соломин. Фонарь за один угол подвешивали к потолку. На следующий день его сжигали* (Гайсина 2007: 357). О подобном обряде в Воловском районе сведений не существует. Если в Воловском районе женщин, которые исполняли величальные песни, называют *велича'лками*, то в Одоевском

районе их чаще всего именуют *игри'цами*: *Ёлку нъряжа'ли, иγри'цы иγра'ли, пасо'дють за-ёлку и иγра'ють γру'сную пе'сню. Каса' адна', пато'м йиё ръсплита'ють, жыни'х выкупа'л касу'. Ме'стъ выкупа'ть ря'дом с-ниве'стъй, ко'су прапла'къли иγри'цы. Стано'вим ёлку нъ-стале', у-на'с у-дире'вн'ь зва'ли иγри'ц, пъпаём пе'сни за-ёлку, акупа'ют ёлку*. Так же, как и в Воловском районе, существовал обряд *обминать постель*, однако в Одоевском районе о нем говорят *греть посте'ль*, и совершают это действие сватья: *Ме'стъ пръдава'ли, ко'су пръдава'ли, паcте'ль γре'ли, мълады'х уклада'ли, сва'хи вади'ли абъγрива'ть пасте'ль.*

На свадебном обеде обязательным блюдом были *карава'йцы.* В с. Стояново это традиционное блюдо, о котором рассказывают довольно часто: *На-сва'дьбу фсигда' γато'вили кърава'йцы. Вазьмёшь крупы', луччи' ри'съвъй или гре'шн'ьвъй, убьёшь туда' яи'чкъ, даба'вишь съхарку', ма'слица – и ф-печь. В'ълича'ли за-ёлкой, зъ-стало'м, фся'кiјь паба'ски, абе'т ма'линький, там п'ъриме'ны три, нъ-стале' и хъладе'ц, и мя'съ, кърава'йцы пшо'нные, кърава'йцы пшени'шные. Бра'га фку'снъя на-сва'дьбе была'!* Отметим также, что брага как слабоалкогольный сладковатый напиток не известна в д. Пруды. На второй день свадьбы так же, как и Воловском районе, в с. Стояново *ходи'ли по' воду, би'ли горшки', мели' ха'ту, ходи'ли иска'ть я'рку.* При этом жители села Стояново не используют лексему *чудаки'*. Обычно говорят: *Ряди'лись в-мужука' или в-ба'бу*.

Таким образом, приведенное выше небольшое сопоставление некоторых частей и деталей свадебного обряда и лексем, их называющих, из рассказов жительниц Воловского и Одоевского районов Тульской области дает возможность говорить о том, что при очень значительных совпадениях в описании свадебного обряда все-таки имеется довольно заметная часть лексики, которая существенным образом отличается. При этом можно утверждать, что часть лексических отличий является противопоставленной, а часть – непротивопоставленной, так как наблюдается отсутствие определенных элементов обряда, ритуальных предметов и т.д.

на одной территории в сравнении с другой. Лексика традиционной тематической группы «Свадебный обряд» имеет значительные различия в качественном и, видимо, количественном составе единиц в восточной и западной части тульских говоров.

Интересно отметить, что можно проследить разницу и в составе других тематических групп лексики, помимо анализа единиц иных языковых уровней. Подчеркнем, что о необходимости серьезного изучения типологии языковых и культурных традиций тульского региона и сопредельных территорий говорят, например, и искусствоведы. В частности, нам показались интересными размышления исследователя тульского костюма Игоря Климова, которые он неоднократно высказывал в своих публичных лекциях. Искусствовед выявляет несколько разновидностей тульского женского костюма и указывает на то, что собранные им материалы дают основание выделять разные типы костюмов, существующих на землях Куликова Поля, к которым как раз относятся территории Богородицкого, Куркинского, Воловского, Тепло-Огаревского районов (Восточная зона. – Н.К.), в Южной зоне, к которой относится территория Ефремовского района, и в Западной зоне, куда входят территории Одоевского, Суворовского, Белевского, Арсеньевского, Чернского районов. И, по мнению исследователя, которое совпадает с нашей точкой зрения, трудным для описания и определения пока является северная зона (севернее засечной черты).

Таким образом, нам представляется, что рассмотрение вопроса о пограничных территориях, примыкающих к границам бытования тульских говоров, можно считать как возможным, так и необходимым. Еще раз повторим, что исследование диалектов приграничных территорий в значительной степени позволяет определить особенности не только тех говоров, которые окружают тульские, но и особенности самой тульской группы, ее внутренние типы и разновидности. Подчеркнем, что рассмотрение диалектов приграничных территорий может иметь целью изучение единиц разных языковых уровней. Исследование диалектных особенностей должно совмещаться с

анализом культурно-исторической канвы, образа жизни, бытовых и социально-природных условий проживания населения на указанных территориях.

Литература и источники

1. Будде Е.Ф. О народных говорах Тульской губернии. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1898. 60 с.
2. Будде Е.Ф. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. СПб., 1897. С. 1–10.
3. Гайсина Ю.В. Свадебный обряд в селе Стояново // Тульская область. Одоевский край. Очерки прошлого и настоящего / Ред.-составитель Е.Д. Андреева. М.: Институт Наследия, 2007. С. 338–358.
4. Красовская Н.А. Некоторые современные особенности периферии тульских говоров // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. 2017. №2 (55). С. 97–105.
5. Парикова Н.Б. Умеренное яканье в тульских говорах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М.: АН СССР, 1960. 15 с.
6. Родина М.А. Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ): Дис. … канд. филол. наук. М.: ПСТГУ, 2012. 518 с.
7. Савинов Д.М. О причинах эволюции систем предударного вокализма в южнорусских говорах // ВЯ. 2012. № 2. С. 45–60.
8. Сидоров В.Н. Об одном тульском говоре с гласной Е, не изменившейся в О // Материалы и исследования по русской диалектологии / АН СССР, ИРЯ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2. С. 277–289.
9. Филин Ф.П. Говор д. Селино Дубенского района Тульской области // Материалы и исследования по русской диалектологии / АН СССР, ИРЯ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 280–312.

УДК 81’373

С.В. Кускова
(Псков, Россия, svk-pskov@mail.ru)

О трактовке терминов «турист» и «экскурсант» (содержательно-правовой аспект)

Среди разнообразных аспектов туризма как одной из динамичных отраслей экономики актуально рассмотрение терминологии. Речь идет о соотношении между собой терминов «турист» и «экскурсант» как потребителях услуг данной отрасли.

Ключевые слова: туризм, турист, туристский продукт, экскурсия, экскурсант

S.V. Kuskova

On the Interpretation of the Terms “Tourist” and “Excursionist” (Content-Legal Aspect)

Among the various aspects of tourism as one of the dynamic branches of the economy, the terminology study is relevant. It is about the correlation of the terms “tourist” and “excursionist” as the consumers of the industry services.

Key words: tourism, tourist, tourist product, excursion, excursionist.

Туризм в современном понимании возник и оформился в конце XIX в., а активное интенсивное развитие получил во второй половине XX в. Это совпало с периодом становления процессов стремительного развития техники, технологий, общественных отношений.

Определение туризма содержит пять четко выделенных важных признаков, отграничивающих туризм от путешествия и иных действий и процессов:

– временное перемещение и посещение дестинации и непременное возвращение обратно (дестинация – это другая местность, отличная от места постоянного проживания индивидуума, или другая страна);

– цели туризма, отличающиеся сугубо гуманистическим содержанием и направленностью;

– совершение туристского путешествия в свободное время;
– запрещение туристу заниматься в дестинации деятельностью, оплачиваемой из местного финансового источника, т.е. турист не должен отнимать рабочее место у местного населения дестинации (Жихаров 2017).

Сегодня туризм – мощная мировая индустрия с брендовым титулом «феномен XX века». Туристская терминология на современном этапе активно интерпретируется сообразно быстрым темпам развития и формирования отраслей и разнообразных видов туризма. Толкование туристских терминов – предмет не только дискуссий по теории туризма, но и практика применения для многочисленных потребителей услуг этой отрасли экономики. Так, разность в трактовке используемых терминов может иметь, как представляется, неблагоприятные последствия в практических действиях субъектов туристской деятельности.

К перечню терминов, не являющихся предметом рассмотрения в данной статье, относятся «путешествие», «посетитель». «Путешествие» как термин обладает значительной общностью понятийного смысла и обозначает перемещение людей во времени и пространстве. Путешественник – это тот, кто совершает путешествие, независимо от своих целей, выбора направлений, технических средств передвижения и времени. К путешественникам могут быть отнесены бизнесмены, журналисты и т.д. в соответствии с целями, направлениями, средствами передвижения и иными характеристиками. При определенных характеристиках и условиях организации и осуществления путешествие может быть составной частью туристской услуги. Туризм рассматривается как частный случай путешествия. При этом ключевое отличие туризма от путешествий – это цели и массовость.

Термин «посетитель» используется для статистических целей в туризме.

Выбор терминов «турист» и «экскурсант» обусловлен значительной распространенностью в сложившейся российской практике субъектно-объектных отношений отрасли туризма.

Линии соотношений между терминами «турист» и «экскурсант» можно рассматривать в разных плоскостях, выделяя их общие и специфичные признаки. Основой правового регулирования перечисленных дефиниций является федеральное законодательство.

В настоящее время, согласно требованиям основного нормативного акта – Федерального закона № 132 «Об основах туристской деятельности в РФ», «турист – лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания» (Федеральный закон 2016).

Турист, таким образом, потребитель туристского продукта, понимаемого как комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг по договору о реализации туристского продукта (Квартальнов 2017)

В категорию туристских услуг входят: посреднические услуги туроператоров и туристских агентств;услуги перевозок для обслуживания экскурсий и дальнемагистральных перевозок всеми видами транспортных средств; услуги индустрии гостеприимства (коллективных и индивидуальных средств размещения и питания); услуги аттракции, включая туристско-экскурсионные и иные услуги организации досуга и развлечения; услуги туристских информационных и гостевых центров; прочие особые услуги.

К категориям нетипичных туристских услуг можно отнести любые другие, естественно необходимые туристу как человеку, а именно: услуги салонов красоты и парикмахерских, прачечных, банковские (обмен валюты), финансовые (дорожные чеки), страховые, информационные, охраны, проката автомашин, караванов, яхт и прочие.экскурсоводов (гидов),

гидов-переводчиков и инструкторов-проводников (Жихаров 2017)

Значение термина «экскурсант» как потребителя экскурсионных услуг в стандарте (ГОСТ Р 53522-2009) раскрывается в соответствии с требованиями указанного Федерального закона через ракурс термина «экскурсия». Экскурсия – услуга по организации посещения объектов экскурсионного показа (объекты природного, историко-культурного наследия, промышленные предприятия и др.) индивидуальными туристами (экскурсантами) или туристскими группами, заключающаяся в ознакомлении и изучении указанных объектов в сопровождении экскурсовода, гида, гида-переводчика, продолжительностью менее 24 час. без ночевки (ГОСТ Р 53522-2009 2015).

Экскурсант – это временный (однодневный) посетитель местности, населенного пункта или страны, независимо от его гражданства, пола, языка и религии, и находящийся в данной местности в целях туризма менее чем 24 часа. К категории экскурсантов относят пассажиры яхт и других круизных судов, участники туристских железнодорожных маршрутов.

Соответственно, нормативные требования рассматривают экскурсионные услуги в качестве составляющей туристского продукта. Это соподчиненность проецируется и на соответствующих потребителей этих услуг.

Важнейшей категорией является цель туризма, которая позволяет четко выделить виды деятельности, относящиеся к туризму Главные цели туризма: развлекательные (аттрактивные), рекреационные и познавательные. Вторыми по значимости являются цели оздоровительные и лечебные, далее следуют профессионально-деловые, гостевые и пр.

Цель экскурсии прежде всего познавательная, а именно ознакомление экскурсантов с объектами показа в соответствующей стране или месте временного пребывания. Так, с учетом вышеобозначенного временного фактора (максимальный период продолжительности экскурсии – до 24 часов) экскурсией не будет считаться паломничество к религиозным святыням, совершаемое в пределах 24 часов;

соответственно, на такие поездки не будут распространяться правила, регулирующие экскурсионную деятельность (Ефимова 2015:7).

Таким образом, соотнесение рассматриваемых терминов проходит по нескольким признакам, включая, масштаб соотношения как общее и частное (экскурсия как часть туристского продукта); временной фактор как фиксируемая нормативная характеристика предоставления услуг.

Перспективным направлением изучения туристкой терминологии, по нашему мнению, может быть рассмотрение международного аспекта дефиниций туризма в силу быстрой динамики его развития как признанного «феномена» нашего времени.

Литература и источники

1. Жихаров О.Л. Путешествие, путешественник и начало туризма. // URL: http://prepod.nspu.ru/mod/resource/view.php?id=7079
2. ГОСТ Р 53522- 2009.
// URL: http://allgosts.ru/03/080/gost_r_54604-2011
3. Ефимова О.В. Правовое регулирование осуществления экскурсионной деятельности // Туризм: право и экономика. 2015. 3(54). С. 6–8.
4. Квартальнов В.А. Туризм. // URL: http://tourlib.net/books_tourism/kvartalnov_tourism3.htm
5. Федеральный закон №132 «Об основах туристской деятельности в РФ».
// URL: http://docs.cntd.ru/document/9032907

УДК 811.161.1’373.6+811.161.1’282.2

В. С. Кучко
(Екатеринбург, Россия, kuchko@inbox.ru)

К этимологии *огорошить* ‘изумить, удивить’ (на фоне русской диалектной лексики)

Статья критически рассматривает существующие этимологии рус. *огорошить* ‘изумить’ и предлагает обоснование для одной из

версий происхождения глагола (от рус. *горох*), основанное главным образом на данных русских народных говоров.
Ключевые слова: русские народные говоры, этимология, мотивационная реконструкция, огорошить.

V. S. Kuchko

**On Etymology of *ogoroshit'* 'to Astonish'
(On the Background of Russian Dialectal Lexis)**

The article critically examines the existing etymologies of the Russian word *ogoroshit'* 'to astonish' and offers the explanation for one version of the verb origin (from Rus. *gorokh*), which is mainly based on the data of Russian folk dialects.
Key words: Russian folk dialects, etymology, motivational reconstruction, *ogoroshit'*.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи северонорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

Слово *огорошить* известно в разговорном русском языке в двух значениях: 'сильно изумить, удивить' и 'сильным ударом лишить сознания', причем последнее можно считать устаревающим – оно не фиксируется некоторыми словарями современного русского языка (его нет, например, в (Шведова 2007: 555)). Глагол отсутствует в литературных словарях других славянских языков, нет его и в (ЭССЯ).

Относительно происхождения этого слова есть несколько точек зрения.

По версии, которую можно встретить в (Фасмер III: 119; Шведова 2007: 555), *огорошить* образовано от глагола *огородить* по модели (*об*)*лапошить* и *копошиться*. Это кажется маловероятным по двум причинам. Первая из них – словообразовательная: исходя из модели *лапать* > *лапошить*, *копать* > *копошиться*, следовало бы ожидать форму **огородошить*. Вторая – семантическая: трудно объяснить значительный разрыв значений между предполагаемыми производящим и производным.

Встречается также попытка связать *огорошить* со словом *грохот* (Горяев 1896: 236), что с точки зрения семантики выглядит более справедливым, нежели вышеупомянутая гипотеза, но неубедительно с позиции словообразования.

Наконец, существует мнение об образовании *огорошить* от слова *горох*, см. об этом (Orel 2: 780), где эта позиция приводится без каких-либо пояснений. Именно эта гипотеза, на наш взгляд, предлагает верную этимологию рассматриваемого глагола, и ей мы попытаемся дать обоснование ниже.

Изучаемый глагол не функционирует в лексической системе изолированно; он входит в семантико-словообразовательное гнездо диалектных глаголов, распространенных в основном на территории Русского Севера, центральных и западных районов России.

В их числе семантические варианты общенародного глагола, ср. *огоро́шить* влг. ‘обокрасть’ (КСГРС), влг. ‘обнаружить тайные замыслы, разоблачить’: «Ты при мне не ври, всё равно я тебя огорошу» (СВГ 6: 24), яросл., твер., пск., нижегор., перм., сарат., ворон. ‘сильно ударить’, влг., новг., нижегор. ‘обругать, оскорбить, огорчить, обидеть’, яросл. ‘опозорить, поставить в неловкое положение’, костр., яросл. ‘обмануть’ (СРНГ 22: 350), смол. ‘удивить чем-нибудь неприятным’ (Добровольский 1914: 521), пск. ‘неприятно удивить, расстроить’: «Ана мяня агарошыла этим», ‘добиться своего’: «Люда такая сярьёзная, а Андрей улыбаицца тихонька, угарошыл, зделал што хател», ‘лишить жизни, убить’, ‘съесть, выпить в большом количестве’: «Агарошыл весь абет и никаму ничово не оставил» (ПОС 22: 537) и др., пск. *огоро́шиться* ‘неприятно удивиться’, ‘умереть’: «Я фчира чаю сагрела, дай, думаю, папью, да заснула, как угарошылась» (ПОС 22: 537).

Далее, фиксируются бесприставочные формы, ср., к примеру, арх. *горо́шить* ‘стучать’: «Не горошь тут, не горошь» (СГРС 3: 111), влад., тамб. *горо́шить* ‘говорить что-л. язвительное, поддевать, оскорблять кого-л.’, влг. *горо́шить* ‘поражать чем-л. неожиданным’ (СРНГ 7: 69), моск. *горо́шить* ‘обманывать’ (СРНГ 7: 69).

Кроме того, обнаруживаются формы с другими приставками, ср. твер. *загоро́шить* ‘забросать кого-либо словами; огорошить’ (СРНГ 10: 24), нижегор. *догорошить* (удар.?) ‘прервать чью-либо речь, уличив говорящего в неправде, несправедливости’: «Ты бы хорошенько догорошил его» (СРНГ 8: 88), пск., твер. *сгоро́шить* ‘сказать глупость, сморозить; соврать’, без указ. места *сгорошить кого-л. с ног* ‘озадачить, огорошить, поставить в тупик кого-л.; уничтожить’ (СРНГ 37: 39–40).

Широкая фиксация в северных, центральных, западных и некоторых южных говорах бесприставочных форм и слов с другими приставками указывает на социолингвистическое обстоятельство – путь проникновения глагола *огорошить* в общенародный язык: очевидно, в литературном языке закрепилась одна из форм народного слова. На то, что в литературный язык слово попало из говоров через просторечие, указывают также пометы *прост.* и *простореч.*, сопровождающие его в (САР 2: 256; СлРЯ XVIII в. 16: 175).

Можно полагать, что слово является собственно русским: кажется, оно не фиксируется словарями других славянских языков (в сети Интернет встречается блр. *агарошыць*, которое можно квалифицировать как русское заимствование; кроме того, в словаре сербохорватского языка обнаруживается слово *ȍгрāшjе* ‘битва’ (РСХКJ 4: 9), которое А. С. Будилович без дополнительных пояснений сравнивал с рус. *огорошить* ‘ударить, изумить’ (Будилович 1882: 2)). Словари не относят его ранее, чем к XVIII в., ср. *горошу, огорошу* ‘прямо о ком говорю, обличаю или упрекаю кого при ком в каком-либо предосудительном поступке’ (САР 2: 256), *огорошить* ‘поразить, озадачить какой-л. неожиданностью’ (СлРЯ XVIII в. 16: 175).

На время прочного укоренения слова *огорошить* в языке указывают сведения, которые приводит В. В. Виноградов, основываясь на записках А. М. Тургенева, опубликованных в историческом периодическом издании «Русская старина» за апрель 1889 года. В приводимой части записок речь идет о способе ведения допроса, который был принят в России начиная

со времен Ивана Грозного и бытовал несколько следующих столетий вопреки официальному своду законов: лицо, ведущее допрос, ударяло ступню допрашиваемого острым предметом, подобным копью, что обозначалось словом *обварить*. А. М. Тургенев замечает, что в 1831 году (год написания текста) «вместо технического слова “обварить” некоторые допрашиватели употребляют выражения “озадачить, огорошить”; почитающие себя просвещеннейшими прочих думали облагородить старинную технику и говорят вместо *обварить*, *озадачить*, *огорошить* – слово “офрапировать”» (Виноградов 1999: 785). Таким образом, в первой трети XIX в. слово было в обиходе и смогло получить специальное значение ‘особым образом применить силу против допрашиваемого’, причем речь идет не о центральных районах страны, а о «наиболее глухих местах нашего отечества» (Там же) – А. М. Тургенев служил как в Западной Сибири, так и на южных окраинах империи.

Итак, в общенародном языке слово *огорошить*, как представляется, закрепилось в XVIII в., попав туда из народно-просторечной среды, в которой к середине XIX в. это слово и однокоренные ему глаголы были широко распространены, ср. *огоро́шить* пенз. ‘сильно ударить’, пенз. ‘изумить, удивить’, новг., пск., пенз., тамб., симб. ‘привести в замешательство, оскорбить словами, огорчить’, костр. ‘обмануть’ (Опыт: 137), *горо́шить* влад., тамб. ‘язвить, оскорблять’, моск. ‘обманывать, поддевать’ (Там же: 41), пск. *горо́шиться* ‘задориться, ершиться, иногда важничать’ (Доп.: 36), ср. и примеры из (СРНГ), приведенные выше – нижегор. *догорошить* (1852), пск., твер. *сгоро́шить* (1855), твер. *загоро́шить* (1858)[1].

[1] В НКРЯ примеры употребления изучаемого глагола не встречаются раньше второй половины XIX в.: первый попавший в НКРЯ контекст со словом *огорошить* датируется 1862 годом; единственный контекст с бесприставочным вариантом *горошить* извлечен из романа «Бесы» Ф. М. Достоевского и относится к 1871–1872 гг. («Однако знаете, – всполохнулся опять Петр Степанович, – надо бы опять поговорить толком, чтобы не сбиться. Дело требует точности, а вы меня ужасно

Глагол (*о*)*горошить* и его соседи по словообразовательному гнезду, по нашему мнению, являются образованиями от слова *горох*: *горох* > *горошить*, ср. *ворох* > *ворошить, порох* > *порошить, потрох*(*а*) > *потрошить, лутоха* > пск., твер. *лутóшить* 'бить, лупить' (СРНГ 17: 207).

Цепочка *горох* > *горошить* является реальной, ср. восстановление формы **goršiti*, которая производится от **gorxъ* (рус. *горох*) (ЭССЯ 7: 49). Русские дериваты отсутствуют в этой словарной статье, поскольку глагол *огорошить* не является общеславянским, а представляет собой, по-видимому, позднее собственно русское образование, судя по семантике, экспрессивного характера. Однако статья содержит примеры других славянских глаголов, бесспорно производных от общеслав. **gorxъ*: словен. *grášiti se* 'сделаться величиной с горошину', сербохорв. *гра́шити* 'выступать крупными каплями (о поте)', сербохорв. *grašiti se* 'свернуться (о молоке)' (Там же) (последний случай, видимо, указывает на образование комочков = горошин в свернувшемся молоке).

Русские говоры тоже содержат лексические факты, явным образом свидетельствующие о возможности образования рассматриваемых форм от слова *горох*: ср. влг. *огорóшиться* 'покрыться мурашками, «гусиной кожей»': «До чего озябла, вся огорошилась» (КСГРС) – здесь горошинами представляются пупырышки, появившиеся на коже от холода; арх. *горóши́ться* 'превращаться в комки в процессе сбивания сметаны на масло, сбиваться': «Сметану-то тихо взбивать, она долго не горошыца» (АОС 9: 368), арх. *горóшить* 'ручным способом сбивать сметану на масло' (Там же), арх. *сгорóшиться* 'появиться кусочкам масла в молоке, сметане при взбивании': «Сметана сгорошилась, ну на масло сделалась, ну помешала немного сметану, она сгорошилась, а еще мешаешь немного, оно и масло сделалось» (СРНГ 37: 40) – здесь имеются в виду комочки, появляющиеся в процессе взбивания молока и сметаны.

как горошите. Позволяете поговорить?». Здесь *горошить*, очевидно, употреблено в значении 'сбивать с толку').

Таким образом, лексическая система нескольких славянских языков подтверждает возможность образования изучаемой формы *огорошить* и ее словообразовательных вариантов от слова *горох*.

Мотивация приведенных выше примеров (словен. *grášiti se* ‘сделаться величиной с горошину’, сербохорв. *гра́шити* ‘выступать крупными каплями (о поте)’, влг. *огоро́шиться* ‘покрыться мурашками, «гусиной кожей»’, арх. *сгоро́шиться* ‘появиться кусочкам масла в молоке, сметане при взбивании’ и др.) связана в первую очередь с тем, как выглядит результат процесса, называемого глаголом, – капли пота, пупырышки на коже, комочки масла можно сравнить с горошинами по форме.

С изучаемым глаголом дело обстоит иначе.

В. В. Виноградов приводит цитату из периодического издания «Русская старина» за 1908 год, согласно которой историк С. М. Соловьев пытался связывать глагол *огорошить* со словом *горох* следующим образом: по его мнению, «слово “огорошить” произошло от обычая обсыпать горохом боярина, заврать шегося за столом царя» (Виноградов 1999: 785).

Вне зависимости от реальности существования этого обычая, происхождение слова, как кажется, нужно связывать именно с использованием горошин в качестве своеобразных снарядов для стрельбы по кому-либо или осыпанию кого-либо. Семена гороха – легкие и удобные орудия, их «рикошетная способность» отражена в разг. *как об стенку горох* ‘уговоры, слова бесполезны, не доходят до адресата’, выражении *ему говорить, что в стену горох лепить* (Даль I: 942). В (НКРЯ) можно встретить множество контекстов, эксплуатирующих сравнение *как горох* при описании сыплющихся на кого-либо слов или ударов, ср. «Как горох к стене не льнет, так-то ему слова» <Д. И. Фонвизин (1764)>, «Все споры, восклицания, перебивки и то, что я назвал говором, должны сыпаться как горох» <А. К. Толстой (1866)>, «Клячонка <…> семенит ногами, кряхтит и приседает от ударов трех кнутов, сыплющихся на нее, как горох» <Ф. М. Достоевский (1866))>.

Нужно заметить, что существует и практика стрельбы горошинами из трубочек. О ее реальности и распространенности

свидетельствуют, в частности, контексты из художественных текстов, ср., например: «Ученики, как всегда, стреляли из трубочек горохом» <Ю. Петкевич (2001)>; «Валька вытащил из кармана стеклянную трубочку, набил ее горохом. – “Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути”, – пропел он, прицелился и выстрелил. Ленка схватилась за щеку, ей показалось, что ее ужалила пчела» <В. Железников (1981)>; «Государь присел и тоже начал играть; так метко стрелял горохом из пушечек, что Саша кричал и хлопал в ладоши от радости» <Д. С. Мережковский (1922)>; «Лучше же всего отдай ты их в цирк: там их не только в барабан бить, но и в пушечку горохом стрелять научат» <М. Е. Салтыков-Щедрин (1886)>; «А еще зовут их пушками!.. Хороши пушки!.. Да что из них, горохом, что ль, стреляли?..» <М. Н. Загоскин (1842–1850)> (НКРЯ).

Буквальное прочтение внутренней формы (*о*)*горошить* в таком случае – «выстрелить “гороховым” “снарядом”»[1], вероятно, больно и неожиданно, откуда значения ‘поразить’, ‘опозорить’ и пр. (ср. и закономерное в рамках такой интерпретации значение у отмеченного выше арх. *горóшить* ‘стучать’). Ассоциация «сыплющихся» на адресата слов с сыплющимся горохом поддерживает «речевые» значения (ср. выше *горошить* ‘говорить что-л. язвительное’; *огорошить* ‘обругать’. Кроме того, можно иметь в виду, что горох в традиционной культуре славян использовали в разных случаях для ритуального осыпания кого-л., см. (СД I: 523–526); горох нередко используется как «эталон» чего-л. рассыпающегося, ср. поговорку *Рассыпался горох на четырнадцать дорог* (Даль I: 942)).

Подведем итоги. Слово *огорошить*, вошедшее в общенародный русский язык, имеет в русских народных говорах ряд родственных лексем и входит в целое семантико-

[1] С точки зрения буквального прочтения внутренней формы любопытен следующий контекст: «Как огорошенные градом, Ушли остзейские тузы» <Н. А. Некрасов>, с тем только различием, что здесь имеются в виду горошины града.

словообразовательное гнездо, в котором семантика физического удара закономерным образом соседствует с семантикой «морального удара» – позора; сильного, как правило, неприятного изумления; уличения во лжи – и подобных негативных явлений, таких, например, как оскорбление и обман. Именно из говоров через просторечную языковую среду глагол *огорошить*, по-видимому, проник в литературный язык. Слово, как представляется, является собственно русским; оно возникло как экспрессивная единица, производная от слова *горох*. Лексема *горох* продуктивна в смысле глагольной деривации как в русских говорах, так и других славянских языках (ср. словен. *grášiti se* ‘сделаться величиной с горошину’, влг. *огоро́шиться* ‘покрыться мурашками, «гусиной кожей»’ и др.). Признак гороха, мотивирующий образование слов (*о*)*горошить*, *догорошить* и др., – его способность быть легким снарядом, отскакивающим от цели, использующимся и при стрельбе из трубочек, и в ритуальном осыпании. Это его свойство многократно отражено в русских устойчивых выражениях и авторских текстах.

Сокращения

АОС – Архангельский областной словарь словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980–. Вып. 1–.

Доп. – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: Типогр. Император. Акад. наук, 1858.

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // URL: http://ruscorpora.ru/

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / Ред. А. Х. Востоков. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1852.

САР – Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.
СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / Ред. С. Г. Бархударов. Л.; СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.
РСХКJ – Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967–1969. Књ. 1–3; Нови Сад, 1971–1976. Књ. 4–6.

Литература и источники

1. Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Ч. 2: Рассмотрение существительных, относящихся к народному быту и учреждениям. Киев: Типография К. Н. Милевского, 1882.
2. Виноградов В. В. История слов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999.
3. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография канц. Главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896.
4. Смоленский областной словарь / Сост. В. Н. Добровольский. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель – АСТ, 2007.
8. Orel V. E. Russian Etymological Dictionary: in 3 vols. Calgary; Alberta: Octavia, 2007–2008.

УДК 801

С.В. Лукьянова
(Псков, Россия, svetlanaluk@mail.ru)

Аксиологический аспект диалектного дискурса

В статье рассматриваются особенности выражения ценностных установок диалектоносителей на примере темы «Пьянство» в псковских говорах.

Ключевые слова: аксиология, дискурс, оценка, псковские говоры.

S.V. Lukyanova

The Axiological Aspect of Dialect Discourse

The article reveals the peculiarities of value system expression by the dialect speakers. This is illustrated by an example of the topic “drunkenness” in the Pskov dialects.

Key words: axiology, discourse, evaluation, Pskov dialects.

Получая знания об окружающем мире и о себе, человек упорядочивает и интерпретирует их, что находит выражение в языке. Интерпретирующая функция человеческого сознания напрямую связана с категорией оценки, которая по-разному может быть представлена. При этом «ни одно понятие не находит в языке такого разнообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка» (Маркелова 1995: 67).

В конце 20 в. оценочность вызывает большой интерес лингвистов, что отражается в многочисленных фундаментальных исследованиях. Внимание ученых сосредоточено не только на общих вопросах статуса категории оценки, ее формировании в языке, но и на частных вопросах: способы выражения определенных типов оценки, частеречные особенности оценочных слов, связь эмоции и оценки и др. Благодаря трудам Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, В.А. Звегинцева, В.И. Шаховского, В.Н. Телия, А.А. Ивина, Ю.Н. Караулова, Ю.Г. Степанова и др. оценка приобрела статус самостоятельной категории в языке. В целом ряде работ по проблемам оценочности подчеркивается антропоцентричность оценки: исследования Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1988), монография Е.М. Вольф (Вольф 2002); большое значение для описания ценностного фрагмента языковой картины мира и культурных доминант имеют работы В.И. Карасика (Карасик 2002).

Анализ ценностных предпочтений в лингвистике открывает возможности для исследования национального языкового сознания, язык представляется не только средством выражения ценностных смыслов, но и средством их формирования. Оценка «как социально устоявшееся и закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта к объектам действительности, как компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта» (Квашнина 2013: 183) является центральным понятием в рамках аксиологического подхода. По мнению многих исследователей, лингвистический аспект категории оценки составляет вся совокупность средств и способов ее выражения – фонетических, морфологических, лексических, синтаксических. Так, рассматривая связь аксиологического направления в лингвистике с философией, психологией, социологией и другими науками, В.В. Квашнина доказывает, что в первую очередь оценка актуализируется лексико-семантическими средствами языка, выражающими ее эксплицитно и имплицитно, денотативно и/ или коннотативно, прямыми номинациями, определениями-характеристиками и через характер совершаемых действий (глагол-сказуемое). В словообразовании положительная или отрицательная оценочная модальность, как правило, реализуется суффиксами субъективной оценки. Лексические и словообразовательные единицы языка эксплицитно выражают позитивную и негативную оценку в тексте. Фонетические и синтаксические языковые средства самостоятельно оценивать объект не могут. Они обнаруживают себя на фоне ведущих смыслообразующих (лексических, словообразовательных) элементов. Следовательно, значение положительной или отрицательной оценки может выражаться ими только имплицитно (Квашнина 2013: 184).

Диалектный материал является богатейшим источником изучения категории оценки. Диалектный дискурс привлек внимание лингвистов позже других видов дискурсивной деятельности и не получил пока полного, всестороннего

описания. Применительно к диалектному материалу дискурс может быть определен как «результат речевой деятельности, в которой осуществляются речевые интенции говорящего, которые, в свою очередь, определяются совокупностью социокультурных и ситуативных факторов, влияющих на коммуникацию» (Большакова 2011: 96). Диалектный дискурс, как дискурс в целом, можно описать в понятиях общего и частного, если обозначить «все диалектное речевое пространство как общий дискурс, особенности которого реализуются в частных дискурсах (например, гендерном, ритуальном, этикетном, темпоральном и т.д.)» (Там же: 97–98). Описание дискурса опирается на диалектный текст в широком смысле слова, который благодаря длительности, интенсивности экспедиций приобретает широкие временные и пространственные границы и постепенно становится отражением народно-речевого дискурса, фиксируя особенности восприятия и понимания действительности сельскими жителями – носителями традиционной народной культуры (Большакова 2009).

При всей неоднородности архивного текстового материала речевой диалектный дискурс хранит следы традиционных ценностных установок сельских жителей. «В центре событий обязательно стоят люди, и в диалектном повествовании действия, состояния, оценки участников ситуаций и их высказывания не уходят на периферию, а, напротив, образуют тематический центр, предмет конкретизации, которая обычно доходит до прямого воспроизведения речи участников события как до своего предела. Таким образом, диалектный дискурс антропоцентричен в самом прямом смысле этого слова» (Гольдин 2009: 5).

Одним из распространенных способов выражения оценки в диалектной речи являются различные морфемы. Особенно ярко это проявляется в производных прилагательных. Так, «среди оценочных прилагательных, обладающих как пейоративной, так и мелиоративной оценкой, чаще всего встречаются словообразовательные диалектизмы, что свидетельствует о продуктивной роли целого спектра аффиксов

для создания оценочных значений (наиболее частотны суффиксы -еньк/оньк-, -ущ-, -унн-, -енн-: *но́ренький, баловну́щий, питу́щий дюжу́нный, густе́нный* и др.)» (Лукьянова 2016: 123).

Рассмотрим характер и способы выражения оценок на примере темы «Пьянство». Ценностный компонент в народной речи получает двойственный характер: с одной стороны, негативная оценка состояния алкогольного опьянения, пьющего человека, последствий пьяного разгула, чего требуют и этические нормы; с другой стороны, снисходительность к действиям субъекта в состоянии опьянения и позитивная оценка употребления алкоголя как символа веселья, ощущения полноты жизни.

Конечный результат процесса пития в псковских говорах выражается целым рядом экспрессивных наименований, подчеркивающих степень проявления действия, интенсивность, характер совершенного действия в контексте: *набараба́ниться*, *нажра́ться*, *набы́здаться*, *набу́здаться*, *набу́згаться*, *нагвозди́ться*, *наглота́ться*, *нагло́хтаться*, *наглоши́ться*, *наглу́здаться*, *нама́заться*, *нама́слиться*, *натю́каться*, *натяну́ться*, *нахлеба́ться*, *наклю́каться*, *напои́ться* и др.

Отметим, что контекстов, выражающих положительное отношение к питию, немного: *Пато́м кра́сная вино́ на́чала пить и лу́чшы ста́ла.* Пск. (ПОС 4: 19) (видимо, речь о болезни); *Пив бы, кури́в бы, висиле́й былъ бы*; *А правали́лся пад лёд када́, так то́лька во́ткай вы́личили.* Пск. (КПОС)

Употребление алкогольных напитков зачастую связано с праздниками, при этом контексты не несут отрицательных оценок: *Пи́ва нава́ря мно́га и по три дня гуля́ли.* Пыт. (КПОС); *На сва́дьбе ўся дяре́вня напьёцца бы́ло.* Пуст. (ПОС 20: 138); *Как сва́дьба прахо́дит, пи́ва нава́ря, вина́ накупля́ю.* Гд. (КПОС); *Фсиво́ нагато́вавлена: и ры́бы нажа́рена, и пи́ва нава́рена, там и пираго́ф фся́ких напичо́на, адни́м сло́вам, фся́кие заку́ски.* Гд. (ПОС 19: 334); *Быва́ла каравя́тина, свини́на, хле́бнае пи́ва нава́рять, няде́лю свадя́бничають.* Тор. (ПОС 20: 142); *Во́тачку пьють, пля́шуть.* Вл. (ПОС 4: 80). В фольклорных текстах: *Спаси́ба, ба́тюшка са ради́мой ма́тушкай, накарми́лся*

сытёшанька, напаи́лся пьянёшанька. Печ. (ПОС 20: 147); *Пей да до́нушка, бу́дет вёдрушка, так ф старика́х гавари́ли.* Дед. (ПОС 26: 192).

Большая же часть записей содержит негативную оценку пития. Чаще всего речь идет о каком-то третьем лице, чье пристрастие к алкоголю вызывает отрицательную реакцию, но встречается и оценка собственного пьянства: *Я́-тъ оди́н оста́фшы, сын у меня́ оди́н и две до́чки. В онно́й мужы́к по́мер. Де́ти у неё оста́фшы, до́чка при себе́. Она́ прода́лъ дом и уе́хълъ с де́тям на свою́ ро́дину. У меня́ и ра́дивъ е, со́рък копе́ек в ме́сяц пла́тя, три ку́рицы е, а так никово́ нет. На́дъ ухо́т, держа́л овцу́, она́ одна́ не хо́дя, заре́зал. У сы́на моево́ ребя́тъ е, они́ фси уе́хали, а я оди́н бу́ду дъжыва́ть. Де́ти даю́т кагда́ немно́гъ де́нек. Стира́ю сам, но ре́ткъ; как оде́ну, две-три неде́ли ношу́. И варю́ сам: плита́ хоро́шая. Пе́чки не топи́л, как хозя́йки не ста́лъ. Так вот и гоньде́ю, одёжа ста́рая, но не тужу́, на мой век хва́тя.* ***Мале́нька пйа́нствую: съблазня́ют сваи́. Э́тъ нехарошо́: не пил бы, фсё бы́лъ п лу́тшэ***. Печ. (Архив КПОС).

Негативную оценку диалектоносителей содержат контексты о последствиях пьянства: хулиганство, драка (*Э́то то́е вино́, че́рес како́я дра́лись.* Н-Рж. (ПОС 4: 19); *Шшо мужака́м де́лать – вино́ напи́цца да паскандáлить.* Печ. (ПОС 20: 138); *Вот гъваря́т, бузи́лъ пришо́л, забузи́л, пйа́ный, руба́шку парвёт.* Палк. (КПОС); *Тверёзый-та о́чень харо́шый, а напьётся, так кричи́т и буя́нит, кулако́м сули́т, и фсё в распашо́начки.* Вл. (ПОС 20: 138); *Цвятко́ф фчира́сь надра́лся, таку́ю зубаты́чину схлапата́л па ры́лу.* Пск. (ПОС 19: 378); *Напью́цца и наиспа́шку бьют па лицу́ друк дру́шку.* Гд. (ПОС 19: 416); *Фчера́ напи́лся он, наполо́хал, фсех разагна́л.* Дн. (ПОС 20: 138); *Ми́шка набузи́л пья́ный на я́рманки.* Палк. (ПОС 19: 237)); проблемы в семейных отношениях (*Мой дваю́ранный брат назва́л баро́ф ре́зать. Напи́лся, надра́лися, рассирди́лся, пабижа́л, взял ружйо́, каг гро́хнул, а жо́нка яво́ как а́хнула цугуно́м яму́.* Остр. (ПОС 19: 378); *Друга́я (жена говорила): «О, мой Ва́ня наду́кался».* Беж. (ПОС 19: 383); *Апя́ть Ка́те с ним ни ужы́ть, ужо́ тут ка́ждый день пьё да ящё и бьё яё…* Дед. (КПОС)); проблемы со здоровьем (*Кра́сная пить пло́ха у каво́ се́рцэ бали́ть.* Оп. (ПОС 16: 95; *«е́риз*

винó и нóги патирял, типéрь сидúт, а жóнка за ним хóдя. Кар. (КПОС); *Ён вóтку мáла пьёт, грудúна балúт.* Пушк. (ПОС 26: 193)); проблемы в профессиональной деятельности (*Напúфшы был, трáктър спóртил.* Пск. (КПОС); *Шóхеры напивáюцца, а патóм астаюцца без рук, без нок.* Вл. (ПОС 20: 132)).

Всеобщность пьянства, исключительность трезвости подчеркивается в записях: *В нас нет ни питýшших.* Пыт. (КПОС); *Мужы́к-то ей непитýщий попáлся.* Холм. (КПОС); *Твой Сяргéй – йидúнствинный непитýщий чилавéк, фси пьют.* Беж. (КПОС); *Нагá дюже зъбалéла, вы́пить нáда, биз вы́пифки рéтка найдёш (мужчину). Вот Фёдар Фёдаръвич, навéрна, ня пьё, а нáшы гърадúшшьские пью как застрадáфшы.* Печ. (ПОС 6: 30); *В нас в дирéвни фсе пьют, а што ищо дéлать, жись такá…* Пск. (КПОС) и др.

Пьянство традиционно рассматривается как мужское занятие, пьющая женщина оценивается носителями говоров всегда отрицательно: *А тут дéфка былá, Люська, пал-лúтра вы́пила; тáк-та анá приятная, а тут нажрáлась, и дамóй ни маглú свястú.* Порх. (ПОС 19: 400); *А кагдá жéншшыны пьют – éта страм.* Пск. (КПОС); *Éсли жóнка пьеть, што мужыкý дéлать?* Вл. (ПОС 26: 193); *Жéншшыны стáли пить, э́та плóхъ, нильзя жéншшынам пить, фсё развáлицца, дéти каг жы.* Пск. (КПОС); *Уш жэ́ншшины так напайцца, срам.* Печ. (ПОС 20: 147).

В материалах, записанных в разных районах Псковской области, хорошо прослеживается оппозиция «раньше – теперь», сопоставление временных планов типично для беседы на тему пьянства, как правило, такие контексты звучат в самом начале разговора, причем прошлое всегда имеет положительную оценку: ***Тяпéрь*** *нажрýцца вóтки, то бьюцца, то дáвяцца.* Оп. (ПОС 19: 400); ***Счас*** *дéнек девáть нéкуды и пьють вóтку.* Н-Сок. (ПОС 26: 193); ***Рáньшы*** *так нарóт и ни пил.* Пск. (КПОС); *Где ж* ***тапéрь*** *не питýшых найдё.* Н-Рж. (ПОС 26: 193); *Мáльцы не напивáлись, мужыкá яшшё увúдиш пья́нава, а мáльца нет.* Кр. (ПОС 20: 132); ***Рáньшы*** *тóлька па прáзникам вы́пьют нимнóга, брáшки или вóтачки, а* ***тяпéрь*** *прáзьник – ни прáзьник, фсё пьянь кругóм.* Печ. (КПОС); *На Пáску вы́пьют, на Мáслину, на*

Ражыство́, а пато́м не́кагда – рабо́тать на́да. Дед. (КПОС); *Зараба́тывая мно́га, пра́вда, выпива́я, да хто* ***шшяс*** *ня пьё?* Остр. (ПОС 6: 30); ***Тапе́рь*** *пра́зьникъф ма́лъ, в гармо́нь ни даю́т сыгра́ть, напью́цца пья́ными и начьну́ кура́жыцца.* Остр. (ПОС 16: 379); ***Тяпе́рь*** *жысь намно́гъ ле́гчи, то́лькъ забижа́ют пья́ницы.* Порх. (ПОС 11: 14).

Общая оценка пития хорошо демонстрируется в выражениях: *Вини́шко адби́ло уми́шко.* Гд. (ПОС 4: 19); *А хто винцо́ пил, тот паху́жэ жыл.* Аш. (ПОС 4: 22).

Таким образом, за языковой оценкой стоит культурная установка носителей языка. Система ценностей находит отражение в картине мира диалектоносителя. Псковский областной словарь, архив словаря содержат богатейший диалектный материал, который обладает несомненной значимостью для понимания языковой картины мира и менталитета русского народа.

Литература и источники

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Большакова Н.В. Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Сер.: Филология. № 54, 2009. С. 7–10.
3. Большакова Н.В. Дискурсивные аспекты диалектного текста // Текст – Дискурс – Коммуникация: Коллективная монография. Псков: ЛОГОС Плюс, 2011. С. 68–112.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УССР, 2002. 280 с.
5. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика, вып. 1, 2009. С. 3–7.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Квашнина В.В. Проблемы аксиологии в современном языкознании // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, 2013. № 2. С.181–189.

8. Лукьянова С.В. Прилагательные с экспрессивным и эмоционально-оценочным значением в Псковском областном словаре с историческими данными (к вопросу о стилистической характеристике слова в словаре) // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 4. Псков: ПсковГУ, 2016. С. 120–125.
9. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. 1995. № 3. С. 67–75.

УДК: УДК 800.87; 801.3.

Т.В. Лысенкова
(Псков, Россия, lysenkova.2016@yandex.ru)

Псковские говоры как источник словаря негативно-приставочной лексики

В статье показывается значимость псковских говоров для исследования структурно-семантических особенностей лексики с отрицательными приставками в русских говорах в целом. Подчеркивается особое место Псковского областного словаря с историческими данными как словаря полного типа и картотеки Псковского областного словаря среди источников специального словаря негативно-приставочной лексики говоров.

Ключевые слова: негативно-приставочная лексика, псковские говоры, Псковский областной словарь, словарь негативно-приставочной лексики.

T.V. Lysenkova

Pskov Dialects as the Source of the Dictionary of Negative-Prefix Lexis

The article shows the importance of the Pskov dialects for studying the structural-semantic features of the lexis with negative prefixes found in Russian dialects. The Pskov regional dictionary is seen as the main source of dictionaries with negative-prefix dialect lexis.

Key words: negative-prefix lexis, Pskov dialects, Pskov regional dictionary, negative-prefix vocabulary.

Сохраняя свое единство на протяжении нескольких веков до наших дней и располагаясь на границе с другими восточнославянскими языками, балтийскими и финскими языками, псковские говоры привлекали и продолжают привлекать внимание языковедов (http://msk.phil.spbu.ru). Научный интерес исследователей к псковской народной речи и широкие возможности для анализа языковых фактов в псковских говорах отражает специальный библиографический указатель, представляющий в систематизированном виде список изданных трудов, посвященных псковским говорам (Псковские народные говоры; Костючук 2007).

Особенности псковских говоров фиксирует «Псковский областной словарь с историческими данными». ПОС как словарь полного типа дает обширный и разнообразный материал для исследования особенностей русских народных говоров на всех языковых уровнях.

Предметом нашего исследования являются структурно-семантические особенности лексики с отрицательными приставками в русских народных говорах, извлеченной путем сплошной выборки из различных областных словарей как полного, так и дифференциального типа; основным источником при этом является ПОС. Псковский областной словарь, фиксируя не только собственно диалектную лексику, отражает многочисленность и структурно-семантическое многообразие негативно-приставочной лексики говоров, позволяет провести сопоставление негативно-приставочных и бесприставочных образований с учетом общерусских лексем, а также функционирования диалектной лексики в общерусских значениях (Степанова 2007, 2008). Так, в ПОС может быть представлено многозначное слово, употребляющееся в литературном языке и функционирующее в говорах как в собственно диалектных, так и общерусских значениях:

НЕВЕСЁЛЫЙ. флк. Грустный, печальный. *Што ж ты, Ва́нюшко, неве́сел, Бу́йну го́лаву пове́сил?* Песни Пск. земли 1, 206, Нев. 2. Заставляющий огорчаться. *Фчара́сь мая́ де́фка нявисёлае письмо́ палучи́ла, аш пла́кала да́жа.* Вл. 3. О жизни. Безрадостный. *Жы́зня нявясёлая покачну́лась, нет ахо́ты ничево́*

де́лать. Гд. 4. Пасмурный, хмурый (о погоде). *Сиуо́дни што́-та ниве́сила пауо́да. Да, пауо́тка закрыва́ица.* Нев. (ПОС 21: 34).
Ср. **ВЕСЁЛЫЙ.** 1. Склонный к веселью, жизнерадостный. *Весёлая ты, безуны́вная.* Печ. // Имеющий приподнятое, радостное настроение. *Фстаю́т го́сти, фси висёлыи, иду́т плясáть.* Н-Ржч. // Живой, подвижный. Вл. // Выражающий веселье. *В мяня висёлыи глазёнки, я на фсих ро́вна сматрю́.* Н-Рж. // ирон. Пьяный. 2. Располагающий к веселью, вызывающий веселое настроение. *Я люби́ла с тем гуля́ть, ф каво́ гармо́нь вясёлая.* Пск. 3. Полный веселья, развлечений, удовольствий. *Сва́дьбы вясёлыи бы́ли.* Нов. // Счастливый, лишенный огорчений, неприятностей. 4. Солнечный, полный света. *Ре́ткась быва́ит висёлая паго́да зимо́й, фсё тума́нная паго́да.* Оп. // Яркий, светлый по окраске. (ПОС 3: 112–113).

В псковских говорах функционируют собственно диалектные негативно-приставочные и бесприставочные образования, вступающие в отношения антонимии; при этом противопоставление значений слова с *не-* и без *не-* может быть представлено в одном контексте:

НЕБЕГОВО́Й. Непроточный (водоем). *Мачы́ла – я́мы на Плю́ссы небегавы́йи, там лён мачы́ли. Нибигавы́йи – е́та про́ста стаи́т бало́та. Если бегава́я вада́ – распало́шшыт лён.* Гд. (ПОС 21: 13).
Ср. **БЕГОВО́Й.** 2. Проточный (о воде). *Вада́ в о́зири бигава́я.* Тор. (ПОС 1; 164).

НЕЛЮБО́ВЬ. О нелюбимом человеке. *А за нилюбо́фь ни иди́, а за любо́фь иди́.* Н-Рж. (ПОС 21: 152).

НЕСХО́ДНО. 1. Нескладно, плохо. *Я нясхо́дно гавари́ла. Как вы гавари́те – схо́нно, а я, ду́рачка, нясхо́нно гаварю́.* Беж. (ПОС 21: 257).

Представленные в ПОС дефиниции и контексты помогают установить не только парадигматические связи негативно-приставочных лексем, специфику их деривации, но также обнаружить парадигматические связи самих приставок в структуре негативно-приставочного слова:

БЕЗВЕ́ЧЬЕ. Увечье. Доп. (ПОС 1: 158).

НЕПУ́ТИЦА. 1. Бездорожье, распутица. (ПОС 21: 213).

Кроме анализируемых нами имен существительных, прилагательных и наречий в ПОС зафиксированы также негативно-приставочные лексемы других частей речи, например, глаголы:

БЕЗВО́ЛИТЬ. Лишать свободы, воли. Доп., Вл., Порх. (ПОС 1: 178).

НЕЛЮ́ДИТЬСЯ. Избегать людей, дичиться. Карпов + Доп. (ПОС 21: 153).

В первую очередь на базе данных ПОС и его картотеки нами разрабатывается словарь негативно-приставочной лексики, представляющий лексемы с отрицательными приставками *не*- и *без*- в аспекте морфемной парадигматики и синтагматики, классифицирующий материал по частеречной принадлежности, по идеографическому принципу (Лысенкова 2013).

Псковский областной словарь и картотека дают возможность сгруппировать многочисленные негативно-приставочные лексемы вокруг корневых морфем, тем самым выявить понятийные группы слов с отрицательными приставками, что также отражается в создаваемом словаре негативно-приставочной лексики. Так, ряды однокоренных негативно-приставочных образований в псковских говорах содержат следующие корни: -бат-/-бат’-: *безба́тьковщи́на, безба́тьковье; безба́тичный, безба́тькович*; -год-/-год’-/-гож-: *него́дина, него́дица, него́дник, него́дность, него́дня, не́годь, негодя́ина, негодя́й, негодя́йка, него́жик, него́дливый, негодли́вый, него́днишний, него́дный, негодя́щий, негожа́вый, него́жий, него́жный*; -дел-/-дел’-: *безделу́ха, безде́льник, безде́льничество, безделю́й, безделю́ха, безделю́шка, безделя́й, безде́льный, безделю́шный;* -добр-: *недо́брик, недо́брица, не́доброть; недо́брый;* -дом-: *бездомо́вица, бездомо́вник, бездомо́вница, бездо́мный, бездомо́вный, недомо́вник;* -лад-/-лад’-: *незала́дка, незала́дница, незаладу́ха, неладúха, нела́дица, нела́дки, нела́дник, нела́дность,, неладу́ха, нелады́, не́ладь, непола́да, непола́дица, непола́док, неула́дица, нела́дный* (ПОС; см. о лексемах с корнем -лад-: Степанова 2010); -люд-/-люд’-: *бе́злюди, безлю́дье, не́люда, не́люди, нелюди́м, нелюди́мец, нелюди́мик, нелюди́мок, не́людь, не́людье, нелюди́вый,*

нелюди́мый, нелю́дный, нелю́дский, нелюдьмя́ный; -прок-/-проч-: *беспро́ка, беспро́че́нь, беспро́чина, безупро́кий, беспро́кий, беспро́чный; непро́кий;* -пут-/-пут’-: *беспу́тица, беспу́тница, беспутёвый, беспутный; непутёвик, непутёвка, непу́тица, непу́тник, непу́тница, непутя́га, непутёвый, непу́тный, непутёво;* -род-: *безро́дный, безуро́дный*; *неро́дный*; счаст-/-счаст’-: *бессчастина́, бессча́стица, бессча́стье, бессча́стненький, бессча́стный; несча́стье, несча́сь, несчастли́вый* и др. Как показывает приведенный материал, корневые морфемы в структуре негативно-приставочных лексем в говорах выражают прежде всего ценностные понятия.

Итак, псковские говоры дают богатейший материал для исследования специфики русских говоров. Формирующийся специальный словарь негативно-приставочной лексики русских народных говоров призван не только выявить системные связи слов и морфем, но и обрисовать аксиологически значимый фрагмент языковой катрины мира.

Литература и источники

1. Костючук Л.Я. Псковские говоры и их изучение // Псков. 2007. № 27. С. 33–39.
2. Лысенкова Т.В. О составлении словаря негативно-приставочной лексики говоров и перспективах его использования // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 3. Псков: ПсковГУ, 2013. 224 с. С. 157–160.
3. Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии: библиографический указатель / Редактор-составитель Н.В. Большакова; составители: Л.Б. Воробьева, З.В. Митченко. Псков: ЛОГОС Плюс, 2013. 328 с.
4. Степанова Т.В. Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи): Дис. … канд. филол. наук. Псков, 2008.
5. Степанова Т.В. О семантическом соотношении негативно-позитивной субстантивной лексики (на материале диалектной речи) // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2007. № 44. С. 85–86.

6. Степанова Т.В. Особенности именных лексем с корнем -*лад*- в народно-разговорной речи // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Международной научной конференции (Псков, 22–24 апреля 2010 года): в 2 т. / Под ред. Н.В. Большаковой, Л.Я. Костючук, Т.Г. Никитиной, Л.М. Попковой. Т. I. Псков: ПГПУ, 2010. 276 с. С. 178–182.
7. http://msk.phil.spbu.ru.

УДК 81:911.3

А.Г. Манаков
(Псков, Россия, region-psk@yandex.ru)

Языкознание и география: взаимные интересы на междисциплинарном исследовательском поле

Исследование посвящено изучению взаимодействия различных отраслей географии с языкознанием. Отмечено, что от взаимодействия данных научных направлений зависит развитие, в первую очередь, лингвогеографии и топонимики. Кроме того, целый ряд достижений языкознания используется в развитии таких отраслей географии, как этническая, культурная и историческая география.

Ключевые слова: историческая география, культурная география, лингвогеография, топонимика, этногеография.

A. G. Manakov

Linguistics and Geography: Mutual Interests in the Interdisciplinary Research Field

The research is devoted to the study of the interaction of various branches of geography with linguistics. It is noted that the development of primarily linguogeography and toponymy depends on the interaction between these scientific branches. Moreover, a number of achievements of linguistics is used in the development of such branches of geography as ethnic, cultural and historical geography.

Key words: historical geography, cultural geography, linguogeography, toponymy, ethnogeography.

Можно обозначить две области пересечения научных интересов языкознания и географии. Первая область взаимных интересов – ***лингвистическая география***. Это направление, делающее упор на изучение территориального распространения языковых явлений, выделилось из ***диалектологии*** в конце XIX в. Накопление данных о наличии диалектных различий в разных языках выдвинуло проблему совпадения или несовпадения границ распространения этих различий на определенной территории (Иванов 1990).

Для начала отметим, какой вклад в развитие этого направления внесла география. Это, прежде всего, *картографический метод*, который является важнейшим в географии. В лингвогеографии применяются методы ареалирования (оконтуривание территорий по изоглоссам), зонирования (выделение диалектных зон), а также комплексного диалектного районирования, примером чего могут являются две диалектологические карты, созданные с интервалом в полвека – в 1914 и 1964 гг.

Первая *карта диалектного членения русского языка* была создана в 1914 г. членами Московской диалектологической комиссии Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым (в дальнейшем карта была уточнена Н.Н. Дурново в 1927 г.). Создатели карты опровергли распространенное в то время мнение о том, что в языке реальны только изоглоссы отдельных диалектных явлений и нет целостных территорий языковых общностей. Через полвека, с учетом достижений в лингвистической географии, была создана новая карта диалектного членения русского языка. Данная карта была составлена К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой и впервые опубликована в книге «Русская диалектология» (1964).

Расхождение диалектных границ на картах 1914 г. и 1964 г. объясняется не только развитием новых научных подходов в лингвистической географии, но и собственно процессами, происходящими в диалектном русском языке, территориальным проявлением которых и явилась динамика границ. Так, например, известно, что в течение длительного времени расширялась территория аканья (заменяя собой

оканье), «иканья» (заменяя собой разные типы «яканья»). С другой стороны, «цоканье» под воздействием норм национального языка суживалось в своем территориальном распространении (Вопросы теории... 1962).

Многие лингвогеографы полагают, что при выделении диалектов необходимо учитывать не только языковый ландшафт, но и элементы материальной и духовной культуры, историко-культурные традиции, этническое самосознание, самооценку и оценку соседей и т. п., свидетельствующие о своеобразии исторического пути, этнических и социально-политических условиях развития территорий. Именно благодаря междисциплинарным исследованиям традиционной народной культуры сформировалось новое научное направление – ***этнолингвистика*** (Герд 1995).

В представлении этнолингвистов народный язык, говоры, народные обряды и вся народная духовная культура, вместе с элементами материальной культуры, представляют собой единое целое и с научной точки зрения, и в представлении носителей этой культуры (Толстой 1995). В этнолингвистике используется понятие *историко-культурная зона*, под которой понимается ареальное единство, которое выделяется по данным этнографии, археологии, геологии, палеогеографии, антропологии, языкознания, истории, фольклористики, музыковедения и ряда других наук о человеке (Герд 1995).

С диалектологией, этнографией, этнолингвистикой и социологией тесно соприкасается изучение территориальной (региональной) идентичности населения, иногда выраженной в региональном самоназвании населения (Кувенева, Манаков 2003). Данное направление исследований развивается в первую очередь в ***культурной географии***. Ярким примером здесь может выступать изучение нами географии распространения регионального названия *скобарь* на территории Псковской области. Проведенное исследование подтверждает первоначальную привязку названия *скобарь* к территории бывшей Псковской губернии. В северной части Псковской области, ранее входившей в состав Санкт-Петербургской губернии, использование слова *скобарь* в качестве самоназвания

было фактически исключено. Для населения, проживающего к югу от границ Псковской губернии (южнее линии Опочка – Великие Луки), использовались названия *кацапы* и *полякú.*

В первой половине XX в. из-за постоянных изменений в административном делении ареал использования самоназвания *скобарь* стал размываться. Формально в 1944 г., и в последующем в 1957 г., с образованием Псковской области и приобретением ею современных границ, обозначились новые административные «зацепки» для применения этого регионального названия. Постепенно слово *скобарь* стало распространяться по всей территории Псковской области, выходя даже за культурные рубежи, ранее определенные губернскими границами. Так губернская идентичность постепенно стала сменяться современной региональной идентичностью в современных границах Псковской области (Кувенева, Манаков 2003).

Достижения лингвогеографии, в особенности, карты диалектного членения русского языка, используются в ***этнокультурной географии*** при осуществлении историко-культурного (Манаков 2012), культурно-ландшафтного (Манаков, Андреев 2011) и интегрального культурно-географического районирования. В концепции *геокультурного пространства* (ГКП) лингвистический слой является одним из наиболее важных слоев ГКП (Манаков 2012).

Второе междисциплинарное поле исследований на стыке языкознания и географии – ***топонимика***. Поскольку географические названия являются частью словарного состава языка, подчиненной определенным языковым закономерностям, топонимика считается направлением ***ономастики***. Однако, в силу того, что эти названия являются «языком» географии и всегда относятся к конкретной территории, топонимика является также одним из направлений географической науки.

Географические названия весьма устойчивы, сохраняются в течение длительного времени, становясь своеобразными историческими памятниками, поэтому топонимика в известной мере принадлежит и *исторической науке.* Роль топонимов в исторической науке можно сравнить с

ролью остатков материальной культуры. Топонимика тесно связана со специальной исторической дисциплиной – *этнографией*. Она служит для этнографа одним из источников познания народа – изучает весь комплекс материальной и духовной культуры народов (Лебедева 1960). Пограничное положение топонимики на стыке географии, языкознания и истории определяет большие возможности по осуществлению самых широких междисциплинарных связей в процессе использования топонимического материала.

Многие названия возникли в глубокой древности и принадлежат уже давно исчезнувшим языкам. Подобные названия нередко оказываются единственным источником, сообщающим какую-то информацию об этих языках. Топонимические методы широко используются в *археологических* исследованиях. Так, в ряде работ В.В. Седова (1974, 2002) топонимия сопоставляется с ареалами распространения археологических культур. Географические названия нередко позволяют оконтурить ареалы расселения в прошлом отдельных народов и этнических групп.

Например, при изучении неславянской гидронимии Псковской области нами было выделено три гидронимических пласта (Манаков, Ветров 2008), имеющих разную концентрацию в разных частях региона. Первый пласт – это гидронимия *древнего индоевропейского* происхождения, имеющая аналогии в балтийских, фракийских и иллирийских землях. Весьма вероятно, что носителями древнейшей индоевропейской гидронимии были племена, относимые археологами к культуре боевых топоров и шнуровой керамики. Данная археологическая культура распространилась к рубежу III–II тыс. до н. э. на значительные пространства Восточно-Европейской равнины, достигнув на севере Ладожского и Онежского озер, и включив даже южное побережье Финляндии. Эту культуру относят к протобалтской, т. е. заложившей основы балтской языковой и культурной общности. Этот пласт представлен единичными гидронимами (иногда имеющих спорное происхождение) в разных частях Псковской области.

Второй пласт – это гидронимия *финно-угорского* происхождения, оставленная в ходе колонизации Прибалтики носителями культур сетчатой или текстильной керамики раннего железного века, начавшими свое движение также на рубеже III–II тыс. до н. э. с востока, из-за Уральских гор. Возможно, с этим движением связаны многочисленные параллели, возникающие в местной гидронимии с языками поволжских и пермских финно-угров. При движении на запад финно-угры смешивались с местным индоевропейским населением, чем можно объяснить многочисленные заимствования прибалтийско-финских народов из индоевропейских языков. С этим связаны сложности в языковой интерпретации многих топонимов на территории Псковской области. Этот пласт гидронимии является господствующим на севере области (немного к северу от г. Пскова), и постепенно его мощность снижается к югу.

Третий пласт – это гидронимия *балтийского* происхождения, проникшая на территорию современной Псковской области с середины I тыс. н. э. преимущественно в ходе славянской колонизации Северо-Запада, в которой также участвовали подхваченные по пути движения славян балтийские племена. Этот же пласт топонимии имеет многочисленные восточнобалтийские (литовские и латышские) параллели. И здесь возникают сложности в языковой интерпретации топонимов по причине близости балтийских и славянских языков. Этот пласт гидронимии является господствующим на юге области, и его мощность снижается к северу.

Географические названия могут быть классифицированы по историческому принципу, по времени их возникновения. Топонимика в историческом разрезе выясняет местонахождение ныне несуществующих поселений, изменения и смену одних названий другими. Таким образом, историческая топонимика является по существу очень важной частью ***исторической географии*** (Историческая география 1960). Одним из направлений исторической географии, очень активно работающей с топонимическим материалом, является ***историческая этническая география*** – стыковое направление с

археологией и этнологией. Топонимия рассматривается как важная составляющая культурного ландшафта и благодаря этому входит в интересы ***культурной географии***.

Важнейшим в топонимике является *этимологический метод*, который помогает восстановить исходный, первичный смысл географических названий. Для этимологических исследований нужно, прежде всего, определить языковую принадлежность географических названий. Многие топонимы за время своего существования подверглись большим или меньшим изменениям по сравнению с их первоначальной формой. Новыми поколениями они уже воспринимаются с новым содержанием и смыслом, ничего общего не имеющими с древними, исходными. Для этимологизации таких названий необходимо реконструировать их первоначальную форму, так как использование современной формы или окажется безрезультатным, или приведет к неправильным выводам (Попов 1965). И в данном случае опять же отметим значимость *картографического метода* в топонимических исследованиях. Он позволяет наглядно показать распространение тех или иных моделей географических названий, географию топонимических формантов, ареалы преобладающих языков в современной топонимии и т. п.

Примерно полвека назад в науке, изучающей славянскую топонимию, была очень популярна «***теория формантов***», активным сторонником которой был топонимист В.А. Никонов (1962, 1964). Лозунгом этого направления топонимики можно считать слова, сказанные тогда этим ученым: «Топонимические суффиксы, массово повторяясь на карте, могут стать своего рода “мечеными атомами”, отмечающими пути миграций: население переносит с собой привычные средства называния» (Никонов 1962: 29). Но у «теории формантов» были также и активные противники, что привело со временем к постепенному затуханию этого научного направления.

Очевидно, что топонимические форманты намного старше самих топонимов, образованных с их помощью. В районах концентрации топоназваний с теми или иными формантами создается специфическая топонимическая

«окраска», которая воспроизводится в новых названиях населенных мест, тем самым продлевая жизнь очень древних топонимических формантов. Не исключено, что формирование топонимической «окраски» территорий происходило одновременно с созданием на них первых славянских поселений. Если это так, то, изучая географию топонимических формантов, можно проследить древнейшие миграции населения, в т. ч. относимые даже к дописьменной эпохе, в изучении которой приоритет принадлежит археологам (Манаков 2007).

Однако даже основоположник «формантного метода» В.А. Никонов (1964) предупреждал об опасностях, которые таит в себе применение данного метода без учета следующих обстоятельств: а) формант не остается неизменным; б) бесплодно рассуждать о форманте, не положив его ареала на карту; в) трудно определить, обладал ли элемент самостоятельным лексическим значением, или был лишь служебным формантом; г) нелегко вычленить формант даже в топонимах родного языка; д) вторичные форманты имеют свою хронологию и свои ареалы; е) формант не всегда принадлежит языку-основе.

Как отмечено выше, «формантный метод» не может развиваться вне географии, а точнее, без использования картографического метода. С другой стороны, интерпретация полученных результатов, а также первичная работа с формантами (их отбор для анализа и этимология) в значительной степени являются задачами языковедов. Только тогда «формантный метод» даст возможность не только открыть «второе дыхание» топонимики, но и позволит по-новому взглянуть на современные достижения в смежных направлениях науки (археологии, этнологии, истории и др.) в целях решения общей исследовательской задачи – поиска ответов на пока что еще широкий круг вопросов, касающихся этногенеза славян.

Таким образом, с одной стороны, языкознание нуждается во взаимосвязи с географией для развитии таких направлений, как *лингвистическая география* (раздел диалектологии) и *топонимика* (раздел ономастики). С другой стороны, в географии востребованы достижения названных

направлений в таких отраслях, как *историческая, этническая и культурная география*.

Литература и источники

1. Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962. 254 с.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: СПбГУ, 1995. 91 с.
3. Иванов В.В. Лингвистическая география // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 268–269.
4. Историческая география. Вопросы географии / Сборник статей. № 50. М.: Мысль, 1960. 268 с.
5. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7 (231). С. 77–84.
6. Лебедева А.И. Значение топонимики для исторической диалектологии // Ученые записки ЛГУ им. А.А. Жданова. Выпуск 52. № 267. Л., 1960. С. 163–184.
7. Манаков А.Г., Андреев А.А. Культурно-ландшафтное районирование Северо-Запада России // Балтийский регион. 2011. № 4 (10). С. 134–144.
8. Манаков А.Г., Ветров С.В. Неславянская топонимия северо-западных районов Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2008. № 6. С. 153–163.
9. Манаков А.Г. Структура геокультурного пространства России: подходы к делимитации // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 22–35.
10. Манаков А.Г. Этногенез славян по данным топонимии (историко-географическое исследование). Псков: ЛОГОС, 2007. 256 с.
11. Никонов В.А. Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М.: Географгиз, 1962. С. 17–33.
12. Никонов В.А. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики / Под ред. В.А. Никонова и О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1964. С. 58–86.
13. Попов А.И. Географические названия: Введение в топонимику. М.; Л.: Наука, 1965. 182 с.
14. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

512 с.
15. Седов В.В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. Сб. 94, 1974. С. 20–33.
16. Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

УДК 811.161

Н.В. Маркова
(Петрозаводск, Россия, markova_nina@mail.ru)

Безличные предложения в частной диалектной системе

В статье рассматриваются разные структурные типы общерусских и собственно диалектных односоставных предложений частной диалектной системы, обращается внимание на семантику конструкций, выражающих преимущественно действие субъекта; указывается на регулярность/нерегулярность употребления безличных по форме предложений разной структуры в говоре. В итоге делается вывод о достаточно устойчивом положении генитивных глагольных предложений и конструкций с предикативными причастиями на *-но,-то* в заонежском диалекте.

Ключевые слова: безличное предложение, частная диалектная система, синтаксические диалектные различия, квазипассивные причастные формы, субъект действия.

N.V. Markova

Impersonal Sentences in a Personal Dialect System

The article considers different structural types of the all-Russian and dialect mononuclear sentences of private dialect system, pays attention to the semantics of constructions, which express mainly a subject’s action; and points to a regular/irregular usage of impersonal sentences of different structure in a dialect. The article concludes that the verbal sentences with genitive subject and sentences with predicative participles *-no, -to* in the Zaonezhsky dialect are regularly used.

Key words: impersonal sentence, personal dialect system, syntactic dialect distinctions, quasi passive participial forms, active subject.

Диалектные различия уровня простого предложения в большинстве своем представлены безличными предикативными конструкциями. Обращение к системе отдельно взятого говора делает возможным определить частоту употребления и особенности функционирования диалектных конструкций, характер их взаимодействия друг с другом и с общерусскими оборотами.

Говор деревни Кузаранда Медвежьегорского района Республики Карелия – один из заповедных говоров Заонежья, славного народным деревянным зодчеством, фольклорными традициями, но оказавшегося за пределами карт Диалектологического атласа русского языка.

В синтаксической системе говора д. Кузаранда безличные конструкции – общерусские и диалектные – занимают заметное место: на их долю приходится около трети всех односоставных глагольных предложений. На особую симпатию к безличным предложениям в пудожском, близком по языку и территории, говоре обратил внимание В.П. Мансикка (Мансикка 1914: 165) еще в XIX в.

В современном говоре представлены все известные литературному языку типы безличных предложений, которые отличаются по употребительности и по возможности «включения» в них отдельных диалектных форм.

Так, однокомпонентные предложения с безличным глаголом или личным глаголом в безличном значении, характеризующие в нашем говоре, как правило, состояние человека, не являются частотными. Субъект состояния может быть выражен разными именными формами, а может быть опущен: *А меня туды и не тянет. У меня вот тут чешется. Как мне хочется в деревню*. *Только на лето домой хотеца.* Иногда распространитель в дат. падеже совмещает в себе значение объекта действия и субъекта состояния, вызванного этим действием: *Защитнику-то плотится, верно, хорошо.*

В функции главного члена безличного предложения свободно используются диалектные личные глаголы: *Может, **прокурилось*** ‘передохнуть’ (СРГК 5: 271)*, может, пропилось, вот, может, **прожилося*** ‘пройти, рассеяться, не пролившись

дождем' (СРГК 5: 260) *вот. В огород каждый день ведь* ***ходится*** 'ходить' (СРГК 6: 727)**.**

Изредка в предложениях этого типа встречаются глаголы в форме давнопрошедшего времени: *В войну-то везде голод был, а тутока хватало, в огородцах* ***было нарастало,*** *не голодовали.* Крайне редкими в диалектной речи оказываются бессубъектные безличные конструкции с возвратным глаголом, характеризующим состояние природы: *Ну пошли мы,* ***смеркнулось****, тут девки с нами, мы тут, парни, идём.*

Интересно, что в середине прошлого века, по наблюдениям Т.Г. Доля (1967: 108), в говорах Заонежья отсутствовали безличные предложения с возвратным глаголом для выражения бессубъектных, природно-временных и атмосферных явлений типа *смеркалось*.

Не отличаются лексическим разнообразием и частотой употребления двукомпонентные предложения с безличным или личным в безличном значении глаголом и инфинитивом, характеризующие состояние человека или его желания: *Дак хочется же сюда приехать. Приходилось мне вот отсюда вот с этой деревни носить воду. Пришлось отмечать (окончание школы). Но захотелось приехать маму проведать. Лесникам ведь, наверное, разрешается волков убивать. Хватит умничать, губы жать* 'рисоваться, стремясь вызвать к себе интерес' (СРГК 2: 40).

Среди предложений этого типа единичны примеры с диалектными формами существительных на *-а* в функции прямого объекта: *Ну вот пришлось* ***машина*** *взять. Пришлось получать* ***справка*****.**

Активно используются в говоре общерусские глагольные конструкции с субъектом в род. падеже: *Тресты наросло. Хватило бы и часу ей посидеть. Да внучат тут наехало.*

Не уступают им по частоте диалектные предложения с безличной формой непереходного глагола, не обладающего семантикой количественного измерения или изменения предмета, и субъектом в род. падеже со значением наличия, существования чего-либо в большом количестве: *Ну машин*

было! Ой, народу было! Так есть ведь всякой, всякой заразы. А таких было сказителей (бывало дак сплошь и рядом).

Значение неопределенного количества также связано с формой род. падежа в собственно диалектных глагольных предложениях: *Пока у меня силы было. В общем, автобусов было. Тогда лошадей было бы. Дак подружек у нас было. Я говорю, что есь детей (ну они теперь взрослые ребята). Туда не стало людей ходить ничего делать.*

Иногда односоставные диалектные и двусоставные общерусские конструкции в речи информанта следуют одно за другим, что позволяет говорить об их семантической близости: *Ну, **волков-то есть**, говорят, **волки-то есть**, даже в деревню иногда приходят.*

Яркие диалектные обороты – непереходный глагол и конкретное существительное в род. падеже, не мотивированное количественной идеей – встречаются очень редко: *Самовара есть. Пустыря как будто будет. Есть у ей гостя такого?* Вопросительная и ирреальная модальность предложений позволяет предположить у имени значение некоторой неопределенности.

Общерусские однокомпонентные конструкции с предикативным наречием, характеризующим состояние человека или природы, не относятся к частотным: *Мне в городе очень тяжело. Очень мне как-то не по себе было. С дровами туго. Так ему стыдно стало. А страшно, боязно. Ну там было хорошо. Мне-ка теперь все равно. Вам не скучно? Уж тёмно стало. А осенью дак темно. В марте уж тепло было.*

Конструкции с предикативами *надо*, *можно* и инфинитивом являются наиболее востребованными: *Жить-то надо людям. Ведь можно какие-то законы выпустить строгие. Очень нам это смотреть невыносимо. Коров надо выгнать. Да скоро умирать надо. Надо девочку ростить, этого учить. Говорить надо спасибо. Надо уважать стареньких и молоденьких. Надо поглядывать в ноги. Чай греть надо, людей угощать надо.* (Села батарея) *а зарядить-то не можно. Поняты́м ведь надо что-то понять. Надо грамотну понятыми брать. А маму надо проведать. Но однако же можно*

работать. Можно бы было работать. Надо с людямы хорошо жить. Модно было калитки стряпать.

Среди них изредка встречаются предложения с диалектной формой прямого объекта существительных на *–а*: *Надо носить* ***вода.*** (*Попробуй жить на двести грамма, ну вот добавляли вот клевер да эту траву*) ***какая*** *можно было есть. Надо* ***печка*** *затопить. Надо Владимир Семёнович Корнишову* ***справка*** *дать. Денег* ***куча*** *надо отдать.*

Конструкции с предикативным наречием *надо*, *видно* и именем в вин.- род. падеже не являются частотными: *Мне такой икры не надо. Воды много надо было дома. Надо было денег.* Используется в этих оборотах и диалектная форма существительных на *-а*: *Надо ведь дисциплина. Не надо мне шоколадка* (Кузьмина 1993: 122).

Основную нагрузку по выражению безличности берут на себя в говоре однокомпонентные конструкции с причастными предикативами. Предложения типа *сказано – сделано* активно используются всеми жителями деревни для выражения состояния как результата совершенного действия.

Характерные для западных средне- и севернорусских говоров предложения с причастиями на *-но,-то*, образованными от переходных глаголов, но выступающие без объекта (Кузьмина 1993: 139–140), частотны в нашем говоре: *А щас* ***рожено*** *(вот второй мальчик, ой девочка рожена). (А придет домой)* ***не сварено, не спечено****, ничего не сделано. Дак вон как* ***отправлено*** *мне, что в суд дело подавайте.* (*Приехали – не на себя, не под себя*) ***опорожнено было*** (*а люди-то все увезли с домов*). (*У меня это есть*) ***занесено*** *в книгу почета в совхозну.* (*И во за перегородкой стоял телевизор*) *выкинуто ли, да наверно,* ***выкинуто****. Три года дак. Да как их всих повалили ‘погубили’, не* ***обучено*** *были.* Ср.: *письмо отправлено; все опорожнено ‘опустошено’; имя занесено: не обучены были.*

Субъект действия и состояния – результата этого действия в предложениях такого типа выражен предложено-падежным сочетанием *у* + род. падеж: *Дак у ей распилено да расколото. У него выучено на трактор до армии еще было. У меня не налажено, не наварено, не напечено (у меня ноги-то болят).*

Причастный предикатив обычно входит в состав сложного предложения, и тогда не названный в причастной конструкции субъект действия восстанавливается по контексту: *Но деньги были у меня свои даны, но* ***скуповато было дано****. Ну раз он пересказывает,* ***значит выучено****.* ***А еще отключено****, в общем, не отвечает.* ***Хоть посажено****, бабка хоть с палкой, а вот посмотрите, огород-то весь посаженный.* ***Да всю жизнь прожито здесь****, и родилась <я> и на пенсию вышла, всё. Будете пить – и последних телят увезу и работать будет негде; ну так тут что?* ***раз не кормлено, два не доено****, и увезли всех.* ***Тут жито****, с одним мужем прожито, но он тоже замерз в пьяном виде.*

Если субъект действия не назван, то обычно он мыслится как неопределенный: *Да в газете было писано. Для чего так сделано? Да везде, даже на кладбище было выкопано. Если уж в армии до такой степени доведено, дак что еще спрашивать тогда. Почему ведь так допущено по телевизору? Тепло, еще не топлено. Везде населёно, тесно и так. В огороде было выпахано. Если сужено, то приду домой.*

Однокомпонентные причастные конструкции в краткой и емкой форме используются для обобщения: *Мечено да не сечено* ‘присмотрели ягодное место, но собрали другие’.

Двукомпонентные общерусские конструкции с причастиями на *-но,-то* и количественным генитивом (Малышева 2014: 121) активно употребляются в говоре: *Набрано денег хорошо. Да было накопано этих щелей-то по полям. Там, может, и еще чего насобирано. Связано кофт. Всего издержано. Навязано и таких безрукавок. Мешков наложено на него (на воз). Налитушек было напечено. Навозу у него было привезено. Картошечки было в печку брошено пекчись. Ну всяких овощей там напродано, капусты, и луку, и морковки, огурцы и всё. Бруснички куплено дак у меня. Дров у меня позапрошлый год куплено было. Луку посажено. У меня набрано муки-то. Уж всяких таблеток пито, пито, а ничто. Не вижено хорошего ницё.*

Спорадически встречаются двукомпонентные конструкции с род. падежом полного объективирования: *Дак*

этого (ковер) у меня в комнату постлано. По-видимому, это явление связано с функционированием в говоре род. падежа прямого объекта (*не могла наладить замка*).

Диалектные двукомпонентные причастные предложения с вин. падежом и предложно-падежным сочетание *по* + дат. падеж объекта единичны: *А вот картошку у Тани посажено. Как грамоту не научено, так можно было обижать. По мешку было дано.*

В речи жителей Кузаранды регулярно встречаются экзотические диалектные конструкции с причастиями от непереходных, в том числе возвратных, глаголов*: На судака было поехано на озере. У них в Толвую уехано. Вот также у меня было привыкнуто. В этом доме уехано. Какой-то год вот тут было упадено. У мамы другой раз замуж выйдено. У меня два раз замуж выйдено. Побегано было, не боялась никого. Смотрю, два волка, уж к этим воротам схожено, два волка стоят на дороге.*

У сына женено̄сь осьминадцатый год уж. Вот и у нас напитось чаю. Двое детей погибло, у обоих было десять годов отученось. Уж не выработанось, все работают. У нас на Перевалке сватья была, ну и мы это вся акапелла забранось, там ночевали.

Как правило, причастия на *-н-*, *-т-* называют активное действие человека или (реже) животного. Однако не всегда причастие называет активное действие: если причастная форма оказывается рядом со спрягаемой глагольной формой, называющей то же действие, что и причастная форма, обнаруживается пассивный признак причастия: *Миша не работал, поехал, было уволенось, уволили его.* В данном случае не ясно, то ли он сам уволился, то ли его уволили.

В подавляющем же большинстве случаев причастные формы непереходных глаголов называют активное действие. Весьма условно такого рода предложения относятся к безличным.

Уникальность заонежского диалекта (Трубинский 1984: 170–186), и в частности, кузарандского говора состоит в сосуществовании двух перфектных конструкций – причастной и

деепричастной. Квазипассивные причастия на *-но, -то*, образуемые преимущественно от глаголов движения, оказываются тожественными по значению с двусоставными диалектными предложениями типа *он уехадши.* По-видимому, под влиянием двусоставного перфекта и двусоставных предложений с глагольным сказуемым однокомпонентные диалектные предложения с причастным предикативом типа *уйдено* стремятся преодолеть свою безличность, в результате чего в говоре становятся употребительными двусоставные предложения типа *он уехано* .

Итак, в частной диалектной системе представлены все типы общерусских безличных предложений, а также собственно диалектные безличные конструкции разной структуры, что указывает на достаточно устойчивое положение диалектных различий в говоре.

Относительно регулярными являются диалектные обороты с причастиями на *-но*, *-то*, главное значение которых – отразить временные отношения. Безличные по форме, диалектные конструкции характеризуют действие активного агенса. Не случайно в наших говорах получают развитие двусоставные предложения, ср.: *Невеста же не очень, не привыкнута. Она приехана*.

Диалектные генитивные глагольные предложения активно используются для выражения существования или движения чего-то в большом или неопределенном количестве. Возможно, с категорией определенности/неопределенности связаны формы род. падежа полного объективирования (*есть у ей гостя?*).

Именно в безличных конструкциях сохраняются архаические формы прямого объекта существительных на *-а* (*надо печка затопить*).

В целом невысокая частотность диалектных предложений свидетельствует об их подчиненности синтаксической системе русского национального языка.

Литература и источники

1. Доля Т.Г. Синтаксис простого предложения в говорах Заонежья Карельской АССР: Дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск: Петр. гос. ун-т, 1967. 359 с.
2. Кузьмина И.Б. Синтаксис русских говоров: лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1993. 224 с.
3. Малышева А.В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. III. Диалектология. М., 2014. С. 120–145.
4. Мансикка В.П. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Известия ОРЯС, кн. 4. Пг., 1914.
5. Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 297 с.
6. Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

УДК 811.161.1'28

Н.А. Мартынова
(Псков, Россия, sitkovskayan@mail.ru)

Адъективная лексика с общим значением ‘быстрый’ / ‘медленный’ в псковских говорах

Статья посвящена изучению адъективных номинаций понятия быстроты на материале псковских говоров. Исследование осуществляется с учетом системных языковых отношений и включением семантико-деривационного аспекта. Показываются особенности восприятия и осмысления носителями диалекта понятия быстроты как ценностной смысловой категории.

Ключевые слова: понятие быстроты, адъективная лексика, псковские говоры

N.A. Martynova

Adjectival Lexis with the General Meaning ‘Quick’ / ‘Slow’ in the Pskov Dialects

The article is devoted to the study of adjectival nominations of the concept ‘quickness’ in the Pskov dialects. The research is carried out with the consideration of the systemic linguistic relations and the inclusion of the

semantic-derivational aspect. The dialect speakers' perception and comprehension of the concept 'quickness' is presented in the article as their axiological category.

Key words: concept 'quickness', adjectival lexis, Pskov dialects

История изучения уникальных псковских говоров имеет давнюю традицию. Большое значение в сохранении псковских говоров, их особенностей имеет «Псковский областной словарь с историческими данными», созданный на основе богатейшей картотеки, материалы которой ежегодно пополняются в результате проведения диалектологических экспедиций и хранятся в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина при Санкт-Петербургском государственном университете. В указанных источниках представлена как общерусская, так и собственно диалектная лексика, бытующая в речи жителей Псковщины, отражающая их жизненный уклад, культуру, мировоззрение и ценности. Б.А. Ларин, которому принадлежала идея создания «Псковского областного словаря с историческими данными», определил значимость псковских говоров «в международном плане», поскольку «народная речь Псковской области <…> отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белорусами» (ПОС 1: 3).

Цель настоящей статьи – показать особенности репрезентации понятия быстроты как одного из универсальных в традиционной культуре и языке на материале современных псковских говоров, а также значимость данного понятия в сознании диалектоносителей и в представлении фрагмента языковой картины мира.

Среди многочисленных возможных репрезентантов, объединенных понятием быстроты, выявляются как слова, разнообразные по частеречной отнесенности: глаголы, наречия, прилагательные, существительные, так и паремии. В работе исследуется адъективная лексика с общим значением 'быстрый' / 'медленный'. Выделенные единицы номинируют признаки различных объектов окружающей действительности,

оцениваемых с позиции скорости. Иными словами, понятию быстроты в исследовании присуща прежде всего скоростная характеристика (ср.: *быстрота* ‘большая скорость, стремительность’ (МАС I: 129), *скорость* ‘степень быстроты движения кого-л., чего-л., распространения чего-л., совершения какого-л. действия, протекания какого-л. процесса’ (МАС IV: 118). В то же время понятие быстроты тесно связано с категорией времени, поскольку скорость как физическая величина есть отношение пройденного пути к соответствующему промежутку времени. Так, в современном русском языке прилагательное *быстрый* имеет одно из значений ‘совершающийся, протекающий, происходящий в короткий промежуток времени’ (БАС РЯ 2: 290). Е.О. Борисова, говоря о медленном движении и связанном с ним временем, отмечает, что «выполнение деятельности с низкой скоростью, является более “наблюдаемым”, поскольку предполагает протяженность во времени» (Борисова 2016: 26). Взаимосвязь понятия быстроты, характеризующего скорость движения в реальном и символическом пространстве, с категорией времени ярко проявляется в следующем примере из псковской диалектной речи: *Как их* [ягоды] *ни ско́ра събира́ть*. Пыт. (*ско́ро* ‘в короткий промежуток времени’) (КПОС). Таким образом, быстрота – сложное понятие, тесно взаимосвязанное с базовыми в языковой картине мира категориями движения и времени.

Ядерной смысловой оппозицией понятия быстроты выступает бинарное противопоставление признаков *быстрый / медленный*. Применительно к действиям человека для обозначения неспешности в действиях, движении употребляется также прилагательное *медлительный* (Борисова 2016). Вокруг каждой из центральных лексем смысловой оппозиции *быстрый / медленный* (*медлительный*) формируется свой ряд признаковых слов со сходной семантикой. Адъективные репрезентанты в псковских говорах выявлены путем сплошного обследования «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки. Сема быстроты (медленности, медлительности) занимает различное положение в иерархии семантических компонентов лексического значения каждого из

слов-прилагательных. Это может быть одно из значений многозначного слова (основное либо производное) или оттенки значений, отражающие «частные, конкретно обусловленные дифференциальные признаки явления (понятия), реализуемые в речи как семантические сдвиги в пределах значения, если при этом сохраняется понятийная общность опорного значения и его преобразования» (ПОС 15: 30). Оттенки значения в исследовании приравниваются к самостоятельному значению. В ходе анализа семантической структуры прилагательных на основе методики компонентного анализа выявлено более 140 адъективных единиц со сходной семантикой, репрезентирующих понятие быстроты. Такая многочисленность сходных по семантике прилагательных свидетельствует об актуальности признака, ими обозначаемого.

Смысловой основой лексико-семантической группы с семантикой ‘быстрый’ / ‘медленный’ является понятие признака, с помощью которого «производится идентификация, сравнение, классификация, оценка познаваемых и изучаемых объектов», который «служит для человека важнейшим инструментом познания и категоризации мира» (Толстая 2002: 8).

Интерес к изучению именно адъективной лексики объясняется тем, что имя прилагательное как определенный класс слов, отражающий непроцессуальные признаки, имеет большое значение в мировосприятии, поскольку окружающая действительность открывается перед человеком в первую очередь в ее самых различных качественных и функциональных характеристиках. Приписывая окружающим предметам и себе какие-либо признаки, человек выражает свое отношение к окружающей действительности и себе, «демонстрирует свое небезразличие к этим свойствам» (Николаева 1983: 236). При этом признак не существует изолированно, а обязательно привязан к какому-либо предмету (предметам): «в прилагательных изображаются признаки, заключенные в природе предметов» (Пешковский 1956: 84). Л.В. Щерба писал: «...Без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного» (Щерба 1957: 70). Только возможность

человека мыслить абстрактно позволяет рассматривать категорию признака отдельно от того или иного предмета. Ю.А. Климова отмечает, что «для понимания особенностей русской языковой картины мира важным является тот факт, что имена прилагательные в русском языке обособились в самостоятельный грамматический класс с уникальной парадигмой грамматических форм, что свидетельствует о высокой значимости для русского человека качественных характеристик окружающего мира, репрезентируемых данной категорией слов. Особое место имен прилагательных в грамматической структуре языка говорит о том, что русский человек активно воспринимает и интерпретирует мир через совокупность признаков его отдельных фрагментов, формируя таким образом его атрибутивный портрет» (Климова 2008: 124).

В результате описанию в исследовании подлежит конструкция *прилагательное* + *существительное*, где функцию стержневого элемента выполняет имя существительное, которое вместе с прилагательным образует номинацию, рожденную как отражение восприятия и осмысления человеком окружающей действительности.

Конструкция *прилагательное* (адъективный репрезентант понятия быстроты) + *существительное* (наименование реалии окружающей действительности) является базовой единицей для исследования адъективных репрезентантов понятия быстроты в синтагматическом аспекте. Данный аспект прежде всего позволяет извлечь информацию об объектах окружающей действительности, определяемых признаками с семантикой ‘быстрый’ / ‘медленный’. Чаще всего носителем признаков с такой семантикой является сам человек, при этом он оценивает не только окружающих его людей, но и себя при выполнении различных сельскохозяйственных, строительных или домашних работ, при занятии рыболовством, рукоделием, собиранием ягод и пр. В гендерном отношении носителями признаков являются как женщины, так и мужчины (в том числе и пожилого возраста), а также дети: *Такой ён* [ребенок] *в нас вярту́цый*. Беж. (*верту́чий* ‘подвижный, шустрый’) (ПОС 3: 99). Поскольку человек является

представителем определенного социума, носителем той или иной традиции, культуры, языка, рассмотрение тематической группы, которую можно обозначить как «Человек, его деятельность, ментальный мир, досуг», заслуживает особого внимания. Так, признак с семантикой ‘быстрый’ в данной тематической группе отражает:

– быстроту в передвижении, ходьбе: *Ма́ма памёрла, была́ крута́я, бы́страя, шы́пка хади́ла.* Нев. (*круто́й* ‘быстрый в передвижении, ходьбе’) (ПОС 16: 255); *Харо́шая дяфчо́нка, мы с ней ф по́ли пасли́сь, лёхкая гара́с, ско́ра куда́ бе́гае*. Остр. (*лёгкий* ‘передвигающийся с большой скоростью, быстрый’) (ПОС 16: 544);

– быстроту движений, физическую сноровку, проворность, расторопность в работе: *Ма́мка у нас крута́я была́, фсё ана́ так бы́стра де́лала, ба́ба была́ ло́фкая.* Беж. (*ло́вкий* ‘обладающий физической сноровкой, точностью и быстротой движений’) (ПОС 17: 138); *Он чилаве́к акру́тный, он пло́ха никогда́ ня зде́лыя*. Стр. (*окру́тный*[2] ‘проявляющий сноровку и умение в каком-нибудь деле’) (ПОС 23: 175);

– быстроту движений частей тела человека: *Мълады́е* [руки] – *вя́ские, ле́пкие, не ле́пкие – кагда́ ста́рым де́лъишся, ани́ ужэ́ ни таки́е.* Пыт.(*ле́пкий*[1] ‘ловкий, быстрый’) (ПОС 16: 601);

– искусность, умелость в каком-нибудь деле, сопряженную с быстрыми, энергичными действиями: *Ва мху всё бо́льшы клю́ква растё, и у биряго́ф сряткá ганабо́ль растё, хто круто́й брать, тот килограмм на двадца́ть набирае́.* Остр. (*круто́й* ‘искусный, умелый в каком-нибудь деле’) (ПОС 16: 255); *В мяне́ ба́ба была́ харо́шая, абаро́тистая, фсё уме́я*. Остр. (*оборо́тистый* ‘имеющий навыки что-н. делать; умелый, ловкий’) (ПОС 22: 311);

– внутреннюю энергию, живость, подвижность, бойкость: *Сли́шком была́ краси́вая де́вацка и бо́драя, шу́страя*. Гд. (*бо́дрый* ‘полный энергии, живости’) (ПОС 2: 72); *Бо́йкий челаве́к и па дела́м идё бы́стра, и па пустяка́м.* Остр.(*бо́йкий*[1] ‘энергичный’) (ПОС 2: 78);

– сообразительность, находчивость, активную мыслительную деятельность человека: *Ну, тот и цилаве́к*

крутýнный и на дéли и языкóм даймё. Палк. (*крутýнный* ‘отличающийся быстротой движений, действий, реакций, быстро и хорошо работающий, мыслящий и говорящий’) (ПОС 16: 257);

– быстроту, торопливость разговора: *Крутóй разгавóр, эта гаварят óчень бы́стра.* Остр. (*крутóй* ‘быстрый, торопливый’) (ПОС 16: 255);

– скорость письма: *Я-то былá кортовáта, писáла я бы́стро.* Дн. (*кортовáтый* ‘совершающий что-то с большой скоростью, быстрый’) (ПОС 15: 285);

– быстроту, стремительность исполнения танца, быстроту темпа музыки: *Я люблю́ крýтенькую* [музыку, пляску], *прык, прык*. Остр. (*крýтенький* ‘исполняющийся в быстром темпе’) (ПОС 16: 243).

Признак с семантикой ‘медленный’ при характеристике человека, его деятельности на основе зафиксированных в словаре и картотеке семантических отношений адъективов отражает:

– отсутствие быстроты в движениях, действиях, отсутствие физической сноровки, проворности, расторопности в работе: *А фчярáсь на пакóси как вош на аннóм мéсьте, ленúвай.* Гд. (*ленúвый* ‘нерасторопный, медлительный’) (ПОС 16: 583); *Нидалýгая ты, и на рабóту такáя, кто крýта ест, тот и на рабóту крутóй*. Н-Рж. (*недолýгий* ‘нерасторопный, медлительный’) (ПОС 21: 93). Последнее высказывание очень интересно в этнолингвистическом плане: считается, что тот, кто быстро ест, быстро и работает, а тот, кто ест медленно, и работает так же; поэтому при найме работника или кухарки усаживали их за стол и наблюдали за тем, как они едят. По русскому поверью, если ребенок ест быстро, то он будет хорошо работать, когда вырастет (Топорков 1999: 177).

– отсутствие быстроты движений частей тела человека: *А в меня́ пальцы́ стáли нелóфкии*. Стр. (*нелóвкий* ‘утративший ловкость, быстроту движений’) (ПОС 21: 147); *Мóжы я ни так назавý, мой язы́к ужé нипрастóрый*. Дн. (*непростóрый* ‘неловкий, малоподвижный’) (ПОС 21: 210);

– речевое поведение: *Атло́гий разгаво́р – э́та растяжно́й, круто́й – э́та гаваря́т о́чень бы́стра, ча́ста*. Остр. (*отло́гий* ‘медленный, протяжный’) (ПОС 24: 123).

Другие тематические группы, в которых для человека оказываются важными признаки с семантикой ‘быстрый’ / ‘медленный’, можно обозначить как «Предметный мир человека», «Природные объекты, явления, восприятие их человеком», «Поведение животных, птиц, насекомых, рыб, змей, интерпретация их поведения человеком».

Кроме того, исследование репрезентантов в синтагматическом аспекте позволяет выявить как индивидуальную сочетаемость признаков, так и общие закономерности в каждой из групп с ядерным прилагательным *быстрый* или *медленный*. Например, сравнительный анализ обнаруживает широкую сочетаемость с наименованиями реалий окружающей действительности прилагательных *быстрый, крутой* и менее широкую прилагательного *горячий*; сходные, но не тождественные синтагматические свойства отдельных лексем, например, *борзый конь ≈ крутой конь ≈ ходкий конь.*

В рамках парадигматического аспекта, помимо исследования антонимической пары *быстрый / медленный* как одной из культурно значимых оппозиций, в связи с множественностью наименований признаков большое значение имеет рассмотрение вопроса диалектной синонимии. Можно выделить следующие типы синонимических отношений, возникающих между адъективными лексемами:

1) однозначные слова, совпадающие в своих значениях (обозначенные и не обозначенные в качестве дублетов), например: *забе́жистый* в значении ‘энергичный, бойкий’ (*Сасе́ди гаваря́т: «Аддыха́й! Бо́льна забе́жыста была́!»* Слан. (ПОС 11: 10) и *забо́ристый* в значении ‘бойкий, энергичный’ (*Ма́лец в ей забо́ристый тако́й, фсё мо́жэ, рабо́тать люби.* Слан. (ПОС 11: 31); *непрово́рливый* в значении ‘то же, что непрово́рый 1. медлительный, непроворный’ (*Если чилаве́к фсё ме́длина де́лает, ска́жут, ниправо́рливый како́й*. Локн. (ПОС 21: 208–209) и *непрово́ротливый* в значении ‘то же, что непрово́рый 1. медлительный, непроворный’ (*Варля́ха, хоть пра же́ншишину,*

хоть пра мушши́ну ска́жут, е́сли ани́ ниправаро́тливые. Локн. (ПОС 21: 209).

2) совпадающие значения или оттенки значений многозначных адъективов, например: *живо́й* во втором значении ‘подвижный, деятельный, работящий’ (*А та ба́ба жыва́я, фсё шаве́лицца*. Нев. (ПОС 10: 223) и *огнево́й* в шестом значении ‘подвижный, деятельный, работящий’ (*Агнёвая, бы́страя на де́ло*. Оп. (ПОС 22: 516); *лени́вый* в первом значении ‘нерасторопный, медлительный’ (*А фчяра́сь на пако́си как вош на анно́м ме́сьте, лени́вай*. Гд. (ПОС 16: 583) и *недолу́гий* в пятом значении ‘нерасторопный, медлительный’ (*Ва́нька здоро́в, но непропы́ра, недолу́гый, е́ле воро́чаецца*. Кун. (ПОС 21: 93).

3) совпадающие значения однозначного слова и значения (оттенков значений) многозначных адъективов, например: *непо́верткий* в значении ‘нерасторопный, медлительный’ (*Нъ рабо́ту ана́ нипо́верткъ*. Гд. (ПОС 21: 187) и *недолу́гий* в пятом значении ‘нерасторопный, медлительный’ (*Ва́нька здоро́в, но непропы́ра, недолу́гый, е́ле воро́чаецца*. Кун. (ПОС 21: 93).

Подобное совпадение лексических значений, относящееся к тому или иному типу, охватывает не все лексемы. В большинстве случаев лексемы объединяются именно в результате сходства значений, на основе выявления близких смысловых компонентов, содержащих семантику быстроты, проворности, живости, энергичности: *мёткий* ‘ловкий, проворный, расторопный’; *мигна́тый* ‘подвижный, живой’, *оборо́метный* ‘обладающий быстротой движения; ловкий’, *огнево́й* ‘подвижный, деятельный, работящий’; *недосту́пный* ‘плохо, медленно двигающийся’, *неживо́й* ‘лишенный живости, вялый’, *неуклю́жий* ‘неловкий, лишенный легкости в движениях’, *ножо́вый* ‘проворный, ловкий’ и др.

Включение семантико-деривационного аспекта в работу (анализ словообразовательных гнезд с вершиной слова *быстрый* и с вершиной слова *медленный,* дериватов, отражающих явления номинации при восприятии человеком окружающей действительности признаков *быстрый* / *медленный* как

производящей базы) позволяет сделать вывод о том, что понятие быстроты имеет достаточно разветвленную систему лексического представления. Это касается образования в диалектной речи отвлеченных и конкретных существительных, наречий, глаголов, диминутивов. Словообразовательные дериваты в диалектной речи, как правило, отражают тот или иной признак в своей внутренней форме.

В данной работе отражены не все особенности репрезентации и осмысления понятия быстроты на диалектном материале (двойственная природа понятия быстроты, рассмотрение адъективов в коннотативном аспекте, отражение понятия быстроты в региональной традиционной культуре и др. рассмотрены нами в других публикациях). В то же время проанализированная множественность наименований признаков, рассмотрение адъективов с учетом системных языковых отношений, значимость в работе семантико-деривационного аспекта свидетельствуют о сложной организации репрезентантов понятия быстроты и актуальности признаков с общим значением ‘быстрый’ / ‘медленный’..

Литература и источники

1. Борисова Е.О. Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: Дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.
2. Климова Ю.А. Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2008. № 69. С. 122–127.
3. Николаева Т.М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М.: Наука, 1983. С. 235–244.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
5. Толстая С.М. Категория признака в символическом языке культуры // Признаковое пространство культуры. М.: Индрик, 2002. С. 7–20.
6. Топорков А.А. Еда // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. II. М.: Международные отношения, 1999. С. 176–178.

7. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957.

УДК 811.161.1’373.21

Г.Д. Неганова
(Кострома, Россия, cultland@yandex.ru)

Ландшафтные термины с архаическими префиксами в костромских говорах

Среди продолжающих бытовать в костромских говорах слов с архаическими префиксами выделяется группа ландшафтной лексики. В статье представлены выявленные термины с приставками *па*- и *су*-. Автор группирует их в соответствии со значениями приставок: 1) ‘то же, подобие или часть’, 2) ‘пространственное значение’, 3) ‘изменение состояния, превышение меры, выход за пределы’, 4) ‘результат действия’. Рассматриваются местные географические термины с редким архаическим суффиксом *ка- (ко-).*

Ключевые слова: архаические префиксы, костромские говоры, ландшафтная лексика, семантика, словообразование.

G.D. Neganova

Landscape Terms with the Archaic Prefixes in the Kostroma Dialects

In the Kostroma dialect, there is a group of words with the archaic prefixes that can be classified as the landscape lexis. The article presents the landscape terms with the prefixes *pa*- and *su*-. The author of the article groups them according to their prefix meanings: 1) ‘the same, similar or a part of something’, 2) ‘spatial meaning’, 3) ‘the change of state, the exceedance of something; out of the limits’, 4) ‘the result of an action’. The article also considers local geographic terms with the rare archaic prefix *ka-(ko-)*.

Key words: archaic prefixes, the Kostroma dialects, landscape lexis, semantics, word formation.

Слова с префиксами, в разное время ставшими малопродуктивными или совершенно непродуктивными формантами, продолжают бытовать в русских говорах и привлекать внимание исследователей. Лексемы с архаическими

приставками фиксируются и в костромских говорах. Так, только в «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской (Ганцовская 2015), представляющем лексику говоров 6 из 24 районов Костромской области, содержится более полусотни таких слов, выборка которых производилась на основе данных этимологических словарей русского языка. Большую их часть составляют лексемы с хорошо известными непродуктивными служебными морфемами *па-, су-*, напр.: *па'-бедник* ‘полдник, перекуска после обеда’ – Парф.; *па-во'ротень* ‘воротник и застёжка на нижней мужской рубашке’ – Буйск.; *павы'ток* ‘кусок хлеба в виде перекуски’ – Чухл. (ср. *выть* ‘промежуток между временем принятия пищи’ – Солиг.); *па-голёнок* ‘самодельный вязаный чулок до колен’ – Парф., Солиг., Чухл. (ср. *го'ленка* ‘голень’ – Парф.); *па'-головки* ‘головастики’ – Буйск.; *па'-земка* ‘земляника’ – Чухл.; *па'-ужин* ‘прием пищи до или после ужина’ – Буйск., Солиг., Чухл.; *па'-ужинки* ‘остатки от ужина’ – Солиг.; *па'-ужна* ‘полдник’ – Парф.; *па'-ужнать* ‘есть вечером, ужинать’ – Кологр.; Солиг., ‘перекусывать между обедом и ужином’ – Парф.; *па'-чесать* ‘чесать лен вторично щетиной или волосяной щеткой’ – Галич., Солиг.; *па'-чеси* ‘отходы льноволокна при вторичном чесании льна, куделя’ – Солиг., Чухл.; *су-ви'й* ‘сугроб’, *су-грёвушка* ‘родной, близкий человек’, *су'-дорожь* ‘дрожь’, *су-кро'й* ‘ломоть хлеба, пирога’, *су-кру'т* ‘брак в пряже в виде торчащих концов нити, перекрутин’ – Галич.; *су-ло'й* ‘настой из овсяной муки или овсяных хлопьев для приготовления киселя’ – Буйск., Чухл., ‘готовый овсяный кисель’ – Буйск., Солиг.; *су-ме'рничать* ‘ужинать’ – Галич., Солиг.; *су'-парень* ‘неженатый парень, не вполне мужчина’, *су-поста'точка* ‘соперница по любовным отношениям’ – Чухл.; *су-по'нь* ‘ремень для стягивания хомута’ – Парфен.; *су-проти'в* (предлог) ‘против, напротив’ – Чухл.; *су'-прядка* ‘собрание девушек для совместного рукоделия, прядения и пр.’ – Буйск.; *су-се'дка* ‘соседка’ – Чухл.; *су-ту'га* ‘проволока’ – Буйск. (Ганцовская 2015: 267, 271, 65, 73, 270, 271, 370, 371, 372) и др. Представлены также и лексемы с редкими архаическими приставками, такими как *ба- (би-, бу-), ка- (ко-, ку-)* и др.;

приведем примеры: *раз-ба-зы'кать* ‘разболтать’ – Чухл. (ср. *зы'кать* ‘кричать’ – Буйск.); *бу-хма'риться* ‘хмуриться, заволакиваться тучами (о небе)’ – Галич.; *бу-хма'рный* ‘пасмурный, облачный’ – Галич.; *ко-жи'литься* ‘тужиться, напрягаться, делать через силу’ – Солиг., ср. у В.И. Даля *жилиться* ‘напрягаться, натуживаться, дуться, стараться изо всех сил’ (Даль I: 542), *за-ко-у'лок* ‘укромное место’; *за-ку-ржа'веть* ‘покрыться инеем’ (Ганцовская 2015: 329, 38, 159, 121) и др.

В Словаре Н.С. Ганцовской в числе слов с архаическими приставками единично встречаются ландшафтные термины: *пато'чина*, *суви'й*, *сугре'в*, *сумёд* и *сумёт* (Ганцовская 2015: 270, 370, 371); в «Материалах для словаря географических терминов на территории Костромской области» В.И. Новичихина (Новичихин 1993: 162–181) представлены две лексемы: *калыва* и *паводень*. Кроме этих слов, как показывают данные картотеки Костромского областного словаря и подготовленного нами, но пока не изданного тематического словаря «Ландшафтная лексика в говорах Костромской области», в костромских говорах бытуют и другие ландшафтные термины с архаическими приставками, и в общем массиве лексики они также репрезентированы небольшой группой. С древними именными славянскими префиксами *су-* и *па-*, малопродуктивными в русских народных говорах, хотя и имеющими большую распространенность по сравнению с литературным языком, выявлено 13 и 9 лексических единиц соответственно. Представим их, сгруппировав в соответствии с установленными значениями приставок; заметим при этом, что исследователи, рассматривая семантику этих приставок, обращали внимание на их неоднозначность: так, например, А.Е. Александрова выделяет 5 структурно-семантических значений у лексем с префиксом *па-* и 6 – с префиксом *су-* (Александрова 2003: 22–54, 123–131), Е.И. Голованова – по 9 значений (Голованова 2013: 92–97).

I. То же, подобие или часть – в соответствии со значением производящего имени.

Па'сынок. Маленькое растущее дерево. *Пасынку ещё расти и расти.* Парфен. (Парфеньево).

Патя'пник. Мелкий низкорослый кустарник. *Да чего туда ходить, там один патяпник.* Остров. (Новоселки). Ср. рязанское *тяпник* ‘хворост, кустарник, мелкий лесок’ (Даль IV: 456).)

Су'болоть и ***су'болодь.*** 1. Край болота. *В суболоти клюкву собирали.* Кологр. (Екимцево). 2. Высокое место на болоте. *Вот на суболоть выйдем, дак и отдохнём.* Шар. (Одоевское). 3. Низкое сырое место. Вох. 4. Болото, поросшее лесом. *В наших лесах есть суболодь.* Поназыр. (Якшанга).

Су'борь. 1. Густой лес. *В суборь мы одни боялись ходить, можно сразу потеряться.* Шар. (Троицкое). 2. Молодой лес. *На суборе ноньце веть пожар был.* Шар. (Одоевское).

Сугли'на. Глина. Кад. (Екатеринкино).

Сугли'нок. Глина; неплодородная глинистая почва. *Когда начали обрабатывать наш участок, ведь сплошной суглинок был.* Галич. | Почва с примесью глины. *В суглинке-то картофель хорошо растёт.* Костром. (Яковлевское). *Суглинок-то у нас за рекой.* Меж. (Петровка). *На суглинке-то никогда и не сеяли.* Остров. (Клеванцово). *На старом огороде один суглинок был.* Шар. (Якшанга).

Суго'рок. Гора, холм. *На сугорках земляника чаще встречается.* Буйск. (Большой Дор).

Су'песок. Песок с мелкими камешками. *У нас много супеска у Давыдова.* Мантур. (Давыдово).

Супесча'ник. Песчаная почва. *У берега реки один супесчаник.* Костром. (Яковлевское).

Су'песь. 1. Почва с примесью песка. *Картошка-то лучше на супеси растёт.* Парфен. (Паново). 2. Подзолистая почва. *На краю поля там только супесь-то, остальное всё чернозём.* Вох. (Вохма).

II. Пространственное значение – в соответствии со значением производящего имени.

Па'волок. Поёмный луг. *Паволок был рядышком…* Мантур. (Знаменка).

Паско'тина. Пастбище, выгон вблизи селения. *Коров нужно гнать сначала в паскотину, сказал пастух.* Вох. (Вохма). *Пойдём в паскотину.* Вох. (Мухино). *Коровы в паскотине сегодня пасутся.* Павин. (Павино). *Паскотина находится в низовье реки.* Поназыр. (Новый).

III. Изменение состояния, превышение меры, выход за пределы – в соответствии со значением производящего имени.

Па'водень. Подъём воды. *В это лето дождей много, дак паводень не один раз бывал.* Мантур. (Знаменка). *Каждый год весной здесь бывает паводень.* Остров. (Селиваниха). *Скоро паводень начнётся.* Шар. (Корегино).

Па'водок. Половодье. *В этом году паводок уж больно большой.* Кологр. (Варзенга). *С приходом весны наступает паводок у реки.* Кад. (Курдюм).

Па'водье. Половодье. *В этом году паводье большое.* Мантур. (Леонтьево).

IV. Результат действия – в соответствии со значением производящего глагола.

Пало'ма. Лес, поваленный бурей. *Какая палома…* Кологр.

Па'точина. 1. Трясина, низина, болотистое место. *Из паточины речка взялась.* Мантур. (Шулево). 2. Непроходимая грязь. *После дождя на дороге в деревню образовалась страшная паточина.* Буйск. (Большое Заломаево).

Суви'й. Сугроб. *У нас говорят сувий – сугроб.* Солиг. (Зашугомье).

Сугре'в. Сторона холма, небольшой возвышенности, горки, прогреваемая солнцем. *На сугреве поспело много земляники.* Судисл. (Раслово).

Сумё'д и ***сумёт.*** Сугроб. *Прыгали детки с крыши прямо в сумёд.* Антроп. (Просек). *В деревне жили, так всю зиму по сумёдам лазали, и не болели. А теперь все чахлые.* Галич. *Сумёды-то за ночь какие намело.* Чухл. (Торманово). *Сумётов-то намело, хоть весь день расчищай.* Костром. (Сущево). *Ребятишки-то по сумётам бегали, все вымочились.* Мантур. (Ледина). *Раньшо сумёты огромныё были, выдешь – и не видать ницаво.* Пыщуг. (Боровской). *Снегу-то намело – сумёты выше забору.* Сусанин. (Медведки).

Возникающие в работе по инвентаризации терминов затруднения связаны в первую очередь с тем, что редкие архаические приставки в слове не дифференцируются с синхронной точки зрения. Так, в частности, по М. Фасмеру, омонимы *сузём* ‘чернозем с небольшой примесью песка’ и *сузём* ‘глухой, дремучий лес’ имеют разную этимологию, соответственно и разные способы словообразования: первое слово – «из *су*- и *зем*- (см. земля́)», второе – «заимств. из фин. *systä* ‘лесная глушь’» (Фасмер III: 797). У разных авторов встречаются противоречивые взгляды на этимологию слова. Например, слово калу′жа ‘раскисшая земля’, ‘грязь’, ‘лужа’ М. Фасмер выводит «из приставки на *ка*- и luža», считая, что «менее вероятна принадлежность к *кал*» (Фасмер II: 170); в ЭССЯ, напротив, это слово представлено как суффиксальное производное от ст.-сл. *калъ* ‘грязь, тина’ (ЭССЯ 9: 126).

Сложность вызывает и выявление лексем с такими реликтовыми элементами, как приставки *ба- (би-, бу-), ка- (ко-, ку-), ма- (мо-, му-), ха- (хо-, ху-), ча- (че-, чи-, чу-), ша- (ше-, ши-, шу-)*, правда, по мнению И.П. Петлевой, инвентаризация облегчается их немногочисленностью, однако при этом исследователь указывает на необходимость учитывать то, что «во многих случаях архаические префиксы сейчас не начинают слово, так как “прикрыты” стоящими впереди широкоупотребительными, продуктивными префиксами *за-, на-, от-, рас-* и другими…» (Петлева 1996: 31). В костромских говорах бытуют три ландшафтных термина – *калы'ва, калы'вина* и *колыва'чина*, не представленные в СРНГ. Можно полагать, что это конструкции с корнем *лыв*-, в составе которых наличествует редкий архаический префикс *ка-(ко-)*.

В различных говорах Костромской области слово *калыва* является названием различных реалий: в Солиг. (северо-запад Костромской области) употребляется со значением ‘лужа’; в Вох. (северо-восток региона) – ‘сырое место около реки’ (признак ‘около реки’ имеет узколокальный характер и отражает особенности местного ландшафта). Термин *колывачина* ‘топкое, не просыхающее даже в жару место на лесной дороге в низине’ бытует в Пыщуг. (север междуречья Унжи и Ветлуги): *Вот*

колывачину пройдём, и дорога вверьх подёт… Пыщуг. (Бобылица). В Парф., по данным А.В. Кострова, слова *калыва* и *калывина* употребляются со значением ‘большая непросыхающая лужа’ (Костров 2015: 115), а «лужа вообще» – *лывина* (Костров 2015: 140). Как заметил В.Л. Васильев, рассматривая народные географические термины, в частности лексемы от корня **leg*, «семемы, различающиеся несущественными признаками, нет смысла дифференцировать ареально… поскольку они отражают не столько различия в лексико-семантической системе отдельных говоров, сколько частные особенности тельмографических реалий в зависимости от местного ландшафта» (Васильев 2001: 191–192). Исходя из этого замечаем: в семантике рассматриваемых слов актуализируются такие значения, как ‘лужа’ и ‘сырое место’, ‘топкое место’, ‘низкое, сырое место в лесу’. Эти значения соотносятся с семантикой лексемы *лыва* ‘зыбкое, топкое место в болоте; лужа после дождя; густой лес на болотистой почве’, имеющей прибалтийско-финские происхождение – *liiva* ‘ил, тина’ (Фасмер II: 538). В костромских говорах это слово имеет разветвленную семантику и употребляется для обозначения, по данным нашего словаря ландшафтной лексики, таких реалий, как ‘лужа’ – Антроп., Кад., Кологр., Красносел., Макар., Мантур., Меж., Нейск., Остров., Парфен., Поназыр., Шар.; ‘небольшое сухое болото’ – Октябр.; ‘заболоченный луг в пойме реки’ – Чухл.; ‘низменное, сырое место на сенокосных угодьях’ – Вох.; ‘яма на заливном лугу, наполняемая водой во время разлива реки’ – Судисл.; ‘озерко в лесу’ – Павин.; ‘большое скопление воды в лесу, оставшееся после разлива реки’ – Шар.; ‘озерный ил’ – Галич.; ‘не замерзающая зимой часть реки’ – Парфен. Соотносятся они и с семантикой лексемы *лывина*: ‘лужа’– Октябр., Пыщуг., ‘низкое место, заливаемое водой’ – Макар., Сусанин.; ‘лес, растущий по сырому месту’ – Костром.; ‘лес, растущий по болоту’ – Буйск. Зафиксированы слова с этим же корнем: *лыва'чина* ‘неглубокая яма на дороге, заполненная водой’ – Пыщуг., *бацелы'вина* ‘большая грязная лужа’ – Меж.

Ландшафтная лексика, по сравнению с другими пластами, наименее подвержена изменениям, поскольку

представляет необходимые, жизненно важные для человека слова. Как видим, народные названия природно-географических реалий продолжают сохранять архаические формы, редко встречающиеся или вовсе отсутствующие в литературном языке. Инвентаризация местных ландшафтных терминов с редкими архаическими префиксами расширяет границы их исследования. Как замечает Л.П. Михайлова, «учет реликтовых элементов в структуре слова при этимологическом анализе выводит исследователя на широкий сопоставительный фон славянской и неславянской лексики…» (Михайлова 2003: 318).

Сокращенные названия районов Костромской области

Антроп. – Антроповский
Буйск. – Буйский
Вох. – Вохомский
Галич. – Галичский
Кад. – Кадыйский
Кологр. – Кологривский
Костром. – Костромской
Красносел. – Красносельский
Макар. – Макарьевский
Мантур. – Мантуровский
Меж. – Межевской
Нейск. – Нейский
Октябр. – Октябрьский
Остров. – Островский
Павин. – Павинский
Парф. – Парфеньевский
Поназыр. – Поназыревский
Пыщуг. – Пыщугский
Солиг. – Солигаличский
Судисл. – Судиславский
Сусанин. – Сусанинский
Чухл. – Чухломский
Шар. – Шарьинский

Литература и источники

1. Александрова А.Е. Структурно-семантические особенности лексем с малопродуктивными архаичными именными приставками *па-*, *пра-*, *су-* в русском языке: Дис. … канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2003. 249 с.
2. Васильев В.Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород: НовГУ, 2001. 255 с.
3. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. XXXI, 512 с.

4. Голованова Е.И. Архаические префиксы с точки зрения моделирования знания в естественном языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 90–99.
5. Костров А.В. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии / сост. Костров. – Кострома : Ф-ка сувениров, 2015. 308 с.
6. Михайлова Л.П. Этимологизация региональной лексики (словообразовательный аспект) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003» / редкол.: Т.Г. Иванова (отв. ред.) и др. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2003. С. 316–318.
7. Новичихин В. И. Материалы для словаря географических терминов на территории Костромской области // Географическая терминология в говорах Костромской области: Дис. … канд. филол. наук: МГПУ им. В.И. Ленина, 1993. С. 162–181 с.
8. Петлева И.П. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования: материалы I–II науч. совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Вып. 6. Екатеринбург: УрГУ, 1996. С. 31–38.

УДК 811.161.1

О.В. Никифорова
(Арзамас, Россия, e-mail: snegaovnik@rambler.ru)

Репрезентация этнокультурной семантики обрядового слова в Диалектном словаре Нижегородской области

Выявляется корпус лексических обрядовых единиц в Диалектном словаре Нижегородской области. Материалы показывают, что не столько лингвистические характеристики, сколько культурно значимое содержание лексем представляет региональную специфику языкового сознания жителей Нижегородского края в прошлом. Этнолингвистическое описание лексики, извлеченной методом сплошной выборки из словаря, позволяет осуществить культурно-

историческую интерпретацию фрагментов картины мира диалектоносителей.

Ключевые слова: Диалектный словарь Нижегородской области, нижегородские говоры, обрядовая лексика и фразеология.

O.V. Nikiforova

Representation of Ethnic and Cultural Semantics of the Ritual Word in the Dialect Dictionary of the Nizhny Novgorod Region

The corpus of lexical ritual units in the Dialect Dictionary of the Nizhny Novgorod region is identified. The data show that, in the past, not the linguistic characteristics of the lexical items as much as the culturally significant content, presents the regional specific feature of the linguistic consciousness of the Nizhny Novgorod region residents. Ethnic and linguistic description of the lexis, which was elicited from the dictionary with the continuous sampling method, allows to interprete the fragments of the dialect speakers' world image.

Key words: the Dialect Dictionary of the Nizhny Novgorod region, the Nizhny Novgorod dialects, ritual lexis and phraseology.

Современные русские говоры, обнаруживая следы влияния литературного языка, демонстрируют самобытность, яркость, оригинальность, «дух народности» (И.И. Срезневский). Связь истории, культуры, особенностей мировосприятия русского человека, условий существования индивида и языка особенно наглядно проявляется в лексико-семантической системе говоров, которая отражает все актуальные для диалектоносителя представления об окружающем мире. Диалектные слова, аккумулируя социально-историческую информацию, эмоционально-экспрессивную оценку, сведения национального характера, являются носителями важной для говорящих на данном языке информации. Слово, в частности диалектное, отражает различные стороны человеческой жизни и деятельности, становится универсальной единицей народной памяти, содержит знания об отношениях людей, разнообразных видах их взаимодействия, о том, чем наполнена жизнь как отдельного индивида, так и нации в целом. Согласно А.Д. Шмелеву, «… овладевая языком и, в частности, значением

слов, носитель языка одновременно привыкает к ним, и будучи свойственными (или хотя бы привычными всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком)» (Шмелев 2002: 296).

Важной составляющей духовной культуры являются обряды, представленные для лингвиста в виде этнокультурных текстов, обладающих особым языком. Существующие в народе обряды сохраняют огромный пласт слов, в которых отражаются архиепические представления человека об окружающем мире. «В процессе обрядовой деятельности люди закрепляют за культовыми предметами, манипуляциями, обозначенными словом, определенный смысл, а представленное ими как репрезентатор мира обрядовое слово является хранилищем древней культуры и истории народа» (Банкова 2001: 235). Особенности отражения сакральных характеристик в русском языковом сознании выявляются при анализе диалектной обрядовой лексики, которая «является неотъемлемой частью плана выражения духовной культуры, причем частью, непосредственно связанной с содержанием; … служит семантическим стержнем, организующим обрядовые и мифологические формы народной культуры» (Толстые 1983: 130). Обрядовая лексика манифестирует культурно значимые реалии, обрядовые действия, персоналии, являющиеся в основе своей диалектными, поскольку традиционная культура всегда бытовала как диалектная, прежде всего территориально-диалектная (Толстые 1978: 366). Памятниками духовной и материальной культуры являются диалектные словари, в которых отражен огромный объем этнокультурной информации, включающий в себя разные стороны жизни диалектоносителей. Цель любого диалектного словаря – отражение народной речи во всем ее многообразии, а именно номинация реалий окружающей природы, народного быта, отвлеченных понятий, отражающих морально-этические нормы, мировоззрение, духовную жизнь носителей говоров. Этнолингвистический анализ диалектного слова сопровождается, прежде всего, выявлением культурно-исторической информации, содержание которой проявляется в словарном контексте за счет учета

компонентов, отражающих этнолингвистическую специфику диалектного слова, в частности в диалектной единице рассматриваются функции обрядовости, определенной знаковости (Лиханова 2008: 86).

В 2013 году в Нижнем Новгороде вышел Диалектный словарь Нижегородской области (ДСНО), в котором представлена диалектная лексика и фразеология русских говоров Нижегородского края. Это первый опыт составления словаря такого типа, охватывающего лексику, бытующую или бытовавшую на территории Нижегородской области. Диалектная лексика отражает многовековую историю славянского населения Нижегородского края и его связи с исконным финно-угорским и тюркским населением. Основу языкового материала данного словаря составили несколько картотек Лаборатории лексикографических исследований имени В.И. Даля ННГУ им. Н.И. Лобачевского: Основная (с материалами, собранными как в специальных словарных экспедициях, так и в диалектологических экспедициях студентов в 50–80-е годы XX в.), Дополнительная (с материалами, собранными с 90-х годов XX в.), Картотека диалектизмов, зафиксированных в произведениях писателей-нижегородцев, Картотека недиалектной лексики (общерусские, разговорные, просторечные слова). ДСНО содержит информацию о предметах быта нижегородского крестьянина, характере межличностных отношений, особенностях ведения хозяйства, о занятиях и интересах, об отношении к природе, а также особенности диалектной лексики и фразеологии, связанные с традиционной семейной обрядовостью.

Чтобы обрядовые лексемы и фраземы не потерялись в словнике, составители словаря снабдили их специальными пометами, например свад.: *благословля́ть под вене́ц*, фраз. Свад. Часть свадебного обряда до венчания. (ДСНО I: 129); *блинки́.* Свад. 1. Гулянье в доме родителей жениха, на котором едят блины, испеченные его матерью для невесты сына, 2. Второй день свадьбы. (ДСНО I: 132); *весёлое у́тро.* Свад. Утро на второй день после свадьбы. (ДСНО II: 72)

ДСНО содержит лексемы, которые, не маркируясь особыми пометами, отличаются описательным характером словарных дефиниций и передают этнокультурную информацию:
баби́шник 1. Сбор на посиделки у молодой жены, в котором участвовали только замужние женщины. 2. Вечер, который устраивала женщина после семи недель замужества. (ДСНО I: 45); *восьмёрка* 1. Вид праздничной выпечки, печенья в форме цифры 8, часто давались колядующим. 2. Вид покрытия крыши маленькими тоненькими дощечками. 3. Строчевыш. Вид рисунка, состоящего из цветов с восемью лепестками. (ДСНО II: 135); *вы́ставка* Свадебное массовое гуляние для жителей одного или нескольких сел. (ДСНО II: 179). Ценность иллюстраций, которые используются при толковании отдельных лексем и фразем, состоит в том, что «во многих из них отражается присущее носителям диалекта своеобразное видение мира» (Борисова 2014: 17).

Значимость обрядов жизненного цикла в данной культурной языковой среде на лексико-фразеологическом уровне проявляется в наличии большого круга единиц, описывающих участников и элементы свадебного обряда. В ДСНО фиксируется большое количество наименований персонажей свадебного обряда: *безда́нница* Невеста, не имеющая приданого. (ДСНО I: 96); *библя́тки* Законновенчанные. (ДСНО I: 124); *боя́рин* Свад. Участник свадебного обряда, а также ряженые на свадьбе и на Святках. (ДСНО I: 166).

Для наименования этапов свадебного обряда используются следующие лексические единицы: *большо́й стол* Первый день свадьбы, когда гости одаривают молодых. (ДСНО I: 152); *большо́й сго́вор* Вечер у невесты, когда обговаривается свадьба. (ДСНО I: 152); *боя́ры* Свад. Собрание молодежи в доме жениха накануне свадьбы. (ДСНО I: 166).

Диалектоносители репрезентируют при номинации явлений те их признаки, которые, с точки зрения диалектологического сообщества, имеют практическую значимость в повседневной жизни и хозяйственной

деятельности: *бездáнница* Невеста, не имеющая приданного. (ДСНО I: 96); *великодённый* Относящийся к Пасхе, великому дню. (ДСНО II: 61); *всепрощённый день* Прощеное воскресенье; последний день масленицы, когда все люди просят друг у друга прощения. (ДСНО II: 143).

В процессе номинации диалектоносители используют метафорические модели для постижения, представления и оценки действительности, что свидетельствует о наглядно-обрядовом восприятии явлений действительности: *выдавáть в óмут* Силой выдавать замуж. (ДСНО II: 159); *венчáться со слáвой* Об особо торжественном и дорогом церковном обряде. (ДСНО II: 62).

При этом используются разные типы метафорических моделей:

– пространственный код (*áрка* Свад. Комната для молодых. (ДСНО I: 37));

– темпоральный код (*вéчер* 1. Собрание родственников и друзей по случаю приезда или отъезда кого-либо. 2. Предсвадебная вечеринка. 3. То же, что вечёрка. (ДСНО II: 78); *вечерúнка* 1. Свад. То же, что вéчер. 2. То же, что вечёрка. (ДСНО II: 78));

– зооморфный код (*бобры́* Неженатые молодые люди. (ДСНО I: 136));

– фитоморфный код (*вéрбушки (вербýшка)* 1. Деревянистое растение; род семейства ивовые; верба. 2. Прутья ивы (вербы). 3. Ласк. Веточки вербы, освященные в церкви в Вербное воскресенье. (ДСНО II: 63)).

Таким образом, метафорическая номинация выступает общим представлением о мире, познавательным механизмом картины мира этноса.

ДСНО содержит наименования родильно-крестильного обряда: *бáбьи кáши* Праздник повивальных бабок. (ДСНО I: 45); *бáбины* Праздник повивальных бабок (ДСНО I: 45); *бáбкин зуб* Ржаной пирог; подается в конце обеда в честь обряда крещения (ДСНО I: 48); *бáбничать* Принимать роды (ДСНО I: 48).

В словаре встречаются наименования погребально-поминального обряда: *вопúльщица* Устар. Женщина, которая

нанимается плакать и причитать на похоронах (ДСНО II: 122); *встречная ми́лостинка* Обряд. Обычай давать перед похоронами первому встречному милостыню. (ДСНО II: 146); *вы́лья* Женщина, специально приглашаемая на похороны, чтобы плакать по умершему (ДСНО II: 168).

Одним из фрагментов описания региональной лингвокультуры, по данным исследуемого словаря, стала лексика, характеризующая игры: *ба́рыню гоня́ть* О молодежной игре на посиделках: парень вызывает девушку в коридор для поцелуев, а она не должна отказываться (ДСНО I: 77); *ба́ба се́яла горо́х* Название детской игры: мальчики и девочки встают в круг, поют и выполняют действия, упоминаемые в песне (ДСНО I: 43); *балин баба́* Детская игра, напоминает игру «Стенка на стенку». Две команды встают друг на против друга, участники берутся за руки, получаются две «стенки». Вызывается по одному человеку, его задача – разорвать «цепь» из участников другой команды. Противоположная команда старается этого не допустить (ДСНО I: 64).

Этнокультурное прочтение лексикографических источников представляется актуальным, поскольку языковой материал позволяет наиболее полно исследовать жизнь народа, проживающего на определенной территории. Диалектный словарь является источником изучения материальной и духовной культуры народа, позволяя современному языковому сознанию заглянуть в историю, региональную картину мира, ментальность региональной личности. Так, большим грехом считались внебрачные дети, рождение ребенка вне брака признавалось грубым нарушением нравственности и осуждалось в крестьянском коллективе. Корпус лексических единиц с семантикой незаконнорожденности широко представлен в ДСНО: *байстрю́к (ба́стрик)* (ДСНО I: 53), *быстрёнок* (ДСНО II: 35), *беззако́нник* (ДСНО I: 97), *выблюдок* (ДСНО II: 153).

Иллюстративный контекст фиксирует не только факт существования того или иного явления, например праздника, в крестьянской культуре и в сознании диалектоносителя, но и действия как сакрального, так и профанного характера, производимые во время праздника, различные предписания и

наказания в случае нарушения последних: *введеньевское* Церковный праздник: ведение во храм Пресвятой Богородицы «*У нас главный то праздник Введеньёвско было. Введеньёвско – Введение Христово, по зиме в церковь ходили, потом пировали. Введеньёвско – престольный праздник в Шестове.*» (ДСНО II: 58).

Ряд наименований дней памятных святых представляет собой своеобразные наименования, порожденные христианско-языческим синкретизмом:
Акули́на-дику́шница По старинным поверьям, покровительница земледельцев, сеющих гречку, или дикушку. День Акулины-дикушницы, 13 июня по старому стилю, считался последним днем сева яровых (ДСНО I: 27).

Особое внимание в ДСНО заслуживает пласт общерусских единиц, приобретающих в обряде символическое значение. К таковым в нижегородских говорах можно отнести наименования отдельных обрядовых действий: *вы́катать* 1. Выгладить белье при помощи рубца и катка (валька). 2. Выиграть яйцо во время катания яиц – игры, проводившейся во время больших церковных праздников (на Пасху, на Троицу и т.д.) (ДСНО II: 164); *вскрыва́ть* Свад. 1. Поздравлять молодых на свадьбе. 2. Поднять фату с лица невесты, вернувшейся с венчания. (ДСНО II: 143).

Таким образом, ДСНО является богатым источником сведений о материальной и духовной культуре жителей региона. Диалектный материал, как известно, представляет собой сосредоточение большого количества архаических элементов, наилучшим образом отражающих особенности традиционной культуры русского народа, его сознания и самосознания. В связи с этим, а также с учетом современного состояния русских народных говоров, характеризующихся постепенным размыванием, утратой многих архаических элементов, исследования диалектного языка (особенно в его локальных разновидностях) как источника сведений о конденсации в языке культурного опыта народа приобретают на сегодняшний день особую значимость. ДСНО дает полное представление обо всех сторонах жизнедеятельности носителей говоров. Диалектный

словарь становится главным источником изучения диалектной культуры, способствует постижению культурных контекстов диалектного слова, а следовательно, и диалектной культуры отдельного региона.

Сокращения

ДСНО – Диалектный словарь Нижегородской области. Вып. 1–2. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013–2014.

Литература и источники

1. Банкова Т.Б. Обрядовое слово в лингвокультурологическом словаре // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы I-ой Международной научно-практической конференции «Преподавание иностранного языка в поликультурном образовательном пространстве». 28–29 мая 2001 г. Томск: Томский политехнический университет, 2001. С. 235–238.
2. Борисова О.Г. Прецендентные тексты в иллюстрированной зоне регионального словаря (на материале полисистемного Словаря кубанских говоров) // Севернорусские говоры. Вып. 13. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 17–40.
3. Лиханова Н.А. Диалектные словари как этнолингвистический источник // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 10. С. 85–89**.**
4. Толстой Н.И., Толстая С.М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры: Лингво-этнографический аспект // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 364–385.
5. Толстой Н.И., Толстая С.М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 3–21.
6. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 490 с.

УДК 811.161.1’373.611

А.В. Петров
(Симферополь, Россия, liza_nada@mail.ru)

Тавтологические сочетания с образными значениями в словаре В. Даля

В статье проанализированы образные тавтологические сочетания, построенные по модели «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.», которые представлены в иллюстративной части «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля. В качестве иллюстраций лексикограф использует речения фразового характера, создаваемые на основе собственного опыта и языкового вкуса. В границах фраз прослеживается логическая структура бессоюзного сравнения, включающая предмет сравнения, образ сравнения, равный тавтологическому сочетанию, и основание сравнения. В исследовании раскрывается лексическая наполняемость компонентов логической структуры сравнения.

Ключевые слова: иллюстративный материал Словаря В. Даля, тавтологические сочетания модели «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.», экспрессивность модели, логическая структура сравнения.

A.V. Petrov

Tautological Combinations with Current Values in the Dictionary of V. Dal

The article analyses the figurative tautological combinations based on the model «noun in the Nominative case + noun in the Ablative case», which are presented in “The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V. Dal (the part with the illustrative examples). For the examples, the lexicographer uses set phrases based on his own experience and language taste. At the end of the phrases, there is a logical structure of an asyndetic comparison, including the subject of comparison, the image of comparison equal to the tautological combination, and the basis for comparison. The research reveals the lexical meaning of the components of the comparison structure.

Key words: illustrative examples of the Dictionary of V. Dal, tautological combinations based on the model «noun in the Nominative case

+ noun in the Ablative case», the model expressiveness, the comparison structure.

Тавтологические сочетания – это соединения с сочинительной и подчинительной связью, которые имеют общий корень во всех знаменательных компонентах. А.Н. Веселовский выделял повторяемость в качестве важнейшей черты народно-поэтического стиля. На повторяемости как древнейшем и важнейшем «механизме» фольклора акцентировал внимание В.Я. Пропп. Богат тавтологическими сочетаниями диалектный язык, о чем свидетельствует собранный нами материал из Словаря В. Даля. Характерным свойством тавтологических сочетаний (далее ТС) исследователи считают их способность образовываться по определенным моделям, при этом количество моделей ограничено (С.П. Степанская, Н.А. Янко-Триницкая).

Цель исследования – проанализировать образные тавтологические сочетания модели «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.», которые представлены в иллюстративном блоке «Толкового словаря живого великорусского языка» и в «Пословицах русского народа» В. Даля. В отдельных случаях мы дополняем иллюстрации (авторские речения) подтверждающими контекстами, собранными из произведений В. Даля.

По мнению ученых, модель «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.» относится к одной из древнейших моделей (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня). И.Г. Галенко отмечала, что соединения типа «копна копной», «султан султаном» «возникли в результате изоляции творительного способа или образа действия-состояния или признака, приписываемого предмету, от других падежей существительного и оформились в связи с развитием творительного предикативного» (Галенко 1955: 48). ТС рассматриваемой модели характеризуются образными, сравнительно-уподобительными, значениями, на которые наслаивается значение интенсивности передаваемого признака. В Словаре В. Даля интенсивность находит формальное выражение в постановке знака восклицания, который зачастую ставится в конце фразы, содержащей ТС. Отсутствие

сравнительного значения и актуализация значения интенсивности наблюдается в ТС, выражающих констатацию факта (ср. *Разоделася – **урод уродом!*** безобразно (Даль IV: 508); *Щи **вар варом**, не остудив, не хлебнешь* (Даль II: 708)), а также в сочетаниях типа «дурак дураком», «подлец подлецом», в которых подчёркивается, что субъекту приписывается какой-либо постоянный признак в высшей мере его проявления. Как отмечал В.М. Мокиенко, «совмещение компаративной и тавтологической структур значительно усиливает экспрессивность модели» (Мокиенко 1989: 192).

ТС зафиксированы в Словаре В. Даля как в именных, так и в глагольных гнездах; ср. гнездо «кисель»: *Грязь нажидела – **кисель киселем*** (Даль II: 414); гнездо «нашелушивать, нашелушить»: *Нашелушили **гору-горой** кедровых орешков* (Даль II: 498). ТС подобной модели подаются в разных блоках словарной статьи:

а) после блока семантизации вершинного слова гнезда или его производного как отдельное устойчивое сочетание с объяснением его значения: **ЛУБ**, лубок м. (луп, лупить) вообще, подкорье, исподняя кора, покрывающая блонь; особ. липовое, идущее на кровли (под тес), на мочала, а с молодых лип на лыко. ***Луб лубом***, твердо, толстопрочно (Даль II: 270); гнездо «трава»: ***Трава травой***, безвкусно (Даль IV: 424); гнездо «чирикать»: || ***Чир*** м. сиб. тонкий, чистый лед, когда вода лишь начинает мерзнуть. || *Чиром, **чир-чиром**, кстр.* ручьем (Даль IV: 606); гнездо «мак»: ***Мак маком***, мелко, часто, густо (Даль II: 291);

б) в составе иллюстративной фразы, которая сопровождается толкованием: *Он живет **царь-царем***, пышно, роскошно (Даль IV: 570), ***Пук-пуком** лежит*, недвижно (Даль III: 537);

в) в составе иллюстративной фразы, которая не истолковывается: *Рубаха – **трут трутом**, на плечах перегорела* (Даль IV: 438), *Рубаха **трут трутом**, хоть огня присеки!* (Даль IV: 438).

Иллюстрации являются важной составной частью словарной статьи толкового словаря. Это примеры

употребления слов в разных языковых коммуникациях. В иллюстрациях раскрывается функционирование слова как коммуникативной единицы. В лексикографии выделяют два типа иллюстрирования: цитирование документированных текстов и речения. Даль использует речения, создаваемые на основе собственного опыта и языкового вкуса. Г.Н. Скляревская смысл иллюстрирования видит в том, чтобы «а)… демонстрировать разнообразные виды употреблений… б) давать энциклопедические сведения о денотате» (Скляревская 1994: 57–58).

В иллюстрациях с ТС зачастую сохраняется глагольный компонент, который подчёркивает интенсивность действия или его особое качество. Утрата глагола свидетельствует об усилении номинативного характера конструкций с формой творительного падежа. В иллюстративных фразах высвечивается трехчленная логическая структура сравнения: компонент *А* «то, что сравнивается» («человек» или «предмет»), компонент *В* – «образ сравнения» («человек», «предмет» или «животное», названные ТС), компонент *С* – основание сравнения – зачастую эксплицируется в толковании иллюстративной фразы. При этом показатель сравнительных отношений во фразе не представлен.

Логическая структура сравнения: А «человек», В «человек»

Гнездо «царь»: *Он живет* ***царь-царем***, пышно, роскошно (*С*) (Даль IV: 570); гнездо «муж»: ***Мужик*** || Человек необразованный, невоспитанный, грубый, неуч, невежа (*С*). *Он глядит* ***мужик мужиком*** (Даль IV: 357).

Логическая структура сравнения: А «человек», *В* «предмет»

Гнездо «кувалда»: *Ворочается,* ***кувалда кувалдой!*** Ср.: **Кувалда** ж. тяжеловесный молот, особ. для бою камня (Даль II: 210). *С* – ‘тяжелый’; гнездо «копа́»: ***Копна*** *ж.* ворох сена, соломы, или хлеба в снопах. *Сам копной, брюхо горой.* ***Копна копной*** *переваливается* (Даль II: 157). *С* – ‘большая масса’; гнездо «куль»: *Валит,* ***куль кулем!*** Ср.: **Куль** м. рогожный мешок. || *Неуклюжий, неповоротливый человек (Даль II: 217). *С* – ‘неуклюжий’: «*Из себя Иван также не больно видный человек; ноги, руки привешены, как у Божьих людей, и голова*

стало быть на плечах, а ходил себе ***куль кулем*** *и не оглядывается*» (В. И. Даль. Где потеряешь, не чаешь, где найдешь, не знаешь); гнездо «мак»: *Сесть маком, пришло* ***мак маком****, пск. твер.* от хороводной игры мак: *стать в пень, в тупик* (*С*) (Даль II: 291); гнездо «смола»: *Сам чернявый, а дети* ***смоль-смолью*** (Даль IV: 236). *С* – ‘черный’; гнездо «стень» || *Стень,* ныне, особ. тень человека, в прям. знач. и || *больной, хилый, испитой или изможденный человек (*С*). *Ходит,* ***стень стенью*** (Даль IV: 351).

Логическая структура сравнения: А «человек», *В* «животное»

Компонент *С* эксплицирован в толковании лексемы или в иллюстрации: гнездо «конь»: *Он ходит* ***конь конем****,* здоров, бодр (*С*) (Даль II: 155); гнездо «рак»: ***Рак раком****, словно из бани вышел, ал, красен* (*С*) (Даль IV: 57); гнездо «байбак»: степной сурок. || Бездомок, бобыль; одинокий и холостой домосед. *Он живет* ***байбак байбаком*** (Даль I: 38). *С* – ‘одинокий’; гнездо «слон»: ***Слон*** м. известное огромностью своею животное жарких стран; *слоном*, или даже *слоною*, называли встарь вообще тяжелое, неуклюжее или большое животное, которое *слоном слоняется* по лесам. *Эка верзила парень:* ***слон слоном*** *шатается!* (Даль IV: 223). *С 1* – ‘большой’, *С 2* – ‘слоняться без дела’; гнездо «смирять, смирить»: *Эти смиренники, при людях, потупя очи, а позаглазью,* ***козлы козлами****!* *С* – ‘буйный’ (Даль IV: 235); гнездо «сморщивать, сморщить»: ***Сморче́к***, род гриба, шляпка вся в морщинках. ***Сморчек сморчком***, весь в морщинах (*С*) (Даль IV: 237).

Логическая структура сравнения: А «предмет», *В* «предмет»

Гнездо «нашелушивать, нашелушить»: *Нашелушили* ***гору-горой*** *кедровых орешков* (Даль II: 498), то есть много. В прозе В. Даля зафиксировано несколько контекстов с ТС «гора-горой». Основанием сравнения являются следующие признаки: ‘много‘ и ‘высокий’, ср.: «*Дорожная поклажа усилилась ещё и наросла разными покупками в губернском городе, и потому* ***коробки, кузовки, картоны, мешки и узлы навалены были гора-горой*** *как на телеге, так даже и на чердаке рыдвана…* (В.И. Даль. Павел Алексеевич Игривый (1847)); ‘много’, ср.: «Власов тряхнул его раза два и с замечанием: “*Малое толико*

движение даёт” – *поставил опять на место и приткнул сбоку дорожным, розовой лайки, кисетом своим, на котором изображён был какой-то вершник в латах и* ***гора-горой головы зрителей****...*» (В.И. Даль. Бедовик (1839)); ‘форма горы’, ср.: «*…мишка с отборным товарищем исправляли должность ката и, присев на корточки, надев рукавицы и засучив рукава, отсчитали серому честно и добросовестно сто один по приговору, так что на сером* ***тулуп гора-горой вздулся****…*» (В. И. Даль. Сказка о Георгии Храбром и о волке (1836)); гнездо «смола»: || чернь, чернота, пригорелая, черная копоть с лоском (*С*). *Курная изба завсегда* ***смоль-смолью*** *глядит* (Даль IV: 236); гнездо «ночь»: *В нашем лесу* ***ночь-ночью*** (Даль II: 557). *С* – ‘темно’; гнездо «остужать, остудить»: *Щи* ***вар варом****, не остудив, не хлебнешь* (Даль II: 708). *С* – ‘очень горячий’. Ср.: ***Вар*** || кипяток (Даль I: 165); гнездо «калач»: *Мужик съел пятнадцать калацыковь с калацыском, полведерка огурцыков, полмякинького (подситного), да тридцать кисточек рябинки – а все* ***вода водой!*** (Даль II: 76). *С* – ‘несытный’; гнездо «кол»: ***Кол колом*** *замерзло*, твердо, крепко (*С*) (Даль II: 144). Иллюстративная фраза «Кол колом замерзло» раскрывается через экспликацию компонента *С*; в ней не представлен предмет сравнения, которым может быть, например, «земля». В «Сказке о Георгии Храбром и о волке» (1836) ТС «кол колом» отсылает к предмету сравнения «шея», компонентом *С* является признак ‘неподвижный’: «*С этой-то поры, с этого случаю у нашего серого, сказывают и* ***шея стала кол колом****: не гнется и не ворочается, оттого что затянута в чужой воротник*».

В диалектном языке происходит нагнетание ТС с компаративным значением в поговорке. Например, *Ныне* ***конь конем****, завтра* ***кол колом***, издох (Даль II: 144); гнездо «блин»: *Дело* ***блин блином*** *вышло*, неудачно (*С*) (Даль I: 98). Значение ТС перекликается с устойчивым сочетанием «первый блин комом», которое означает неудачную попытку сделать что-л. с первого раза. В произведении «Небывалое в бывалом, или былое в небывалом» ТС употребляется при описании канонира, у которого голова после боя была сплюснута лепёшкой: «*…Бог милостив! Я его* [солдата] *взял; туда, сюда –* ***блин блином****, да и*

только…» Появление ТС подготовлено введением в повествование слов «лепёшка», «блин» с образным значением: голова напоминала «лепёшку», «блин» на основании семантического признака ‘плоский’: «*…гляжу: какая тут* ***голова! Лепешка****, я вам докладываю* ***лепешка****, так сказать,* ***блин!***»

Шапка на нем так ***копыл-копылом*** *и торчит* (ПД: 585). Ср.: **Копыл** м. стояк (Даль II: 159); гнездо «рука»: *Пиво ушло,* ***ручей – ручьем*** *бежит!* (Даль IV: 112). *С* – ‘движение струей’; гнездо «разваривать, разварить»: *Повар совсем разварил говядину –* ***мочала мочалой!*** (Даль IV: 17). *С* – ‘волокнистый’; гнездо «сено»: *Сенище* ***бурьян бурьяном!*** (Даль IV: 380). *С* – «некачественный»; гнездо «наштопывать, наштопать»: *Смотри-ка, что ты тут наштопала,* ***желвак-желваком!*** (Даль II: 499). Ср.: ***Желвак,*** твердая опухоль от ушиба, шишка; нарыв или болячка (Даль I: 530). *С 1* – ‘твердый’, *С 2* – ‘бугристый’; гнездо «скудахтать»: *Домина скудахтал –* ***каланча каланчей****! кур.* Ср.: **каланча** м. минарет, вежа, башня; вышка, сторожевая, дозорная башня (Даль IV: 212). *С* – ‘высокий’; гнездо «сажа»: *На нем* ***рубаха сажа сажей*** (Даль IV: 127). *С* – ‘грязный, до черноты’; гнездо «шелк»: ***Волоса*** *(лен)* ***шелк-шелком!*** (Даль IV: 627). *С* – ‘мягкий’. В иллюстрации отмечается варьирование денотата: волосы человека – растение (лен); гнездо «решетка»: ***Одежда решето решетом!*** ветха (*С*) (Даль IV: 95).

В основе ТС может лежать фразеологизм: например, **дом кольцом** ‘о зажиточном доме’ → **кольцо кольцом**: ***Дом кольцом, кольцо кольцом****, полное и порядочное хозяйство, все концы сходятся*; взято от выражения двор или крыша кольцом, т. е. все ухожи смыкаются, под одну связь и крышу, под одну обвершку, как признак зажиточности (Даль II: 145).

В Словаре В. Даля наблюдается объединение различных средств выражения образности – слова, сравнительного оборота с союзом «как», сравнительного оборота с предлогом и ТС: || **скло** и **как скло, скло склом**, чисто, опрятно, светло, ясно (*С*) (Даль IV: 199). *В доме-то у них* ***скло склом*** *или скло бéло, влгд.* (Даль IV: 199); *У нее* ***коса сноп снопом****, косица со снопища, снопина, пск. снопурыга* (Даль IV: 247). Эта же тенденция

проявляется и в «Пословицах русского народа»: *Дом, **как** полная чаша. Дом – **чаша чашей*** (ПД: 591); *Сморщился, **как** гриб. **Сморчок сморчком*** (ПД: 309); *Сам копной, брюхо горой. **Копна копной** – так и переваливается* (ПД: 309). Эта же тенденция прослеживается и при раскрытии образных значений отсубстантивных имен прилагательных: «В.И. Даль разработал специальный метаязык для описания адъективов со значением подобия» (Петров, Шабанова 2012: 46) и объединил однокоренные производные в одной деривационной парадигме. Максимальное количество лексических единиц в парадигме равно шести; ср.: «***метельчатый, метлястый, метловатый, метляный, метлявый, метлообразный***, на метлу похожий, в виде метелки» (Даль II: 322).

Таким образом, тавтологические сочетания модели «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.» реализуют образные значения, на которые наслаивается значение интенсивности; они закрепляются в иллюстративной части Словаря в составе фраз, отражающих в большинстве случаев логическую структуру сравнения с компонентом *A* «предмет» и компонентом *B* «предмет».

Сокращения

ПД – Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957. 992 с.

Литература и источники

1. Галенко И.Г. Из наблюдений над удвоением корней, основ и слов // Вопросы языкознания. Книга первая. Львов, 1955. С. 42–55.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
3. Петров А.В., Шабанова А.В. Структура дефиниций отсубстантивных адъективов со значением подобия в Словаре В.И. Даля // В.И. Даль в мировой культуре: сб. науч. работ. Часть шестая. Луганск; Москва, 2012. С. 42–55.
4. Скляревская Г. Н. Новый академический словарь. Проспект. СПб., 1994. 64 с.

УДК 398.1

Г. И. Площук
(Псков, Россия, labrfi@yandex.ru)

Мифологические рассказы Псковско-Белорусского пограничья о лешем (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета)

В статье исследуются особенности современных повествований о лешем, собранных в период с 1981 по 2009 год экспедициями ПсковГУ и характеризующих состояние мифологической традиции Псково-белорусского пограничья в указанный период.

Ключевые слова: архаическая основа, леший, мифологические рассказы, поверья, сюжетный мотив.

G.I. Ploshchuk

Mythical Stories about Leshy on the Pskov-Belarus Frontier (Based on the Data of Folkloric Archive of Pskov State University)

The article researches the peculiar features of the modern narratives about the Leshy, which were compiled from 1981 to 2009 in the Pskov State University expedition trips and which characterise the mythical traditions of Pskov-Belarus frontier in the stated period.

Ключевые слова: archaic stem, Leshy, mythical stories, beliefs and legends, narrative motif.

Работа выполнена в рамках реализации поддержанного РФФИ международного научного проекта «Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX – начале XXI вв.: уровни репрезентации и динамика кросскультурных связей» (№ 16-24-04001).

По данным пятитомного этнолингвистического словаря, представления о лешем сильно развиты у русских, особенно на Русском Севере. В восточно-белорусских и восточно-украинских традициях они известны в меньшей степени и постепенно ослабляются к юго-западу восточнославянского

ареала (СД III: 104). Псковско-Белорусское пограничье, как известно, примыкает к восточнобелорусскому региону. В материалах ФА ПсковГУ имеются 22 текста о лешем из районов Псковско-Белорусского пограничья, исключая Великолукский р-н. Часть записей произведены в 1980-х гг.: Усв. Калошинский с/с (1981), Нев. Усть-Долысский с/с (1984), Н-Сок. Вязовский с/с (1988). Основное количество текстов зафиксировано в 2000-х гг.: Себ., Бояриновская, Ленинская вол. (2006); Пуст. Алольская вол. (2005), Н-Сок. Бологовская вол. (2006), Нев. Ивановская вол. (2008); Кун. Жижицкая вол. (2009). Записи произведены от исполнителей 1910-х, 1920-х, 1930-х, 1950-х, 1960-х и 1980-го годов рождения. Таким образом, наши материалы отражают состояние традиции приблизительно от 20 -х гг. XX в. до 2000-х гг. XXI в. включительно.

Леший в мифологии восточных славян – дух леса, хозяин леса, распоряжающийся его богатствами, покровитель лесных зверей и птиц. Это представление, несмотря на современный колорит, сохраняется в рассказе о лешем, якобы наказавшем веселую компанию за неподобающее поведение в лесу (AI 34)[1]: «***Леший – хозяин леса, так считается, он его оберегает, защищает***. *У нас был случай, что поехали мы на природу, на речку купаться, развели костёр, накрыли, как говорится, стол. Вот. И пошли купаться. А когда вернулись, то обнаружили полный разгром! Костёр потушен, спичек не нашли, всё перевернуто, всё было со скатерти сдёрнуто! Ну, вряд ли это сделал кто-то из местных жителей, потому что мы всё-таки были одни. И мы так подумали, что* ***леший на нас поругался, потому что мы костёр оставили без присмотра***» (Нев. Рыкалёво Ивановск. с/с. 2008 643–41[2]).

В основе другого рассказа той же информантки лежит традиционный мотив «Леший служит человеку, предупреждает об опасности: отгоняет с места, на которое падает дерево» (AI 14ж): «*Мне рассказывал дедушка. Как-то женщина с*

[1] Здесь и далее в скобках дается шифр мотива в Указателях сюжетов-мотивов мифологических рассказов.
[2] После указания места фиксации следует шифр аудиозаписи в архиве.

ребёнком возвращались домой, и шли через лес. И началась гроза. Ну, женщина, естественно, ребёнка схватила и побежала быстрее в сторону деревни. И <...> вот ***как будто её остановило что-то, вот как зацепило! И вот она остановилась резко – и вдруг перед ними упало дерево!*** *Ну, вот <...>* ***защитил!*** *Ведь если бы женщина дальше бежала и не остановилась, то их бы, наверное, убило!*» (Нев. Рыкалёво Ивановск. вол. 2008 643–42).

След архаических представлений о лешем – хозяине и покровителе лесных животных и в то же время покровителе крестьянского стада, пасущегося в его лесных владениях или возле них (AI 17а), отложился, на наш взгляд, в нарративе, связанном с обычаями Егорьева дня в Пустошкинском районе. Покровительство крестьянскому домашнему скоту оказывается лешим в случае заключения договора между пастухом и лешим (AI д). При этом по договору какое-то животное из стада может быть назначено в жертву. По народному поверью, если корову или овцу зарезал волк, значит, она ему была предназначена (леший, а в поздней традиции святой Егорий – волчий пастырь). Выбор, обрекающий скотину на съедение волком, как следует из текста, мог быть обусловлен нерасположением пастуха к ее хозяину, если последний в день первого выгона скота не одарил пастуха ритуальным угощением: «<…> *Это у нашей и у той дяревне. Один всегда пас всей дяревни стадо, и как токо вот выгнали в поле, и яму как бы, значит, такое как бы закон: чтоб* ***принясти ему пару яичек, пирога. И вот если не принясли, обязательно отдасть того хозяина овцу волку!*** [– Почему?] – *Рассярдился:* ***надо выкупать*** *чтоб!*» (Пуст. Гаево Алольск. вол. 2005 1429–4).

Единственный текст, записанный в 2009-м году в Куньинском районе, содержит поверье о семье лешего: «***Раньше были лешие***, *<...> ну водились они,* [у них] ***свои семьи были***. [Расказывали:] *Бывало, придём* [и слышим]: *воют, исть хочут. Задержутся* [люди] *в делянке – называлися делянки, разрабатывались: пахали, озимую рожь там, сеяли зерно озимое – а они вот воють тама! Вот так рассказывали. Ну,* ***это мне не приходилось, этого я не видела*** <…> [– Так была у

лешего семья?] – ***У него было всё: жена, дети**, все были. Они больше сидели в больших лесах, в излеске. А потом оттуда начинают проделки: плакать, выть!*» (Кун. Хмелево Жижицк. вол. 2009 1791–13).

Среди повествований о встречах человека с лешим, зафиксированных экспедициями ПсковГУ на территории Псковско-Белорусского пограничья, главным образом представлены рассказы, развивающие различные варианты наиболее распространенного на всей территории восточных славян мотива «Леший водит/заводит/ морочит человека» (AI 5) и близкого к нему мотива «Леший пугает человека» (AI 6): «[– Скажите, не было рассказов, что в лес кто-то пошел, и его леший там водил?] – *Говорили… Ну что? Заблудишься и никак не выйти, ни туда, ни туда. **Пока** ему уже* [надоест]… ***натешится этот леший**. Было, говорили*» (Себ. Совращино Ленинск. вол. 2006 1644–55); «*А вот водить – один раз меня водил* [леший]. [Я] *В Авинище был, на лесовозе работал. И тоже так на дороге стал. Ну, как, от дороги немного отойдешь, ягоды пособираешь и обратно на дорогу. Вот минут 15 по дороге шёл по прямой* (*ну, чтоб не заблудиться – по прямой обычно идешь*). *На плантацию черники большую попал. И пока ходил-ходил, собирал, ну, примерно пошёл в ту сторону, откуда вышел. Через два с половиной часа только вышел на дорогу! 200 метров от своей машины! Где ходил – не знаю. **Кто меня куда водил?** <…> Вот идешь правильно. Знаешь, что туда надо идти. Идешь-идешь – до дороги никак не дойти!*» (Пуст. Алоль Алольской вол. 2005 1432–140.1).

В современном рассказе о приключениях пассажирки «грибного» автобуса имплицитно присутствует представление о лешем, который «обходит» свою жертву, заключая ее в колдовской круг (человек бродит, вновь и вновь возвращаясь на одно и то же место), и о необходимости задобрить лесного «хозяина» подарком, чтобы его умилостивить. Повествование содержит любопытную деталь: заблудившаяся героиня внезапно видит лошадиный череп на столбе у лесной дороги и испытывает ужас. Известно, что маска лошади, в частности, лошадиный череп, надетый на палку или шест, используется в

славянских народных обрядах в качестве символического воплощения различных демонических существ. Образ коня в общеславянской традиции амбивалентен. Конь выступает не только как воплощение плодородия, но и как воплощение хтонических сил и смерти, как медиатор между «тем» и «этим» светом (СД II: 519–520). Леший, по народным верованиям, может принимать облик различных животных, не только лесных, но и домашних, и в частности коня. Упомянутая выше деталь (внезапно возникший у дороги – в традиционном сознании дорога – граница миров – столб с конским черепом) маркирует кульминацию повествования: после этого происходит благоприятный поворот в злоключениях героини рассказа, и отчаявшейся женщине «вдруг» открывается то, что было совсем рядом, но было от нее скрыто. Этот факт (внезапное «прозрение») в концовке повествования трактуется рассказчицей следующим образом: получивший «подношение» леший, вывел ее на правильный путь: «*Как обычно городские собираются на автобусе – и поехали! В лесу ходили вроде бы рядом. Ни одного гриба я, конечно, не нашла. Глянула – никого. Я: “Ау! Ау!” – никого! Она говорит: “**А я бегаю по кругу**”. <…> Действительно* ***леший****, – говорит, –* ***гоняет, гоняет!*** *Вдруг гляжу – дорога. Вышла, с дороги никуда не сверну. Вышла на дорогу – вот такой, – говорит, – палка вбита на краю дороги, здоровый столб, а на нем череп конский, огромный такой! Ну, я вообще, – говорит, – мне дурно, плохо! Я, – говорит, – туда по дороге. Не знаю, куда бежать? Обратно? И вдруг, – говорит, – стою на дороге и вижу – вот он, автобус, ну, метров сто вот! В лесочке на другой дороге стоит. Я, – говорит, – как побежала, а там болото! И я, – говорит, – по болоту вот так на корячках! Лишь бы успеть до этого, этого…* ***Как же она вышла?*** *Потом, глядь по карманам, а сотки-то нету денег! Во, – говорит, –* ***я ему на ручку-то дала*** (хлопает по ладони) – ***он меня вывел!***» *Вот такая история»* (Пуст. Алоль Алольской вол. 2005 1432 – 45).

Леший может «спрятать» от человека дорогу, дом, деревню: «*Да, всякие случаи бывают. Вот* ***старик в Слухи ехал Федьку проведать. И целый день в лесу был, деревни не***

нашел. *Говорит:* “***Хожу, хожу – нигде ничего не видно!***” *А* ***кто водил****, не знаю!»* (Нев. Боярское Усть-Долысск. с/с. 1984 470–25). Обмороченный лесным духом, человек не может найти дорогу в знакомых местах (AI 5), не видит их, воспринимает как чужие. Молитва, упоминание Бога или пение петуха (AI 24) прогоняют наваждение: «*Я даже сама была заблудивши, вот в этом вот лесочке* (показывает на лесок в 300 м от дома). <…> *Пошла за малиной, пригнали* [коров] *домой на полдня, пошла за малиной, набрала малины. Стала выходить. Выхожу: ай-ай-ай!* (качает головой). ***Дома какие-то большущие, какие-то горы… ничего*** [не узнать]. *Я опять туда же, в лес. Ну, вот же: я собирала, вот же этот куст! Вот тут я набрала много малины! Опять выхожу – и опять…* ***Так три раза я ходила туда и обратно, потом говорю:*** “***Господи****, да что это за наказание?”* ***И все: наш дом нормальный, и все нормально!*** *<…> А потом тоже с нашей деревни была баба Маша.* [Говорит] *на своего мужа: “Ты, Дема, полежи, я схожу сушинку срублю”. Ну и тоже пошла, ну, ссекла эту сушинку, на плечо – и пошла. “Выхожу, – говорит, – Господи, да что ж такое?* ***Какие-то дома, какие-то собаки лают чужие, какие-то люди ходют!***” *Она опять туда, в этот лес. И тоже* ***так три раза****, потом, говорит, встала: “Ну, вот же этот пень! Вот же я срубала эту палку!* ***Господи****, да что это за наказание?”*. ***Перекрестилась.*** “***Выхожу****, – говорит, –* ***это ж моя деревня!****” Вот так… Тут что-то нехорошее, в этом болоте. А теперь, наверно, ушли все.* [– Как называют черта?] – *Так, леший, ч`рт»* (Себ. Литвиновка Ленинск. 2006 1644–17.2-17.3).

Под действием наваждения («привúженья») родные с детства места принимают чуждые очертания: «*И привíжение было… При мне было привижение. Мы ходили* ***в Покров****, это осенью, в Ляниково, это пять километров, на гулянку* ***вечером*** *ходили. Летом только днем гуляли, а осенью вечером ходили. А оттуль, пока мы смеялись, соседка поехала с одним, он всех звал, никто не поехал, а она села и поехала по озеру, а мы пошли. Ну,* ***вот идем-идем, а где ни идем – все озеро, никак домой не попасть!*** *А 15 человек ишло нас, молодых! Пришли, а*

оказывается – ***петух запел*** *– а мы коло амбаров Баландинских!* ***И не заблудивши, и озера нет!*»** (Н-Сок. Глядково Вязовск. с/с. 1988 684-68).

В нарративах Псковско-Белорусского пограничья власть лешего распространяется и на поле, и на болото, что, как известно, является следствием синтеза образов духов-«хозяев» (леший, полевик и пр.) и их функций в поздней мифологической традиции: «*У нас была бабушка старенькая в деревне, она когда совсем уже стала старенькая и уходила вот на поле. Это поле… всегда говорили, что на этом поле кто-то водится.* ***Кого-то он*** [леший] ***на лошади завел: человек не мог приехать домой, долго плутал****; некоторые молодые даже уходили, вот заблудятся на этом* [поле]. *А чё там блудить? Поле да и поле! По краям кусты, ну, посередине болотца были. Вот говорили, что вроде* ***там леший или кто там бродит****. Вот эту бабушку, значит, часто он туда зазывал. И все говорили, кто постарше говорили: “Это е` вот* ***леший уводит, леший уводит,*** мол, ***к себе хочет в болото затащить!****” <…> Не случалось так, чтобы* [человек] *ушел и пропал, а уходили – уходили, плутали! И плутали причем, ладно в лес пошел и заблудился, можно подумать, потерялся человек! Это поле! Как можно на этом поле заплутать? Но плутали. Сейчас потом его обработали, кусты эти все убрали, и вот не было такого случая, чтобы из-за лешего плутали, не живется ему больше тут»* (Н-Сок. Санталово Бологовск. вол. 2006 706–35).

В Пустошкинском и Себежском районах записаны сходные варианты рассказов о лешем, обманом стремящемся погубить путника. Семидесятипятилетний Максименков Петр Васильевич, 1930 г. р., из д. Кисели Алольской вол. Пуст. на вопрос, знает ли он что-нибудь про лешего, убежденно заявляет: «***А это, это и гад водил меня тут по лесу читыри километра!*»** Развивая затем вариант сюжетного мотива «Леший заводит человека: человек слышит зовущий его голос, идет на него и оказывается в воде» (AI 5), информант находит нужным выразить сомнение, что дело в лешем, а не в состоянии подпития, в котором путешественник отправился ночью через лес. Но в конце концов примиряет обе трактовки причин

злоключений в пути, актуализируя мотив «Нечистая сила шутит шутки над пьяным» (ВI 57): «*А* ***водил*** *вот* [так: звал]: ***“Сюда! Давай сюда!” И я взади иду. Вода – и по воде иду, по лужым.*** *<…> Да.* ***Тольки куда-нибудь хочишь свернуть*** – [опять]: ***“Иди сюда!” – кричат***. [– И вы идете?] – ***А куда ты денишься?*** [– А потом?] – *А потом я ни помню, как са мной было, понимаешь. Уж стало рассветать –* ***это ночью было дело – рассветать***. *Ну, наверно, отошло – вскочил и домой! И я уже понял, что это ясное дело, что, ну, это то ли галлюцинация, то ли, там, чёрт. Ну, это с пьянкой связына…»* (Пуст. Кисели Алольской вол. 2005 1435–18). Сходный сюжет о приключении односельчанина, сопровождаемый скептическим комментарием информантки, записан в Себежском районе: «<…> *шёл пьяненький он, здесь в колхозе работал. А у нас речка, а через речку подвесной мост. Ну, вот, шел и говорит: “И меня не на мост* ***ведет****, а* ***ведет через речку***”. ***И зовёт меня кто-то и подает мне руку: “Иди, иди!”*** *“Я, – говорит, – уже забрёл до пояса, а потом дошло в голову: Что же я делаю! Куда я иду! Вот* ***кто-то меня вел!****” Ну, я думаю, это уже по пьяни было!»* (Себ. Эпимахово Ленинск. вол. 2006 1640–60).

Другого рода «современные» сомнения, очевидно, навеянные кинематографом, телепередачами или художественной литературой, присутствуют в рассказе Куренной Анны Геннадьевны, 1964 г. р., из д. Алоль Алольской вол. Пуст. о встрече в лесу с необычным зооантропоморфным существом. Информантка, как и ее подруга, сомневается, кто это был: пришелец из другого пространства и времени или *старичок-лесовичок*, но в конце концов склоняется к тому, что это был леший: *«Это была истинная правда, история с моей дочерью. Ей было шесть лет, дочке моей младшей. Поехали по грибы. Дочка взяла маленькую собачку с собой. А мы ехали в большом таком фургоне. Все вышли, а младшая дочка говорит: “А я не пойду с вами никуда, я останусь в машинке!” Вот уперлась! “Я останусь с маленьким собачком!” Ну ладно. И я вроде бы тут недалеко. Собирали, собирали мы грибы, а вот у меня душа не на месте. Ну, что-то, думаю, не то! Что-то не то! Подруга говорит: “Да вы ч`? Если бы что-то, то она бы*

посигналила!” И тут как начала! Сигналы идут с машины. Ой! Я это ведро и бросила и бегом к этой машине. <…> “Кать! Катечка, ты что? Что ты нам сигналила?” – ‘А ничего, мам! Просто скучно было”. <…> Прошло, наверное, дня два, и та подруга, с которой мы по грибы были, её дети и моя Катя, и мы вот сидим вечером, чай пьём. Вдруг нам Катя говорит: “Ой, мама! А знаешь, какого я ***человечка*** *видела! Вот когда я вам сигналила!” Я вся покрылась мурашками, т.е. я чувствовала* [тогда, в лесу], *что что-то было не то! Вот она рассказывает: “Я сидела на заднем сиденье, и вот это вот папино окно, водительское, стекло почему-то стала паутина на нём и, – ну это я вам сейчас так говорю, – и листочки на ней прилипши. Откуда это взялось, я не знаю. И я стала это все смахивать”. И когда она смахнула эту паутинку с окна, она увидела, что* ***по дороге идёт человек маленький***. “*Он, – говорит, –* ***меньше меня был, ну, может, с меня ростом***, *мама. Шёл и на меня смотрел. У него были* ***длинные-длинные ногти!*** *И у него были* ***длинные-длинные волосы!*** *Но и была* ***лысина***. *Он был* ***маленький и весь косматый*** *такой вот, одетый. И мне, – говорит, – так страшно стало! Я собаку прижала, – говорит, – вот так”. <..> И она говорит, он стал проходить вот так мимо машины. “****Шёл, шёл, шёл****, и я вот так на него смотрю, как он уходит по дороге.* ***И он – хоп – и исчез!***” *Я, конечно, в шоке сижу. Подруге говорю: “Ты представляешь!* ***Это же столкновение миров! Это он выпрыгнул*** [из своего времени] ***и к нам зашел!”*** *А она: “Да ну! Да подь ты на фиг! Какое тебе столкновение?!* ***Старичок-лесовичок!****” А я так на нее смотрю: “Ты что?! Веришь в старичков-лесовичков?!” Она так: “Ну не знаю… Ну, не верю…” Я говорю: “Ну, так а что ты?” И мы с ней про миры. Такая ситуация. Прошло много лет, и я у дочери спрашиваю: “Кать, ты не выдумала?” Она говорит: “Мам, я до сих пор это помню, до сих пор. Помню его глаза, эти* ***длинные ногти, темные-темные волосы. Такой маленький человечек!***” *<…>А вот я вчера у дочери спрашивала (много времени прошло) насчет того существа в лесу, уточнить, когда она в машине осталась, чтоб уточнить: ведь много времени прошло. Она говорит: “Ты что, мам! В какой одежде?* ***В***

шерсти он был! Весь в шерсти. И шерсть была темно-темно-каштановая”. *Ну, руки были не в шерсти, потому что пальцы она видела и ногти длинные. И только была вот здесь вот* (показывает на макушку) ***лысина***. *В общем, темно-каштановый. Вот такой вот. Ну, видимо,* ***это леший был, а мы думали, что кто-то из другого времени***» (Пуст. Алоль Алольской вол. 2005 1432–29; 2005 1432–15).

В Пустошкинском районе записаны тексты, развивающие мотив «Леший пугает человека, леший гонится за человеком, Леший шутит шутки/“озорует” над человеком». Характерен традиционный звуковой портрет лешего: «*Моя мама Надежда Никитична <…>, а считай вот как 43, 40 лет как мамы у нас нет в живых <...> говорит: “В Герасимово ходили гулять, деревня богатая была, а моста не было, только две елки протесанные, река вниз шумела. Рядом озеро, сюда Гнилуша – река называлася Гнилуша. И вот, – говорит, – иду по полю, там, где был лес, онны пни оставши, не вижу никаво. Как приду на ету речку, на эти кладки, там и до дому меньше километра остается, где дедушка жил, – она сироткой росла, маленькая тоже оставши – вот, – говорит, – только что меня за подол не держа, не хватае, когда я только на эту речку дойду!* ***И идет, и свищет что-то, шум какой-то подымается!*** *Но, – говорит, – видеть – никого не вижу.* **А *такой страх нагоняя***, *что, – говорит, –* ***волосы даже***, *– говорит, –* ***подымаются на голове*!** *Вот прибежу домой…” А она папашку звала там “папка”, “тятька”, кто как звал, а она звала свово* (*он военный был, дедушка, 8 лет служил в Кронштадте, он такой был, как начитанный*). *Так вот она: “Папаш, так и так, – говорит, – только что меня, – говорит, – не держал меня за юбку или за платье!” А раньше одежду всё носили длинное, крепкое, вязаное, самотканое, не такое, как мы сейчас ходим, в тоненьких, старотеньких, слабеньких. Ну, так вот она видеть – не видела, а таки были признаки и штуки. Ну, а кто там ходил в это время, и ветер подымался, и подсвистывал, и то, и другое? “Ну, – говорит, – я и бежу без задних ног домой! Бежу, рада, что откроют двери, и никто меня не троне, только пугае так.* – [Это в лесу, да?] – *Ага!”*»

(Пуст. Середеево Васильковск. с/с. 2005 1432–201.4); Пугает и озорует с человеком леший и в рассказах А.Г. Куренной. В основе повествования – характерное для белорусской традиции поверье о колтуне, который будто бы подбрасывают враждебные человеку мифологические существа: *«А дочь моя рассказывала здесь. Она говорит: “Мам!” А у нас коров было много, и она гоняла их километра за полтора в поле. И здесь на повороте – мы с вами ехали прямо, а это вдоль реки – она говорит: “Не могу больше! Бежит, а* ***кто-то рядом*** *со мной* ***идет****. Я, – говорит, – по дороге, а он по кустам! Чувствую, что на меня кто-то смотрит и идет наравне со мной. Я быстрей, и он быстрей, я замедляю шаг – это существо замедляет. Мурашки, – говорит, – по коже, не могу! Как только я (там такой перешеек есть) вышла на поле – он на поле не выходит. Так обратно я с такой скоростью бегу, чтоб только не чувствовать и не слышать своих шагов. Уже у нас не было коров потом, уже внук появился, и она ходила гулять туда. И она говорит: “Я пошла с Лешкой – было то же самое”. Т. е. идет кто-то рядом со мной. Больше я туда не хожу”.* [– Так а кто это был?] – *А кто его знает?* ***Леший!*** *»* (Пуст. Алоль Алольской вол. 2005 1432–29).; «[– А с вами каких историй не случалось там, чтобы лешие были?] – *Пугали!* [В.Г. Куренной]: – *За ягодами жена ходила, там* ***начали ветки трещать****. Вроде бы и лес небольшой – как вчистила оттуда!* [А.Г. Куренная]: – *Я когда была маленькая, сюда приезжали отдыхать. И мы собрались в лес идти как всегда. Тетя Ася нас гоняла. Мы говорили всё: “Хотим в ягоды!”. Она говорит: “Хотите – идите!” Ну, мы и пошли. И вот… И вот я иду и чувствую* (ну, девчонка маленькая), *иду и чувствую, что-то вот здесь у меня печет, жгет вот в этом месте* (приложила руку к груди), *и говорю своей бабушке: “Бабушка, мне жарко! Можно я свитер сниму?” Уже домой пришли, отмучались всю дорогу. Она говорит: “Ну, давай снимем!” И она снимает вот так* (через голову), *а вот здесь у меня прямо на груди вот* ***сбитый клок волос, колтун сбитый волос!*** *Ну, “колтун” мы называли в детстве. По цвету мы начали подбирать – чьи? Может, кто-то расчесывался? Никому не подошел! Вот откуда? Вот тогда*

*тетя Ася сказала: “**Вот леший что наделал, а!**” Вот помню, что вот это она сказала: “**Что леший наделал – колтун сбил!**”* (Пуст. Алоль Алольской вол. 2005 1432–2).

Облик лешего в мифологических рассказах Псковско-Белорусского пограничья достаточно традиционен. Однако в записанном в 2006 году в д. Литвиновка рассказе представленный в традиционно зооморфном образе леший снабжен «механизмом для передвижения»: «*У нас один видал, ну, наверно, он с пьяных глаз: пошел в лес дрова рубить. И он* ***прыгал****, говорит, такой, как бык, с рогам и* ***прыгал на пружинах*** (смеется)» (Себ. Литвиновка Ленинск. вол. 2006 1644–17.4). Лесной «хозяин» может показываться людям в антропоморфном образе: человек *с длинными волосами* и палкой на плече (Себ. Кузнецовка Ленинск. вол. 2006 1634–67. (AI 1e), белокурый мальчик в красной рубашке и синих штанах (Усв. Лысая Гора Калошинск. с/с. 1981 1682–47); в зооморфном: «*такой, как бык, с рогам*»; и в зооантропоморфном виде: маленький человечек, весь косматый, весь в шерсти, с длинными-длинными ногтями и длинными-длинными волосами (Пуст. 2005 1432–29); у него *«волосы распущены*» (Себ. Кузнецовка Ленинск. вол. 2006 1634–67); «*длинные-длинные волосы*» (Пуст. 2005 1432–15); характерны динамичские черты образа лешего: «*пошли в ягоды, и там кто-то за кустами* ***бегал,*** *мол, волосы распущены и палка на плече. Это леший, говорят, леший*» (Себ. 2006 1634–67); **«*Вдруг* *видит:* *мальчик такий бегеть*** *<...>* ***И бегеть прямо по этому лому, как кошка – легонько»*** (Усв. 1981 1682–47); «***прыгает на пружинах»*** (Себ. Литвиновка Ленинск. вол. 2006 1644–17.4). Леший внезапно *(«вдруг»*) появляется и внезапно исчезает: («***Шел, шел, шел****, и я вот так на него смотрю, как он уходит по дороге*» (Пуст. 2005 1432–29). Есть тексты, отражающие представление о невидимости лешего: « [– А лешего можно увидеть?] – *Нет,* ***он не показывается!***» (Себ. Совращино Ленинск. вол. 2006 1644–55).

В двух текстах, записанных в Новосокольническом и Усвятском районах в 80-х гг. XX в., отложилось архаическое представление об активизации лешего как и прочей нечисти, в

«пороговые», «переходные» периоды, к каковым народное сознание относит праздники. В приведенном ранее рассказе из Новосокольнического района о «привижении» дело происходит ночью в Покров (Н-Сок. 1988 684–68). В рассказе из Усвятского района – в Петров день, т.е. в период летнего солнцеворота, по народным представлениям, наиболее опасное время. В лесу герой, по-видимому, попадает прямо в логово лешего: *«Отец мой охотником был.* ***В те времена люди в праздники в лес не ходили***. *А он пошел* ***в Петров день***. *Вошел он в лес, видит –* ***корни всякие, сучья, пни – все выворочено и ломом, завалом таким валяется***». Внезапно появляется сам хозяин. Его образ маркирован характерными для представителей «иного мира» цветами: синий, белый, красный: «*Вдруг видит: мальчик такий бегéть.* ***В красной рубашке, в синих штанах. Голова*** *в его* ***белая*, курчавая**. *И бегеть прямо по этому лому, как кошка – легонько. Тут он вспомнил про Бога, да про Петров день, да пошел скорей домой*».

Отразилось в рассказе и представление о том, что в «мире ином», к которому относятся и духи-«хозяева», по сравнению с «этим миром», все «перевернуто», и поэтому, в частности, съедобное «на этом свете», несъедобно «на том» и наоборот. Отсюда известный сюжет «Человек в гостях у лешего» (AI 19), след которого отложился в усвятском тексте: леший угощает гостя хлебом; хлеб лешего оказывается «губкой» (‘гриб чага’) (AI 21): *«Дома он матери все рассказал, а она ему говорит: “То был* ***лес-с-сосной*** (‘леший’), ***отводил бы тебя по лесу и кормил бы губкой*** (‘гриб чага’), ***а ты бы думал, что это булка***. *Так что хорошо, что ушел!”»* (Усв. Лысая Гора Калошинск. с/с 1981 1682–47).

В восточнославянской традиции встречаются разные названия духа-«хозяина» леса. Некоторые локальные традиции содержат варианты названия мифического хозяина леса, в которых он предстает как персонификация самого леса: *лес, лес праведный, лес честной* (Черепанова 1983: 164; Логинов. 2002: 2–4). В подобных названиях, по мнению Н.А. Криничной, отразилось архаическое представление о фитоморфном облике или чертах облика лешего. Вышеприведенный усвятский текст

дает вариант *лес-с-сосной* (Усв. Лысая Гора Калощинск. с/с. 1981 1682–47). Подобное название, по-видимому, связано с почитанием сосны как священного дерева в белорусской и южнопсковской традициях и архаическим представлением о лешем, который может являться в виде дерева или куста.

Повествования о духах-«хозяевах» природы и, в частности лешем, составляют немногочисленную группу в корпусе мифологических рассказов Псковско-Белорусского пограничья из фонда псковского архива, что, по-видимому, свидетельствует о значительной деактуализации соответствующих поверий. Набор сюжетных мотивов, лежащих в основе зафиксированных текстов, невелик. Многие информанты или вовсе не могут вспомнить сюжеты о лешем, или их рассказы окрашены значительной долей скептицизма, или подчеркивают, что лешие водились раньше, а теперь их нет («*не живется ему больше тут*»). Нарративы о лешем и будто бы имевшем место вмешательстве лешего в деятельность человека, как правило, не содержат ничего фантастического, кроме явно или имплицитно присутствующего в них убеждения, что события, изложенные в повествовании, – следствие действий лешего, во власти которого оказывается всякий, вступивший в лесное пространство. Часто повествования ощутимо модернизированы. Тем не менее, архаическая основа в них все же сохраняется.

Список информантов

Кун.: Снеткова Александра Николаевна, 1920 г.р. (Хмелево Жижицк. вол.); **Нев.**: Матюшева Мария Пимановна, 1908 г.р. (Боярское Усть-Долысск. с/с), Морозова Мария Евгеньевна, 1980 г.р. (Рыкалёво Ивановск. с/с); **Н-Сок.**: Филиппова Елена Филлиповна, 1901 г.р. (Глядково Вязовск. с/с), Цветкова Нина Николаевна, 1937 г.р. (Санталово Бологовск. вол.); **Пуст.**: Калязина Клавдия Семеновна, 1926 г.р. (Середеево Васильковск. с/с); Куренная Анна Геннадьевна, 1964 г.р. (Алоль Алольской вол.), Максименков Петр Васильевич, 1930 г.р. (Кисели Алольской вол.), Онуфриева Надежда Онуфриевна, 1926 г.р., (Гаево), Якимчук Анатолий Андреевич, 1956 г.р., Якимчук Антонинаы Анатольевна, 1964 г.р.(Алоль Алольской вол.); **Себ.**:

Денисенок Анна Михайловна, 1916 г.р. (Казинка Глембочинск. вол.); Лосева Евгения Семеновна, 1936 г.р. (Кузнецовка Ленинск. вол.), Лукьянова Любовь Михайловна, 1964 г.р. (Совращино Ленинск. вол), Никитина Мария Афанасьевна, 1932 г.р. (Литвиновка Ленинск. вол.), Орлова Валентина Афанасьевна, 1935 г.р. (Совращино Ленинск. вол.), Степанова Раиса Семеновна, 1937 г.р. (Кузнецовка Ленинск. вол.), Цебина Зинаида Петровна, 1932 г.р. (Эпимахово Ленинск. вол.); **Усв.**: Васильева Пелагея Семеновна, 1912 г.р. (Лысая Гора Калошинск. с/с. Усвятск.).

Сокращения

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.
ФА ПсковГУ – Фольклорно-этнографический архив Псковского государственного университета.

Литература

1. Айвазян С.Г. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1971. С. 36–41
2. Логинов К.К. Лес и «Лесная сила» // Живая старина. 2002. № 4. С. 2–3.
3. Указатель сюжетов и мотивов // Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Составители: К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 496 с. С.471–484.
4. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с. С. 305–320.
5. Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

УДК 930.2

А.Б. Постников
(Псков, Россия, postnikovarsenii@mail.ru)

Харатейные грамоты Елеазарова монастыря – новый источник для изучения древнепсковской письменности

В статье сообщается об открытии новых текстов псковских харатейных грамот XV – начала XVI в., происходящих из вотчинного архива Трехсвятительского Елеазарова монастыря. Они сохранились в виде списков около 1732 г. Находка была сделана автором во время работы по выявлению и научному описанию наличного состава документов XVI–XVIII вв. в собрании Древлехранилища Псковского музея. Обнаруженная копийная тетрадь включает списки с 21 грамоты. Это полные документы и их фрагменты. Новые грамоты эпохи вечевого Пскова являются ценным источником для изучения древней псковской письменности, старинной топографии Псковской земли, церковной истории и монастырского землевладения.

Ключевые слова: археография, грамоты харатейные, Елеазаров монастырь, землевладение, купчие крепости, посадские люди, Псков, рукописи, топография, церковь.

A. B. Postnikov

The Manuscripts on Parchment of the Eleazar Monastery – a New Source for the Study of the Ancient Pskov Writing

The article reports about the discovery of the new texts of Pskov manuscripts on parchment which date back to the 15th – beginning of 16th centuries and originate from the patrimonial Archive of the Three Saints, Eleazar Monastery. They have been preserved in the form of lists (about 1731). The discovery was made by the author during his work on the identification and scientific description of the existing 16th – 18th centuries documents that are kept in the archive of the Pskov Museum. The discovered book with the copies of documents has the lists with 21 documents. Those were complete documents and document fragments. New documents of the Pskov Veche period are a valuable source for the study of ancient Pskov writing, ancient Pskov topography, Church history and conventual land ownship.

Key words: archaeography, manuscripts on parchment, Eleazar Monastery, land ownership, acts of purchase and sale, townspeople, Pskov, topography, Church.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований. Проект «Церковь и духовенство Пскова в ходе реформ 1666–1764 гг.» № 16-11-60001а(р).

Древние грамоты Псковской земли сохранились до наших дней в крайне ограниченном количестве. К настоящему времени благодаря публикациям Я.И. Бередникова, П.М. Строева, А.Х. Востокова, Н. Мурзакевича, Н.Ф. Окулича-Казарина, Х.М. Лопарева, А.К. Янсона, С.Н. Валка, Л.М. Марасиновой и В.И. Корецкого исследователи располагают текстами 45 харатейных грамот вечевого Пскова. Это земельные акты и духовные завещания XIII–XV вв. Из них лишь один документ, писанный на харатье, дошел в подлиннике, все же остальные известны в виде поздних списков. Но даже копии таких грамот обладают большой научной ценностью, поскольку в силу их редкости содержат уникальные сведения по истории вечевого народоправства и древнего языка псковичей той эпохи, от которой кроме летописей и Псковской Судной грамоты осталось столь мало письменных источников.

С 2008 г. автором этих строк проводилась работа по выявлению и научному описанию наличного состава документов XVI–XVIII вв. в собрании Древлехранилища Псковского музея. Результатом ее стало издание полного обозрения старинных актовых материалов этого архива (Постников 2013). При исследовании рукописных фондов были открыты новые списки XVIII в. с прежде неизвестных псковских харатейных грамот XV в.

Они были обнаружены в начале 2008 г. при внимательном рассмотрении нижней крышки картонного переплета рукописи: «**Книга входящих указов в Псковскую Духовную Консисторию от Государя, Синода, Сената и Монастырского Приказа** за 14 января – 31 декабря **1724 г.»** (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 602. ПДК. О. Ф. 12374(8). РУК-

372). В июне 2015 г. документы были отданы в реставрационный отдел музея с целью выделения их из переплета рукописи и последующей консервации. Приятным долгом считаю высказать благодарность, сотруднице реставрационного отдела Псковского музея-заповедника – Юлии Юрьевне Колосовской, выполнившей качественную и бережную работу по консервированию ветхих бумаг, содержащих копии харатейных грамот.

В составе переплета рукописи обнаружены списки с 21 харатейной грамоты, сохранившейся полностью или фрагментарно. Это собрание копий с древних грамот некогда представляло собой единую тетрадь из восьми листов, которая была склеена в картонной обложке с тремя другими листами, иного содержания.

После разбора документов по содержанию и физическому расположению листов в нужной последовательности была проведена их постановка на музейный учет с записью в инвентарной книге и присвоением шифров хранения по принципу первоначального происхождения материалов (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 242. Елеазаров монастырь. О. Ф. 36622. ДОК-21512).

Другие листы из состава расслоившегося картона верхней и нижней крышек обложки представляют собой фрагменты документов, датированных 1725 г., 16 декабря 1731 г. и «нынешним» 1732 г. Поскольку наиболее поздние из черновых листов относятся к 1732 г., следует полагать, что написание копий с харатейных грамот могло происходить в Псковской духовной консистории около этого же времени, ибо затем книга наряда входящих указов была переплетена.

Архив Псковской духовной консистории находился в ту пору в беспорядочном состоянии, что вызвало недовольство епископа Стефана Калиновского, который 8 июня 1743 г. обратился к ее служителям с повелением разобрать наличные дела по годам, разложить отдельно наряды указов и дела. Разбившиеся и рассыпавшиеся книги надлежало собрать вместе и сшить с надписанием заголовков, поставить их по хронологии в папки, сделать описи, изготовить шкафы и ящики для

хранения (Смиречанский 2010: 329). Таким образом, упорядочение архива Консистории происходило в 1743 г. К тому времени может относиться и массовое переплетение книг с нарядами указов за прошлые годы. Причем для изготовления картона переплетов использовались черновики из архивной россыпи 1725–1732 гг.

Этому наблюдению соответствуют палеографические особенности изучаемых рукописей. В частности, как можно видеть, тетрадь из восьми листов с копиями харатейных грамот выполнена отчетливой скорописью первой трети XVIII в., почерком одного лица. При этом использована однородная бумага голландского производства с филигранью «Герб города Амстердама». Можно полагать, что для псковской рукописи использовалась бумага, произведенная в 1720-е гг., что соответствует другим датирующим признакам.

Выделенная из обложки копийная тетрадь с грамотами имеет на первом листе заголовок: «Копии с харатейных крепостей Елеозарова монастыря». Далее следуют тексты самих актов, разделенных пробелами. Никаких названий к ним или сопроводительных пояснений не имеется, за исключением единообразного указания, повторенного в конце каждого текста: «У той крепости печать свинцовая». Особенности упомянутых печатей не оговариваются. Максимальный размер сохранившейся части листов копийной тетради с псковскими харатейными грамотами – 31 х 19 см, что, с учетом утрат по краям, соответствует принятому в XVIII в. дестевому формату.

При изучении выявленных списков была выполнена реконструкция последовательности их расположения по листам в копийной тетради. Это сделано для соединения текстов тех документов, которые переходили на соседние листы. Затем восполнены по смыслу, насколько это было возможно, текстовые утраты. Восстановленные слова и буквы вставлены в квадратные скобки. Тексты приводятся буквально в орфографии подлинника с использованием гражданского шрифта. Титла раскрываются, и скрытые в них буквы вносятся в строку в круглых скобках. Выносные надстрочные буквы выделяются курсивом. Воспроизводятся паерки. Знаки препинания не

расставляются, за исключением тех, что указаны в источнике. Имена собственные и географические названия приводятся с заглавной буквы. Текст воспроизводятся с соблюдением построчного расположения как в подлинном документе, чтобы нагляднее показать места утрат и яснее восстановить по смыслу неполные слова и предложения.

Проведенное исследование рукописи показало, что копийная тетрадь включает списки с 12 купчих, 2 данных, 2 духовных, 2 рядных, 2 раздельных и 1 пору́чной грамоты. Всего выявлен 21 акт. Это полные документы и их фрагменты. Из них в настоящей публикации впервые вводится в научный оборот текст одной купчей крепости с кратким пояснением, а также с описанием истории происхождения копийной тетради. Весь объем новых источников с развернутыми топографическими и хронологическими толкованиями будет представлен в отдельном исследовании.

|| Л. 1 || «**Копіи**
[съ ха]ратейны*х* крѣпостей Елеωзарова м(о)н(а)*с*т(ы)ря.
<…>

[Конец XV в. — Купчая игумена Васьяна Кишки у своего брата Ивана Цаплина на двор, огород и сад на Запсковье.]

|| Л. 1 об. || «Се купиша Васьянъ ігуменъ Кишка [у Івана игу-]
менова брата у Цаплина дво*р* и огоро[*д*]
ис̓ са*д*нико*м* на Запсковьи у Гремячи*х* воротъ
на рову возли Мишка ѕамочника, а ме*ж*(а) том[у]
дво*ру* и огоро*ду* со всѣ*х* сторо*н* в̓ ты*ну* с ме*ж*нице на ме*ж*ницу
а воротъ на Стадище. А та купля Васіян[у]
о*т* Ивана в одерень. А на то люди Михалъ.
Да что книги брата моего игумновѣ Цапли[на]
да іконы да и сосуды ц(е)рковныя и колоколъ
а то все даю с(вя)ты*м* Хр(и)*с*товы*м* мученико*м* Еустра*т*(ь)ю
да игумену бе*з*̓ кунъ по мое*м* брати по-
минать по Уксентіи и слу*ж*ба твори*т*(ь).
У той крѣпости печа*т*(ь) свинцовая».

Толкование. В приведенном документе представлена купчая крепость на обширный земельный участок, состоявший из жилого двора с огородом и садом, который находился на Запсковье возле Гремячих ворот на рву, то есть за стеной Окольного города, построенной здесь Богоявленскими соседями в 1480–1482 гг. Он был огорожен со всех сторон тыном и имел ворота, обращенные в сторону Стадища – местности в Окологородье, куда выгоняли на пастбище городской скот, точнее стадо Запсковского конца. При строительстве крепостной стены земли Стадища, оказались разделенными. Меньшая их часть осталась внутри крепости и была застроена городскими дворами и храмами (Воскресения со Стадища), а большая – осталась за крепостной стеной и использовалась по прежнему назначению.

Вероятно, оказались разделенными крепостной стеной и бывшие обширные земельные владения прожиточных псковичей братьев Цаплиных, которые заключили сделку по приведенной купчей. Один из них игумен Васьян по прозвищу Кишка, был в то время настоятелем некоего монастыря. Другой – Иван передал ему (его монастырю) согласно «купчей» в вечное владение («в одерень») обширное родовое землевладение за Гремячими воротами. «Книги» же другого своего брата умершего Авксентия («Уксентия») Цаплина, «да иконы да и сосуды ц(е)рковныя и колокол» Иван, передавал игумену безденежно («без кун») в качестве поминального вклада о покойном брате: «а то все даю с(вя)тым Хр(и)стовым мучеником Еустрат(ь)ю да игумену без кун по моем брати» в церковь Евстратия и дружины.

Примечательно, что покойный брат Авксентий был наречен во имя одного из святых пяточисленных великомучеников Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста, в честь которых был построен храм святого Евстратия (позднее оказавшийся на подворье Елизарова монастыря). Есть все основания полагать, что строительство храма во имя Евстратия и дружины и при нем небольшого монастыря было ктиторским делом семьи псковичей братьев Цаплиных, а также что этот монастырь был основан на их родовой земле у Гемячих

ворот на Запсковье. Кроме того из текста купчей следует, что ко времени ее составления игумен Васьян был настоятелем учрежденной братьями Евстратьевской обители.

Можно также предположить, что Васьян являлся елизаровским постриженником, ставшим чернецом еще при жизни основателя Трехсвятительского монастыря преподобного Евфросина (1386–1481). В таком случае он, подобно многим духовным детям великого старца (Онуфрию Мальскому, Иоакиму Опочецкому, Илариону Гдовскому и другим), основал собственную обитель на своих родовых землях в Пскове. Тогда можно объяснить, как приведенная купчая крепость впоследствии могла оказаться среди харатейных грамот Елизаровского монастыря и почему небольшой основанный Васьяном и его братьями Евстратьевский монастырь у Гремячих ворот, после уничтожения в пожаре 1500 г. старого Елизаровского приезжего двора в Пскове, стал Елизаровским подворьем.

Таким образом, купчая игумена Васьяна Кишки у своего брата Ивана Цаплина на двор, огород и сад на Запсковье, имеет прямое отношение к возникновению второго подворья Елеазаровского монастыря в Пскове.

Оно размещалось на Запсковье в Житницкой сотне в пределах крепостной стены 1465 г. у Гремяцких ворот. Имело свою церковь посвященную святым пяточисленным мученикам Евстратию Севастийскому «и дружине его»: Авксентию, Евгению, Мардарию и Оресту. Подворье было устроено вместо старого Елизаровского приезжего двора у Примостья, сгоревшего в пожаре 6 октября 1500 г. (ПЛ 1 1941: 84). И.И. Василев упоминал об этом подворье следующим образом: «Близ Козмодемьянского монастыря у Гремяцких ворот был еще монастырь св. мученика Евстратия и Дружины, мужской, неизвестно когда исчезнувший» (Василев 1898: 274).

Следующее свидетельство о существовании этой малой обители содержится в писцовой книге 1585–1587 гг. Из него видно, что вся монастырская вотчина состояла из одной-единственной пустоши Грачево Онофреево в Новоуситовской губе Завелицкой засады (Сб. МАМЮ. V. 1913: 443). В

оброчной книге 1632 г. монастырь отмечен уже, как Елизаровское подворье: «Пожня на Торошинской дороге Еустратья святого с приезжево с Елизарова монастыря (двора), под деревнею под Боковым под Горушкою полдесятины земля добра» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 365. Л. 82об.–83).

Трехсвятительский Елеазаровский монастырь, помимо широкой своей известности, был весьма почитаем псковичами. В его вотчине в 1585–1587 гг. насчитывались 31 деревня, 1 коровье сельцо и 90 пустошей (Суворов 1906: 377). Кроме того, монастырь владел в Пскове лавками в Мясном и Кузнецком ряду Большого Торга, и торговым местом на Большой улице (Сб. МАМЮ. V. 1913: 27, 43, 66). Не подлежит сомнению, что после приписки к нему Евстратьевской обители, ее территорию вскоре расширили и приспособили под подворье богатого монастыря: на месте деревянной церкви был сооружен каменный храм святых Евстратия и дружины, поставлены деревянные клети, амбары и жилые кельи для приезда игумена с братией.

Перепись Пскова 1711 г., проведенная после городского пожара и морового поветрия с особой тщательностью, сообщает, что на приезжем «Елизарского монастыря подворье», осталась лишь «*церковь Святого Евстратия, каменная*» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 28). Жизнь на монастырском подворье замерла на многие десятилетия, а обгоревшая в пожаре церковь, стояла без пения. Восстановление сгоревших келий растянулось на многие годы.

Между тем, старое Елизаровское подворье на Запсковье продолжало существовать как прибежище для кратковременных рабочих приездов монастырских стряпчих и служебников еще и в середине XVIII в. В духовных росписях соседней Богоявленской церкви с 1751 г. постоянно упоминаются, бывшие у святого Причастия в 1755 г., «Елизарова подворья сторож Конон Андреев» с семьей (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3490. Л. 97; № 3497. Л. 90 об.). После введения Церковных штатов в 1764 г. и приписки к Елизаровскому монастырю Великопустынской обители в 1766 г., его подворье переселилось в хорошо сохранившийся приезжий Великопустынский двор,

который с тех пор именовался Елизаровским подворьем. Церковь Святого Евстратия в начале XIX в. была сломана. В 1854–55 г. ее руины зарисовал инженер-полковник И.Ф. Годовиков (Годовиков 1880: 4).

История происхождения копийной тетради. Сама рукопись не содержит никаких следов, указывающих на причину составления сборника в Псковской духовной консистории. Необычным является обнаружение копий с харатейных грамот в архиве канцелярии духовного ведомства, поскольку прежде их находили только в свитках приказных учреждений, занимавшихся поместно-вотчинными делами.

Разные виды собранных вместе грамот исключают цель их копирования для представления в суд по определенному земельному спору местного значения. Это указывает на иную более широкую задачу составления сборника – показать весь наличный состав древних харатейных грамот из монастырского архива.

Такие сборники, содержащие списки древних актов, касающихся монастырского землевладения составлялись в XV-XVIII вв. В средневековой Западной Европе их называли «хартуляриями», а в русской исторической литературе они известны под названием «копийных книг» (Черепнин 1951: 10–11).

По справедливому наблюдению палеографа Л.В. Черепнина, исследовавшего русские феодальные архивы XIV–XV веков, «в истории возникновения копийных книг была своя закономерность. Отдельные сборники копий с земельных актов в той или иной феодальной церковной или монастырской организации составлялись в разное время не случайно и не в силу только каких-то причин местного характера, имевших значение лишь для данного монастыря. Были общие причины, определявшие появление копийных книг. И эти причины, как уже было указано, надо искать в явлениях, относящихся к истории феодального землевладения и крестьянской крепости» (Черепнин 1951: 16–17).

Для выяснения исторических обстоятельств и причин создания изучаемых копий с крепостей Елеазарова монастыря

необходимо обратиться к рассмотрению событий, происходивших в Пскове в период церковно-государственных реформ 1666–1764 гг. При этом особое внимание следует уделить разбору текущих архивных дел Псковской духовной консистории за 1725–1732 гг., то есть тому времени, когда появились исследуемые списки с харатейных грамот.

Как известно, на протяжении нескольких десятилетий: с конца XVII в. и всю первую треть XVIII в., псковские архиереи вели борьбу с посадскими людьми и купечеством за обладание вотчинами приходских церквей города. Уже в 1685 г. псковский митрополит Маркелл в челобитной на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей жаловался, что в его епархии 160 церквей, «и над теми де церквами архиереи воли не имеют, владеют мужики, а церкви все вотчинные, и теми вотчинами владеют и себя полнят и корыстуются сами, а архиерею непослушны; о чем указ пошлешь, не слушают и безчестят, на счет нейдут, многая церковная казна за ними пропадает от давных лет <…>» (АИ 5. 1842: 200. № 122). В последней трети XVII в. псковские иерархи Арсений, Маркелл, Иларион постепенно добились от царей разрешения о приписке к Архиерейскому дому вотчин многих мужских малобратственных монастырей, пустохрамных уездных церквей, а также соборов «из Домантовой стены». Основанием для такой приписки являлись жалобы на скудость владычных доходов и указания на необходимость сбора денежных средств и рабочей силы для постройки нового величественного здания Троицкого кафедрального собора.

Вопрос о праве владения церковными вотчинами рассматривался не только на основании канонического права или действующих государственных законов, но и с привлечением наиболее ранних документов. Тяжущиеся стороны прибегали к историческому обоснованию своих прав, пытаясь доказать их древность. Примечательно, что первыми к старинным актам обратились псковичи посадские люди, хорошо зная, что в церковных архивах хранятся харатейные грамоты времен независимого существования Господина Пскова и «Господарьства Псковскаго» до 1510 г. Они лучше всего доказывали древность обычая мирского владения исконными

приходскими церквями. Тем не менее, местные архиереи упорно не желали этого признавать, пытаясь исказить или перетолковать исторические факты в свою пользу. Завязался долгий спор, который перешел в XVIII в.

Архиепископ Псковский и Нарвский Варлаам (1731–1739) донесением от 29 июня 1731 г. обратился за поддержкой в Синод с просьбой о запрете владеть церковными вотчинами и крестьянами псковичам посадским людям, и о передаче оных вотчин в исключительное ведомство церкви (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 5. Л. 27–28).

Чтобы обличить купцов в корыстном использовании выборной должности церковных старост, по приказанию архиепископа Варлаама в архиерейский приказ были затребованы от посадских людей приходо-расходные книги прошлых лет. На их основании старостам надлежало дать отчет перед Консисторией о финансовой деятельности. А поскольку купцы доказывали в Сенате, что церкви были построены в давние годы от псковских посадников, и земли к ним и угодья и крестьян приписали и дали им на них харатейные грамоты, то в Консисторию кроме приходо-расходных книг приходских церквей была затребована и вся вотчинная документация.

В присланном из Синода в Сенат «ведении» от 28 ноября 1731 г. указывалось, что минувшим летом «в Правителствующем Сенате били челом *псковича посадцкия люди и церковные старосты, а в челобитье своем написали, что будто приходския церкви во Пскове и за городом в слободах из древних лет построили по обещанию прежде бывшие псковские посадцкие люди каменные* и всякою церковною утварью украсили и впред(ь) для церковного украшения и дачи священником с причетники годовой хлебной руги дали к тем церквам купя из собственных своих пожитков земли с угодьи и на тех де землях поселили крестьян и укрепили за теми церьквами вечно *и дали де к тем церквам на оные земли и угод(ь)я харатейные данные за свинцовыми печатми* <…>» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 5. Л. 31 об. –32).

Между тем, псковские архиереи утверждали, *«что вышеупоминаемыя во Пскове церкви построены издревле не от*

купецких псковичь посадских людей, но от Великих Князей Псковских и всяких чинов приходских людей, и всякими церковными потребами те церкви довол(ь)ствованы и вотчины со крестьяны к ним пожалованы от Великих же Князей, а к тому земли и пустоши и всякия угодья покупаны от приходских же всяких чинов людей. <…> А оне псковичи посадския люди теми церквами и церковными крестьяны и землями и угодьи завладели своим самоволством во 158-м [1650. – А. П.] году <…>, как был во Пскове бунт, от которого времени и до н(ы)не владеют <…>. И кн(и)г приходных и росходных ведая за собою похищение и неправду не об(ъ)являют. *И данные на те ц(е)рковные вотчины крепости тайно вынесши держали в домех своих <…>*». Да они ж *«посадские люди некоторые крепости во Псковскую канцелярию и принесли, а харатейные крепости за свинцовыми печатми которые от разных чинов людей даны удержали у себя*» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 5. Л. 44 об. –45).

Таким образом, церковные старосты из купечества доказывали на основании древних грамот, что приходские храмы «построили по обещанию прежде бывшие псковские посадцкие люди», под которыми подразумевались посадники, «своеземцы» и все «суседи» городских сотен, то есть миряне, члены приходской общины, что в действительности так и было. Архиереи же Рафаил и Варлаам, не располагая древними грамотами, свидетельствующими о пожалованиях земель в приходские церкви, прибегли к ложному измышлению, безосновательно утверждая, что «псковичи посадския люди теми церквами и церковными крестьяны и землями и угодьи завладели своим самоволством» только со времен знаменитого хлебного бунта в Пскове 1650 г., и что будто бы «церкви построены издревле не от купецких псковичь посадских людей, но от Великих Князей Псковских и всяких чинов приходских людей».

Когда спор между архиереем и посадом в Пскове накалился до предела, а тяжущиеся стороны обратились за поддержкой в столицу, древние харатейные грамоты приобрели особое значение как документы способные доказать исконное

право владения приходскими церквями и их вотчинами. Из переписки можно видеть, что это признавали обе противоборствующие стороны.

13 декабря 1732 г. Сенат потребовал от архиепископа Варлаама представить «*древние к ц(е)рквам на земли и угодья харатейныя за свинцовыми печатми данные* и с писцовых кн(и)г выписи, также и грамоты 7104-го [1595/96] и 1700-го годов, которые от псковичь посадских людей якобы во утверждение к их стороне воспоминаются», чтобы «все подлинные в Правителствующем Сенате достоверно освидетелствовать, <…> и *со оного следования сообщить в С(вя)тейший Правителствующий Синод для разсмотрения точныя копии*» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 5. Л. 49–49 об.).

Однако еще до распоряжения об этом свыше в течение 1732 г. производились розыск и принудительное изъятие от посадских церковных старост вотчинной документации и харатейных грамот в Псковскую Духовную Консисторию. Сами церковные старосты с апреля 1732 г. были насильно взяты солдатами, посланными из Консистории, и посажены в архиерейскую тюрьму, где содержались под арестом до сдачи отчетности по приходо-расходным книгам (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 5. Л. 34–35). Архиерей требовал у них *«на те вотчины подлинных крепостей»* (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 5. Л. 38).

В том же 1732 г. Псковская духовная Консистория, готовясь к представлению в Сенат харатейных грамот для «достоверного освидетельствования», могла затребовать «подлинные крепости» то есть древние акты на церковную недвижимость из подведомственных правящему архиерею мужских обителей, в том числе из Трехсвятительского Елеазаровского монастыря. Именно тогда в Консистории с них и были сделаны копии, чтобы можно было проследить весь путь сложения духовных вотчин и выявить всех строителей и вкладчиков по чинам и именам.

Однако подготовленные к отправке в столицу для рассмотрения подлинные харатейные грамоты и их списки, по-видимому, так и не понадобились, ибо совсем скоро был прекращен древний обычай мирского распоряжения белыми

церквями в Пскове. Уже 8 января 1733 г. состоялась Высочайшая резолюция Императрицы Анны Иоанновны на доклад Сената, по которому произошло окончательное изъятие церковных вотчин из ведомства приказчиков и старост – псковичей посадских людей (ПСЗРИ IX. 1830: 12. № 6303). Отныне все церковные вотчины и крестьяне поступали в управление Псковского архиерейского дома.

Когда архиерейская администрация заполучила старинные грамоты из белых храмов и монастырей, то удостоверилась в том, что древние документы не служат к ее оправданию. Духовные власти поспешили от них избавиться, изъяв из юридического употребления и архивного хранения среди нужных дел. По крайней мере, в нынешних архивных собраниях подлинных псковских харатейных грамот практически не сохранилось, они известны лишь в поздних списках в составе разрозненных актов. Таким образом, после победы правящего архиерея над посадом и завершения многолетней тяжбы, харатейные грамоты были признаны утратившими юридическую силу. Чтобы лишить псковичей доказательной основы их древнего права на распоряжение вотчинами белых церквей, подлинники грамот могли быть надежно спрятаны в Псковской консистории среди старых дел, а после секуляризации 1764 г. и вовсе уничтожены, так как следы их с той поры теряются.

Новые грамоты эпохи вечевого Пскова являются ценным источником для изучения древней псковской письменности, старинной топографии Псковской земли, церковной истории и монастырского землевладения.

Литература и источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. С. 200. № 122.
2. Василев И.И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей (с рисунками и планами) // Записки Императорского Русского Археологического общества. Т. X. СПб.: Типография И.Н. Скороходова,1898.

3. Годовиков И.Ф. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Вып. 1. Псков: Типография Губернского правления, 1880. 132 с.
4. Дианова Т.В. Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». Каталог. М.: Труды ГИМ, 1998. С. 8, 105, 161. № 336.
5. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1966. 214 с.
6. Постников А.Б. Древлехранилище Псковского музея. Обозрение русских рукописных документов XVI–XVIII вв. М.: БуксМАрт, 2013. 976 с.
7. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. С. 84.
8. Сборник Московского Архива Министерства Юстиции. Т. V. Псков и его пригороды. Кн. 1. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913.
9. Смиречанский В.Д., прот. История Псковской епархии IX–XVIII веков. Историко-статистический сборник сведений. Псков: Псковская областная типография, 2010.
10. Суворов Н.С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII веках // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1906. № 4 (апрель).
11. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Часть вторая. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 428 с.

УДК 811.161.1

С.А. Салмин, Е.А. Яковлева
(Псков, Россия, solvarg@rambler.ru;
lensanpsk@yandex.ru)

«*...у Болшова ряда на вымле*»
(к уточнению значения псковского топографического термина)

Предложное сочетание «на вымле», встречающееся в Писцовой книге по Пскову и его пригородам 1585–1587 гг. при описании Псковского Нового Торга более 70 раз, до сих пор не получило убедительного истолкования. Нам представляется, что этот термин является локативом от слова «вым(о)л», который авторы предлагают понимать как обозначающий ‘окончание удлинённого топографического объекта, или его выступ’.

Ключевые слова: *вымол*, топографическая терминология, Псков, Великий Новгород.

S.A.Salmin, E.A. Yakovleva

“… *U Bolshova ryada na vymle*” (A Specification of the Pskov Topographic Term Meaning)

The prepositional combination “na vymle”, found in the description of the Pskov New Torg in the Scribe book of Pskov and its suburbs (1585–1587) more than 70 times, has not received a convincing interpretation yet. The authors consider this term to be a locative of the word “vym(o)l”, and suggest that it may be treated as ‘the end of an elongated topographic object, or its projection’.

Key words: *vymol*, topographic terms, Pskov, Velikiy Novgorod.

В 2016 году коллективом археологов и историков из Пскова, Москвы и Казани был завершен исследовательский проект «Новый Торг Пскова 16–18 веков по данным археологии и письменных источников» (РГНФ, № 14-11-6005). Результаты исследований обсуждались на российских и международных конференциях, была опубликована серия статей, продолжается работа над подготовкой к изданию коллективной монографии «Торг Болшей: Новый Торг Пскова 16–18 веков по данным археологии и письменных источников». Вместе с этим (что вполне закономерно для такой многогранной проблемы) некоторые из сюжетов оказались недостаточно проработаны и остались за пределами опубликованных материалов.

В процессе составления принципиального плана взаиморасположения объектов, отмеченных Писцовой книгой 1585/86 г. на Новом Торгу (Салмина, Салмин, рукопись), возник ряд вопросов, требовавших дальнейшего осмысления и привлечения информации расширенного круга источников. Одним из основных камней преткновения для авторов исследования стал вопрос о часто встречающемся в тексте Писцовой книги оборота «*на вымле*» (в одном случае «*на вымлу*») (Кн. писц. I: 15–68).

Новоторговские *«вымлы»* упоминаются в связи с частью Луцкой улицы; переулками Яблочным, Хлебным, Кожевенным,

Кузнецким; Оржаной нивой; храмом Оксиньи (Ксении); торговыми местами и клетями Большого, Сурожского, Сапожного, Суконного, Котелного, обоих Мясных, Сермяжного, Старого Хлебного, Грешневого, Соляного, Кузнецкого, Рукавичного, Серебряного и Иконного рядов. Уточнение «*на вымле*» при описании различных элементов Нового торга Пскова встречается более 70 раз, при этом ни разу термины «*вымла*» (или «*вым(о)л*») не упоминаются как самостоятельный объект или хотя бы в форме именительного падежа. Таким образом, «*вымла*» («*вым(о)л*») представляются скорее частью или признаком некоторого объекта, нежели самим объектом.

Проведенная маркировка использования предложного сочетания «*на вымле*» в связи с объектами псковского Нового Торга подтвердила, что оно связано исключительно с упоминанием оконечностей торговых рядов или блоков лавок торгового ряда в местах пересечения ряда переулками и межрядными проходами. Двустороннее описание одного ряда позволяет определить, что на «*вымлах*», во всех случаях упоминания, находились угловые торговые места.

Помимо Пскова, «*вым(о)л*» или «*вымла*» достаточно широко представлены в исторических описаниях XVI – нач. XVIII вв. торгов Москвы, Казани, Твери, Костромы, Себежа, Опочки, Нижнего Новгорода и других городов. Часты использования термина и в корпусе писцовых документов и земельных актов XVI–XVII вв.

Попытка уточнить значение термина привела к выявлению неоднозначности его трактовки как в современных изданиях (в первую очередь, в словарях древнерусского языка или диалектных словарях), так и в трудах исследователей XIX в. Анализ опубликованных материалов показал, что вопрос как о звучании, так и о смысловом содержании термина по-прежнему остается открытым.

«*Вымла/я*» как существительное женского рода признается только единичными авторами, при этом сторонники этой формы придерживаются различных мнений относительно ее семантического содержания.

Так, И.М. Снегирёв утверждает, что «*вымля*» является синонимичным понятию «вымоина» (Снегирёв 1865: 96). И.Е. Забелин категорически отрицает подобное истолкование, сближает понятия «*вымла*» и «*вымол*», и предлагает в качестве основного значения термина следующее: «… “*вымла*”, изъ одного корня со словомъ: *вымя* – означало, вообще, выдвинувшуюся, выдавшуюся на улицу или на площадь часть построекъ, напримѣръ, рядовъ или домовъ, или вообще, выдавшуюся часть уличной границы» (Забелин 1873: 206).

О «вымоле» словари упоминают чаще. Однако эти версии при анализе контекстного словоупотребления оказываются не полностью всеобъемлющими, а приведенные в словарях примеры словоупотребления оказываются не вполне корректными:

ВЫМОЛ ‘Коса, мель, обмелевшее место’ (Срезневский I: 447).

ВЫМОЛ 1. ‘Намытая водой возвышенность у реки’.
2. ‘Любое место, возвышающееся над низиной, используемое в качестве межевого знака’ (СлРЯ XI–XVII вв. III: 223).

ВЫМОЛ 2. ‘Рытвина, яма, вымытые водой’.
3. ‘Исады, пристань’ (СРНГ 5: 213).

Последнее значение восходит к традиционному истолкованию термина «*вымол*» в «Уставе о мостех» (напр.: Мельникова 2010: 185). Это заставляет еще раз обратиться к тексту этого памятника русского административного права. Наибольший интерес вызывает в данном случае многочисленное упоминание «*вымолов*» в качестве ориентира и всегда с точной привязкой к некоторому объекту (Гиппиус 2005: 24).

В первую очередь нас интересует фрагмент, связанный с Алфердовым/Гаральдовым вымолом, где в качестве ориентира упоминается как «*Алфердов **вымол***», так и «*Алфердов **вымол** задний*».

Учитывая факт, что толкование *«вымол»* ‘пристань’ базируется именно на версии прочтения «Устава о мостех», возможно предположить, что и в данном случае *«вымол»* является не непосредственно объектом городской топографии, а

скорее его окончанием или, возможно, некоей опорной топографической точкой. В таком случае это смысловой синоним слова *«створ»*, т.е. ‘расположение двух предметов на одной линии с глазом наблюдателя, а также направление, определяемое совмещением таких предметов’ (МАС IV: 257).

Возможно, что именно в этих смыслах надо понимать указания на многочисленные *«вымолы/вымлы»* «Устава о мостех» и более поздних источников.

Подводя итоги, авторы предлагают рассматривать термин *«вым(о)л»* в том числе и в качестве обозначения окончания удлиненного топографического объекта или его выступа и трактовать словоупотребление формы *«у ... ряду на **вымле**»* как указание на конечное положение лавок на отрезке описываемого торгового ряда, в приближении к вторичному ориентиру. Возможно, что выпадение второго гласного в слове произошло по модели, типологически сходной со схемой ***«****угол – углу****»***.

Вариант *«вымла»*, скорее всего, стоит признать искусственной формой, возникшей из-за неверного прочтения текстов, содержавших упоминания этого объекта в локативной форме.

Сокращения

Кн. писц. I – Псков и его пригороды: [Подлинная писцовая книга № 335]. Кн. I (1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. 5. М., 1913. С.15–68.

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893.

Литература и источники

1. Гиппиус А.А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.
2. Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. II. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1873.
3. Мельникова Е.А. К предыстории готского двора в Новгороде // История: дар и долг. М.; СПб., 2010. С. 184–198.
4. Салмин С.А., Салмина Е.В. Внутренняя планировка Нового торга Пскова: попытка составления «принципиального плана»

расположения торговых рядов. Рукопись (авторская копия приложения к представленному в РГНФ отчету по проекту 2014–2015 № 14-11-60005).
5. Снегирёв И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М.: Изд. А. Мартынова, 1865.

УДК 94(47)

З.А. Тимошенкова
(Псков, Россия, zoyatim@mail.ru)

Единицы измерения продуктов садоводства и огородничества в вотчине Иверского монастыря во второй половине XVII – начале XVIII вв.

Рассмотрена степень распространения огородничества и садоводства на Северо-Западе России во второй половине половине XVII – начале XVIII вв. Уделено внимание единицам измерения продуктов садоводства и огородничества: их разнообразие зависело от местности, назначения покупок, мест производства и продажи, что затрудняет перевод их в современные меры веса и объема.

Ключевые слова: виды овощей и плодов, единицы измерения семян и урожая, огородничество, приходо-расходные книги, садоводство, таможенные книги.

Z.A. Timoshenkova

Units for Measuring Horticulture Products in the Patrimony of the Iviron Monastery During the Second Half of the 17th – the Beginning of the 18th Centuries

The spread of gardening and horticulture in the Northwest of Russia in the second half 17th – the beginning of the 18th century is revealed. The special attention is paid to the units for measuring horticulture products: their diversity depended on the region, the purpose of purchases, the production sites and the sale sites, which makes it difficult to convert them into modern measures of weight and volume.

Key words: types of vegetables and fruits, the units for measuring seed and crop, horticulture, account books, horticulture, customs books.

Садоводство и огородничество на Северо-Западе России занимало заметное место в структуре хозяйства горожан, крестьян, разных категорий феодальных владельцев. Иностранцы не без удивления отмечали разнообразие в России овощей и фруктов и их отличные вкусовые качества (Очерки 1977: 47). Сады и огороды были при многих русских монастырях. По существу, огородным растением являлась конопля, которая высевалась вблизи изб на хорошо удобренной почве (Жекулин 1982: 137). Специализированные овощные лавки уже в XVI в. были не только в Новгороде и Пскове, но и в рядках. В 60-е годы XVI в. в Боровичах были лавки, где торговали овощами (Аграрная история 1978: 168). Огурцами и «борканом» (морковью) торговали в 60-е гг. XVI в. и в рядках Бежецкой пятины. В Боровичах и Вышнем Волочке велась торговля хмелем. О степени распространенности огородничества и садоводства, а также о значимости этих статей в хозяйстве свидетельствует включение в Соборное Уложение наказаний за кражу яблок и овощей, за срубленное в чужом саду дерево (Очерки 1977: 47), а также включение огородных культур в состав оброка. Овощи и фрукты не только служили важным подспорьем в ежедневном питании, но и приносили немалый доход. Огородничество в это время распространилось далеко на север. Так, крестьяне Николо-Корельского монастыря продавали выращенный ими лук и чеснок (Акты исторические 1841: 22).

Патриарх Никон лично интересовался садовыми и огородными культурами. В 1665 г. голландцы привезли ему большой ящик с разной рассадой, луковицами, цветами и ягодными кустами. Никон попросил посадить привезенное в саду при Новоиерусалимском монастыре, и сам участвовал в посадках. Однако недоумение у голландцев вызвало то предпочтение, которое Никон отдавал петрушке и редьке, которые занимали лучшие места (Ловягин 1877: 876–877).

Уделяли внимание садоводству и огородничеству монахи монастырей, созданных Никоном. Они разводили сады и огороды сами, покупали и получали в качестве вкладов. Сады в Иверском монастыре были непосредственно при нем и на

островах Святого озера, а также при новгородском и московском подворьях и в отдельных селах, например в Чавницах (Архив СПбИИ РАН ф. 181, оп. 1, д. 34, 3128; картон 152, д. 11, л. 31; 15, стб. III). Яблоневый сад был при селе Щапово в Клинском уезде, там же располагался огород «для саженья овощей» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 2, кн. 1197, л. 8).

Размеры садов в Новгороде на Михайлове улице при подворье и на Городище известны нам по описанию 1739 г. (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 2, кн. 1197а, л.241,243). Ранее, в описях 1702 и 1705 г. на новгородском подворье отмечены два огорода, «что были преж сады», выгоревшие во время пожара 1692 г. (Седов 2015: 494). У Иверского монастыря сад был и при московском подворье в Китай-городе (РИБ: 207–208). 24 июля 1655 г Никон подал челобитную царю, в которой жаловался на отсутствие загородного двора, где бы для иверской братии «капусты и огурцов садить» и просил загородный огород Н.И. Романова за Яузой. Пожалование последовало «в поминок» по Н.И. Романову (РИБ: 29 об.–30 об.).

Подмонастырские сады и огороды разбивались одновременно со строительством монастыря. Установлению точного их расположения помогают описания 30-х и 60-х гг. XVIII в. В 1739 г. в ограде Иверского монастыря было четыре яблоневых сада: у «денежной казначейской кельи», около больницы. За оградой монастыря располагались два огорода для «саженья казенных овощей». В 1697/98 г. отмечено, что огороды располагались около архимандричьих палат, «подле столярни за кузнецкими воротами» и на огородном острове (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 2, кн. 1197, л. 6). Два овощных огорода было в приписном Духовском Боровицком монастыре. Всего в это время у монастыря было 10 садов и 7 огородов, а доход «за садовое монастырское слетье» составлял в 1738 г. 22 руб. 60 коп. Это примерно десятая часть неокладных доходов монастыря (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 2, кн. 1197, л. 17,36). Опись 1763 г. позволяет уточнить характер их ограждений. 3 яблоневых сада при Иверском монастыре были обнесены брусчатым палисадником (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 2, кн.

1197а, л. 100). Огород за монастырской оградой слева – стоячим забором». При конюшенном дворе, в трех верстах от монастыря, за озером, яблоневый сад был огорожен тыном. Поблизости от него, по направлению к Валдаю, в поле располагался огород, также огороженный тыном «с малым числом яблонь». Еще один огород был на острове в 200 саженях от монастыря «для содержания всяких овощей». Овощной огород, огороженный частоколом, находился по другую сторону озера, в версте от монастыря, «при поселье Яковлеве».

Между дворцовым ведомством и монастырями возникали конфликты по вопросу владения садовой и огородной землей. Подьячие новгородского дворцового приказа высказывали мысль, что государев сад можно расширить за счет земли, которой владеет на Городище Иверский монастырь: «На ней мочно садить яблони, вишни, груши и дули, и прибыль государево казне будет немалая» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 2687). Однако эти претензии не были удовлетворены.

Об интересе к этой отрасли хозяйства и ее важности для крестьян свидетельствует их сопротивление переделу огородных земель. Объясняя свою позицию, крестьяне заявляли, что у них в огородах хмельники «и посажены в осень чесноки и иные кое-какие овощи». Крестьяне обвиняли инициатора передела в том, что он «хочет нас сирот с старых огородов и с садов ныне согнать, потому что у него никаких садов в огороде не учинено... не работав да хочет посилье нагло отнять» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 2900. С. 55).

Документы из архива монастыря содержат некоторые сведения о местах хранения продуктов садоводства и огородничества. На монастырских скотных дворах, где во «мшеных» хлевах и конюшнях, крытых дранью, содержался скот, в сараях над хлевами хранилось не только сено, но и яблоки, лук и чеснок (Архив СПбИИ РАН, ф.181, оп. 1, карт. 157, д. 33). Для хранения яблок использовались конские лукошки (Описание: 606).

О площади посадок, составе культур, а также степени доходности садов и огородов можно судить по количеству и ассортименту закупаемых семян. Единицы измерения садовых и

огородных культур и цены на семена и продукты садоводства и огородничества представлены в приходо-расходных монастырских книгах и таможенных книгах, в актовом материале. В с. Валдай (Богородицыно) – центр вотчины Иверского монастыря – огородные семена привозили жители Городца, Ростова и их уездов – регионов, которые в XVII в. специализировались на огородничестве. Это лук сеянец, лук сеянец «тотарик», саженец или садушка, чеснок, семя огуречное, свекольное, морковное, «ретковое» или «редешное», рассадное (зелейных культур). Лук саженец (сажелец), мелкий сеянец измерялся в четвериках валдайских и московских, в новгородских старых четвериках. В них же измерялся и лук большой. Чеснок измерялся головками и подъемами, семена овощных культур продавались фунтами. Для начала XVIII в. указано количество головок в одном подъеме: «подъем чесноку счетом 2300 головок» (Тимошенкова 1999: 242).

Кроме Валдая семена огурцов, моркови, лука (а также лук-саженец), петрушки, редьки, тыквы, мака белого и даже арбуза закупались Иверским монастырем в Москве, Новгороде, Старой Руссе, покупалась и продавалась рассада капусты.

В 1672 г. для посева в село Чавницы было послано свекольного и «пастарнаковского» семени «фунтов с 20» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 2077). В 60-е гг. XVII в. размеры посевов на суках, т.е. на подсеке репы, у крестьян «корельских» деревень Валдайской округи измерялись количеством высеянных семян от 0,5 до 2 ложек. Интересно, что посевы конопли и гороха у этих крестьян исчислялись количеством решет (0,5–1 решето) (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 757). Решето известно и как эквивалент других мер: корчага, а ней «семяни конопляного решето» (Тимошенкова 1999: 242). Эти единицы измерения представлены в документах других монастырей и таможенных книгах в 1666–1667 гг. Согласно приходо-расходной книге «московской езды» архиепископа Вологодского и Белозерского Симона, чеснок закупался подъемами, головками (6600 штук), четвертями «в ростовскую меру», лук романовский четвертями, в том числе было куплено луку 26 четвертей «с черпком». Семена овощей измерялись

фунтами и черпками (черпок свекольного). Кроме того была куплена на семена чаша гороха (Башнин 2015: 228).

В Великих Луках в 1671/2 г. ростовчане, муромчане и местные жители продавали лук сеянец и высадку четвериками, чеснок подъемами и головками, рассаду четвериками и фунтами, семена пудами (свекольное и черное – фасоль), гривенками (морковное, редьки) (Таможенные книги: 132, 150).

На рынке Вязьмы лук, привозимый для продажи, измерялся возами, изюм – пудами и крошнами, чернослив – пудами, чеснок – подъемами, возами и четвериками, яблоки – возами, огуречное семя – пудами, россадное (роседное) семя – пудами (Раздорский 2010: 66).

Монастырские власти постоянно заботились о своевременном омоложении садов и ягодников. В 1698 г. монах Кирьяк с московского подворья в монастырь «а черенков яблоневых и дулных и грушевых добыв добрых впред к вам государем пришлю» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 4863, сст. 14). В Москве закупались также саженцы смородины (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 2, кн. 53 Л.112).

В 1689 г. архимандрит просил протопопа Смоленского Петропавловского собора прислать в Иверский монастырь «дулных добрых семян ради росплоду садового» или «хотя дулных добрых черенков на присадки по нынешнему зимнему пути» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 3835, сст. 35). На просьбу из монастыря в 1696 г. «сторговать» в Новгороде «самых добрых с ранних яблонь новых и груш почек 100, чтоб были к цвету» стряпчий новгородского подворья просил уточнить, какие почки нужны – большие или малые, и объяснил причину задержки: «…садовники говорят ныне де их из земли не выкопаешь, сверху де толко земля тала (март. – З. Т.), а в исподе в корнех все мерзло. А цену сказали оне садовники, которые де почки 6 лет и тем цена по 3 алтына 2 денги, а которые по 10 лет те по 5 алтын за почку. А почки грушевые и яблонные самые малые, которые лет 2 или 3 без цвету и те гораздо дешевы» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 4709).

Единицы измерения продуктов и садоводства и огородничества упоминаются в документации монастыря и в

связи с покупками для потребления и выдачей жалованья. В Москве монастырскому подьячему был выдан четверик лука ценою 21 коп. и четверик чеснока ценою 30 коп. Покупка внутри вотчины могла оплачиваться солью. У крестьянина деревни Глуботец воз репы был куплен за 0,5 пуда соли, а у жителя деревни Середей Василия Ильина за 1 пуд соли. В 1701–1702 гг. за воз репы монастырь платил крестьянам 1 пуд соли. Столько же соли выдавалось и за четверик сухих грибов. В этом же году 142 пуда хрена монастырь оценил в 3 пуда соли (Архив СПб ИИ РАН, ф. 181, оп. 2, кн. 924).

Монастырские власти внимательно следили за видами на урожай и ценами на плоды и овощи. В случае неурожая делались закупки. В 1672 г. монастырские власти предписывали купить капусту и огурцы в Новгороде, так как вблизи монастыря капуста «вся застыла и от дождев вымокла и с тех огородов капусты и огурцов и на первой час братии не будет», а также не продавать на сторону капусту со старорусских огородов (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 2075, ст. 43). В 1693 г. монастырские власти предписывали купить в Новгороде «добрых вишен», из которых 10 тысяч «покласть в боченку и налить вином», а 5 тысяч в другом бочонке «налить самой доброй патокой» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 4320, сст. 127), а также не реализовывать огурцы, выращенные на Городище, а купить 10 бочек, «осолить» и поставить до зимнего пути, «где пристойно» (Архив СПбИИ РАН, ф. 181, оп. 1, д. 4320, сст. 129).

Яблоки в случае необходимости покупались штуками, десятками и четвериками. В XVII в. яблоки измерялись возами, челнами («челн яблок, мерою 20 четверток»). (Русско-белорусские связи: 167). В приходо-расходной книге архиепископа при покупке огурцы и яблоки исчислялись штуками, капуста «кочнами» и телегами (Башнин 2015: 283–297). Одновременно закупалась копра (укроп) и мята для соления огурцов и капусты. В СлРЯ XI–XVII вв. приведены примеры, иллюстрирующие необходимость использования этих пряностей: «копр в капусте смраду не пустит»; «конь молодцу, что копр огурцу» (СлРЯ XI–XVII вв. 7: 298)

Измерение овощей грядами встречается как в государственной, так и в монастырской документации. В 1669 г. при сдаче в аренду загородного московского огорода «за Петровскими вороты за Земляным городом» на 10 лет арендатор обязался в качестве арендной платы поставлять на московское Иверское подворье 15 тыс. огурцов, 30 гряд капусты, 2 гряды луку «тотарину», 3 гряды луку «саженцу», 2 гряды моркови, 3 гряды свеклы, 3 гряды чесноку, 2 гряды редьки и хрена (Седов 2015: 452). В 1683/84 г. новгородские посадские люди жаловались воеводе, что игумен Николы Белого монастыря продал 3 тысячи гряд капусты (по 7 коп. за гряду) с огорода, который занимал 50 посадских дворовых мест и «грацкой» выпас. (Архив СПбИИ РАН коллекция 2, №42).

Для соления капусты в Иверском монастыре использовались ушаты в 20, 30 и 40 ведер (стлб. 604).Соленые огурцы хранились в полубочках (Описание 1903: 606). Бураки солили в бочке вместимостью 30 ведер (Описание 1903: 603).

Таким образом, документы содержат сведения о разнообразных единицах измерения продуктов садоводства и огородничества, Они зависели от местности, назначения покупок, мест производства и продажи, что затрудняет перевод их в современные меры веса и объема.

Сокращения

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук

РИБ – Русская историческая библиотека. Т.5. СПб., 1878.

Литература и источники

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л.: Наука, 1971.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития. Л.: Наука, 1978.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: 1841. Т. 2.
4. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.: 1864. Т.2.

5. Башнин Н.В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон и его приходо-расходная книга // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVII–XVIII веков. СПб: Нестор-История, 2015. С. 226–344.
6. Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982.
7. Ловягин А.М. Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона // Исторический вестник. Т. 77. СПб., 1899.
8. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
9. Описание архива Александро-Невского монастыря за время царствования императора Петра Великого, т. 1, 1713–16. СПб.: Синод. тип., 1903.
10. Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч. 1.
11. Раздорский А.И. Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М.: Универсальные информационные технологии, 2010.
12. Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.). Минск: Высшая школа, 1963.
13. Седов П.В. Подворья Валдайского монастыря в Москве и Новгороде // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVII–XVIII веков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 436–554.
14. Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1999.
15. Тимошенкова З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII – начала XVIII вв. Псков: ПГПИ, 1999.

УДК 811.161.1

С.М. Толстая
(Москва, Россия, smtolstaya@yandex.ru)

Псковский *грех* на общеславянском фоне

Наряду с общими для всех славянских языков и диалектов значениями, отражающими религиозную (христианскую) концепцию греха, в семантическом спектре псковского *грех* и его дериватов представлены такие значения, как ‘ошибка’, ‘неудача’, ‘неприятность’, ‘безобразие’, ‘беда’, ‘несчастье’, ‘вина’, ‘прелюбодеяние’, ‘брань’, ‘ссора’, ‘клевета’, ‘черт’, ‘колдун’ и др., объединяющие псковские

говоры со многими другими русскими и инославянскими языковыми традициями.
Ключевые слова: беда, брань, грех, лексика, народная демонология, ошибка, прелюбодеяние, псковские говоры, семантика, славянские языки, ссора.

S.M. Tolstaya

The Word *grex* in the Pskov Dialect and Other Slavic Dialects

The semantic spectrum of the word *grex* ‘sin’ and its derivations in the Pskov dialect is represented by the following definitions: ‘mistake’, ‘misfortune’, ‘trouble’, ‘hideousness’, ‘disaster’, ‘accident’, ‘guilt’, ‘infidelity’, ‘abuse’, ‘quarrel’, ‘slander’, ‘devil’, ‘wizard’, etc. (alongside with the common for all Slavic languages and dialects meanings of a religious concept of sin). These meanings join the Pskov dialect with the language traditions of other Russian and Slavic dialects.
Key words: disaster, abuse, *grex*, lexis, folk demonology, mistake, infidelity, the Pskov dialect, semantics, Slavic languages, quarrel.

Статья написана в рамках работы над проектом «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», поддержанным грантом РНФ № 17-18-01373.

Слово *грех* не раз привлекало внимание исследователей, ему посвящена большая литература. И лингвисты (семасиологи, лексикологи), и культурологи, и философы отмечали сложность и противоречивость его семантики и непрозрачность формальных и семантических связей слова как внутри лексико-этимологического гнезда, так и за его пределами. Прежде всего, до сих пор остается не окончательно выясненной этимология этого слова, известного всем славянским языкам. Предполагавшаяся связь его с глаголом **grěti* (ср., например, Фасмер I: 456, Snoj 1997: 157 и др.), безупречная в формальном отношении, отвергается рядом этимологов по соображениям семантическим: «Внешнее сходство имен **grěхъ* и **spěхъ, *směхъ* вплоть до примеров нарочитого параллелизма вроде русск. *и смех и грех*, а также то обстоятельство, что производящие глаголы для **směхъ* и **spěхъ* точно известны – **smьjati*, **spěti*, уже давно послужило основанием для того,

чтобы и в форме *grěxъ видеть производное с суф. -x- от гл. *grě(ja)ti <…> Однако как раз семантическая сторона этимологии *grěxъ – *grěti вызывает больше всего сомнений. Ссылка на аналогию др.-инд. *tápas* ‘жара’, ‘боль’ от *tápati* ‘распаляться’ или на слав. *pečalь* от *pekt’i* недостаточны хотя бы потому, что *grěxъ – это название результата действия, поступка, но не название чувства» (ЭССЯ 7: 115).

Первоначальным значением слав. *grěxъ, по мнению ряда современных этимологов, было значение ‘кривой’ (объединяющее его с лит. *graižùs*, латыш. *grèizs* ‘кривой, косой, наклонный’ и др.), откуда далее на основе представления об отклонении от прямого пути возникает понятие ошибки, нарушения нормы, правила (ср. *правда* и *кривда*), а затем путем сужения значения и присоединения дополнительной оценочной семантики появляется понятие грех в религиозном смысле.

Семантический спектр слова *grěxъ в лексиконе славянских языков и диалектов оказывается чрезвычайно широким, при этом этимологические рассуждения строятся обычно на весьма ограниченных данных, относящихся лишь к одной стороне этого понятия. Между тем оно явно распадается на две части, одна из которых соотносится с христианским понятием греха (именно она прежде всего учитывается этимологами и лексикологами), а другая – с дохристианским понятием. Об «автономности» народной концепции греха по отношению к христианской, религиозной, «книжной» см. (Толстая 2000; Живов 2009: 425–426; Грковић-Мејџор 2013: 275). В словарях литературных славянских языков в соответствии с «книжным» употреблением и значением слова представлено главным образом его христианское, религиозное значение; в особенности это касается языков, входящих в круг Slavia Latina. Следы дохристианской судьбы слова *grěxъ, его исконного значения и его древнейших связей с другими словами необходимо искать прежде всего в диалектных употреблениях и контекстах, хотя и в диалектном дискурсе христианская семантика слова занимает значительное место. Нужно также учитывать, что и на основе христианской концепции греха в диалектах, как и в литературном языке, могли развиваться

новые значения, которые в разных отношениях могли сближаться или скрещиваться с дохристианскими. Аналогичное соотношение христианской и дохристианской семантики отмечается в истории других культурных слов, таких как *святой, святость* (**svęt-*), *мир, свет* (**mirъ*, **světъ*), *благой* (**blag-*). См. (Топоров 1987; 1989; Толстая 2012; Грковић-Мејџор 2013). Еще одной важной характеристикой слова **grěxъ* является его принадлежность к языку древнего славянского права, которое столь же противоречиво, поскольку сочетает в себе христианские юридические понятия и дохристианские правовые представления (Иванов, Топоров 1978; 1981; Живов 2002: 187–305).

В данной работе рассматривается семантический спектр слова *грех* и его производных в псковских говорах (прежде всего на материале ПОС) и прослеживаются инославянские соответствия отмечаемых в псковском материале значений. В этом словаре, как и во всех без исключения лексикографических источниках – как книжных, литературных, так и диалектных, на первом месте указывается христианское значение греха как нарушения религиозных предписаний и запретов, ср. *грех* 1. 'нарушение божьих заповедей', *грешник* 'человек, совершающий проступки против религии' (ПОС 8: 18). Понятно, что это значение, будучи всеобщим, не может служить основанием для сопоставления разных славянских языковых и культурных понятий. Производными от этого религиозного значения являются выражения типа пск. *грехи сдавать* 'исповедоваться', возможно, также *вводить в грех* или *быть в греху* 'сделать что-л. предосудительное, противоречащее христианским установлениям' (Там же).

Исконным для слав. **grěxъ* следует считать значение **'ошибка'** безотносительно к тому, в чем именно совершено отступление от нормы. Это значение сохраняется в южнославянских языках в производных от **grěxъ*, таких как с.-х. *грешка* 'ошибка', *погрешити* 'ошибиться' и т.д. В восточнославянских языках оно оттеснено на периферию и встречается в диалектах, в устойчивых выражениях (ср. литер. *с грехом пополам*, пск. *не грех* 'можно, позволительно'), в

дериватах (ср. *погрешность, огрехи* ‘недосмотры, ошибки, недочеты’ и т.п.). Во многих русских диалектах ошибка понимается в специальных земледельческих, ткаческих или иных «производственных» значениях как ‘огрех’, ‘пропуск’, ‘недоделка’, ‘брак’: с.-рус. *грешина* ‘непрокошенный участок на поле’ (СГРС 3: 129–130), арханг. *грешина* ‘огрех в пахоте’: «Худо орёт, грешыны оставлейет» (АОС 10: 53); твер. *огрешность* ‘огрех’: «Пашут с большими пропусками и другими огрешностями» (СРНГ 22: 355); смол. *грехва* ‘пропущенное или плохо обработанное место в поле при пахоте, огрех’ (СРНГ 7: 133); твер. *прогрех* ‘оставшееся случайно не вспаханным место поля, огрех’ (СРНГ 32: 116); укр. буков. *гріх* ‘пропуск при покраске’: «Ану позамастюй сі гріхи шо полишала» (СБГ: 77) и т.п.

Специализация и сужение семантики греха может происходить и на базе христианского понятия, когда, например, грех получает значение ‘нарушение поста’: рус. диал. моск. *согрешиться* ‘нарушить пост, оскоромиться’ (СРНГ 39: 204); ср. укр. *гришани* – ‘такий що вже їв’, *нигришани* – ‘такий, що не їв’: «На двори ше невидно, а ти вже гришани, а йа с’одн’і ше негришана» (Аркушин 2016: 107) или ‘несоблюдение запрета на работу в праздник’, ср. с.-х. *греховати* ‘работать в праздник’ (РСХКНЈ 3: 615–620).

Связь слав. **grěхъ* с понятием ошибки имеет и некоторые косвенные подтверждения. Так, ошибка и грех объединяются общим мотивом ‘не попадать в цель, промахиваться’. Этот мотив лежит в основе рус. слова *ошибка, ошибаться* (от глагола *шибать, шибить* ‘бить’), который в сочетании с предлогом *о-* получает значение неудавшейся попытки, ср. *оступиться, описаться, оговориться* и т.п. (Толстая 2017). В гнезде слав. **grěхъ* также представлены подобные значения, ср. серб. *грешати* ‘отступать от правила’: «Верује се, да ће (воћка) у рађању грешати, тј. једне ће године родити, а друге неће» [Считается, что (плодовое дерево) в своем плодоношении может *грешать*, т.е. один год родить, а другой – нет] (РСХКНЈ 3: 619), рус. волог. *гре́шить* ‘минует, идет мимо’: «Я стану рубить эту елшину. Не тронь, она грешит» (СРНГ 7:

138); др.-рус. *грѣшати* 1. ‘промахиваться, не попадать в цель’ (14 в.); 2. ‘нарушать религиозные предписания’; *грѣшити* 1. промахнуться, не попасть в цель: «… хотя оуврьтѣти ножь в око. и грѣши ока и перерѣз ему лице»; 2. ‘миновать, пропустить что-л.’: «смерть не грѣшитъ никогоже» (СДРЯ 2: 399, 14 в.). Ср. в этой связи перм. *грешный год* ‘високосный год’ (нарушающий порядок следования): «А в грешной-то год все больше мрут; в високос-то» (СПГ 1:187).

Поскольку ошибка совершается бессознательно, у слов гнезда **grěxъ* метонимически может появляться значение ‘непреднамеренно, случайно’, и затем – ‘неожиданно, вдруг’: рус. диал. *грехом* 1. ‘непреднамеренно, случайно’: «Грехом напали на куст чарники». 2. ‘неожиданно’: «Грехом заехал, грех тебя принёс, ня ждали, значит, а он приехал» (ПОС 8: 20); др.-рус. *грѣхомь* – ‘случайно’ (СДРЯ 2: 398, 13 в.). Это значение засвидетельствовано уже древними славянскими текстами, ср. статью хорватского «Полицкого статута» (XV в.): «Ako li bi grichom ubio Poličanin Poličanina u Policach ali indi jednako nosi» [Если бы случайно Поличанин убил Поличанина в Полице или где-либо еще, то столько же бы платил] (цит. по Грковић-Мејџор 2013: 276).

Еще одно устойчивое направление семантической деривации и специализации – это понимание греха в **сексуальном** смысле (ср. *согрешить с кем-л.* ‘вступить во внебрачную половую связь’), известное многим языкам. Казалось бы, его можно считать производным от религиозного понятия греха (ср. *первородный грех, грешное тело* и т.п.), но оно могло возникнуть и на почве дохристианского понятия греха. Ср. в ПОС *принять грех* ‘совершить прелюбодеяние’: «Приняла грех, приняла и стыд (родила без мужа)», *грешить* (с кем) ‘иметь любовную связь’: «Дефки наперебой идут грешыть с ним»; *грешок, с грешком* эвфем. ‘беременная’. «Ухажорка асталась з гришком», *грех* ‘мужской половой орган’: «Валерик, никому свой грех не показывай» (ПОС 8: 18–19); перм. *греха грешить* ‘вступать в половую связь’: «До сорочин после покойника, если молодые в доме есть, дак им греха грешить нельзя» (СРГКПО: 9); укр. диал. *гришне тiло* ‘половые органы’:

«Гуз'ми друг'і штани, а то с'витиш гришним т'ілом» (Аркушин 2016: 107); укр. бойк. *в гріх упасти* ‘родить внебрачного ребенка’ (Онишкевич 1: 193); кашуб. *gřěšnė cało* ‘половые органы’ (Sychta 1: 377); с.-х. *бити у гријеху* ‘быть беременной (о девушке), ожидать внебрачного ребенка’ (РСХКНЈ 3: 615).

ПОС отмечает для *грех* значение ‘**беда, несчастье**’, *навести грехи* ‘причинить неприятности’ (ПОС 8: 19). Это значение может быть связано как с христианским, так и дохристианским, мифологическим пониманием греха и его последствий – божьего наказания или соответствующей реакции природных сил, таких как стихийное бедствие, болезни, война и т.п. (Толстая 2000), но оно может быть производным и от *грех*, *грешить* в значении ‘совершать проступки, нарушать порядок, безобразничать’, т.е. обозначать негативные последствия такого поведения. Это значение или его специализированные варианты (конкретные виды несчастий) отмечаются во многих источниках: арханг. *грехота* ‘горе, несчастье, неприятность’: «Мне с вами грехота», *грех* в роли междом. ‘беда!’ (АОС 10: 50); рус. карел. *грех* ‘неприятность’, *на грех* ‘на беду’; «Недолго до греху – быть беде, несчастью» (СРГК 1: 393); влад. *грешная стать* ‘несчастный случай (пожар и т.п.)’: «Если случится грешная стать» (СРНГ 7: 139); волог. *грешиться* ‘гореть (о пожаре)’: «Грешится – так говорят о пожаре» (Там же); пенз. *грешина* ‘пожар’: «В случае какая грешина, тащите все на конопляник» (СРНГ 7: 138); мордов. *греховое дело* ‘пожар’: «Намедни греховъя делъ в гразу приключилъсь» (СРГРМ 1: 191); морав. *hřích* ‘несчастье, беда’: «Černá slepice kokrhá na hříchy» [Черная курица кудахчет на беду] (Bartoš 1906: 107).

Метонимически эти же слова могут обозначать несчастного человека или само несчастье, неприятности, никчемность: ст.-словац. *hriešný* ‘убогий, немощный’: «Ja hriešne nebožatko» [Я несчастный бедолага] (HSSJ 1: 447), морав. *hříšný* ‘несчастный, бедный, бедняга’: «Kde pak já hříšný tu budu nocovati?» [Где я тут несчастный буду ночевать?] (Bartoš 1906: 107); с.-х. *грешник* ‘несчастный, бедняга’ (РСХКНЈ 3: 620); морав. *hříšný* ‘никчемный, негодный’: «Tá střecha je hříšná» [Эта крыша никуда не годится], ‘нестоящий, пустяшный,

ничтожный’: «To sú hříšné peníze» [Это ничтожные деньги] (Bartoš 1906: 107).

Метонимически производным можно считать и «юридическое» значение слав. **grěхъ* ‘**вина’**: др.-рус. *грѣхъ* ‘вина’: «Добро ѥсть богатьство. в(ъ) немъ же нѣсть грѣха», рус. диал. *погрешимый* ‘виноватый, провинившийся’ (СРНГ 27: 214); дон. *грех*: «Грех ни на ком, сама виновата» (БТСДК: 118); арханг. *грех* ‘вина’: «Без греха вышел» (АОС 10: 48) и т.п.

Понимание греха как нарушения принятых норм поведения распространяется и на **речевое поведение**, где *грех* и его производные могут обозначать различные речевые акты: литер. *грешить на кого-л.* ‘подозревать кого-л.’; пск. *грешить* ‘дерзко шутить, озорничать’, ‘пустословить’, перм. *греховать* ‘клеветать, наговаривать на кого-л.’ (СРНГ 7: 133); рус. карел. *грехословье* ‘слухи, сплетни’; арханг. *грех* ‘сплетни’, ‘брань’: «Меж нами грехи свивают старухи»; «Грех – из уст, в уста – не грех, кушать всё можно, а вот ругаца, матюгаца нельзя» (АОС 10: 48–50); морав. *hřešit* 1. ‘проклинать’, 2. ‘ругать, бранить’: «Vybiła ti tvá máti l’ebo ti hřešiła?» [Побила тебя мать или ругала?] (Bartoš 1906: 107); серб. воевод. *грешити* ‘говорить грубые слова, ругаться’ (РСГВ 2: 178); с.-рус. *греховодник* ‘кто занимается пересудами, сплетничает’: «Пересказьник, перескажыт фсем, о чём мы разговаривам, греховодник, грех наводит» (СРГНП 1: 154).

Однако чаще *грех* обозначает **ссору, брань**: арханг. *грех* ‘несогласие, ссора, сандал’: «У нас с Осипом грех-то идёт из-за дома», «У них всё грех, не быват, штоп по-хорошэму поговорили», и даже ‘война’: «Теперь в Таджикистане грех»; *в грех упасть* ‘поссориться’; *грех добывать, завести, навести, свить, свивать, сводить* ‘заводить ссору’ (АОС 10: 49–50); тобол. *грешить* ‘браниться, ссориться’: «Они грешат между собой» (СРНГ 7: 138); арханг. *в грех упасть* ‘поссориться’ (АОС 10: 48); *грешный* ‘спорный’: «Шаль-то взяли грешну, две сестры грешыли из-за ней» (АОС 10: 55); рус. карел. *грех* ‘ссора, раздор’: «Мы не хотели, чтоб грех был в семье» (СРГК 1: 393), *греховать* ‘ссориться’: «Она в чужих людях живет, а с сыном-то грехует», *греховодничать* ‘плохо обращаться с кем-л.,

скандалить’, *грехота* – ‘ссоры, скандалы’, *грешина* ‘ссора’: «Жили, ни грешины никакой не было» (Там же: 394), *погрешить* ‘поссориться; быть в ссоре’: «Погрешили с полгода да и разошлися» (СРНГ 27: 314); влад., калуж. *грех развязать* ‘разрешить недоумение, спор’ (СРНГ 7: 135); с.-х. диал. *грех* ‘ссора, вражда’: «Гријех у кући, значи и: инад, свађе, несклад, приговори» [Грех в доме значит пререкания, ссоры, несогласие, брань] (РСХКНJ 3: 615); словац. диал. *hriech* ‘неприятность, вражда, ссора’: «Len švagriná robila medi nama hrích; d’e je psota, tam je hriech» [Только золовка (невестка) сеяла между нами вражду, где нужда, там вражда] (SSN 1: 625).

Демонологический мотив в связи с грехом возникает неслучайно, он органически связан как с христианским дискурсом, так и с системой мифологических представлений. С одной стороны, демонологизация греха развивает на образном уровне идею антиномии божественное – дьявольское, с другой – в ней можно видеть продукт табуизации нечистой силы, черта и замены «черного» слова вполне пристойным и даже высоким словом *грех*. В ПОС дается отдельным значением: *грех* ‘злой дух, черт’ и приводятся иллюстрации, свидетельствующие о демонологической персонификации греха и приписывании ему типичных признаков мифологического существа: «Бох и грех, их два вешшества, бох на харошие дела учит, а грех на благие. Грех, гаваря, хвост далгой, сам цорный весь и рага есь, с нактям; дитей им пугали». *Грех лизнул* (кого-л.) ‘кто-н. исчез, пропал’: «Фсё здесь была [дочь], а теперь грех лизнул»; «Шишок баенный – грех, жывёт чорт в бане, парицца посли двинаццати»; «Грех е ва рью, в байни, а шшас ни баимся – пачему? – я думаю, мы фсе самы тяпер грехи»; «Мы с Манькай абряжали кони, ва рью сидел грех, глаза такие ясные»; «Взять себя мазутъй абмаш, и ты будиш, как грех, па деревне хадить» (ПОС 8: 19). Вполне персонифицированный образ греха известен и на юге Польши, в Подгале: *grzych II* ‘чорт’: «он черный, у него нет дырок в носу и на одной ноге копыто; он сидит на кладе с деньгами и сторожит их» (Kąś 3: 493). Ср. еще пск. *грешник* в том же значении: «Только и видила грешника с рагам», *грешиха* ‘колдунья , нечистая сила’: «Гряшыха – чорт сама, нечистая сила, да

двенаццати ликуе, варожыт» (ПОС 8: 23); новг. *греховодный* ‘бес’ (СРНГ 7: 138).

Во многих выражениях этот персонаж выступает субъектом каких-то (чаще злокозненных) действий, как, например, в пск. *где грех ломает* ‘неизвестно где’: «И где ее [сестру] грех ломае?» (ПОС 8: 19); перм. *грех увел* ‘кто его знает’, проклятье *грех его бей!* (СПГ 1: 187); самар. *грех расшиб* ‘о внезапно погибшем животном’ (СРНГ 7: 135); карел. *грех принёс* ‘о неожиданном госте’: «Кого грех принес?» (СРГК 1:393); пск. *чтоб тебя грешник побрал!* (ПОС 8: 23).

С другой стороны, широко употребительны выражения, в которых *грех* явно замещает слово *черт*: пск. *ни греха* ‘нисколько’, *грех их знает* ‘кто их знает’ (ср. *ни черта, черт его знает*) (ПОС 8: 18–19); перм. *на кой грех* ‘зачем’ (выражение неодобрения): «Да на кой грех ты мне сдался-то; уйди, сил у меня боле нет» (СПГ 1: 187); *какого греха* ‘то же, что *какого черта*’: «Какого греха я туда ходила? (СРГКПО: 79); арханг. *Какого греха?* ‘Что именно?’ (АОС 10: 48). В польском Подгале «народ не любит проклятий и потому вместо *черт* говорит вежливое слово *грех*»: «Grzesi wiedzą, kaj sie podział!» [Грехи его знают, куда он девался!], «Ty, dziadu grzysi!» [букв. Ты, дед-грех!] – ругательство (Karlowicz 2: 139–140); «do grzycha, grzysi by wziyni, idźze do grzycha, po jakiego grzycha, wyglondać jak grzych zzo siedmiu potoków» [до греха, грехи бы взяли, иди к греху, какого греха, выглядеть как грех из-за семи ручьев] (Kąś 3: 493); каш. *gřėx* 1. ‘злой дух’: «Ʒe ce tam gřėx ńos!» [Где тебя грех носит!], «Do gřėxa!» [К греху!], «Po jakėgo gřėxa të tam šed!» [Какого греха ты там шел!] 2. ‘шут’. (о человеке): «Të gřėxu!» [Ты, грех!] (Sychta 1: 376–377); морав. эвфемизм *hřích* ‘черт’: «Kýho hřícha!» [Какого греха!] (Bartoš 1906: 107).

Особо следует сказать о русском слове *греховодник*. Ему было посвящено специальное исследование В.М. Живова (2009), в котором это слово рассматривалось главным образом в историко-культурном аспекте (на материале русского языка и некоторых других восточнославянских данных). Автор отмечает трудности в определении его семантики и словообразовательной модели и наличие специфических культурных коннотаций.

Главной проблемой оказывается противоречие между значениями ‘грешник, безнравственный человек’ и – ‘легкомысленный человек, соблазнитель’, т.е. различие между тем, кто сам грешит и тем, кто вводит в грех других. В.М. Живов объясняет это противоречие следующим образом: «Греховодник – это несомненно грешник, но грешник, повинный в определенного рода грехах – тех, которые, с точки зрения субъекта высказывания, могут вызывать иронически-снисходительное отношение. Соответственно употребление данного слова соотнесено с определенной этической системой и не может быть понято в отвлечении от нее» (Живов 2009: 412). В этом противоречии, по мнению В.М. Живова, отражается оппозиция «народной» этики, относительно автономной от церковной у православных славян, и религиозной этики, носившей «общехристианский» характер (Там же: 426). Обращение к русскому диалектному материалу показывает, что слова *греховодник*, *греховодный* и под. имеют в русских диалектах вполне ожидаемую семантику, типичную для всего гнезда: пск. *греховодник* 1. ‘то же, что грешник’, 2. ‘шалун, проказник’: «Пайдём, эва грехавонник, апаласни ноги-та и пайдём», *греховодный* ‘склонный причинять вред, неприятность’: «Кошки-та харошые, ни грихавонные» (ПОС 8: 20); карел. *греховодный* 1. ‘склонный к скандалам’, 2. ‘не заслуживающий уважения’; 3. ‘доставляющий много неприятностей’ (СРГК 1: 393) и т.п.

Наличие столь разнородных значений в семантическом спектре слав. **grěxъ* можно объяснить особым характером его исконного значения ‘ошибка’, не предполагающего конкретного денотата, а дающего интерпретацию и оценку самых разных действий и ситуаций.

Сокращения

АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари, 2003.

НОС – Новгородский областной словарь / Авторы-сост. А.В. Клевцова, В.П. Строгова, Л.Я. Петрова. Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.

РСГВ – Речник српских говора Војводине / Ред. Д. Петровић. Нови Сад, 2000–2010. Св. 1–10.

РСХКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Књ. 1–.
СБГ – Словник буковинських говірок / Ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005.
СВГ – Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г. Паникаровская (Вып.1–7); Т.Г. Паникаровская, Л.Ю.Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. 1–.
СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 2000. Вып. 1. А–Н; 2002. Вып. 2. О–Я.
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2008. Изд. 2.
СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И.А. Подюков. Пермь, 2006.
СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / Ред. Л.А. Ивашко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005.
ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. Eva Havlová. Praha: Academia, 1989–. 1–.
HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1991–. T. 1–.
SP – Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–. T. 1–.
SSN – Slovník slovenských nárečí. Bratislava, 1994–. [T.] 1–.

Литература и источники

1. Аркушин Г. Словник західнополіських говірок. Луцьк, 2016. Вид. 2.
2. Грковић-Мејџор Ј. Прилог историји лексичко-семантичке групе *-грѣх-* // Теолингвистичка проучавања словенских језика. Theolinguistic Studies of Slavic Languages. Београд: САНУ, 2013. С. 368–388.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Изд. 3. СПб., 1903–1909.
4. Живов В.М. Грѣховодник. К истории слова и понятия // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени / Под ред. В.М. Живова. М.: Языки славянских культур. С. 404–430.

5. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.
6. Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаические мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 10–31.
7. Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (к анализу некоторых ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 221–240.
8. Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. 1, 2.
9. Толстая С.М. Грех в свете славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2000. С. 9–43.
10. Толстая С.М. К семантической истории слав. *mirъ и *světъ // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 58–74.
11. Толстая С.М. К семантической реконструкции лексики ошибок. (В печати).
12. Толстая С.М. Ошибка по-русски // В созвездии слов и имен: сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / Отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 107–123.
13. Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Источники и методы. М., 1989. С. 23–60.
14. Топоров В.Н. Об одном архаическом индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре: **svęt-* // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 184–252.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973.
16. Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.
17. Grković-Major J. On the Semantic Development of OSC *блѫд-* // Etymological Research into Old Church Slavonic. Praha: Lidové Noviny, 2015. P. 149–157.
18. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
19. Kąś J. Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej. Bukowina Tatrzańska, 2016. T. III. Dó–Gr.

20. Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2003. 2 izd.
21. Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.

УДК 81.366

Т.В. Шмелева
(Великий Новгород, Россия, szmiel@mail.ru)

Диминутив в псковских говорах: деривационная техника, семантика и экспрессивный потенциал

В статье анализируется диминутив в псковских говорах на материале словаря традиционного быта. Выявлен круг суффиксов, с помощью которых образуется псковский диминутив, эти сведения соотнесены со словобразованием диминутива в литературном языке. Сформулированы представления о семантике и экспрессивных возможностях диминутива в диалектной речи.

Ключевые слова: псковские говоры, словарь, диминутив, деривационная техника, суффиксы, экспрессия

T.V. Shmeleva

Diminutive in the Pskov Dialects: Derivation Technique, Semantics and Expressive Potential

The article examines the diminutive in the Pskov dialects based on the dictionary of traditional life. The number of suffixes which are used to form the Pskov diminutive are identified. This information is correlated with the formation of diminutive in the literary language. The ideas about the semantics and expressive possibilities of the diminutive in the dialectal speech are formulated.

Key words: Pskov dialects, dictionary, diminutive, derivation technique, suffixes, expression.

Диминутивы – дериваты типа *свечка, листочек, кругленький, ничегошеньки* с семантикой размерности (уменьшительности) и субъективными смыслами, на основе которых возникает своеобразная экспрессия (Шмелева 2009). Исследовать их в говорах важно потому, что это позволит

выяснить, каково место таких слов в грамматике диалекта и, возможно, увидеть их отличия от диминутивов литературного языка.

Наблюдения над псковским диминутивом проведены по словарю (Традиционный быт 2012). Это лексикографическое описание – хотя и не полный, но репрезентативный источник: он включает 650 лексем, которые представляют вещный мир псковского крестьянина. Поэтому в нем описываются только субстантивы, которые, как известно, наиболее регулярно образуют диминутив.

Сплошная выборка диминутивов из заголовочных слов выявила их присутствие во всех четырех разделах словаря – двор, тканье, одежда, еда – суммарно в количестве 195 лексем, объединенных в 113 серий. Эта выборка представлена в виде алфавитного индекса в качестве приложения к данной работе. Его можно использовать для продолжения исследований диминутива, для сопоставления этих слов с такими же в других говорах и в литературном языке, для научной работы студентов.

Располагая полученной выборкой, можно увидеть прежде всего значительное количество диминутивов: таким оказывается едва ли не каждое третье слово в словаре, если точно, их – 30% словника. Все четыре раздела словаря включают диминутивы в количестве от 22 до 35. При этом большая часть субстантивов образуют по одному диминутиву, но есть и цепочки из ряда дериватов (здесь и далее примеры даются в канонической орфографии в отвлечении от произношения в интересах читателей, не так плотно занимающихся диалектологией). Наиболее длинная такая цепочка у слова *хлев* – восемь дериватов: *хлевец, хлевишко, хлевишек, хлевнушка, хлевок, хлевушечка, хлевушка, хлевушок*. За ним идут *баня* и *амбар* (семь и шесть соответственно); по пять дериватов у слов *двор, изба, бердо, лапти*.

Может быть, длина цепи объясняется тем, что диалектологи объединили в ней диминутивы из разных говоров, а они не встречаются в речи носителей одного говора? Конечно, никогда нельзя сказать, что собраны все бытующие слова, но словарь дает и разные диминутивы одного говора. Так, в

Гдовском районе это *амбарец* и *амбаришка*; в Печорском – *амбаришечка* и *амбарчик*; *пуняшка* и *пунюшка*; в Великолукском – *банюшка, банька, баинька*; в Псковском – *хлевец, хлевишка, хлевок*. Полагаясь на эти данные, можно сказать, что неединственность диминутива – обычное явление для псковских говоров.

Обобщая данные словаря, можно довольно точно выявить круг деривационных средств диминутива. Как показывает анализ, его составляют два десятка суффиксов, которые можно представить как древо со стволом в виде суффикса -К- и разветвлением за счет его осложнений, которые в свою очередь тоже осложняются. Обозначая суффиксы вместе с флексиями, получаем такие «ветви». Первый их ряд составляют суффиксы -КА, -ИК, -ОК, -ЕЦ/-ИЦА. Второй ряд «ветвей» составляют суффиксы с осложнениями: фонемой Ч: -ОЧКА, -ИЧКА, -ЕЧКА/-ЕЧКО, -ЯЧКА; фонемой Ш: -АШКА, -ИШКА, -УШКА, последний продолжает осложняться, и в результате появляются на третьей ветви суффикс -УШОНКА, а далее -УШОНОЧКА; при осложнении согласной фонемой Н возникают суффиксы -ЕНКА, -ИНКА, -ОНКА, последний осложняется в -ЕНОЧКА.

Лингвистически соблазнительно увидеть в этом «ветвистом дереве» и механизм порождения диминутивных суффиксов: к ядерному консонанту -К- присоединяются вокальные сегменты – О, И, Е и консонантные – Н, Ч, Ш, которые сопровождаются своими вокальными И, У, Е. Что Ц появляется как результат исторического преобразования К, естественно для русского языка. Здесь же можно наблюдать чередование И/Е, как в -ЕЦ/-ИЦА. Выявляется удивительная сторона диминутивной техники: она, как лего, позволяет создавать из сегментов массу суффиксов для дериватов одного слова, что позволяет варьировать однотипные формы, добиваясь разнообразия речи или, во всяком случае, избегая ее однообразия. Такая развитая техника говорит о значительном запросе диалектной речи на диминутивы, что и объясняет их многочисленность и разнообразие. И при этом, выражаясь современно, в деривационной технике диалектных диминутивов

заключен явный креативный потенциал, обеспечивающий возможность отвечать на этот запрос диалектный речи.

Интересно, что в диминутивной серии одного слова могут быть представлены суффиксы обеих «ветвей»; так, в самой длинной серии слова *хлев* находим дериваты с суффиксами первой ветви – х*левец, хлевок;* второй – *хлевушка, хлевушок;* и третьей – *хлевушечка,*. Хорошо видно, как суффикс -ОК выступает в осложненном виде *хлевушок,* и этот осложнитель *уш* (интерфикс?) присутствует во всех других осложненных суффиксах, как бы обеспечивая образование диминутивов со всеми суффиксами, несмотря на препятствия фонемного состава слова и морфофонологические барьеры: **хлевка* невозможно, а *хлевушка* – да.

Стоит обратить внимание: слово мужского рода образует с помощью суффиксов диминутивы всех трех родов – х*левец, хлевишек; хлевушка, хлевушечка; хлевишко.* В коротких сериях обычно один грамматический род, например, от слова *кофта*: *кофтёнка, кофточка, кофтушонка, кофтюшечка* или от слова *пальто*: *пальтушка, пальтушонка, пальтушоночка.*

Что касается продуктивности суффиксов, то она, конечно, не одинаковая. Наиболее активно «работают» суффиксы -КА и -ОЧКА: в словаре фиксируется 30 диминутивов с первым и 46 – со вторым суффиксом. А такие диминутивы, как *бердячко* и *скатерёдочка* оказываются единственными в своем роде (но это может быть связано с ограниченность материала словаря).

Если сопоставить эти данные с описанием такого рода производных существительных в академической грамматике (Русская грамматика 1980: 208–2016), где суффиксы представлены в ином порядке и другой (не очень понятной) логике, то там нет производных с суффиксами -АШК, -УШОНКА, -УШОНОЧКА, -ЕНОЧКА, -ИНКА, -ИЧКА, -ЕЧКА. Между тем в говоре таких диминутив не так и мало*: потирашка, пуняшка; кофтушонка, пальтушонка, станушонка, конюшенка; пальтушоночка; бердечко, восьмикеечка, забелечка, лепёшечка.*

Следует обратить внимание на ряд субстантивов, отмеченных в словнике знаком *: *плашка, пупышинка; огуречек, окошечко, шашечка, звёнышко.* Они формально могут быть отнесены к диминутивам за счет суффиксов -КА, -ЕЧЕК/-ЕЧКО/-ЕЧКА, -ЫШКО. Все они обозначают узоры на домотканном полотне, то есть их словообразовантельное значение – «похож на», с чем согласуется миниатюрность как значение диминутива. Это народная терминология тканья, а ее суффиксы приходится квалифицировать как суффиксы подобия, как в литературных словах *ручка двери, ножка стула, носик чайника, плечико сарафана* (Русская грамматика 1980: 205).

Обрашают на себя внимание диминутивы с финалью –УШКА, которых в словаре зафиксировано 18. Четыре таких слова – *амбарушка, кладовушка, потирушка и пунюшка* – следует признать дериватами лексем *амбаруха, кладовуха, потируха, пунюха*. Возникает вопрос о словообразовательном значении суффикса -УХА? В словаре они даются без толкования. Видеть в них синоним? В современном языке этот суффикс, когда он не означает болезнь (*краснуха*) или женщину (*повитуха, вековуха*), маркирует слова как стилистически сниженные: *голод→голодуха, жизнь→житуха, уважение→уважуха* (Вепрева, Купина 2012). В диалекте этого нет, судя по отсутствию особых комментариев составителей и из общих соображений о стилистических различиях в говорах. Интересно, что этот суффикс привлекал внимание лингвистов, рассмотревших его на общеславянском фоне (Герд 1962), эту работу мне любезно предоставила Н.В. Большакова, за что ее сердечно благодарю.

Вообще семантические отношения эквивалентности не чужды словобразованию, как между словосочетанием и универбом (*зарубежная литература = зарубежка)* или аббревиатурой *(металлические изделия = метизы*) (Земская 1981: 199). Но таковы ли отношения слов *амбар* и *амбаруха*? Если найдутся аргументы в пользу их синонимичности, придется признать, что диминутивы слова образуются и его синонима? В этом есть известная асимметрия. Или же здесь придется видеть чeресступенчатое словообразование (Тихонов

1985: 46–47): *хлев→*хлевуха→хлевушка*. Но тогда придется не признавать особый суффикс в словах на *-ушка*, видя в них суффикс -КА: *кладушка, клетушка, колодушка* и т.д. Хотя он фиксируется в академической грамматике в диминутивах *зимушка, головушка, коровушка, кумушка* (Русская грамматика 1980: 213).

Так может выглядеть характеристика псковских диминутивов в деривационном аспекте, при этом ряд вопросов требует особого рассмотрения.

Что касается семантики и экспрессии диалектного диминутива, то здесь необходимо обратиться к иллюстративному материалу словаря, богатство которого отличает его от многих подобных изданий.

В семантике диминутива, как уже было сказано, сочетаются размерность и субъективные смыслы. Размерность псковских диминутивов проявляется часто в их синтагматике: они регулярно сочетаются с прилагательными *маленький, небольшой*: *Вот это, девочки, **пунюшка, маленький** сарайчик; Сделали **изёбку** такую **маленькую;** Дом маленький, так и **кладовушка маленька**; С войны-то **маленькие изёбки** строили, а теперь всё дома; Как вот бы большой, так это дом зовут, а как **поменьше** – так **избушка***. На этом фоне часто возникает **экспрессия жалости,** в созданиии которой участвует и диминутив, подчеркивая минимальность того, о чем идет речь: *Вот там **дворёночка, две курицы**; Моя **избёнка** была сожжена в войну*; ***Бедненькие** не имеют **гувёнца; Домишко худенький** у нее; После войны **ни одной изёбочки** не осталось.*

Субъективная семантика диминутива в диалектной речи может быть определена как общий позитивный настрой говорящего, его благожелательное отношение к слушающему и вообще к ситуации общения: ***Хорош барканничек***. Именно поэтому в репликах диалектной речи наблюдается «диминутивное согласование» – нанизывание диминутивов: *На гулянку одевали сатиновую **кофтёнку, юбчонку**, на ноги **башмачонки**; Ешьте **блинчики** с **маслицем; Болтушечки** поела. – Дай и мне **капелюшечку; Еденькая** такая **кокоринка***. На этом позитивном фоне возникает **экспрессия**

воспоминания, которое относится к далеким, милым сердцу временам: ***Бёрдочка** с **досочки** делается, **фанеринку** вырешь, прорежишь, и **дырочка** рядом, и так несколько раз, а потом ткёшь, **лопаточку** приколачиваешь, а **бёрдочку** передёргиваешь*.

В целом диминутивы характерены для народной речи и часто не выделяются из ее общего фона семантически и экспрессивно. Иначе говоря, производящий субстантив и его дериват-диминутив воспринимаются как близкие по смыслу (характерно, что лексикографы включают диминутивы в «словообразовательные параллели»). Синонимичность проявляется в толкованиях: *А в четыре нита – **ряднина, ряднинка; Скатерть**, салфетку на стол стлали, обедали, называли **скатерёткой; Киселица** – это **кисель** называется.* В литературном языке в парах *свеча/свечка* диминутив признается разговорным или просторечным синонимом (Русская грамматика 1980: 216), в говоре их приходится признать синонимами однофункциональными.

Свидетельством естественности диминутива в народной речи можно считать и его вхождение в народную идиоматику и фольклорные произведения; см. идиомы *напеть избу, и баню, и маленкий прибанничек*; *какой ни домишко, а сам панишка*; частушки: *У дролечки в избушечке ни ряшечки, ни душечки*; *Я на дролину избушку / любовалася сдали. / Неужели не повешу / ручники я в ней свои.* Число примеров можно было бы увеличить.

Итак, в результате проведенных наблюдений удалось увидеть деривационную технику псковского диминутива, некоторые свойства его семантики и экспрессии. Конечно, приведенные суждения нельзя считать окончательными, потому что рассмотрен словарь, в котором собрана только бытовая лексика. Наверняка, расширение эмпирической базы вызовет необходимость сделать уточнения, но и эти наблюдения, можно надеяться, не будут лишними в дальнейшем изучении диминутива как интересной формы русского существительного.

Литература и источники

1. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Респект и уважуха // Русский язык за рубежом. № 2. 2012. С. 113–116.
2. Герд А.С. Имена существительные с суффиксами -ух-а и -уш-а в русских народных говорах // Псковские говоры. Вып. 1. Псков, 1962. С. 12–128.
3. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981. С.133–239.
4. Русская грамматика. Т.I. М., 1980.
5. Тихонов А.Н. Основные понятие русского словобразования // Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т.1. М., 1985. С. 18–52.
6. Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / Ред. Н.В. Большакова. Составители: Андреев В.К., Большакова Н.В., Воробьева Л.Б., Лукьянова С.В., Моня Ю.Ю., Площук Г.И., Побидько З.В., Смирнова А.Н. Псков: ЛОГОС Плюс, 2012. 284 с. // URL: http://majmin.pskgu.ru
7. Шмелева Т.В. Диминутив как экспрессивное средство // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сб. науч. работ, посвященный 80-летию д-ра филол. наук, проф. А.П. Сковородникова / Под ред. Г.А. Копниной. Красноярск, 2009. С.56–65.

Приложение. Алфавитный индекс диминутивов

- ✓ Амбаришечко, амбаришко, амбарок, амбарушка, амбарчик, анбарец
- ✓ Баенка, баенька, байнёнка, байнюшка, байнушка, банька, банюшка
- ✓ Барканничек
- ✓ Барышечка
- ✓ Бердечко, бердочко, бердочка, бердячко, берелко,
- ✓ Блинец, блинок, блиночек
- ✓ Болтушечка
- ✓ Восьмикеечка
- ✓ Вытиральничек
- ✓ Гайташок, гайтанинка
- ✓ Галерейка
- ✓ Глазатинка
- ✓ Горенка
- ✓ Гувёнок, гувёнце, гувнишко
- ✓ Гужнички, гужонки
- ✓ Двоенка
- ✓ лапоточки, лапотьки, лапочки, лаптёнки, лаптишки
- ✓ Лепёшка, лепёшечка, лепушечка
- ✓ Мигалочка
- ✓ Мотылёк
- ✓ Муковешка, мучашка
- ✓ Набожничек
- ✓ оборинки
- ✓ пальтушка, пальтушонка, пальтушоночка
- ✓ Перехваточка
- ✓ Полоска, полосинка
- ✓ полупальтишко
- ✓ Потирашка, потирушка
- ✓ поясок
- ✓ Прибанничек
- ✓ Приделок

- ✓ Дворёночка, дворец, дворинка, дворишка, дворок
- ✓ денички, деянички, деяночки
- ✓ Домик, домичек, домишко
- ✓ Драничек
- ✓ Дрочёнка, дрочушечка
- ✓ душегреечка
- ✓ Ёлочка
- ✓ жилеточка
- ✓ журичка, журишка
- ✓ забелечка, забелишка, забелочка
- ✓ Заугольничек
- ✓ Заулочек
- ✓ Захабунечка
- ✓ Избёнка, избушка, избёнка, изобка, изобочка
- ✓ Истёпочка
- ✓ Казёночка
- ✓ калачик, калачок
- ✓ капустничек
- ✓ Карзик, карзинка
- ✓ Кашечка, кашица, кашка
- ✓ Квасок
- ✓ Кисейка
- ✓ Киселичек
- ✓ Кислочка,
- ✓ Кислушка
- ✓ Кичка
- ✓ Кладовушка, кладушка,
- ✓ Клетёнка, клетушка
- ✓ Клопочек
- ✓ коверзёнышки, коверзнушки
- ✓ Кокоринка, кокорка, кокорочка, кокорька
- ✓ Колобушка, колобушечка
- ✓ Колодка, колодушка
- ✓ Конюшенка
- ✓ кофтёнка, кофточка, кофушонка, кофтюшечка
- ✓ крутцовички
- ✓ Куличка, куличок
- ✓ Курятничек
- ✓ Кухничка
- ✓ Прикролек
- ✓ Припунька
- ✓ Простинка
- ✓ Пунька, пунюшка, пуняшка
- ✓ Пятистеночка
- ✓ Рушничок
- ✓ Ряднинка
- ✓ Сараишко, сарайка, сарайчик
- ✓ свитёнка
- ✓ Сенечки
- ✓ Скатерёдочка, скатерёнка, скатёрка,
- ✓ Сорочка
- ✓ Сподочки
- ✓ Станушка, станушонка,
- ✓ Стульчик
- ✓ Телогреечка
- ✓ Топлёночка
- ✓ Трепалочка
- ✓ Тристеночек
- ✓ Ушица, ушичка
- ✓ Фуфайчишка
- ✓ Хлевец, хлевишко, хлевишео, хлевнушка, злевок, хлевушечка, хлевушка, хлевушок
- ✓ Холоднинка
- ✓ Шанежка, шанечка
- ✓ Юбчонка
- ✓ Яснинка

*дубинка
*жёрдочка
*звёнышко
*карасик, караськи
*клеточка
*кружок
*крючок
*лапка
*огуречек
*окошечко
*плашка
*поскакальчик
*пупышинка
*сорочка
*сосонка
*стекольце, стеколышко
*шашечка

УДК 811.161.1'28

В.П. Щаднева
(Тарту, Эстония, valentina.schadn@mal.ru)

О некоторых западно-причудских и псковских диалектных названиях бытовых емкостей из древесных растений

В статье выявляются сходства и различия в функционировании диалектной лексики, которая называет бытовые емкости из древесных растений в речи староверов западного Причудья и сельского населения Псковской области. В первую очередь сопоставляются наименования корзин. Анализ показал, что при наличии общих названий количество номинаций корзин в западном Причудье ограничено. Особенности говора староверов объясняются его обособленностью и влиянием эстонского языка.

Ключевые слова: бытовая лексика, диалектология, западного-причудский диалект, корзины, псковский диалект, староверы.

V. P. Shchadneva

On Some Names of Household Containers Made from Woody Plants in the Dialects of Western Prichudye and Pskov

The article reveals similarities and differences in the functioning of dialect vocabulary, which refers to household containers made from woody plants, in the speech of the Old Believers of Western Prichudye and the rural population of the Pskov region. First, the names of baskets are compared. Analysis showed that in the presence of common names, the number of basket names in Western Prichudye is limited. The peculiarities of the Old Believers dialect are explained by its isolation and the influence of the Estonian language.

Key words: household vocabulary, dialectology, the Western Prichudye dialect, baskets, the Pskov dialect, Old Believers.

Исследование выполнено в рамках государственной программы «Эстонский язык и культурная память», тема EKKM14-299 «Составление лексикона народной культуры старообрядцев Эстонии».

Статья посвящена диалектной предметно-бытовой лексике, которая, будучи связана с материальной культурой народа, обозначает жизненно важные реалии (Петрова 2001: 165–166). Цель работы – выявление сходства и различия в функционировании слов, называющих бытовые емкости из древесных растений в речи староверов западного Причудья и сельского населения Псковской области. Разумеется, по количеству диалектоносителей западное Причудье и Псковская область значительно различаются. Тем не менее правомерность сравнения языковых фактов, зафиксированных на этих территориях, объясняется и переселением в прежние времена отдельных групп жителей восточного побережья Чудского озера на его западный берег, и родственными, конфессиональными, торговыми связями людей.

Материалом исследования стали данные а) кафедрального архива бумажных и электронных записей диалектной речи (Тартуский университет) и б) Псковского областного словаря (ПОС). На основе анализа диалектных записей разных лет был установлен объем наименований бытовых емкостей из древесных растений в говоре причудских староверов и уточнен состав подгрупп данной лексико-семантической группы: 1) плетеные емкости, 2) емкости с обечайкой (ободом) и сплошным дном, 3) емкости с обечайкой (ободом) и решетчатым дном, 4) бондарные емкости, сундуки (лари). В статье объектом сопоставления выбраны а) наиболее распространенные общие номинации корзин, б) специфические наименования плетеных емкостей, в) названия корзин, пересекающиеся с номинациями емкостей с обечайкой.

Корзина как универсальная плетеная емкость издавна является незаменимым предметом хозяйственного и домашнего обихода всех сельских жителей. Записи свидетельствуют о том, что для Причудья типичны бытовые изделия из древесных, а не травянистых растений. При этом у староверов обычны плетеные емкости не художественной, а утилитарной ценности. Их кустарным производством староверы не занимались, поэтому корзины приходилось покупать у эстонских или у приезжавших с восточного берега русских мастеров. В то же время для

хозяйственных нужд крестьянской семьи мужчины-староверы плели корзины и сами; о занятиях женщин плетением корзин записей нет. Изученные материалы содержат разные сведения о применении корзин, однако подробной информации об особенностях изделий разных видов, материале и форме емкости в полном объеме получить не удалось. А современные носители говора порой лишь приблизительно представляют, как выглядели отдельные предметы.

Рассмотрение – на фоне псковской диалектной лексики – названий основных видов корзин в западно-причудском говоре целесообразно начать с важного уточнения: в обиходе староверов активно используются удобные для сбора и переноски корзины из сосновой, еловой или осиновой лучины (щепы, дранки) и корзины из прутьев ивы (бреды́). Записи об изготовлении емкостей из берёсты чрезвычайно редки, поэтому, естественно, отсутствуют и названия корзин из берёсты, подобные псковским ***берeсте́нь***, ***бересто́вка***, ***берестяни́к***, ***берестя́нка***, ***бере́щеник*** (ПОС 1: 180–181, 183).

В то же время в хозяйстве у староверов широко распространены ***лю́льки*** – большие продолговатые невысокие (до 30 см. в высоту) корзины с открытым верхом и двумя ручками по узким сторонам. Как правило, ***лю́льки*** плетутся из широкой лучины, гораздо реже – из прутьев. Эта вместительная корзина удобна для обработки самой разной огородной продукции, для упаковки и переноски рыбы: *Да, и вот он – люлькой у нас это называлась, с двум ручками, он эту люльку нам преподносит сразу же с ходу: «Вот, девки, вам эта люлька, рыба и вот здесь, в мяшке, мука, сами пяките, что хотите: хотите пирогов, хотите пышек, все стряпайте сами»* (Малые Кольки, 2005). Староверы всегда использовали ***лю́льку*** и для укладки выпечки: «Уже на кладбище бедным старухам раздавали булочки из пшеничной муки – *ку́клики,* их напекали целую корзину-*люльку*» (Рихтер 1976: 192). В них же носили на озеро белье для полоскания. Однако, по словам причудцев, ***лю́льки*** для них – это, прежде всего, луковые корзины, без которых сельские жители не могут обойтись в ходе уборки, сортировки, просушки лука – основной огородной культуры

края: *Лю́лька, так и называем – лю́лька, лук носить. Лю́лька луковая. <…> И сушили лук, и носили, и сушили, и сяво́к сушили* (София, 2010). А в корзинках-***лю́лечках*** небольшого размера (с бортами до 20 см.) хранят лук-севок.

У жителей Псковской области ***лю́лька*** по материалу и форме не отличается от причудской, эта корзина также используется для разных хозяйственных нужд, однако не имеет причудской «луковой» специализации, которая обусловлена традиционной трудовой деятельностью староверов. Носители псковских говоров порой отождествляют ***лю́льку*** с ***мости́ной***: *Е́та лю́лька – карзи́нка, ра́ньшы масти́нка нъзыва́ли.* Остр. (ПОС 17: 285). Правда, в данном примере употребление ***мости́на*** имеет двоякий смысл: его можно отнести и к слову ***корзина***. В то же время в отдельных семьях староверов ***мости́ной*** именуют не ***лю́льку***, а ***запле́шную корзи́ну***: *Вот эта в нас мости́на называлась по-старинному. <…> Чтоб носить что-то в ней, тинето́ вот так сюда прикрепляли, а здесь оставляли такую примерно, чтоб на плечи одява́ть* (Малые Кольки, 2014). В отличие от западно-причудских записей, номинация ***мости́на*** в ПОС встречается довольно часто, но налицо ее архаизация, что осознается всеми диалектоносителями: *Взял масти́ну и пашо́л, тяпе́рь па-культу́рнъму заву́т карзи́на.* Сер. (POS 18: 386). А вот во времена В.И. Даля название ***мости́на*** функционировало, скорее, как синоним слову ***корзи́на*** (Даль II: 361).

Упомянутая ***запле́шная корзи́на / запле́шник / запле́шница*** также находится у староверов в постоянном пользовании**.** Эта вместительная корзина-кузов из широкой лучи́ны (обычно с открытым верхом) предназначена для переноски разного тяжелого груза на спине: *Грибы собирали в запле́шник, и одевали на спи́ну, с лямками были запле́шники, из ще́пки сделаны* (Лохусуу, 1973). Отметим, что сочетание *запле́шная корзи́на* употребляется как составная номинация, причем емкость описывается и как корзина с подсо́бкой / на подсо́бке, ибо крепится за спиной с помощью лямок из рыбацкой сети (тинета́ / тинети́ны): *А он <=вон> запле́шная корзина там где-то. Я этой* <корзиной-корфиком>*не ношу,*

это в ма́льца <=у сына>. Я заплёшной корзиной ношу лук. Носила. С тинятúной (София, 2009).

В Псковской области однокоренные номинации корзин, получивших свое название через указание на способ ношения, отличаются от западно-причудских количественно: ***заплéчник***, ***заплéчница***, ***заплéчничек***, ***заплéчничка***, ***заплéчня*** (ПОС 12: 46, 47). Эти слова иногда именуют и емкости с крышкой. При этом в целом набор номинаций корзин, которые носят на спине, в псковских говорах более разнообразен, ибо многочисленны отсутствующие в западном Причудье однокоренные наименования специализированных закрытых заплечных емкостей: ***горлáточка***, ***горловáстка***, ***горловýха***, ***горловýшка***, ***горля́нка*** (ПОС 7: 111, 113, 115): *Гарлáточки – сплитёш карзúнку, верх задéлываеш, а аставля́иш акóнца; цапáиш иё верёвочкам и адивáиш* (ПОС 7: 111).

Псковские говоры поражают и изобилием таких номинаций ручных корзин (из корней или прутьев), которые совпадают по семантике и, как правило, имеют свои производные: ***корневáтка – корневáточка***, ***корневáстка – корневáсточка***, ***корнёвка – корнёвочка***, ***корнóвка – корноватка***, ***корнýшка***, ***корню́ха***, ***корня́вка – корня́вочка – корня́тка***, ***коря́вка***, ***коря́нка – коря́ночка*** (ПОС 15: 259–262, 300–303): *Карзúнку звáли мастúнка рáньшэ. Карневáтки, тé ни такúе, анú ис пруткóф сплетéны* Остр. (ПОС 15: 260). *Каря́нка, и кашóфка, и карнёфка, кто как назывáет фсё аннó*. Печ. (ПОС 15: 302). Бóльшая часть перечисленных лексем в Причудье не представлена, но локально встречаются два похожих названия: ***коря́нка*** и ***корнáвка***. Так, ***коря́нками*** на сравниваемых территориях именуют не только маленькие, но и большие закрытые корзины для хранения вещей: *Коря́нка – большая корзина, где хранят бельё глаженое, плетёная из лучúны, крышка тоже плетёная* (Мехикоорма, 1970).; *Коря́нку аткры́ла, плáтья-та у миня ф коря́нки.* Гд. (ПОС 15: 302).

Жители отдельных западно-причудских деревень еще в 70-е годы прошлого века называли ручные корзины ***корнáвками***: *Ягоды собирать мы любим. Идём в лес и собираем в корнáвку. Картошку тоже в корнáвку собираем* (Лохусуу,

1973). К сожалению, точного описания ***корна́вки*** в диалектных материалах не содержится, а современные носители говора дать объяснения уже не могут. Правда, в записях есть указание: *Корна́вки были сделаны из прутко́в* (Лохусуу 1973).

Корзины с этим локальным для западного Причудья наименованием напоминают весьма распространенные западно-причудские ***ко́рфики / ко́рфы***, которые тоже изготовляют из прутьев ивы или корней сосны, ели, осины. В языковых иллюстрациях к отмеченным ранее псковским названиям ручных корзин эпизодически сообщается о наличии у последних двух ручек. ***Ко́рфик*** же – круглая ручная корзина с одной вплетённой жесткой ручкой в форме дужки и изогнутыми боками, переходящими в цельное дно; используется для переноски овощей, грибов и т. п.: *А эта корзина – лук носили с огорода. Это ко́рфики* (София, 2009). В свою очередь, на территории Псковской области ***ко́рфиком*** именуется и ковшик, и корзины с явно узкой специализацией: для рыбы, а с гнездами – для бутылок (ПОС 15: 287).

Анализ языковых фактов показывает, что неотъемлемыми качествами диалектного лексикона оказываются неоднозначность, диффузность семантики, окказиональность употребления, что воплощается в размывании значений слов. В этом отношении наиболее показальными являются названия корзин, пересекающиеся с номинациями емкостей с обечайкой. Такие бытовые предметы с невысокими стенками-ободом из лыка, дранки, фанеры и сплошным жестким дном староверы называют ***луко́шком***, а раньше именовали ***лукно́м***. Большое овальное или круглое ***лукно, лукошко*** для сева (сева́лка), а также сосуд-меру (до 16 кг.; обычно для зерна) под влиянием соседей-эстонцев долгое время именовали и словом ***калима́т / килима́т***, а небольшое круглое ***лукно́, лукошко, луко́шечко***, а также сосуд-меру (до 8 кг.; обычно для муки) – словом ***ма́тик***. При этом ***калима́том*** называли также и ***ма́тик***, и большое ***решето*** редкого плетения, ***грохот***, то есть и емкости с решетчатым, а не сплошным дном.

Изменение прежнего хозяйственного уклада, предполагавшего частичный обмен продукцией с соседями-

эстонцами, способствовало если не полному забвению заимствований, то перемещению их в пассивный запас. Однако не исключено, что длительное использование эстонских слов способствовало тому, что в западном Причудье у слова ***лукóшко*** отсутствует значение ‘ручная плетеная емкость’ (попутно отметим и отсутствие лексем ***кузов – кузовок, туес – туесок***): *Муку носили в деревянном лукнé* (Немченко и др., 1963: 147–148).; *Решетó было – просявáли мукú и высевки скотине. Решетó с лыка, с дярéв подрáно. Ручек не было. Просто на стол ссыпáли или така бумага. И убярёшь в лукóшечко, фанера сóгнута, спяцáльно для муки* (Межа, 1970).

Напротив, в псковских говорах слова ***лукнó, лукошко*** (ПОС 17: 215–216, 218–219) закреплены в первую очередь за корзинами, причем весьма разными по материалу, форме, функции: *У мя есть два лукнá крýглых и пат картошку и пат што хочешь, и за грибами можно взять.* Пыт. (ПОС 17: 215). Помимо того, эти слова обозначают также и плотно сплетенные невысокие изделия, напоминающие по форме решето, и похожие фанерные емкости, и даже сами решёта: *Лукнó úли сявáлка, с прýтьяф, с ракиты лукнó сплятён.* Пушк. (ПОС 17: 215).; *Лукнавá такúе бы́ли, и фанéровые и з берёзы карневáтые.* Палк. (ПОС 17: 216).; *Лукнó для сéяния мукú упатрябля́йицца.* Печ. (ПОС 17: 216). См. также: (Васильева, Петрова 2011: 289).

Примечательно, что в сопоставляемых говорах по-разному представлена и лексема ***грóхот.*** У староверов ***грóхот*** – это большое решето с невысоким бортом и днищем редкого плетения. Обычно для просеивания зерна ***грóхот*** подвешивали на гумне за прикрепленные к веревкам деревянные ручки. При этом в быту это словом заменялось названиями ***килимáт / калимáт*** и ***решетó***: *Решетó – грóхот по-старинному* (Мехикоорма, 1970). В псковских же говорах ***грóхот*** имеет два функционально связанных значения (Петрова 2001: 169): а) большое решето для просеивания зерна и б) корзинка из редко переплетенной лучины – для сливания жидкости, отсеивания прилипшей к овощам земли и др. (ПОС 8: 41). Однако для староверов актуально лишь первое значение.

Разумеется, в рамках статьи охватить все лексическое многообразие невозможно, Тем не менее проведенное сопоставление западно-причудских записей диалектной речи с данными ПОС свидетельствует о том, что основные названия хозяйственных емкостей из растительного материала в этих источниках являются общими. Однако при очевидном сходстве и наличии тождественных номинаций значительная часть наименований корзин, отмеченных в ПОС, в западном Причудье не представлена. Иными словами, набор названий плетеных емкостей в причудском говоре ограничен.

Обнаруженные в речи староверов особенности можно объяснить обособленностью говора, а также влиянием эстонского языка. Тем самым даже наименования бытовых емкостей формируют территориально отличающуюся языковую картину мира старожилов, а это значит, что лексикографическое описание названий бытовых предметов является важной культурологической и филологической задачей.

Литература и источники

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М. 1881.
2. Васильева О.В., Петрова З.А. Наименования домашней утвари (по материалам псковских и тверских диалектологических экспедиций) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Наука, 2011. С. 279–291.
3. Немченко В.Н., Синица А.И., Мурникова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики // Ученые записки. Т. 51. Филологические науки. Вып. 8 А. Рига: Латвийский гос. ун-т. 1963. 362 с.
4. Петрова Л.Я. К проблеме определения значений слов предметно-бытовой лексики в областных словарях (на примере названий корзин в псковских и новгородских говорах) // Псковские говоры (Псковскией областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Памяти С.М. Глускиной. Псков: ПГПИ, 2001. С. 165–171.

УДК 811

М.В. Абрамова
(Псков, Россия, marina22abramova@gmail.com)

Использование педагогического текста на региональном материале в обучении иностранных студентов русскому языку

В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием регионального материала в обучении русскому языку иностранных студентов-педагогов на продвинутом этапе. Особое внимание уделяется роли педагогического текста как средства формирования профессиональной лингвокраеведческой компетенции будущих учителей. Приводятся примеры учебных текстовых заданий, построенных на основе использования регионального материала педагогической тематики.

Ключевые слова: лингвокраеведческая компетенция, продвинутый этап, региональный материал, русский язык как иностранный, текст по педагогике

M.V. Abramova

Use of Pedagogical Text on Regional Material in Teaching Russian to Foreign Students

The article considers some issues connected with using regional material in teaching Russian to foreign pedagogical students at an advanced level. It highlights the role of a text on pedagogics as a means of developing a professional linguistic and regional competence of future teachers. The examples of text exercises based on using regional pedagogical material are presented.

Key words: linguistic and regional competence, advanced level, regional material, Russian as a foreign language, text on pedagogics.

Настоящая статья посвящена проблеме использования регионального материала в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранных студентов-педагогов в учебно-профессиональной (педагогической) сфере на продвинутом этапе обучения русскому языку.

Как известно, в основе лингвострановедческого подхода к обучению русскому языку как иностранному лежит тезис о том, что язык и культура народа, его создавшего, неразрывно взаимосвязаны, соответственно, «усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру» (Верещагин 1990: 5). С другой стороны, полноценное овладение иностранным языком также невозможно без приобщения к культуре страны изучаемого языка. Таким образом, включение в состав коммуникативной компетенции социокультурного и (или) лингвострановедческого компонента представляется вполне естественным. Соответственно, практически в каждом учебнике по русскому языку как иностранному в том или ином объеме присутствует лингвострановедческий материал.

В то же время следует подчеркнуть, что непосредственное знакомство иностранных студентов с культурой России происходит через приобщение их к лингвосоциокультурной среде конкретного региона обучения. При этом само понятие «регион» определяется как «образ ближайшего пространства обучающегося, отражающий субъективный опыт познания окружающей действительности» (Насырова 2013: 10). Некоторые исследователи, в частности, Т.Ю. Тамбовкина и А.А. Насырова, подчеркивая важность такого фактора, как региональная идентичность, обосновывают выделение особой регионально-коммуникативной компетенции, занимающей подчиненное положение по отношению к собственно коммуникативной компетенции инофона (Тамбовкина 2015: 120). Другие авторы, в частности Т.Н. Доминова, говорят о необходимости формирования у иностранцев лингвокраеведческой компетенции, в состав которой входят региональные фоновые знания, лексика с регионально-культурной семантикой и лингвокраеведческие навыки и умения (Доминова 2012: 51–52). Таким образом,

ознакомление с культурой региона происходит «через посредство русского языка и в процессе его изучения» (Верещагин 1990: 38).

На наш взгляд, основными преимуществами использования регионального материала в качестве дополнительного средства формирования коммуникативной компетенции инофона являются его «наглядность» и «доступность». Иностранец не просто извлекает из текста некую абстрактную информацию социокультурного плана, но непосредственно знакомится с самими реалиями, характерными для данного региона. Так, прочтение учебного текста о княгине Ольге, святой покровительнице города Пскова, вызывает у иностранного студента, получающего специальность в Псковском государственном университете, целый ряд вполне конкретных ассоциаций (*Ольгинская часовня, Троицкий собор, реки Великая и Пскова, памятники княгине Ольге, баннер с портретом княгини, установленный при въезде в город, и др.*). Посещение иностранцами учебных экскурсий по Псковскому Кремлю, Старому Изборску, Пушкинскому музею-заповеднику, Свято-Успенскому Псково-Печерскому монастырю и другим значимым объектам историко-культурного наследия региона позволяет им не только познакомится с историей, культурой и географией Псковской области, но и существенно обогатить свой словарь регионально маркированной лексикой. В свою очередь, владение определенным набором местных топонимов позволяет иностранцу лучше ориентироваться в городском и региональном социокультурном пространстве, становится базой для развития его лингвокраеведческих умений, необходимых для успешной адаптации в регионе обучения.

Следует особо подчеркнуть, что для определенного контингента иностранных студентов, например, для будущих филологов или историков, данная социокультурная информация значима также и в аспекте овладения специальностью, в то время как для остальных студентов она выступает лишь как часть региональных фоновых знаний.

Значение регионального компонента в плане профессиональной подготовки будущих специалистов-

педагогов трудно переоценить. Достаточно упомянуть лишь о том, что большинство иностранцев в период обучения в вузе проходят педагогическую практику в образовательных учреждениях города. На наш взгляд, именно в период прохождения практики проблема отсутствия необходимых лингвокраеведческих знаний в педагогической сфере встает перед иностранцами особенно остро. Проиллюстрируем данный тезис конкретным примером. Так, практически каждый псковский студент владеет определенными представлениями о местоположении и специфике работы большинства школ города, имеет опыт обучения как минимум в одной из них, знаком с наименованиями и деятельностью основных учреждений дополнительного образования и культурно-образовательных центров, лично знает многих псковских педагогов. Таким образом, на момент поступления в вуз в его сознании уже присутствует определенная «педагогическая карта» Пскова, включающая в себя целый ряд объектов, персоналий и ассоциаций, что позволяет ему в дальнейшем достаточно уверенно ориентироваться в образовательном пространстве города. Иностранный студент подобных фоновых знаний лишен. Соответственно, использование регионального материала в процессе обучения иностранцев языку педагогической специальности призвано восполнить этот пробел. Рассмотрим возможные пути решения данной проблемы.

На наш взгляд, оптимальным средством формирования у студентов лингвокраеведческой компетенции в учебно-профессиональной педагогической сфере является учебный текст по специальности, построенный с использованием регионального материала. Как известно, именно в процессе работы с текстом по педагогике иностранцы овладевают ключевой педагогической терминологией, знакомятся с особенностями функционирования основных конструкций научного стиля речи на педагогическом материале, совершенствуют умения изучающего и диалогического чтения. На материале текстов по педагогике построена и работа по формированию умений инофонов в продуктивных видах

речевой деятельности, например, умения передавать основное содержание прочитанного текста в устной и письменной формах, умения принимать участие в педагогической дискуссии. Грамотное включение в уже имеющуюся у преподавателя русского языка текстотеку в качестве дополнительного материала регионально маркированных текстов и специальных интерактивных заданий к ним позволит приблизить обучение языку специальности к конкретным потребностям иностранных студентов-педагогов в учебно-профессиональной сфере.

На наш взгляд, наиболее целесообразным представляется использование учебных текстов, в которых содержится информация о ключевых образовательных объектах города и области (учебные заведения, музеи, библиотеки, культурно-образовательные центры), о значимых для региона образовательных мероприятиях (конкурсы, олимпиады, форумы, соревнования и др.), о выдающихся псковских педагогах, об истории развития образования в крае. Например, после прочтения иностранными студентами учебного текста «Основные типы образовательных учреждений в современной России» логично будет познакомить их со спецификой псковской системы образования. Для этой цели используется специально сконструированный текст «Образовательное пространство Пскова», содержащий краткую характеристику Пскова как регионального культурно-образовательного центра. В тексте представлены основные сведения о количестве и типах образовательных учреждений города, а также дается описание наиболее известных учебных заведений *(Псковский государственный университет, Псковский педагогический комплекс, Псковская лингвистическая гимназия, Гуманитарный лицей)* и культурно-образовательных учреждений *(Центр детского чтения, Дом детского творчества, Центр семьи, Библиотека для детей и юношества им. В. Каверина).* В качестве иллюстрации к тексту прилагается образовательная карта города, на которой обозначены все упоминаемые в тексте объекты.

После прочтения данного текста иностранные студенты выполняют ряд интерактивных заданий. Например, отвечая на вопросы педагогической викторины, иностранцы учатся находить нужную информацию на официальных сайтах псковских образовательных учреждений. В качестве письменного задания будущим педагогам предлагается дать краткую характеристику одной из школ города по предложенному плану, используя информацию, представленную на школьном сайте. Кроме того, иностранцы готовят небольшие сообщения о культурно-образовательных учреждениях Псковской области (*Пушкинский музей-заповедник, Мемориальный музей-усадьба С.В. Ковалевской и др.)*, делают совместную презентацию на тему «Культурно-образовательное пространство Псковской области».

Для развития у иностранных студентов умений монологической и диалогической речи на региональном педагогическом материале могут быть также использованы послетекстовые задания следующего плана:

1) *Представьте, что Вы родитель будущего первоклассника. Ваш ребенок умеет читать и считать, любит рисовать. Вы проживаете на улице Труда. Какую школу Вы бы хотели отдать своего ребенка? Почему?*

2) *Представьте, что Вы начинающий учитель. В какой школе города Вы бы хотели работать? Обоснуйте свой выбор.*

3) *Представьте, что Вы – педагог-организатор. Вам нужно организовать выездную экскурсию для учащихся седьмых классов. Познакомьтесь с различными предложениями, представленными на сайтах культурно-образовательных учреждений Псковской области, и сделайте свой выбор*.

4) *У Вас есть возможность выбрать любую школу города для прохождения педагогической практики. Объясните свой выбор*.

Разумеется, данные вопросы носят дискуссионный характер. Их цель – развитие у иностранцев умения высказывать и обосновывать свою точку зрения по определенной педагогической проблеме. Кроме того, в процессе выполнения подобных заданий иностранные студенты упражняются в

использовании региональной педагогической лексики, совершенствуют свои лингвокраеведческие умения.

При работе с региональным материалом также уместно будет использовать задания, направленные на развитие межкультурной компетенции иностранцев. Например, студентам предлагается рассказать об образовательных учреждениях своего города, о своей школе, сравнить особенности организации обучения в псковских школах и школах у себя на родине.

Таким образом, использование в качестве дополнительного средства обучения языку специальности регионально маркированных текстов педагогической тематики и системы заданий к ним способствует более качественной подготовке иностранцев к прохождению педагогической практики в образовательных учреждениях региона, содействует их успешной социокультурной адаптации в регионе.

Литература и источники

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. С. 17–38.
2. Доминова Т.Н. Лингвокраеведческая компетенция иностранных студентов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 3. С. 51–55.
3. Насырова А.А. Формирование регионально-ориентированной коммуникативной компетенции бакалавра лингвистики: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Клининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2013.
4. Тамбовкина Т.Ю., Насырова А.А. Региональная идентичность – важная составляющая подготовки бакалавра лингвистики в вузе // Вестник Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. Вып. 2. С. 120–127.

УДК 81’33

А.В. Бадестова, С.С. Владимирова
(Санкт-Петербург, Россия,
cwt78@mail.ru; vlad_svetlana@mail.ru)

Формирование фоновых знаний иностранных студентов в рамках курса «Древние языки и культуры»

Статья посвящена проблеме формирования фоновых знаний студентов-иностранцев в процессе обучения РКИ. Рассматриваются теоретические и методические аспекты создания учебных информационных текстов лингвокультурологической тематики. В качестве диагностики результатов формирования фоновых знаний актуализируется метод аддитивного теста.

Ключевые слова: аддитивный тест, лексика с национально-культурным компонентом семантики; реалия; фоновые знания.

A.V.Badestova, S.S. Vladimirova

Development of Foreign Students’ Background Knowledge While Teaching the Discipline «Ancient Languages and Cultures»

The article deals with the problem of the development of foreign students’ background knowledge while teaching Russian as a foreign language. Theoretical and methodical aspects of designing training informative texts with the cultural linguistics subject matter are considered. The “Additive Test” method is used as the tool to diagnose the development of students’ background knowledge.

Key words: additive test, background knowledge, non-equivalent vocabulary, vocabulary with national and cultural component.

Проблема формирования фоновых знаний в процессе обучения РКИ сформулирована достаточно давно. Сегодня общепризнанным является положение о необходимости изучения русского языка как иностранного в комплексе с изучением истории и культуры России, ментальности ее народа с целью формирования лингвострановедческой и коммуникативной компетенций иностранных студентов, изучающих русский язык. В ходе обучения студенты-

иностранцы должны усвоить определенный объем фоновых знаний, которые характеризуют типичного представителя российского социума, так как наличие общих знаний является основной предпосылкой для эффективной коммуникации, когда ее участники принадлежат к различным лингвокультурным общностям. Это требование находит свое отражение, в том числе, и в основной образовательной программе подготовки бакалавров «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» через ряд дисциплин вариативного цикла, что закреплено ФГОС ВПО по направлению «Лингвистика». В рамках реализации вариативного курса «Древние языки и культуры» чрезвычайно актуализируется задача формирования фоновых знаний, поскольку курс нацелен на овладение студентами-иностранцами, изучающими русский язык, реалиями древнерусской культуры.

В процессе тематического планирования курса «Древние языки и культуры» была использована модель анализа специфики иноязычной культуры, предложенная Х. Хамерли (Hammerly 1982), которая предлагает 3 уровня культуры: 1) информационную (знания по истории, географии, общие сведения, которыми обладает типичный представитель общества); 2) поведенческую (особенности взаимоотношений в обществе, нормы, ценности, разговорные формулы, язык телодвижений); 3) традиционную (художественные ценности).

Одним из наиболее эффективных средств целенаправленного формирования фоновых знаний в методике обучения РКИ выступает учебный текст. Многие ученые отмечают необходимость использования аутентичных материалов в обучении иностранному языку. Однако, учитывая контингент иностранных учащихся первого курса бакалавриата, где реализуется данный курс, предъявление аутентичных текстов без адаптации представляется чрезвычайно сложным. В связи с этим возникла необходимость создания специальных учебных текстов для студентов-иностранцев, направленных на формирование фоновых знаний, развитие коммуникативной и лингвострановедческой компетенций, используя образовательный, развивающий и воспитательный потенциал

дисциплины. Такой текст должен соответствовать целому ряду требований, основанных на теоретических положениях современной лингвистики и культурологии. Анализ основных положений лингвострановедческой теории слова, когда язык на уровне лексики максимально реализует свою кумулятивную функцию (Верещагин, Костомаров 1990), позволяет сделать вывод, что добиться адекватного взаимопонимания между коммуникантами в ситуациях межкультурной коммуникации невозможно без знания лексики с национально-культурным компонентом семантики. Таким образом, в образовательных целях при создании учебных текстов в рамках курса «Древние языки и культуры» был выделен лингвистический компонент лингвострановедческой компетенции, куда вошли лексические единицы, наиболее ярко отражающие культуру страны изучаемого языка в соответствии с моделью Х. Хамерли.

Проблема отбора и классификации лексики с национально-культурным компонентом тесно связана с проблемой реалий, которые, по мнению В.П. Конецкой, выступают в качестве элементов объективной реальности, отраженных в сознании, с которыми установлено определенное языковое соответствие (Конецкая 1980).

На наш взгляд, в лингвострановедческий минимум учебных текстов в рамках курса «Древние языки и культуры» целесообразно включать не только фоновые и безэквивалентные лексические единицы, которые являются отражением реалий, но и коннотативную, а также ономастическую лексику (топонимы и антропонимы), то есть все то, что может способствовать совершенствованию лексической стороны речевой деятельности иностранных студентов, изучающих русский язык в рамках основной образовательной программы по направлению «Лингвистика». В связи со столь обширным языковым материалом возникает необходимость классифицировать его с целью организации содержания обучения.

Большинство исследователей группируют реалии, основываясь на экстралингвистическом факторе – тематических ассоциациях. Вслед за Г.Д. Томахиным мы считаем целесообразным выделение географических, культурно-

исторических, общественно-политических и этнографических реалий (Томахин 1988). В той или иной степени эти реалии находят свое отражение в разработанных учебных текстах к курсу «Древние языки и культуры».

В качестве модели учебного текста, ориентированного на формирование фоновых знания иностранных учащихся в рамках курса «Древние языки и культуры», предлагаем рассмотреть дидактическую модель урока по теме «Крещение Руси».

ТЕКСТ «КАК КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ВЕРУ ВЫБИРАЛ»

Христианская религия – вера в ***Иисуса Христа*** *появилась в первом веке нашей эры. На Русь* ***христианство*** *пришло почти через тысячу лет.*

В конце 10 века ***князь Владимир*** *хотел выбрать для своего народа новую религию вместо язычества. Но он не знал, какая вера самая хорошая. До принятия христианства Владимир тщательно ознакомился с различными вероисповеданиями.*

В 987 г. к нему пришли послы от соседних народов: ***католики, мусульмане, иудеи и православные.*** *Дольше всего Владимир разговаривал с православными послами. А затем князь Владимир отправил своих послов посмотреть, кто и как служит Богу. Послы ездили на восток и на запад, и больше всего им понравилась православная церковь в* ***Константинополе.*** *Они рассказывали, как верующие* ***зажигали тысячи свечей*** *в храмах, чтобы прославить Господа. Христианство показалось князю Владимиру самой светлой верой. Он решил, что Русь станет православной.*

Однако первым человеком, который принял христианство на Руси, была ***княгиня Ольга*** *– бабушка Владимира. Около 955 г. она приняла крещение в Константинополе. Оттуда княгиня привезла греческих священников на Русь. Однако ее сын* ***князь Святослав*** *(отец Владимира) поклонялся* ***языческим богам*** *и не хотел менять веру, поэтому официально князем, который крестил Русь, считается князь Владимир Святославович. Официальной датой принятия христианства на Руси считается 988 год.*

*Великий князь построил **в Киеве** деревянную церковь на том месте, где стоял **Перун.** Изображения языческих богов – идолов – по приказу князя бросили в реку. Из Константинополя Владимир пригласил зодчих, чтобы на месте этих идолов построили церкви, в которых должны были молиться новому богу – Христу.*

*Самые древние русские церкви, которые можно видеть и сегодня, – это **Софийский собор в Киеве и Софийский собор в Новгороде.** Они были построены в 11 веке и похожи на церкви **Византии.***

Крещение Руси – это была настоящая крупная реформа в духовной сфере. Князь Владимир стремился политически объединить все союзные славянские племена с помощью общей для всех религии – христианства.

В данном тексте географические, культурно-исторические и общественно-политические реалии представлены фоновой, коннотативной и ономастической лексикой. Каждый компонент структуры лингвострановедческого содержания обучения формируется посредством представленных ниже типов заданий:

– языковые лингвокультурологические: *Объясните значение выражения «ставить свечи за здравие», «ставить свечи за упокой»;*

– когнитивно-культурологические**:** *Познакомьтесь с династией Рюриковичей. Укажите родственные связи: Князь Игорь и Княгиня Ольга и т.д.*

– когнитивно-коммуникативные: *Найдите информацию о Крещатике, Грановитой палате, Владимирском соборе в Киеве и расскажите, как они связаны с Крещением Руси.*

– коммуникативно-прагматические: *Найдите информацию и расскажите, как проходит обряд крещения?*

– коммуникативно-творческие: *Опишите статую бога Перуна в Киеве. Скажите, каких еще древних славянских богов вы помните? Изобразите их.*

Проблема диагностики результатов усвоения учебных курсов иностранными студентами всегда была одной из актуальных проблем методики русского языка как

иностранного. В качестве диагностики результатов формирования фоновых знаний в рамках курса «Древние языки и культуры» был выбран метод аддитивного теста. Аддитивный тест является методом диагностики результатов усвоения учебного предмета целостным групповым субъектом обучения и служит качественным дополнением к системе традиционных методов индивидуальной диагностики» (Артищева 1997). Аддитивный тест в курсе «Древние языки и культуры» в содержательном плане представляет собой тестовый текст на основе компиляции всех изученных тем курса.

Результаты аддитивного теста позволяют сделать вывод о высоком уровне фоновых знаний иностранных студентов в результате освоения курса «Древние языки и культуры». Предложенные средства формирования фоновых знаний способствуют восприятию истории, социокультурных традиций страны изучаемого языка и, как следствие, повышают коммуникативную и лингвострановедческую компетенции учащихся.

Литература

1. Артищева Е.К. Оценка фонового уровня знаний как способ диагностики результатов усвоения учебного предмета: Дис. … кан. пед. наук. Калининград, 1997.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык,1990.
3. Конецкая В.П. Лексико-семантическая характеристика языковых реалий // Великобритания: лингвострановедческий словарь. М., 1980.
4. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению. М.: Высш. шк., 1988.
5. Hammerly H. Synthesis in Second Language Teaching // Second Language Publications, 1982.

УДК 372.881.161

Н. Ю. Борисенко
(Псков, Россия, natalikozlowa@rambler.ru)

Формирование лингвокультурографических навыков будущих преподавателей русского языка как иностранного на материале образных сравнений (региональный аспект)

В статье представлена концепция формирования лингвокультурографических навыков будущих преподавателей русского языка как иностранного. На примере произведений псковской поэтессы Людмилы Тишаевой рассмотрены особенности словарных статей и лингвокультурологического комментирования сравнительных конструкций, обладающих богатым культурным фоном.

Ключевые слова: лексикография, лингвокультурография, лингвокультурологический комментарий, русский язык как иностранный, сравнительные конструкции, устойчивое сравнение.

N. YU. Borisenko

Development of Linguoculturographic Skills of Future Teachers of Russian as a Foreign Language Based of Figurative Comparisons (Regional Aspect)

The article presents the concept of the development of linguoculturographic skills of future teachers of Russian as a foreign language. The features of dictionary entries and linguocultural comments on comparative constructions with a rich cultural background are considered. The features are studied with the help of the works of Pskov poet Lyudmila Tishaeva.

Key words: lexicography, linguocultural lexicography, linguocultural commentary, Russian as a foreign language, comparative constructions, sustainable comparison.

Одним из направлений работы со студентами-иностранцами, изучающими русский язык как иностранный, является работа с художественными текстами. Такой текстовый материал дает возможность понять особенности русского менталитета, формирует представление о русской культуре, то

есть является важным источником лингвокультурологической информации.

Согласно Приказу Министерства образования РФ № 1304 от 3 октября 2014 г. «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке» (Министерство РФ: ЭР), студенты-инофоны гуманитарного профиля по завершении курса предвузовской подготовки должны свободно передавать общее содержание определенных перечнем художественных произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и других авторов. Однако при чтении художественных произведений у студентов-инофонов могут возникнуть трудности в понимании определенных реалий русской культуры и быта, описываемых авторами. Обилие незнакомой этнокультурно маркированной лексики и фразеологии значительно затрудняют восприятие текстов. Таким образом, одной из важных задач преподавателей русского языка как иностранного (РКИ) на этом этапе является лингвокультурологическое комментирование лексики и содержания текста. Комментарий может быть представлен иностранцем в виде устного сообщения на занятии или в виде словарной статьи для работы в аудитории или самостоятельно. Следовательно, преподаватель РКИ должен владеть навыками разработки таких комментариев, в том числе и лексикографических. Таким образом, необходимо еще на этапе обучения в педагогическом вузе (либо по программе специальности «педагогическое образование») подготовить будущих преподавателей РКИ к такому аспекту их профессиональной деятельности. Если речь идет о лингвокультурологически ориентированной словарной статье, то нужно говорить о лингвокультурографических навыках.

Лингвокультурография как лексикографическое направление рассматривается многими учеными как «отдельная филиация общей лексикографии» (Ансимова 2012: 12). Однако эта область знаний появилась сравнительно недавно (по мнению

Н.А. Лукьяновой, примерно 90-е гг. XX в. – начале XXI в.) и является недостаточно разработанной (Лукьянова 2006: 303). Областью изучения лингвокультурографии как научного направления является теория и практика создания словарей лингвокультуры, а также осмысление всех относящихся к этой области знаний вопросов (Морковкин 1990, Ансимова 2012).

Мы считаем, что лингвокультурографическая компетенция будущих преподавателей наряду с теоретическими знаниями из области лингвокультурологии и лексикографии, должна включать: 1) навыки отбора и систематизации этнокультурно маркированных лексических единиц, в том числе из такого источника, как художественный текст; 2) навыки лингвокультурологического комментирования лексики и фразеологии; 3) навыки составления словарных статей, репрезентирующих материал в лингвокультурологическом аспекте.

Формирование лингвокультурографических навыков будущих преподавателей РКИ возможно в ходе изучения лингвистических и лингвокультурологических элективных курсов, а также при выполнении студентами научно-исследовательской работы. В Псковском государственном университете такая работа была проведена нами с магистрантами первого курса направления «Теория и методика обучения неродному языку: русский язык как иностранный» в рамках дисциплины «Учебная лексикография».

В качестве объекта лингвокультурологического комментирования и лексикографического описания были избраны образные сравнения, используемые авторами художественных произведений (устойчивые сравнения и индивидуально-авторские обороты). Такой выбор обусловлен тем, что образные сравнения являются ярким национально-маркированным типом фразеологизмов (Никитина 1998: 177). Эти языковые единицы, по мнению В.А. Масловой, являются образными средствами, способными дать ключ к разгадке национального сознания (Маслова 1997: 145). Образные сравнения – очень ценный источник информации о культуре народа, они «просвечивают» особенности жизни носителей

языка (Зимин, Пак 2004: 102). Извлечь эту закодированную культурно значимую информацию оказывается возможным в результате лингвокультурологической интерпретации данных единиц. Этому и должны научиться будущие преподаватели РКИ.

Для работы по формированию их лингвокультурографических навыков в качестве материала мы использовали тексты писателей-классиков, рекомендованные для изучения в иноязычной аудитории, а также тексты псковских авторов: Л. Тишаевой, К. Алешиной, Е. Самуйлова, И. Виноградова, Н. Иванова, Р. Микрюкова. Здесь мы руководствовались тем, что в будущей практической деятельности магистрантам необходимо будет реализовывать и лингвокраеведческий компонент обучения РКИ – знакомить инофонов с языком и культурой региона обучения (Никитина 2015; Никитина, Рогалёва 2015).

Теоретическая часть занятий с магистрантами обеспечила расширение представлений о проблематике лингвокультурологии и учебной лексикографии, углубление знаний о компаративной фразеологии. Были уточнены понятия «устойчивое сравнение», «образное сравнение», «индивидуально-авторское сравнение», освоены принципы лингвокультурологического комментирования материала и его словарной лингвокультурологической репрезентации. Введено понятие «лингвокраеведение», рассмотрены цели и задачи этого лингвометодического направления.

Практическую часть составляла непосредственная разработка словарных статей.

В ходе анализа словарей устойчивых сравнений и лингвокультурологических словарей фразеологизмов была выявлена оптимальная, на наш взгляд, структура словарных статей: статью открывает вокабула – сравнительный оборот со структурой *основание сравнения + как + объект сравнения* или *основание сравнения + объект сравнения* (в форме творительного падежа). Для уточнения эмотивно-оценочной коннотации приводятся пометы (*неодобр.*, *одобр.*, *шутл.*, *ирон.* и т.п.). Толкование строится на основе формулировок

отечественных словарей. Приводятся примеры употребления сравнения в тексте, предлагается лингвокультурологический комментарий, поясняется функция оборота, за счет чего и расширяются фоновые знания студентов-инофонов.

Рассмотрев структуру словарных стаей, изучив необходимые теоретические материалы, студенты были готовы к самостоятельному лексикографированию сравнительных конструкций. По отработанной схеме ими были составлены и представлены на коллективное обсуждение словарные статьи, которые мы приводим в окончательном отредактированном варианте (эта процедура также была частью группового словарного проекта):

СТРАЖ

Стоять как страж. *Ирон.* О том, кто защищает, охраняет что-л.

…Простужено мне прохрипел
Порог: «Прости, я заболел:
Стоял, как страж, *и в снег, и в дождь –*
Всё ждал, когда же ты придёшь… (Л. Тишаева. «Встреча с домом»).

< *Страж* – то же, что и *сторож* – человек, который что-либо охраняет, сторожит. Слово *сторож* – нейтральное, употребляется в разговорной речи (*сторож в школе, в магазине*). *Страж* – устаревшее слово, употребляется в высоком, торжественном поэтическом стиле, когда речь идёт о защите чего-либо. В данном контексте *стражем* выступает порог дома. *Порог* – брус на полу в нижней части дверного проёма, у входа в дом – это обычное место часового, охранника. Поэтому поэтесса и использует образ стража, который охраняет дом – родное место, где нас всегда ждет тепло и уют.

ТОРОК

Проноситься как торок. Быстро проходить, пролетать (о чувстве).

Как торок проносится *страсть по судьбе!* (Л. Тишаева. «Финал»).

< *Торок* – устаревшее название порыва сильного ветра. В данной конструкции *страсть* – сильное чувство, которое

быстро вспыхивает и быстро гаснет – сравнивается с таким же сильным порывом ветра.

СЛЕПЕНЬ

Отгонять как слепней. Бороться с чем-либо, постоянно мешающим, причиняющим неприятности, досаждающим.

Шёл мужик и в жару, и в ненастье,

Как слепней, отгоняя *напасти…* (Л. Тишаева. «Шел мужик»).

< *Слепни* – двукрылые насекомые, похожие на мух. Они являются переносчиками опасных заболеваний, их укусы довольно болезненны и долго не заживают. *Напасти* – неприятности, беды, то, от чего человеку хочется избавиться так же, как и от надоедливых слепней.

Контрольный этап этого обучающего эксперимента показал, что уровень сформированности лингвокультурографических навыков магистрантов – будущих преподавателей РКИ – повысился. Таким образом, разработанная система формирования этих навыков может быть признана эффективной.

Литература и источники

1. Ансимова О.К. Лингвокультурография как отдельная филиация общей лексикографии // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 44. С.12–18. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18344588_88874642.pdf
2. Зимин В.И., Пак С.Г. О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 102–113.
3. Лукьянова Н.А. Лингвокультурография в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX – начало XXI в.) // Искусство грамматики: сборник памяти профессора К.А. Тимофеева. Новосибирск, 2006. Вып. 2. С. 303–326.
4. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 208 с.
5. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1990. 72 с.
6. Никитина Т.Г. Проблемы изучения этнокультурной

специфики фразеологии. Псков: ПГПИ, 1998. 198 с.
7. Никитина Т.Г. Фразеологизмы как средство формирования лингвокраеведческой компетенции иноязычных студентов // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 498–501.
8. Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И. Социокультурная адаптация учащихся-инофонов в регионе обучения: концепция лингвометодической поддержки // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 10. Ч. 1. С. 144–146.
9. Приказ Министерства образования РФ № 1304 от 3 октября 2014 г. «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке» // Министерство образования и науки Российской Федерации // URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/

УДК 378.147.8

А.В. Волчек, А.П. Иванова, Е.С. Лопатенко
(Санкт-Петербург, Россия, annavolchek88@mail.ru; ivanovaalex@mail.ru; lopatenko.e.s@mail.ru)

Краеведческий компонент фоновых знаний в обучении РКИ с использованием страноведческого потенциала города

В статье описаны возможности использования фоновых знаний при знакомстве иностранных учащихся с городом, где проходит обучение, а также их влияние на коммуникативные навыки обучаемых в течение обучения.

Ключевые слова: квест, краеведение, метод проектов, натурный урок, страноведение, фоновые знания.

A.V. Volchek, A.P. Ivanova, E.S. Lopatenko

Regional Component of Background Knowledge in Teaching Russian as a Foreign Language with the Use of the Country Studies Potential of a City

The article describes the possibilities to use the background knowledge when foreign students study the information about the city where they get their education. The article also highlights the influence of background knowledge on students' communicative skills.

Key words: quest, regional studies, project method, outdoor lesson, country studies, background knowledge.

Проходя обучение в Северной столице России, иностранные студенты зачастую слабо информированы о возможностях культурного развития параллельно с изучением русского языка как иностранного. При опросе данной категории студентов и из опыта общения с иностранцами было выявлено, что подавляющее большинство не умеет планировать свой досуг, не умеет найти информацию для культурного просвещения и, следовательно, не может пополнить свои фоновые знания.

Следует помнить, что фоновые знания – это обширное понятие, которое включает в себя не только знания о предметах и явлениях национальной культуры (реалии), но и знания об общепринятых нормах поведения (этикет). В данной статье мы остановимся на особенностях владения реалиями, которые существуют в Санкт-Петербурге как части страны изучаемого языка.

Чаще всего студенты к началу обучения уже знакомы с элементарными понятиями, которые можно определить так: «1703», «Пётр I», «Екатерина II», «Ленинград». Лишь единицы могут рассказать больше (без обращения к источникам дополнительной информации).

Здесь же следует отметить отсутствие интереса к процессу посещения музеев и достопримечательностей. Для того чтобы вызвать интерес, нужна наглядность. Многие методисты разрабатывают «местные учебники», где широко

представлены достопримечательности края, например, Р.М. Теремова «Красуйся, град Петров!» (2015), А.В. Бадестова, С.С. Владимирова «Петербургский букварь» (2015) и т.д. В этих учебниках доступно и красочно изложена основная информация о Санкт-Петербурге: история, достопримечательности, стиль жизни. Однако для актуализации фоновых знаний этого недостаточно.

Руководствуясь современными исследованиями по работе вне аудитории, мы хотим обратить внимание на натурный урок. По мнению Д.С. Трухановой, «одной из основных целей натурного урока, кроме развития определенных умений и навыков в различных видах речевой деятельности, является расширение ряда фоновых знаний учащихся» (Труханова 2016: 124). Натурный урок был также исследован в работах следующих ученых: И.А. Ореховой, Н.В. Поморцевой, Г.Г. Гончар, В.М. Филипповой. В качестве контроля предлагается использовать метод проектов (Филиппова, Труханова 2016). Мы же считаем, что одной из самых эффективных разновидностей метода проектов, которая способствует выработке самостоятельности в знакомстве с культурным наследием (фоном), является квест (quest). Квест дает студентам свободу действий в рамках маршрута и в выполнении заданий, а также заметно повышает интерес к процессу обучения.

Требования к созданию квеста по теме, связанной со знакомством с городом, не отличаются от общих требований к квестам:

1. Количество человек в группе – до 10.
2. Уровень сложности должен соответствовать уровню русского языка участников.
3. Маршрут квеста должен быть логичен и последователен.
4. Необходимо достаточное информирование участников.

Желательно также ввести элемент игры, что позволит заинтересовать и быстрее включить в квест обучаемых.

Создание квеста для знакомства студентов-иностранцев с достопримечательностями или просто интересными местами города требует более тщательной проработки каждого пункта

требований. Во-первых, учитывая разницу в уровне владения русским языком как иностранным, необходимо осознанно распределить группы таким образом, чтобы в каждой было примерно одинаковое количество «сильных» и «слабых» студентов. Во-вторых, цель и задачи квеста должны быть доступны для понимания иностранным учащимся и, в связи с этим, изложены в соответствии с их уровнем владения русским языком. В-третьих, следование маршруту квеста не должно быть слишком сложным (движение с пересадками) или продолжительным (далеко от города). И последнее, для геймификации необходима награда, которая будет интересна участникам. Например, на кафедре РКИ РГПУ им. А.И. Герцена ежегодно проводится квест, благодаря которому студенты первого курса знакомятся с «открытыми» и «скрытыми» памятниками города:

1.Тишина Матроскина (ул. Марата, 34);
2. Музей Ф.М. Достоевского (Кузнечный пер., 5/2);
3. Памятник Достоевскому (Большая Московская ул., 2);
4. Аничков мост (Невский пр.);
5. Кот Елисей и кошка Василиса (Малая Садовая ул., 8);
6. Чижик-Пыжик (набережная реки Фонтанки).

Положительные отзывы, оставленные студентами после участия в данном квесте, а также результаты тестирования остаточных знаний показывают высокую эффективность подобного вида работы. Таким образом, всестороннее знакомство с реалиями края через квестовые задания положительно влияет на повышение интереса к русскому языку и культуре, расширяет кругозор учащихся, а также позволяет более продуктивно коммуницировать с представителями лингвокультурного сообщества.

Литература

1. Бадестова А.В., Владимирова С.С. Петербургский букварь: Адаптационное учебное пособие для иностранных студентов по комментированному чтению. СПб., 2015. 159 с.
2. Теремова Р.М. «Красуйся, град Петров»: Лики Санкт-Петербурга // Учебное пособие по лингвокультурологии для иностранцев. СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2015. 270 с.

3. Труханова Д.С. Роль натурного урока в обучении РКИ в языковой среде // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Материалы 4-й Международной научно-методической конференции. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. С. 121–125.
4. Филиппова В.М., Труханова Д.С. Проект как форма отсроченного контроля на натурном уроке // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2016. № 2. С. 29–31.

УДК 811

Л.С. Головина
(Псков, Россия, golosfack@mail.ru)

Региональная эргонимика на предвузовском этапе обучения иностранцев русскому языку

В статье рассматриваются возможности работы с региональной эргонимикой на начальном этапе изучения русского языка как иностранного, целью которой является расширение лингвистических знаний абитуриентов, пополнение их словарного запаса, а также знакомство с социокультурными особенностями нового города.

Ключевые слова: аббревиатура, лексема, русский язык как иностранный, трансонимизация, эргоним, языковая игра.

L.S. Golovina

Regional Ergonomics in the Process of Teaching Russian to Foreigners in the Pre-University Stage

The article discusses the possibility to work with the regional ergonomics for the beginners learning Russian as a foreign language. The aim of this work is to extend students’ linguistic knowledge, enrich their vocabulary, as well as to demonstrate the social and cultural peculiarities of the new city.

Key words: abbreviation, ergonomics, lexical unit, linguistic game, Russian as a foreign language, transonimization.

В рамках предвузовской подготовки иностранные студенты регионального вуза активно вливаются в новую языковую и социокультурную среду. Значительная часть их времени проходит в личном знакомстве с городом пребывания: уже с первых дней инофоны легко называют свой любимый магазин, кафе, кинотеатр, что очень важно для выстраивания в дальнейшем монологических и диалогических высказываний в аудитории.

Одной из первых задач обучения иностранцев на подготовительном факультете является их адаптация в образовательной среде вуза и коммуникативном пространстве города (Никитина 2015; Никитина, Рогалева 2015), чему способствует освоение лексического минимума и языковых конструкций, необходимых для удовлетворения ежедневных коммуникативных потребности на улице, в магазине, в университете и т.д. И закономерно, что при построении диалога или монолога, часто используются эргонимы, называющие городские объекты, актуальные в данный момент для студентов.

Отметим, что изучение имен собственных, которые называют различные объединения людей, в отечественной ономастике началось уже в середине XX в. (Копорский 1969; Морозова 1976; Щетинин 1968 и др.). Термин «эргоним» для их обозначения был введен А.В. Суперанской в 1978 году и определяется как «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, предприятия, общества, заведения, кружка» (Подольская 1988: 151). К эргонимам в широком смысле этого слова мы будем относить и эргоурбанонимы, определяемые Р.И. Козловым как номинация, с одной стороны, делового предприятия, с другой – объекта городского пространства (Козлов 2001: 9).

Как правило, количество эргонимов в учебниках русского языка как иностранного (РКИ) незначительно ввиду того, что книга должна быть универсальной, а названия различных организаций, не несущих дополнительных фоновых культурных знаний, для каждого отдельного города – специфичны. Однако эргонимы на занятиях РКИ довольно часто, в том числе по инициативе студента, употребляются в

естественных ситуациях устного общения, что подчеркивает их коммуникативную ценность и особое значение для адаптации иностранца в новой социокультурной среде.

При этом семемы таких имен, как правило, понятны иностранному абитуриенту, и он сам инициирует их употребление: например, «Магнит» – продуктовый магазин, куда он ходит за продуктами, «Мираж» – кинотеатр, где проводит досуг, ПсковГУ – новый университет, где будет обучаться в скором времени. И этих знаний ядерного компонента семантики на данный момент времени вполне достаточно для его повседневной коммуникации.

Но для преподавателя РКИ эргоним обладает значительно большей лингвометодической ценностью. Первая – возможность отработки определенной речевой конструкции или падежной формы в условиях ограниченного словарного запаса абитуриента: вместо одного примера *я хочу пойти в магазин* возможно употребить синонимичные *я хочу пойти в «Ленту», я хочу пойти в «Магнит»* и пр. Фактически речь идет об одном и том же виде объекта (магазин), но в зависимости от категории рода возникает необходимость оперативно вспомнить нужное окончание. Следует заметить, что в современных учебниках РКИ не заостряется внимание на употреблении эргонима вместе с определяемым словом, а ведь это тоже свойственно живой речи. Поэтому такие случаи преподавателям приходится рассматривать и отрабатывать дополнительно: *мы пойдем в «Ленту»*, но *мы пойдем в магазин «Лента»*.

Второй положительный момент работы с эргонимами – обогащение словарного запаса иностранного реципиента и одновременно знакомство с корневой морфемой. Читая на улицах города названия коммерческих организаций, естественным для себя образом инофон узнает новые слова и пытается понять, что же скрывается за той или иной дверью: «***Дет****ский мир*» – товары для детей, «*Сбер****банк***» – банковские услуги, «***Красот****ка*» – салон красоты. И здесь очевидно, что эти слова закрепляются в сознании иностранца ассоциацией с конкретным объектом и легче запоминаются.

Однако далеко не у всех эргонимов по корневой морфеме можно определить специфику именуемого им объекта. Тем не менее, для целого ряда городских объектов выбираются наименования, семантизация которых также будет полезной для иностранцев, например, название аптеки «*Здоровье*», магазин канцтоваров «*Золотая скрепка*», парикмахерская «*Шарм*».

Достаточно интересной для иностранцев оказывается информация, связанная с эргонимами-аббревиатурами, построенными на основе определенной языковой игры. Например, компания по работе с недвижимостью «*Псковская инвестиционная компания*» имеет аббревиатуру *ПИК*, их символика высокая гора – пик. Или название известной торговой сети «*Магнит*» является сокращением от «*МАГазин НИзких Тарифов*», однако сама аббревиатура – отдельное слово языка, которое также легко запоминается. Конечно, с одной стороны, оба этих слова *пик и магнит* не входят в лексический минимум базового уровня владения русским языком. Но с другой, постоянное их зрительное восприятие на улицах города позволяет без особых усилий и затруднений запомнить две новые лексические единицы, что однозначно не является негативным моментом.

Рассмотрение эргонимов позволяет также осветить еще одну тему, не входящую в базовый курс РКИ, но являющуюся важной для осуществления коммуникации. Так, при употреблении иностранцем в речи таких имен собственных, как «*Пятерочка*», «*Модный дворик*», «*Сундучок*» и т.п., ему необходимо пояснить уменьшительно-ласкательные суффиксы, характерные для русского языка.

Еще одним аспектом, полезным для развития общего кругозора иностранного абитуриента, может являться рассмотрение такого способа образования эргонима, как трансонимизация. Если посмотреть рекламные вывески различных видов объектов, то можно увидеть очень много личных имен. Трансонимизация является одним из самых популярных способов создания новых названий для коммерческих организаций: например, салон красоты «*Виктория*», ресторан «*Натали*», парикмахерская «*Алина*» и пр.

Таким образом, обращая внимание иностранца на тот факт, что употребленное им название одновременно является и личным именем, возможно расширить спектр известных ему русских антропонимов.

Несмотря на всю ценность лингвистической работы с онимами, называющими различные учреждения, следует уделить особое внимание другой стороне. Для иностранца любая вывеска на улице нового города не несет в себе культурно-исторической информации. Однако несомненно, что образование ряда псковских эргонимов имеет культурно-историческую мотивацию. Например, обратим внимание на название кинотеатра «Победа», находящегося в центре города. Очевидно, что такой эргоним после Великой Отечественной войны мог быть дан только ценному и важному топообъекту. И действительно, иностранцам, получившим культурно-исторический комментарий, становится понятно, что здание кинотеатра, именуемое данным эргонимом, является важным памятником архитектуры, который был восстановлен в Пскове одним из первых (1947 г.).

Таким образом, несмотря на тот факт, что эргонимы почти не употребляются в современных учебниках РКИ, они являются коммуникативно значимыми единицами на начальных этапах обучения русскому языку при воссоздании реальных социально-бытовых ситуаций общения в том или ином городе, где непосредственно осуществляется обучение РКИ. При этом работа, как правило, ведется только с теми единицами, которые употребляются самими студентами. Этот факт способствует минимизации нагрузки на заучивание слов, не входящих в лексический минимум данной ступени обучения: если абитуриент использовал в речи какой-либо эргоним, значит, он его уже освоил (фонетически и, возможно, графически). Так как эргонимы достаточно молодой вид онимов, то, как правило, их прагматическая зона семантики не объемна, а ядерный компонент значения понятен инофону. Поэтому внимание преподавателя обращено к таким аспектам, как языковая игра при образовании наименований, использование сниженной лексики в неофициальной эргонимии, трансонимизация,

аббревиация и др., знакомство с которыми расширят лингвистический кругозор иностранца.

Литература и источники

1. Козлов Р.И. Современные эргоурбанонимы в городской топонимической системе // Известия уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 9.
2. Копорский С.А. О лексико-семантических особенностях наименований (названия кинотеатров) // Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 24–30.
3. Морозова М. Н. Названия бытовых, торговых, культурных объектов в городах Поволжья // Ономастика Поволжья. Сб. 4. Саранск, 1976. С. 301–305.
4. Никитина Т.Г. Адаптационный курс русского языка для иностранцев: региональный компонент и формы организации // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конференции. Часть VI. Белгород: ИП Ткачева Е.П. 2015. С. 68–71.
5. Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Социокультурная адаптация учащихся-инофонов в регионе обучения: концепция лингвометодической поддержки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 1. С. 144–146.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.
7. Щетинин Л.М. Имена и названия. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1968.

УДК 378/372.811.161.1

А.А. Ефимова, Н.С. Молчанова
(Псков, Россия, egorova-88@bk.ru; molcnatasha@yandex.ru)

Этапы и формы знакомства с историей и культурой региона на уроках русского языка как иностранного

Предлагаемая статья рассматривает вопросы использования лингвокраеведческого подхода в преподавании русского языка как иностранного слушателям подготовительного

отделения для иностранных граждан Псковского государственного университета. В статье приводятся примеры форм занятий с использованием краеведческой информации на разных этапах обучения. Результатом использования данного подхода является успешная адаптация в новом социокультурном пространстве и формирование позитивного, уважительного отношения к истории и культуре региона, а также его жителям.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, предвузовская подготовка иностранных граждан, социокультурная адаптация, лингвокраеведческий подход, лингвокраеведческая компетенция, краеведческий материал, урок-экскурсия.

A.A. Efimova, N.S. Molchanova

Stages and Forms of Getting Acquainted with the History and Culture of the Region during the Classes of Russian as a Foreign Language

The proposed article considers the use of the *language-learning-through-the-region-study* approach in teaching Russian as a foreign language to the students of the preparatory department for foreign citizens in the Pskov State University. The article gives examples of forms of studies when the region study information is used at different teaching stages. The results of this approach are the successful adaptation in the new social and cultural environment, and a positive and respectful attitude to the history, the regional culture and the inhabitants.

Key words: Russian as a foreign language, pre-university training of foreign citizens, social and cultural adaptation, language-learning-through-the-region-study approach, region study competence, region study material, lesson-excursion.

Изучение истории и культуры региона является важным этапом знакомства иностранного обучающегося со специфическими чертами русской культуры и русского менталитета. Особенно актуально это для иностранцев, обучающихся в условиях речевой среды, поскольку у них процесс обучения идет параллельно с процессами социальной и культурной адаптации в стране проживания. По мнению И.Е. Герасименко, адаптированность во многом зависит от психолого-педагогической и социально-культурной помощи, которая тесно связана с преподаванием языка страны

пребывания, в нашем случае – русского языка как иностранного (Герасименко 2016: 113).

Несомненно, иностранные граждане, приезжающие в конкретный регион страны, познают культуру и формируют отношение к России исходя из специфических культурных и исторических особенностей конкретной местности пребывания. Следовательно, в рамках адаптационных мероприятий, необходимо знакомить иностранцев не только с общей культурой и историей, но и с историей региона проживания. В связи с этим в методических работах последних десятилетий исследователи активно используют такие понятия, как «лингвокраеведческий подход», «лингвокраеведческая компетенция», «регионально-культурная коннотация». Под лингвокраеведческой компетенцией понимается «система знаний о локальной культуре, извлеченных из языковых единиц, обладающих регионально-культурной коннотацией, и усвоенных иностранными учащимися в процессе и благодаря изучению русского языка в языковой среде, а также совокупность лингвокраеведческих умений, позволяющих осуществлять речевую деятельность на русском языке применительно к культурному пространству края, региона, города» (Некипелова 2001: 12). Формирование лингвокраеведческой компетенции предполагает обогащение словаря иностранных учащихся региональной лексикой, развитие умений и навыков использования такой лексики в собственных высказываниях в различных ситуациях.

Безусловно, Псковский регион обладает большим потенциалом для реализации лингвокраеведческого подхода в преподавании русского языка как иностранного, что связано с богатой историей, культурой края и, конечно, с его географическим положением. Значимые в региональном отношении реалии Псковской земли становятся учебным материалом, использование которого направлено на формирование у обучающихся установок толерантного сознания и поведения, что представляется особенно важным для процесса обучения иностранных учащихся в условиях языкового окружения.

Рассмотрим этапы и формы знакомства с историей и культурой Псковского края в работе со слушателями программы предвузовской подготовки для иностранных граждан. Отметим, что знакомство учащихся с регионом идет параллельно с изучением русского языка: от начального до первого сертификационного уровня. Именно уровень владения языком определяет этапы и формы введения краеведческого материала на уроке.

На начальном этапе обучения русскому языку как иностранному, когда обучающиеся овладевают минимумом лексических и грамматических единиц, знакомство с историей и культурой Псковского региона становится возможным благодаря учебному тексту. Учебные тексты, посвященные городу, присутствуют практически во всех учебниках по русскому языку как иностранному. Созданы они, как правило, по единой модели, учитывающей освоенный учащимися грамматический материал: согласование имен существительных и прилагательных в именительном падеже; множественное число имен существительных; формы дательного падежа имен существительных и местоимений со значением субъекта; формы предложного падежа имен существительных со значением места; формы родительного падежа имен существительных с определительным значением. В составленный по этой модели текст о Пскове впервые вводятся реалии города:

Псков – древний русский город. Официально ему 1114 лет. Город стоит на реках Великой и Пскове.

Сейчас это современный город. Здесь есть широкие проспекты: Рижский проспект и Октябрьский проспект. Здесь есть большие и красивые площади: площадь Ленина и площадь Победы. В Пскове есть гостиницы и банки, магазины и кинотеатры, кафе и рестораны.

Псков – культурный город. Здесь есть памятники, музеи, театры. В Пскове есть Кремль.

Псков – зеленый город. Здесь есть красивые современные парки: Детский парк, Финский парк, Летний сад.

Мне нравится этот небольшой спокойный старинный город.

Работа с данным текстом обязательно сопровождается демонстрацией слайдов, на которых изображены реалии города. Особое внимание преподаватель обращает на культурно значимые объекты: Троицкий собор, памятник княгине Ольге, памятник Александру Невскому и др. В качестве закрепления материала учащимся предлагаются следующие задания: 1) восстановите пропущенные фрагменты текста; 2) составьте вопросы к тексту; 3) соотнесите фрагменты текста со слайдами презентации; 3) напишите письмо другу, расскажите ему о Пскове.

На этом же этапе для слушателей подготовительного отделения проводится ознакомительная экскурсия по Пскову и Псковскому Кремлю, однако в связи с еще недостаточной языковой подготовкой, как правило, используется язык-посредник. Чтобы закрепить полученные на уроке первичные знания, во время экскурсии учащимся предлагается назвать уже известные им реалии города.

Базовый уровень владения языком дает более широкие возможности для включения информации краеведческого характера в работу на уроке русского языка как иностранного. Помимо работы с учебными текстами, в целях повышения интереса к материалу иностранным учащимся предлагаются задания творческого характера. Например: 1) пользуясь картой Пскова, найдите объекты, связанные с именем Ольга (Ольгинская часовня, Ольгинский мост, памятник княгине Ольге и др.); 2) узнайте, почему это имя так популярно в городской среде; 3) подготовьте презентацию на данную тему и представьте ее в группе. В качестве материала для такой работы используются имена известных людей, связанных с Псковской землей: Александр Невский, Пушкин, Ленин, Каверин и др.

Следует помнить, что краеведческая информация, отобранная для введения в учебный процесс, должна естественно присоединяться к той или иной изучаемой теме, то есть совершенствование знаний и умений краеведческого характера проходит параллельно с усвоением программного материала.

При овладении первым сертификационным уровнем владения языком, когда обучающимся необходимо предлагать работу с аутентичными текстами, могут быть предложены следующие формы работы: прочитать газетную статью, просмотреть или прослушать выпуск новостей региональных информационных агентств или прочитать аутентичный текст лингвокраеведческого характера. Например, иностранным слушателям подготовительного отделения ПсковГУ был предложен текст под названием «Легенда об основании города Пскова». Благодаря данному тексту слушатели узнали о покровительнице Пскова княгине Ольге и о легенде, согласно которой Ольга основала город на месте слияния двух рек, Псковы и Великой. Помимо погружения в историю Пскова, иностранные учащиеся обогащают свой словарный запас специфической лексикой (дремучий лес, путник, купец, приданое, покровительница и т.д.).

К аутентичным текстам можно предложить следующие задания: ответьте на вопросы по тексту, перескажите текст, напишите эссе, подготовьте аннотацию к тексту и др. Следует подчеркнуть, что при работе с краеведческой информацией обязательно использование географических карт, картинок, презентаций и других наглядных материалов.

Одной из самых эффективных форм знакомства с историей и культурой региона является урок-экскурсия. Так, с иностранными слушателями программы предвузовской подготовки была проведена экскурсия к Вечному Огню. Данное занятие было приурочено к празднованию Дня Победы. Многие приезжающие студенты-иностранцы имеют самое общее представление о такой дате, как 9 мая, ее роли в российской истории. Во время учебной экскурсии учащиеся узнали о событиях, происходивших в Пскове и области в годы Великой Отечественной войны, о партизанских отрядах, успешно функционировавших на территории Псковской области, о роли Пскова в снятии блокады Ленинграда. Введение регионального компонента в содержание урока, непосредственное посещение мест, связанных с историей Великой Отечественной войны,

безусловно, помогает очень ярко увидеть через конкретные события историю большой страны.

В отличие от обычной экскурсии, урок-экскурсия предполагает несколько этапов, встроенных в учебный процесс. Первый этап – предварительный, подготовительный – предполагает знакомство с темой на уроке в аудитории, работа с новой лексикой. Второй этап реализации – основан на интерактивности, когда у обучающегося задействованы все органы восприятия информации. Однако не менее важным является третий этап, предполагающий ответную реакцию ученика, когда рецептивные виды речевой деятельности переходят в продуктивные. На этом этапе могут быть предложены следующие задания: написать эссе о понравившемся экспонате, подготовить презентацию, организовать «круглый стол» для обсуждения увиденного.

Обязательными на подготовительном отделении для иностранных граждан в весенний семестр являются экскурсии в Изборск и Печоры, а также в Пушкинские Горы. В это время обучающиеся уже имеют достаточный уровень владения языком, необходимый для проведения экскурсии на русском языке. Однако следует отметить, что в целях большей эффективности такая экскурсия должна быть проведена преподавателем русского языка как иностранного, который может учитывать языковые особенности группы учащихся и их уровень владения языком.

Таким образом, подобные формы урока помогают активизировать работу над разными аспектами изучения русского языка как иностранного: чтение и говорение во время аудиторной работы, аудирование во время экскурсий по городу и в музеи, письмо при написании эссе и др. Это приводит к повышению эффективности обучения в условиях языковой среды.

Хорошо подготовленный урок с использованием краеведческого материала способствует правильной интерпретации иностранными обучающимися истории и культуры России, формированию у них практических умений и навыков, необходимых для осуществления коммуникации,

успешной адаптации в новом социокультурном пространстве и формированию позитивного отношения к Пскову и его жителям, а также к культуре и истории края.

Литература

1. Герасименко И.Е. Проблемы социально-культурной адаптации слушателей подготовительных факультетов // Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан» (16–18 мая 2016 г., г. Москва): Сборник статей / Отв. ред.: М.Н. Русецкая, Е.В. Колтакова. М., 2016. С. 111–117.
2. Некипелова Г.О. Лингвокраеведение в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2001.

УДК 372.881.161

Н.В. Мурашова
(Псков, Россия, Natalia081290@yandex.ru)

Русские пословицы в учебнике русского языка и в медийном тексте: к вопросу о комплексном лингвокультурологическом комментарии

В статье рассмотрены приемы учебной репрезентации иностранным студентом русских пословиц, представленных в учебниках русского языка в традиционной форме, и трансформированных паремий, функционирующих на страницах современных псковских СМИ. Предлагаются варианты комплексного лингвокультурологического комментария, раскрывающего социокультурный фон исходных паремий и их трансформов.

Ключевые слова: лингвокультурологический комментарий, пословица, русский язык как иностранный, трансформация паремий.

N.V. Murashova

Russian Proverbs in a Russian Language Textbook and in a Media Text: On a Comprehensive Cultural Linguistic Comment

This paper deals with the teaching methods used to present Russian proverbs to foreign students. The proverbs which are used in modern day Pskov media are included in Russian language textbooks in a traditional form and transformed paroemias. Variations of the comprehensive cultural linguistic comment which explains sociocultural background of the original paroemias and their transforms are presented.
Key words: cultural linguistic comment, proverb, Russian as a foreign language, paroemia transformation.

Новые условия экономической, политической и социальной жизни России требуют значительных изменений в системе образования, в том числе в сфере обучения иностранных студентов, что является новым «социальным заказом», требующим совершенствования методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Это касается и методов репрезентации иностранцам русских паремий, прежде всего пословиц. Пословицы и поговорки помогают глубже изучить культуру, традиции, историю русского языка и русского народа, что очень важно в межкультурной коммуникации. Однако овладение русскими паремиями представляет значительные трудности для иностранных студентов в силу насыщенности этих единиц социокультурной информацией.

Существует достаточно большое количество лингвокультурологических исследований пословиц (Телия 1996, Иванова 2002, Савенкова 2002, Аксенова 2007, Казакова 2007, Селиверстова 2009, Баско 2014, Мокиенко 2011 и др.), но проблема недостаточно разработана в лингвометодическом плане с ориентацией на иноязычного студенческого адресата.

К тому же в современной устной коммуникации и текстах масс-медиа пословицы редко используются в традиционной форме. Они подвергаются различным трансформациям, которые также активно изучаются лингвистами (Селиверстова 2004, 2009; Федорова 2007; Николаева 2008; Савенкова 2014) и абсолютно не разрабатываются в плане репрезентации иностранцам, изучающим русский язык. Тем не менее, включение такого материала в учебный процесс особенно актуально для студентов

гуманитарных профилей – будущих педагогов-русистов и журналистов, которым необходимо хорошо ориентироваться в Интернет-коммуникации, анализировать и самостоятельно создавать медиа-тексты. Цель нашего исследования – выявить оптимальные способы лингвокультурологического комментирования русских пословиц, представленных в учебниках РКИ (где они также не получают комментариев) и на сайтах СМИ (здесь в первую очередь мы обращаем внимание на тексты псковских журналистов, реализуя региональный компонент в обучении РКИ).

Из учебников комплекса «Дорога в Россию» (Антонова, Нахабина 2009) мы отобрали для исследования 45 пословиц, распределили их по тематическим группам, соотнесли с материалом других учебников РКИ и словарей пословиц, определив, таким образом, их актуальность для современной коммуникации, принадлежность к активному паремиологическому составу языка. Остановимся более подробно на двух наиболее частотных паремиях: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Семь раз отмерь, один раз отрежь.*

В учебнике базового уровня пословицу *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* встречаем в тексте, в котором говорится о том, какую роль в жизни автора сыграли его друзья (Антонова, Нахабина 2009: 187). Послетекстовое задание предлагает студентам восстановить текст, используя готовые словосочетания, и ответить на вопрос: кем стали друзья для автора? К данной пословице не дается ни семантизации, ни каких-либо лингвокультурологических комментариев.

Как уже отмечалось, при разработке лингвокультурологических комментариев необходимо учитывать и социокультурный контекст возникновения пословицы, и ее современное состояние. Так, выражение *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* может быть непонято или неверно истолковано иностранцами, знакомыми только с современной сравнительно небольшой ценностной значимостью ста рублей. Комментарий должен предупредить эту ошибку введением информации об истории рубля как денежной единицы, связав эту историю с происхождением пословицы.

При разработке этой части комментария можно воспользоваться информацией, предлагаемой в этимологическом словаре русского языка А.В. Семенова, где *рубль* определяется, как денежная единица, введенная в 1316 г. вместо гривны, раскрывается ценность рубля – его вес в слитке был равен 196 граммам. Таким образом, мы подводим адресата комментария к осознанию этимологии слова *рубль*, восходящего к древнерусскому *рубить*: рубль – это обрубок гривны, которая тоже была золотым слитком (Семенов 2003).

Таким образом, употребляя пословицу *Не имей сто рублей, а имей сто друзей,* мы имеем в виду, что никакие деньги не помогут, не поддержат, не выручат в беде так, как выручат друзья. Друзья дороже денег. Семантизируя пословицу, можно привести и более пространное толкование В.И. Даля с его рассуждениями и дружбе и друзьях, представленное в сборнике «Пословицы русского народа» (Даль 1957: 777).

Динамику ценностных ориентаций современного русскоязычного социума демонстрируют трансформации данной пословицы, широко представленные на Интернет-сайтах и в сборнике Х. Вальтера и В.М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (Вальтер, Мокиенко 2005) *Не имей сто рублей, а имей миллион*; *Не имей сто рублей, а имей сто евро*; *Не имей сто друзей, а имей сто вещей* и т.п. Что касается регионального материала, то на страницах газеты «Аргументы и факты – Псков» мы обнаружили преобразованную пословицу, которая выступает в роли заголовка, подзаголовок конкретизирует содержание пословичного трансформа: *Имей 100 рублей. В Пскове могут ввести курортный сбор.* Студенты-инофоны, читая данную статью, не поймут значение преобразованной паремии. Ее учебная репрезентация в ходе работы с текстом статьи должна включать: 1) отсылку к исходному выражению с его семантизацией и лингвокультурологическим комментированием, о котором говорилось выше; 2) объяснение механизма трансформации (эллипсис, переход отрицательной формы в утвердительную); 3) раскрытие цели трансформации (акцентировать внимание читателя на финансовой проблеме; 4) разъяснение роли

заголовка-трансформа, его связи с содержанием сообщения; 5) комментирование социокультурного фона сообщения и отдельных его компонентов (курортный сбор).

Пословицу *Семь раз отмерь, один раз отрежь* встречаем в четвертой части учебника «Дорога в Россию» (I уровень) вместе с другими паремиями: *Один ум хорошо, а два – лучше; Один за всех, все за одного; Один в поле не воин; Первый блин всегда комом; Старый друг лучше новых двух; Обещанного три года ждут; Семеро одного не ждут* (Антонова, Нахабина 2009: 14). Они представлены в теме «Собирательные числительные: сколько?» Студентам предлагается прочитать пословицы и ответить на вопросы, которые без предварительной лингвокультурологической подготовки вряд ли будут посильны для данного уровня владения языком: Как вы понимаете смысл пословиц? В каких ситуациях мы так говорим? Есть ли в вашем языке подобные поговорки?

В газете «Псковские новости» встречаем статью, заголовком которой послужила трансформированная пословица в форме *Семь раз отмерили*. На первом этапе ее комментирования приводится полная форма выражения: *Семь раз отмерь, один отрежь*, дается его толкование: ‘перед тем как сделать что-то серьезное, ответственное, нужно все хорошо обдумать, все предусмотреть’. Лингвокультурологический комментарий связывает происхождение паремии с портновским ремеслом, где важно правильно простроить выкройку и только после этого разрезать ткань, т.к. что-то исправить потом будет уже невозможно. В рамках комментария нужно подчеркнуть широкое распространение пословицы в языках народов Европы (Котова 2000: 126) и указать на специфику, которая проявляется на уровне компонентов-числительных: в английском, чешском, словацком, сербском языках – *два раза отмерь…*, в русском, белорусском и украинском – *семь раз* (тут можно говорить о символике числа «семь» у восточных славян), в болгарском языке – *девять раз.* Рассматривая механизм трансформации, необходимо отметить сокращение состава паремии и изменение грамматических категорий глагола, замену рекомендательного

характера паремии на констатацию факта. Можно предложить студентам определить эти параметры самостоятельно, сопоставив исходную форму паремии с трансформированной. Говоря о роли заголовка-трансформа, целесообразно вернуться к толкованию исходной паремии, чтобы определить, какой семантический компонент передается сохранившейся при трансформации частью паремии (внимание акцентируется на долгой, тщательной подготовке какого-то дела). Используя традиционный прием работы с текстом, можно предложить учащимся, ознакомившимся с заголовком, ответить на вопрос: Как вы думаете, о чем пойдет речь в статье? В своих ответах они и должны актуализировать выявленный семантический компонент паремии. Содержание статьи позволит конкретизировать смысл трансформации: автор газетного материала рассказывает о том, что депутаты Псковского областного собрания утвердили закон о новой системе оплаты труда бюджетникам, проект которого стал самой обсуждаемой темой последних месяцев. За это время он был доработан и одобрен профсоюзами, которые внесли по ходу дискуссии несколько важных поправок. Своё мнение о новом законе на страницах газеты высказали как авторы проекта, так и те, на кого он будет распространяться.

Для того, чтобы самостоятельно «опознавать» трансформированные пословицы и определять, в чем заключается смысл трансформаций, студентам необходимо пополнять свой паремиологический запас, а преподавателю – располагать необходимыми материалами для комментирования пословиц с целью расширения фоновых знаний, развития речи иностранных студентов/

Усвоение пословиц и поговорок иностранными учащимися предполагает точное понимание их содержания при употреблении как в исходной, так и в трансформированной форме, и социокультурного контекста, в котором они употребляются. Это означает, что при обучении данным языковым единицам на первое место выдвигается задача их комплексной учебной репрезентации в совокупности всех вариантов употребления.

Литература и источники

1. Аксенова Е.Д. Лингвокультурологический анализ концептосферы «Здоровье человека» в русской паремиологии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 260 с.
2. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: уч. русск. яз.: в 4 т. СПб.: Златоуст, 2009.
3. Баско Н.В. Русские пословицы и поговорки о Родине как отражение национальной ментальности (лингвистический и методический аспекты // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 57–59.
4. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. 991 с.
6. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб: СПбГУ, 2002. 160 с.
7. Казакова О.М. Национальный менталитет в языковой картине мира (на примере сопоставления русскоязычной и англоязычной картин мира): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 18 с.
8. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: СПбГУ, 2000. 360 с.
9. Мокиенко В.М. Паремиологический минимум и паремиологические максимы современной русской жизни // Слова. Концепты. Мифы: сборник статей к 60-летию А.Ф. Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 218–231.
10. Николаева Е.К. Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры // Komparacja wspolczesnych jezykow slowianskich. T. 3: Frazeologia / Red. naukowa W.Mokienko i H. Walter. Opole, 2008. S. 431–437.
11. Савенкова Л.Б. Представление о коллективном субъекте в пространстве современных русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 35–37.
12. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 2002. 240 с.

13. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: ООО «МИРС», 2009. 270 с.
14. Селиверстова Е.И. Традиционное и новаторское в пословицах языка СМИ // Филологические науки. 2004. № 5. С. 68–76.
15. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М.: ЮНВЕС, 2003. 704 с.
16. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
17. Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц: [монография]. Псков: Гименей, 2007. 226 с.

УДК 811.161.1

Т.Г. Никитина
(Псков, Россия, cambala2007@ yandex.ru)

Фразеологический словарь русских народных говоров как лингвострановедческий ресурс (в аспекте обучения русскому языку иностранцев-филологов)

В статье представлена концепция Фразеологического словаря русских народных говоров, разработка которого ведется под руководством профессора В.М. Мокиенко членами фразеологического семинара при СПбГУ. Показаны возможности использования материалов словаря в лингвострановедчески ориентированном обучении иностранцев-филологов русскому языку.

Ключевые слова: фразеология, народные говоры, фразеологический словарь, словарная статья, лингвострановедение, русский язык как иностранный.

T.G. Nikitina

Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects as a Resource of Linguistic Country Studies (In the Aspect of Teaching Russian Language for Foreigners Whose Major is Philology)

The article presents the concept of a Phraseological dictionary of Russian folk dialects, which is being developed by members of phraseological seminar at St. Petersburg State University under the

leadership of Professor V.M. Mokienko. It also shows ways on how to use the dictionary while teaching the Russian language and the country study to foreigners whose major is philology.
Key words: phraseology, folk dialects, phraseological dictionary, dictionary entry, linguistic country studies, Russian as a foreign language.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062)

Рассмотрение лингвострановедения как лингвометодической дисциплины (в отличие от лингвокультурологии – междисциплинарного научного описания взаимодействия языка и культуры) (Зиновьева, Юрков 2009: 24), позволяет говорить о лингвострановедческой составляющей обучения русскому языку иностранцев уже на начальном этапе предвузовской подготовки. Материалы о российских городах, истории России, культурном наследии и современном русском искусстве широко представлены в учебниках русского языка как иностранного (РКИ) (Миллер, Политова, Рыбакова 2003; Аксенова 2010; Антонова, Нахабина, Сафронова, Толстых 2010 и др.), соответствующая лингвострановедческая лексика семантизируется авторами, предусмотрена ее активизация в речи обучающихся. Формирование лингвострановедческой компетенции студентов-иностранцев продолжается на материале курса «Страноведение» (базовый уровень предвузовской подготовки), затем на первом курсе обучения в вузе – в рамках дисциплины «Отечественная история» и, если речь идет о студентах-филологах, – при освоении дисциплин литературоведческого цикла, курса диалектологии, в ходе изучения разделов «Лексика» и «Фразеология» современного русского языка, где анализируются этнокультурно маркированные лексические и фразеологические единицы (ФЕ). Этот материал может быть значительно расширен за счет использования нового словаря лингвокультурологического типа – Фразеологического словаря русских народных говоров (ФСРНГ), а элективные курсы по фразеологии и лингвокультурологии могут быть полностью построены на материале данного словаря.

Разработка ФСРНГ ведется под руководством профессора В.М. Мокиенко членами его Фразеологического семинара при СПбГУ. Фразеологический материал различных регионов России получит в этом сводном словаре ареально-географическую характеристику, а также комментарии лингвострановедческого типа, форма и содержание которых определяются типом фразеологизма и структурой его культурного фона. Зачастую для осмысления читателем механизма образования ФЕ достаточно семантизации одного компонента-диалектизма (обычно здесь авторы оставляют комментарии первоисточников): ***Пристать как бзык.*** *Дон. О навязчивом, надоедливом человеке, неотступно преследующем кого-л.* < ***Бзык*** *– жалящее насекомое, овод* (СДГВО: 479). В других случаях используется более пространный культурологический комментарий, раскрывающий специфику народных обычаев, мировоззренческие установки, отразившиеся в образах ФЕ, или же лингвокультурологически информативной становится дефиниция: ***Опахивать родителям глазы.*** *Пск. Ирон. Висеть низко над землей, покачиваясь, задевать землю (о белье на верёвке), как бы беспокоя при этом умерших* (СПП: 65; ПОС 23: 245). < *В Троицу принято берёзовым веником обметать могилы родителей.* ***Попарить родителей.*** *Селигер. Помянуть в Троицу предков, ударяя по могиле березовыми ветками* (Селигер 6: 91).

Материал в словаре группируется вокруг образного стержня оборота – таким образом, отражается его фраземообразовательная активность, которая определяется символикой обозначаемой реалии, ассоциативным потенциалом слова, его интертекстуальными связями:

ЛИСА

Лиса Алиса. *Разг. Об очень хитром человеке. < Лиса Алиса – героиня сказки А.Толстого «Золотой ключик» (1936 г.)* (БСРП: 363).

Лиса Патрикеевна. *Прост. Неодобр. или Шутл.-ирон. О хитром, изворотливом, лукавом человеке* (ДП: 660; СПП: 49). < *Лиса Патрикеевна – героиня народных сказок, отличающаяся хитростью, изворотливостью.*

Старая (травленая) лиса. *Прост. Об опытном, бывалом человеке* (ДП: 477).

Пускать/ пустить лису в курятник. *Разг. Ирон. Создавать ненадежному, нечестному человеку условия для неблаговидных поступков* (БСРП: 363).

Подружить (подружиться) как лиса с журавлём (журавом). *Пск. Ирон. О мнимой дружбе, соперничестве и взаимной вражде двух людей* (СПП: 103). < *Возникло на базе народной сказки «Лиса и журавль», где отношения мнимой дружбы связывают героев.*

Хитрить как лиса. *Том. Неодобр. О постоянно ловчащем, изворачивающемся человеке* (БСНС: 348).

(Хитрый, хитёр) ***как лиса.*** *Разг. Неодобр. Об очень опытном, ловком и изощрённом хитреце, обманщике, плуте* (БСНС: 348). И др.

Репрезентация материалов словаря в формате базы данных позволит повысить его ценность как лингвострановедческого ресурса. Так, сгруппировав материал по ареальным характеристикам, можно будет сделать выводы и представить иноязычным обучающимся культурный фон фразеологии различных областей России, например, отразившиеся в ФЕ (на уровне значения или образной структуры) виды хозяйственной деятельности, актуальные для региона с определенными природными условиями, например, охота и рыбная ловля в Приамурье (1), выращивание подсолнечника и производство растительного масла в южных регионах страны (2):

(1)

Дать (протянуть) тонь. *Приамур. Забросить и вытащить невод один раз* (СРГПриам.: 69, 227).

Идти на забег. *Приамур. Забрасывать, спускать невод во время рыбной ловли* (СРГПриам.: 107).

Ловить на давок. *Приамур. Ловить крупного зверя в ловушку с давящим механизмом* (СРГПриам., 145).

Ходить на соль. *Приамур. Охотиться на зверя, подкарауливая его у солонца* (СРГПриам., 317).

(2)

Выжимать масло *из кого. Волг., Дон. Эксплуатировать, мучить кого-л.* (СЯМШ: 272).

Желтый как подсолнух (подсолнечник). *Волг., Дон. О чем-л. ярко-желтом* (БСНС: 515).

Молотить головой подсолнухи. *Дон. Шутл.-ирон. Совершать глупые, безрассудные поступки* (БСРП: 140).

Работа с данным лексикографическим источником позволит наполнить новым материалом лингвострановедческую классификацию русской фразеологии, принципы которой разработаны В.М. Мокиенко (Мокиенко 1982: 108-121). Такая классификация предполагает группировку фразеологизмов по тематической принадлежности их прототипов, по сферам происхождения, обращение к которым на региональном материале даст возможность расширить страноведческий кругозор иностранцев-филологов и их представление о культурном компоненте русской фразеологии. Проиллюстрируем наполнение некоторых рубрик данной классификации этнокультурно маркированным диалектным материалом:

- Природа, животный и растительный мир:

Вилючий как чахонь*. Волг. О худом, тощем человеке* (СДГВО: 79). < *Чахонь* – рыба чехонь.

Выкручивать кислицу *кому. Волг. Шутл. Строго наказывать, бить кого-л.* (БСРП: 285). < *Кислица* – яблоко с дикорастущих яблонь, дичок.

Горючая (белая) гора. *Приамур. Сопка* (СРГПриам.: 61).

Лететь как стрепет. *Волг., Дон. Очень быстро передвигаться, быть исключительно подвижным* (СДГВО: 573). < *Стрепет* – степная птица из отряда дроф, производящая во время полёта резкий шум крыльями.

Шататься как бурьян на кургане*. Волг. О бродящем без дела, бездельничающем человеке* (СДГВО: 669).

- Предметы быта, хозяйственной сферы:

Бабий осёлок. *Пск. Ирон. О куске кирпича, использованном (женщинами) для точки ножа* (ПОС 23: 360). < *Осёлок* – точильный камень в виде бруска.

Найти саранку. *Омск. Шутл. (1972). 1. Удариться, ушибиться. 2. Поцарапаться* (СРНГ 36: 133). < *Саранка* – небольшие вилы для выкапывания картофеля.

С набирочку *чего. Пск.* О небольшом количестве чего-л. (ПОС 19: 212). < *Набирочка* – небольшая корзинка для сбора ягод или грибов.

Самоваром брякать/ побрякать. *Селигер. Ставить самовар* (Селигер 4: 409).

- Постройки, помещения:

На прилепочке. *Ворон. На краю, на конце чего-л.* (СРНГ 31: 273). < *Прилепочка* – небольшая пристройка.

Наговорить рей и баню *кому. Пск. Рассказать много небылиц, вымышленных историй* (СПП: 65; ПОС 19: 323). < *Рей* – строение для сушки снопов, овин.

- Народная кухня и пища:

Высох как (на) балык. *Волг., Дон. Неодобр. О сильно исхудавшем человеке* (СДГВО: 99).

Киш-миш куряга. *Волг. Шутл. О неразберихе, беспорядке* (БСНС: 287).

Надавать преснух *кому. Пск. Шутл. Избить, поколотить кого-л.* (СПП: 62). < *Преснуха* – пресная лепёшка.

Сбежаться как собаки на махан. *Волг. Неодобр. О сбежавшихся с надеждой на поживу людях* (СДГВО: 529). < *Махан***.** *Дон.* – 1. Мясо только что зарезанной лошади. 2. Не совсем свежее мясо. 3. Мясо павшего животного, падаль.

- Трудовые процессы:

Снопы вязать. *Моск. (1968). Шутливый свадебный обычай: проверка умения невесты вязать снопы* (СРНГ 39: 122).

Ходить как (что) лошадь на (в) чигире. *Волг. 1. Ходить без цели, без толку проводить время. 2. Вести однообразный, спокойный образ жизни* (СДГВО: 630). < *Чигирь* – большое колесо с вёдрами, приспособленное для подъёма воды и поливки огородов, обычно приводимое в движение лошадью **(**СДГВО: 655).

- Исторические факты, события:

Как татарская орда. *Волг. О большом скоплении людей, шумной толпе* (СДГВО: 385).

Умывался ещё при Николае. *Яросл. Шутл.-ирон.* Об очень старом человеке (СРНГ 47: 206).

Показанными выше возможностями использования далеко не исчерпывается потенциал «Фразеологического словаря русских народных говоров» как лингвострановедческого источника. В полном объеме они будут реализованы при обновлении учебно-методического обеспечения элективных курсов «Страноведение и лингвострановедение в практике обучения РКИ», «Народная речь и народная фразеология в репрезентации иноязычному адресату», предлагаемых студентам-иностранцам, осваивающим магистерскую программу «Теория и методика обучения русскому языку как иностранному» в ПсковГУ.

Сокращения

БСНС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.

Волг. – Волгоградская область.

Ворон. – воронежские говоры.

Дон. – донские говоры.

ДП – Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1957. 992 с.

Ирон. – ироническое.

Моск. – московские говоры.

Неодобр. – неодобрительное.

Омск. – Омская область.

Приамур. – приамурские говоры.

Прост. – просторечное.

Пск. – псковские говоры.

Разг. – разговорное.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области : около 17000 слов / Сост. Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Селигер – Селигер. Материалы по русской диалектологии : словарь / Под ред. А.С. Герда. Вып. 1–6. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003–2014.

СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.

СРГПриам. – Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1983. 341 с.
СЯМШ: Словарь языка Михаила Шолохова /Гл. ред. Е.И. Диброва. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.
Том. – Томская область.
Шутл. – шутливое.
Шутл.-ирон. – шутливо-ироническое.
Яросл. – ярославские говоры.

Литература

1. Аксёнова М.П. Русский язык по-новому. В 2 т. Русской язык по-новому. Часть 1 (уроки 1–15). М.: ФОРУМ, 2010. 648 с.
2. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию. В 3 ч. Часть 1. СПб.: Златоуст, 2010. 343 с.
3. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология. Теория и практика. СПб.: Издательский дом «МИРС», 2009. 292 с.
4. Миллер Л.В., Политова Л.В., Рыбакова И.Я. Жили-были … 28 уроков русского языка для начинающих. СПб: Златоуст, 2003. 152 с.
5. Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982. С.108–121.

УДК 811.161.1

Л.М. Попкова
(Псков, Россия, popkova.larisa@mail.ru)

Культурно-исторический региональный ландшафт в преподавании русского языка как иностранного

Статья посвящена обращению к региональному культурно-историческому ландшафту в преподавании русского языка как иностранного. В ней демонстрируется возможность привлечения в качестве страноведческого материала на продвинутом этапе обучения информации о Музее народности сето на территории Псковской области, что способствует культурно-речевой адаптации обучаемых.

Ключевые слова: культурно-исторический ландшафт, Музей народности сето, русский язык как иностранный.

L.M. Popkova

Cultural-Historical Regional Landscape in Teaching Russian as a Foreign Language

The article is devoted to the regional cultural-historical landscape in teaching Russian as a foreign language. It demonstrates the possibility to use the information about the Seto Museum located on the territory of the Pskov region as a country study material for advanced learners. The purpose of its usage is to contribute to the cultural and verbal adjustment of the students.

Key words: cultural and historical landscape, Seto Museum, Russian as a foreign language.

Язык – средство приобщения к материальной и духовной культуре народа изучаемого языка, его традициям и обычаям. По-разному членя окружающую действительность и сохраняя духовную культуру, каждый язык имеет свой способ концептуализации, формирует свою картину мира. Именно поэтому введение лингвострановедческого аспекта, раскрытого в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (1990), в преподавание русского языка как иностранного, является важным шагом в отечественной методике. Работы таких исследователей, как Г.Д. Томахин (1995, 1997), В.П. Фурманова (1994), С.Г. Тер-Минасова (2000), И.А. Пугачев (2011) и др., появившиеся на рубеже XX–XXI вв., содержат разработку разнообразных методов изучения иностранного языка с опорой на культурологическую составляющую.

Решению проблем межкультурной коммуникации, связанных не только с типологическими, генеалогическими и структурными различиями языковых систем, но и с различиями в области традиций, религий, ментальности, способствует приобретение иностранцами страноведческих знаний, дающих достаточно полную картину жизни России. Получение информации о регионе, в котором они находятся, способствует их культурно-речевой адаптации.

Сама геополитическая ситуация с ее противоположными тенденциями глобализации и национальной самоидентификации

обусловливает интерес к той особой области знания, которая должна обеспечить потребность иностранца в познании географии, политического устройства, культуры, искусства России в целом и отдельного региона в частности.

Обращение к региональному культурно-историческому ландшафту в преподавании русского языка как иностранного требует от преподавателя знаний не только в области политического устройства, национально-территориального деления России, ее истории, состояния российской культуры на рубеже XX–XXI вв., но и в области народной жизни и народного творчества.

Само понятие **культурно-исторический ландшафт** активно обсуждается в современных работах. Ср.: «В научных и проектных материалах используются весьма разные определения, дополняющие понятие культурный ландшафт: исторический, природно-исторический, культурно-исторический, историко-культурный. Появление этих уточнений связано с необходимостью отделить историко-культурный ландшафт как объект наследия от современного культурного ландшафта. Это невозможно сделать в реальности, но необходимо сделать на уровне понятия и категории» (Горбунов 2017: ЭР).

К культурно-историческому ландшафту могут быть отнесены исторические населенные пункты, которые сохранили свою историческую среду, связь с природным окружением, планировочную структуру. Такие населенные пункты рассматриваются как «особые элементы наследия региона, обладающие физической, исторической, эстетической и символической ценностями, содержащие в себе огромный объем исторической и культурной информации <…>» (Петрова 2010). Связь человека с естественной, искусственной, информационно-символической и социальной средой позволяет рассматривать в качестве субъекта культурно-исторического ландшафта социальные группы различного уровня (Там же).

В природной среде находится уникальный авторский Музей народности сето. Он расположен в деревне Сигово Псковской области, Печорского района. Музей размещается в

подлинной усадьбе, которая сформировалась в конце XIX – начале XX века и принадлежала семье Кюлаотс. Она состоит из каменного жилого дома с деревянными сенями, каменного хлева, амбара и небольшой бани. В этом музее собран огромный историко-этнографический материал. Коллекции мебели, домашней утвари, одежды, сельскохозяйственных орудий труда делают его привлекательным для посещения. Музей-усадьба народа сето – это единственный в России музей малого финно-угорского народа сето, сохранившего уникальную материальную и духовную культуру. Сето – народ земледельческий: они выращивали зерновые культуры, лен, разводили скот. Хозяйство сето носило натуральный характер. Обработка льна, прядение, ткачество – их основные виды деятельности. В народной культуре тесно переплелись христианские мотивы с языческими. Издревле сето мирно соседствовали с русскими и эстонцами, их поселения располагались чересполосно.

Привлечение в качестве страноведческого материала информации о Музее народности сето при изучении русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения будет способствовать не только углублению знаний о нашей стране, но и формированию представлений о ее людях как толерантных, открытых, умеющих поддерживать добрососедские отношения.

До посещения музея студентам может быть предложен для чтения текст ***«Народность сето».***

В Печорском районе Псковской области и в Эстонии проживает небольшой финно-угорский народ сето. В деревне Сигово есть прекрасный музей-усадьба, а также частный музей, посвященный их культуре и обычаям. У сето своя самобытная культура. Она представляет собой соединение традиций финских, эстонских и славянских народов. Сето разговаривают на своем языке, который очень похож на эстонский. К сожалению, у этой народности нет письменности, что угрожает существованию языка. Сето считается православным народом, но у них сохранились и языческие традиции. Особенно почитался бог плодородия Пеко. Его фигурку хранили в тёмном месте, а во время сева выносили

на поля, чтобы освятить землю. Они сохраняли многое в культуре от предков: национальный костюм, язык, духовное творчество, обычаи, нравы. Особенно интересен женский национальный костюм. На груди у замужних женщин вы видите большое круглое серебряное украшение. Оно закрывало грудь, а цепочки при ходьбе должны были ударяться и звенеть. Так они отгоняли злых духов. Сето не носили золото, только серебро. Украшения в семье передавались от бабушки к внучке. У сето есть интересный обряд в ночь на Рождество: мать кладёт под подушку дочерям серебряные украшения, а с утра, когда все просыпаются, она кладет в таз свою большую брошь, наполняет таз водой, и дочери умываются. В этот день девочкам до вечера запрещалось выходить из дома и идти в гости к подружкам. Традиционно в этот день первым в дом должен был войти мужчина, а если вошла женщина, то могла принести несчастье.

Сето – очень трудолюбивый народ. Они всегда занимались выращиванием и обработкой льна. Они его много продавали, а также ткали из него.

В музее-усадьбе Вас обязательно угостят вкусным чаем из трав и расскажут о национальной кухне сето. Самыми древними считаются каши и лепешки. У соседей славян они заимствовали творог, кисель, блины, ватрушки и пироги с разными начинками. Мясо для еды всегда солили. До самого начала 20 века сето ничего не готовили из крови животного, потому что верили, что в крови его душа.

Молоко редко пили свежим. Из него делали либо творог, либо сыр. В конце XIX века из него стали варить сладкий сыр, который очень похож на русскую пасху. Это было праздничное блюдо.

Самым распространённым напитком был квас, не только из сухарей, но и из ягод, который обладал целебными свойствами.

У сето два своих алкогольных напитка – самогон и пиво. Самогон – очень крепкий напиток, наливают его только мужчинам, зато пиво предлагают и женщинам.

Если Вы захотите попробовать приготовить что-то самостоятельно, то вот два рецепта.

Холодный суп

1,5 л кваса, 200 г колбасы без жира, 100 г зелёного лука, 200 г свежих огурцов, 100 г сметаны, 6 редисок, 2 яйца, соль, сахар, горчица. Колбасу нарезать кубиками. Луковицы покрошить и растирать с солью, пока не выступит сок. Варёные яйца, огурцы и редис также нарезать кубиками. Смешать сметану с яйцами и луком, после чего добавить соль, сахар и горчицу по вкусу. Затем залить все квасом, добавить остальные продукты, тщательно перемешать и поставить в холодное место.

Овсяный кисель

0,5 кг овсяной муки, 2 л воды, 1 ст. ложка масла, 2 ст. ложки сахара, соль по вкусу. Крупные овсяные хлопья заливаются тёплой водой, размешиваются деревянной ложкой и ставятся в тёплое место киснуть. 2 дня спустя смесь процеживают, полученную жидкость сливают в жаровню и варят на маленьком огне, непрерывно помешивая. Когда смесь загустеет и сделается однородной, кисель готов. В него добавляют соль, сахар и масло. Едят кисель тёплым с холодным молоком либо холодным со сладкой водой.

Музей работает круглый год. Там Вас ждет еще много интересных открытий. Сето – очень добрые и гостеприимные люди. Вам обязательно там понравится, и вы будете приезжать туда снова и снова, как в гости к старым друзьям.

Работая над содержанием текста, преподаватель может дать для выполнения самые разнообразные задания. Например, такое: определите, верно ли высказывание; если неверно, исправьте. 1. *Сето – это эстонцы, которые живут в России.* 2. *Сето разговаривают и пишут на своем языке.* 3. *Сето – православные, но хорошо помнят свои языческие традиции.* 4. *Все девушки и женщины носили большую серебряную брошку на груди.* 5. *Сето не носили золотые украшения.* 6. *Сето обрабатывали лен.* 7. *Самым распространенным напитком было молоко.* 8. *Женщины сето не пьют самогон, а только*

пиво. 9. *Фигурка бога Пеко стоит на подоконнике в доме.* 10. *Овсяный кисель готовят 4 дня.*

Осмыслению содержания прочитанного будет способствовать работа по лексике, включающей слова, обозначающие предметы и явления традиционного быта. Так, можно, дав цепочку слов, попросить студентов продолжить ее словами из приведенного текста
(1. *Каша, лепешка … .* 2. *Нарезать, покрошить, растирать …*); найти лишнее слово в цепочке (1. *Кофе, молоко, вода, конфета, чай*. 2. *Буфет, кухня, ужин, ресторан…*) и др.

Отрабатывая грамматический материал на примере этого текста, преподаватель может обратиться к категории вида глагола, к категориям рода, падежа имени существительного, к категориям других частей речи. Работая над синтаксисом, он может предложить задание по составлению словосочетаний из приведенных слов (*горячий, зеленый, кислый, сладкий, соленый – пирожное, яблоко, лимон, суп, кофе)* и др.

Учитывая этнокультурные особенности иностранных студентов, преподаватель может дать задание записать рецепт одного из национальных блюд и рассказать, как его готовить.

Таким образом, объем и содержание языкового материала при работе над текстом «Народность сето» может варьироваться в зависимости от уровня языковой подготовки студентов и динамики усвоения ими русского языка. Важно лишь сохранить интерес к Музею народности сето для дальнейшего его посещения, так как привлечение культурно-исторического регионального ландшафта в преподавании русского языка как иностранного будет способствовать решению проблем межкультурной коммуникации, связанных с различиями в области традиций, обычаев, религий.

Литература и источники

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
2. Горбунов А.В. Историко-культурный ландшафт как объект деятельности музея-заповедника. 2017. // URL: http://pandia.ru

3. Петрова И.А., Кибасова Г.П., Назаров А.А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2010. №4(9) // URL: http:// www.grani.vspu.ru
4. Пугачев И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка как иностранного: монография. М.: РУДН, 2011.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
6. Томахин Г.Д. От страноведнния к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании / Русский язык за рубежом. 1995. № 1. С. 54–65.
7. Томахин Г. Д. Реалии в языке и культуре // Иностранный язык в школе. 1997. № 3. С.13–21.
8. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков: Автореф. дис. ... докт. педагог. наук. М., 1994.

УДК 811.161.1

Е.И. Рогалёва
(Псков, Россия, cambala2007@ yandex.ru)

Псковские городские названия в словаре для младших школьников

В статье раскрывается специфика репрезентации ономастического материала младшим школьникам в лингвокраеведческом словаре. Представлена концепция конструирования интерактивного гипертекста словаря урбанонимов в формате диалога «автор-адресат». Описываются приёмы реализации категорий адресованности и субъектности в учебном лексикографическом гипертексте. Приводятся фрагменты словарных статей.

Ключевые слова: учебная лексикография, урбанонимы, интерактивный гипертекст, категория адресованности, категория субъектности, текстоорганизующие приёмы, лингвокраеведческий материал.

E.I. Rogaleva

Pskov City Names in the Dictionary for Primary School Students

The article considers some distinctive features of representing onomastic material to primary school students in a linguistic and regional dictionary. It presents the concept of designing the interactive hypertexts of the dictionary of city names in the form of the author-addressee dialogue. It describes the ways of using address and subjectness categories in an educational lexicographic hypertext. The examples of the dictionary entries are provided.

Key words: category of addressing, category of subject, city names, educational lexicography, interactive hypertext, linguistic and regional material, methods of text organization.

Статья выполнена в рамках Проекта № 17-16-60001, а(р), поддержанного РФФИ.

В Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ успешно решаются задачи словарного описания ономастической лексики, которое, по словам Н.В. Бубновой, является «проблемной зоной» современной отечественной лексикографии (Бубнова 2012: 1009).

В рамках масштабного проекта лаборатории «История и культура Псковского региона в лингвокраеведческих словарях» опубликован целый ряд словарей и лексикографических учебных пособий (Никитина, Рогалёва 2006; Никитина, Рогалёва 2011; Варламова 2011; ОЧРГН 2012; Никитина, Рогалёва 2016; Рогалёва, Никитина 2016).

Данные издания ориентированы на потребности различных адресатов (от носителей языка разных социальных групп до инофонов) и предоставляют читателю доступ к заключенной в именах собственных информации, «составляющей важный компонент общеобязательных региональных знаний как основы социализации языковой личности в региональном культурно-языковом пространстве» (Максимчук 2011: 759).

В настоящее время сотрудники лаборатории готовят к печати инновационный лингвокраеведческий словарь для детей

«Имя твоей улицы», представляющий собой интерактивный гипертекст, соответствующий принципам антропоцентрической лексикографии и учитывающий психологические и физиологические особенности современного ребенка. Концепция данного словаря была опубликована, а материалы успешно апробированы (Рогалёва, Никитина 2017).

Цель данной статьи – представить некоторые текстоорганизующие приемы, позволяющие в соответствии с общим тактическим замыслом автора строить интерактивный текст статьи лингвокраеведческого словаря, репрезентирующего младшим школьникам псковские урбанонимы в формате диалога «автор-адресат».

Образы автора и адресата, связанные с категориями субъектности и адресованности, вслед за Н.В. Болотновой, рассматриваются нами как ключевые текстообразующие категории, реализующие, в свою очередь, глобальную текстовую категорию диалогичности (Болотнова 2009: 237–230).

Так, категория субъектности в тексте словаря урбанонимов для младших школьников реализуется с помощью лексикографических приемов «автор-рассказчик» и «персонаж-рассказчик».

При конструировании интерактивных текстов в качестве образа автора, непосредственно воплощенного в тексте и контактирующего с читателем, мы вводим двух персонифицированных (диегетических) рассказчиков (повествователей). Их взаимодействие, диалог между собой и с адресатом-ребенком придают тексту словарной статьи большую интерактивность.

Персонифицированный рассказчик, по словам Е.В. Падучевой, должен быть одним из персонажей текста, то есть входить в мир текста: быть может, иметь собственное имя, совершать какие-то поступки, иметь хотя бы минимальную биографию (Падучева 2010: 203). Такой способ изображения повествователя, основывающийся на самопрезентации с подробным самоописанием (с названием имени, рассказом о своей жизни, отношении к ней), а также на редуцированном самопредставлении через автономинацию в форме местоимения

и глаголов первого лица, В. Шмид относит к эксплицитным (Шмид 2003: 66).

В сконструированных нами лингвокраеведческих словарных текстах рассказчиками являются преподаватели университета, помогающие младшему школьнику раскрыть этимологию урбанонима:

Улица Красных Просвещенцев

<…> Мы, преподаватели Псковского университета, учим уму-разуму наших учеников – студентов. Они станут учителями и будут нести ***свет*** *знаний уже своим ученикам. Раньше работников народного образования называли* ***просвещенцами****. Сравни однокоренные слова:* ***свет, светить, просвещать, просветитель****. <…>*

Улица Гоголя

<…> В нашем далеком детстве мы зачитывались очень страшной повестью «Вечера на хуторе близ Диканьки». А написал ее знаменитый русский писать – Николай Васильевич Гоголь. В его честь и названа улица, на которой мы сейчас находимся. <…>

Улица Великолукская

<…> Мы очень любим путешествовать. Особенно по нашей Псковской области. Вот недавно сели в поезд «Псков-Москва» и вышли в чудесном городе Великие Луки. Уж очень нам там понравилось. Сейчас, рассказывая об улице Великолукской, что находится в городе Пскове, мы поделимся с тобой своими впечатлениями.<…>

Гончарный переулок

<…> Признаемся тебе, что мы очень любим сладкое. Вкусные тортики и пирожные в псковских кафе мы обязательно запиваем чаем или кофе. Особенно нам нравится, когда эти лакомства подаются в посуде от псковской фабрики ***«Гончар»****. Псковскому* ***гончарному*** *промыслу более 300 лет. Вот и переулок* ***Гончарный*** *получил свое название во многом благодаря* ***гончарам****, которые жили здесь издавна. <…>*

Категория субъектности в ономастическом гипертексте реализуется и посредством перволичной повествовательной формы, где рассказчиком является прецедентный персонаж

(Падучева 2010: 203). Перечислим некоторых персонажей-рассказчиков, которые раскрывают этимологию некоторых псковских урабанонимов в лингвокраеведческом словаре для детей:

- исторические личности: княгиня Ольга (Ольгинская набережная), Александр Невский (улица Александра Невского), Пётр I (улица Петровская), И.П. Шуйский (улица Воеводы Шуйского);
- специалисты в разных областях: историк В.А. Дмитриев (улица Ленина, площадь Победы), литератор В.Н. Бредихина (улица Пушкина, улица Чехова, улица Толстого), математик Е.А. Ермак (улица Софьи Ковалевской), кузнец Е. Вагин из «Псковского кузнечного двора» (улица Кузнечная), художник завода «Псковский гончар» Г.А. Сафронова (улица Гончарная), конюхи Лена и Таня, катающие детей на лошадях в псковском «Детском парке» (улица Ипподромная);
- персонифицированные природные и архитектурные объекты, с которыми связано название улицы: Гремячая башня (улица Гремячая), речка Милевка (переулок Милевский), речка Мирожка (улица Мирожская).

Приведем фрагменты из словарных статей.

Ольгинская набережная

<…> Здравствуй, здравствуй, мой юный пскович! Узнаешь меня? Да, это я, княгиня Ольга. Ведь кому, как не мне, поведать тебе об истории происхождения названия набережной, которая названа в мою честь. <…>

Улица Петровская

<…> Сегодня ты узнаешь об истории происхождения названия улицы Петровской. И кто тебе об этом расскажет? Ты не поверишь, но рассказчиком будет сам Петр Первый. Вот он и записку оставил: «Встречаемся у детской городской поликлиники на улице Петровской. Подробности узнаете на месте. Первый император России Петр Первый».<…>

Ориентированность всякого речевого акта на определенную модель адресата (Арутюнова 1981: 358) определяет и особенности лексикографической категории

адресованности в словаре урбанонимов для детей, ведь, как пишет Н.И. Формановская, об одном и том же событии мы по-разному рассказываем различным собеседникам (Формановская 2002: 216).

Вслед за Е.В. Падучевой, мы различаем внутреннего адресата (одного из персонажей текста) и внешнего (реального) читателя (Падучева 2010: 2009).

Рассмотрим некоторые приемы создания образа внутреннего адресата.

В словаре урбанонимов для детей адресатом-персонажем является младший школьник. Такой внутренний адресат обнаруживается в приветствии и адресном употреблении местоимений 2-го лица (Падучева 2010: 212). Прямые обращения к адресату Е.В. Селиванова называет маркерами интерактивности (Селиванова 2011: ЭР). Приведем некоторые примеры.

Улица Декабристов

<…> Мы рады вновь тебя приветствовать. Эту словарную статью мы начнем сразу с вопроса. – Знаешь ли ты, кто такие декабристы? – Почему мы это спрашиваем? Да потому, что сегодня ты узнаешь историю происхождения названия улицы Декабристов. <…>

Важнейшим языковым средством создания интерактивности текста этимологической парафразы является императивность, выраженная глаголами повелительного наклонения (Селиванова 2011: ЭР).

Улица Спортивная

<…> Привет! А почему ты сидишь? Ведь сейчас речь пойдет об улице Спортивной. Вставай. Попрыгай. Сделай приседания. Побегай. Вот, совсем другое дело. Теперь можно начинать рассказывать об истории происхождения названия этой улицы. <…>

Е.В. Падучева пишет о том, что естественным образом имитировать спонтанность порождения текста можно только в жанрах, для которых базовым временем является настоящее время, поскольку здесь требуется восприятие, синхронное порождению. В жанрах, основанных на прошедшем времени,

это приводит к утрате иллюзии реальности (Падучева 2010: 210).

Проиллюстрируем речевой режим употребления глагольных форм с базовым настоящим временем фрагментами из словарных статей.

Улица Александра Невского

<…> Сейчас мы находимся на горе Соколихе, где установлен памятник князю Александру Невскому и русской дружине. Именно здесь мы и начнем рассказ о псковской улице Александра Невского <…>

Октябрьский проспект

<…> Мы находимся в сквере с гномиками у магазина «Розовый слон» на площади Ленина. Сейчас мы садимся в автобус №17. Именно он провезет нас по всему Октябрьскому проспекту. Проспект очень длинный, и мы успеем тебе рассказать об истории происхождения его названия. <…>

Таковы некоторые текстоорганизующие приемы репрезентации ономастического материала младшим школьникам в лингвокраеведческом словаре. В совокупности с интерпретирующими, собственно этимологизируюшими приемами они обеспечивают реализацию лексикографической технологии гипертекстового этимологизирующего парафразирования (Рогалёва 2014).

Сокращения

ОЧРГН – О чем рассказывают городские названия. Учебный лингвокультурологический словарь / Сост. М.П. Варламова, Г.В. Галактионова, Л.С. Головина и др. Псков: Логос, 2012. 144 с.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40, № 4. С. 356 – 367.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
3. Бубнова Н.В. Особенности макро- и микроструктуры учебного лингвокраеведческого словаря имён собственных (на примере словаря Смоленского края) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-

летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: «Нестор-История», 2015. С. 1009–1017.

4. Варламова М.П. Русское путешествие для англоязычных студентов. Пособие по чтению. Псков: Логос, 2011. 150 с.
5. Максимчук Н.А. Региональный ономастический компонент в структуре обучения РКИ и в учебной лексикографии // XII Конгресс МАПРЯЛ. Шанхай, ШУИЯ, 2011. Том.1. С. 757–762.
6. Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И. Актуальный молодежный лексикон: Псков – 2015–2016. Лингвосоциокультурологический словарь. Псков: ЛОГОС Плюс, 2016. 124 с.
7. Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И. Молодежный лексикон г. Пскова. Толковый словарь. Псков: Логос, 2011. 204 с.
8. Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И. Региональный словарь сленга: Псков и Псковская область. М.: ЭЛПИС, 2006. 380 с.
9. О чем рассказывают городские названия. Учебный лингвокультурологический словарь / Сост. М.П. Варламова, Г.В. Галактионова, Л.С. Головина и др. Псков: Логос, 2012. 144 с.
10. Падучев Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
11. Рогалёва Е.И. Современная учебная фразеография: теория и практика. Псков: ЛОГОС Плюс, 2014. 344 с.
12. Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г. Регионы России в пословицах и поговорках. Лингвострановедческий словарь. Псков: ЛОГОС Плюс, 2016. 132 с.
13. Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г. Словарь региональной ономастики как ресурс формирования лингвокраеведческих знаний у младших школьников // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. Volume II, May 26th–27th, 2017. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 2017. P. 173–186.
14. Селиванова Е. А. Кроссворд как дискурсивный жанр энигматики (категориальная система). 2011 // URL: http://www.selivanova.net/ru/publications/ (дата обращения: 7.08. 2014).
15. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

16. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

УДК 37.02

С.Н. Романенко, С.В. Яцукевич
(Псков, Россия, pskovsveta69@rambler.ru;
svetapglgmo@yandex.ru)

«Псковский областной словарь» на уроках русского языка и во внеурочной деятельности

Использование «Псковского областного словаря с историческими данными» на уроках русского языка и во внеурочной деятельности дает возможность привлечь обучающихся к изучению особенностей псковских говоров, культуры и истории Псковщины, расширить кругозор школьников. В статье представлены разные формы работы с использованием данного словаря при изучении тем «Лексика», «Орфография», «Синтаксис».

Ключевые слова: внеурочная деятельность, диалектные слова, проектная технология, Псковский областной словарь, урок русского языка.

S.N. Romanenko, S.V. Yatcukevich

“Pskov Regional Dictionary” at the Lessons of the Russian Language and in Extra-Curricular Activities

The use of the “Pskov regional dictionary with historical data” within the lessons of the Russian language and in extra-curricular activities makes it possible to attract students to study the peculiarities of the Pskov dialects, to study the culture and history of the Pskov region, and to broaden the school students’ horizon. The article presents different forms of work with the dictionary when studying such themes as “vocabulary”, “spelling”, “syntax”.

Key words: dialectal words, extra-curricular activity, project technology, Pskov regional dictionary, a Russian language lesson.

Пользование словарями – это метапредметная компетенция, формирование которой у школьников должно осуществляться на всех уровнях обучения. К предметным

результатам изучения предметной области «Русский язык и литература» относится умение обучающегося использовать разные типы словарей (в том числе и электронные) при построении устного и письменного высказывания, осуществлять быстрый поиск необходимой информации.

«Псковский областной словарь с историческими данными» – уникальное лексикографическое издание, которое создает возможность привлечь обучающихся к изучению диалектных особенностей псковских говоров, культуры и истории Псковщины, расширить кругозор школьников. Это региональный словарь полного типа, раскрывающий лексические особенности народных говоров одной из интереснейших в языковедческом отношении территорий России. В словаре отражается по возможности весь активный запас слов коренных жителей Псковщины.

Использование ПОС на уроках и во внеурочной деятельности школьников можно начинать в 5–6 классах. Уже на первых уроках при изучении раздела «Лексикология» предлагается задание: «Назовите словари, в которых объясняются значения слов. Познакомьтесь с толковым словариком. Какую информацию содержит его словарная статья?». Это задание выполняется в классе под руководством учителя, но всегда есть ученики, которым можно предложить подобное индивидуальное задание по ПОС. Следующее задание в работе с толковым словарем (и ПОС) выглядит так: «Используя толковый словарик, запишите лексическое значение слов *фойе, иней, маргарин, Святки.* Предложения стройте по модели: «Подлежащее (сущ.) – сказуемое (сущ.)». Работая с ПОС, учащиеся сами выбирают слова и оформляют запись по указанной модели. Подобное задание можно предложить обучающимся при изучении темы «Тире между подлежащим и сказуемым» в разделе «Синтаксис».

Активно привлекаем ПОС и на уроках, и при выполнении домашних заданий в теме «Лексика ограниченного употребления» раздела «Лексикология и фразеология». В этой теме вводится термин диалектные слова (диалектизмы), и работа с ПОС будет очень полезной. Можно оформить выставку

выпусков словаря и предложить учащимся подготовить сообщения об истории создания ПОС, об ученых-составителях ПОС.

Задания с ПОС включаем в имеющиеся упражнения. Например, одно из упражнений предлагает следующее: «Перед вами диалектные слова, в скобках указано их лексическое значение. Выпишите только те диалектизмы, значение которых можно объяснить приемом подбора однокоренных слов» (Львова 2012/2: 44). Мы расширили это задание: «Укажите те слова, которые употребляются в псковских говорах». Выяснилось, что слово *ку́рник* употребляется в псковских говорах. Отмечены три омонима. Первый омоним – многозначное слово: 1) свадебный сдобный каравай, украшенный фигурками из теста, иногда цветными ленточками и тряпочками; 2) картофельный пирог с начинкой; 3) картофельная лепешка; 4) пирог с курицей; 5) жареная курица, которую невеста привозила в дом жениха. Второй омоним имеет значение «алкогольный напиток», третий омоним – ‘курятник’ (ПОС 16: 396). Учебник дает только одно значение: ‘пирог с куриным мясом’. Или слово *круте́нь* со значением ‘метель’, приведенное в учебнике, в псковских говорах является многозначным, одно из значений которого ‘торопливый, суетливый, нетерпеливый человек’, значения ‘метель’ не отмечено (ПОС 16: 243). Слова *наси́дыха* ‘курица’ в ПОС нет, но находим слово *наси́дный* со значением ‘о цыпленке: высиженный курицей, не инкубаторский’ (ПОС 20: 264). Интересными были наблюдения обучающихся над словом *кра́сик* ‘красивый человек’. В псковских говорах отмечены три омонима, но ни у одного из них нет значения ‘красивый человек’: *кра́сик*[1] 1) ‘верхняя одежда из белого или крашеного холста свободного покроя или приталенная, надеваемая летом поверх рубахи, а зимой поверх шубы’; 2) ‘домотканый холщовый сарафан, выкрашенный в черный или синий цвет’; 3) ‘длинная женская вышитая рубаха; 4) юбка из полотна, выкрашенная в синий или черный цвет’; *кра́сик*[2] – ‘здоровяк с красным лицом’; *кра́сик*[3] – ‘гриб поганка’ (ПОС 16: 79–80).

ПОС может дать материал для работы с именами собственными. В словаре зафиксированы клички животных (коров, кошек и др.), названия деревень, озер, болот, островов. Можно составить список названий, состоящих из сочетания существительного с прилагательным, например, на букву «К», расположить в алфавитном порядке, обосновать использование прописной буквы.

При изучении имени существительного можно предложить выбрать имена существительные, употребляющиеся только во множественном числе, сопоставить эти существительные с тематическими группами, отмеченными в учебниках. Например, *кра́денки* – ‘детская игра, похожая на игру в прятки’ (ПОС 16: 52), *кули́нки* – ‘народный танец’ (ПОС 16: 351), *красу́льки* – ‘узоры, цветы на ткани’ (ПОС 16: 105).

Интересной формой работы становится «Страничка из словаря». Обучающийся (по желанию) выбирает слово из ПОС и представляет его классу: знакомит со значениями, показывает рисунки, фото (если смог подобрать и в этом есть необходимость); сопоставляет с толковым словарем литературного языка, выявляет отличие в употреблении слова в псковских говорах и в литературном языке. Например, в ПОС зафиксированы три омонима *котело́к*. Первый омоним – многозначное слово: 1) ‘чугунный или медный сосуд для варки пищи, небольшой котел’; 2) ‘металлический сосуд круглой формы с одной ручкой в виде дужки, прикрепленной к его верхней части’; 3) ‘глиняный горшок’. Второй омоним имеет значение ‘травянистое растение с цветами, имеющими форму усеченного конуса или полусферы’. Третий – ‘стрекоза’. В словаре С.И. Ожегова слово *котело́к* – многозначное слово, не имеет омонимов. Такую «Страничку из словаря» рассматриваем 1 раз в 2 недели.

Вариантом этой работы может быть слово-загадка. В начале урока по теме «Правописание -тся и -ться» (5 класс) на доске записано слово *векша.* Вопрос учителя: что это или кто? Выслушиваем предположения. В ходе урока работаем с текстом по В. Пескову: «*Под сосной на снегу видне..(тся, ться) совсем свежие следы. Кто-то ст..рательно ворош..л пр..шлогодние*

листья. Нужно выт..щить из кармана пару орехов и постучать друг о друга. Через минуту увид..те: сыпл..(тся, ться) снег с елок. С ветк.. на ветку прыга..т пуш..стый зверек. // Если протян..те руку с орехами, то замет..те, что рыжик прыгн..т на снег и побежит к вам и прим..т угощение. // Лесная красавица уже (не) стесня..(тся, ться): по краю шубы забира..(тся, ться) прямо в карман. Если вы хлопн..те по карману и сами выбер..те орех покрупнее, пушистик (не) уйдет, будет следить, какой орех вы выбер..те. Смотр..шь и уд..вля..ш(?)ся: до чего смелый зверек!» (Львова 2011: 91). После анализа текста возвращаемся к слову *векша.* Как могут быть связаны слово и текст? Высказываем предположения, проверяем по ПОС.

В 9 классе на уроке по теме «Понятие о сложносочинtнном предложении» предлагаем другую загадку: *крáпин*, *крапи́нок*. Учащиеся обмениваются предположениями о значении слов. В учебнике рассматриваем рисунок (из носика кипящего чайника вместе с дымом вылетает укроп) и пробуем раскрыть его лингвистический смысл. Выслушиваем идеи. Затем читаем текст и придумываем название, которое одновременно подходило бы и к тексту, и к рисунку: «*Вы очень уд..витесь но укроп это кип..ток. Име(н,нн)о в таком зн..чении употр..блялось это слово в глубокой древности и было оно бл..жайшим родстве(н,нн)иком слов* ***кр..пить***, ***окр..пить***, ***накр..пывать***, ***крап..нки***. *К..пящая вода и в самом деле выбрас..вает* ***кропки*** *(«пузырьки») и наш совреме(н,нн)ый* ***укроп*** *то(же) выбрас..вает* ***кропки*** *множество мелких п..хучих цветков собра(н,нн)ых в кружева соцветий. (По)этому сходству с (древне)ру(с,сс)ким* ***укропом*** *трава и получила своё наим..нование и тогда стало (не)удобно одним и тем же словом называть траву и кип..ток. Со временем появляе(тся, ться) новое слово обр..зова(н,нн)ое от глагола* ***к..петь*** *а теперь мы постоя(н,нн)о используем слово* ***кип..ток*** *и даже (не) задум..ваемся о его уд..вительной судьбе*» (Львова 2012/3: 102). После работы с текстом возвращаемся к словам *крáпин*, *крапи́нок*. Проверяем свое предположение по ПОС.

Оказывается, что в псковских говорах *кра́пин*, *крапи́нок* – это *укроп* (ПОС 16: 69–70).

Во внеурочной деятельности ПОС мы привлекаем при выполнении проектов. ФГОС рассматривает метод проектов как средство формирования метапредметных результатов освоения образовательных программ.

В 2016–2017 учебном году при прохождении педагогической практики в МАОУ «Гуманитарный лицей» студенткой 3 курса факультета РФиИЯ Анной Ф. были подготовлены и проведены уроки по разделу «Лексикология и фразеология», в том числе по темам, связанным с общеупотребительной лексикой и лексикой ограниченного употребления.

В связи с заинтересованностью учащихся темой «Диалектизмы» мы решили расширить, углубить и закрепить их знания с помощью подготовки проекта по методу проектной технологии. Работу над проектом по методу проектной технологии на тему: «Кухонное убранство псковской избы» выбрала ученица 5 «Б» класса Анастасия Ж.

Работа над проектом поставила перед студенткой следующие цели и задачи.

Цель: путем включения учащегося в проектную деятельность формирование первоначальной системы исследовательских теоретико-методологических, методических и практических знаний, умений и навыков, развитие творческих способностей.

Задачи:

– углубление собственных знаний о проектной деятельности;
– организация работы с учеником по теме;
– формирование опыта сотрудничества;
– развитие творческих способностей, исследовательских навыков учащегося;
– развитие навыков самопрезентации и публичных выступлений;
– воспитание коммуникативных качеств;
– повышение самооценки обучающейся благодаря достижению поставленной цели и полученным результатам.

На первом, поисковом, этапе была предложена тема исследования: «Кухонное убранство псковской избы». Основным источником для исследования данного вопроса стал «Псковский областной словарь с историческими данными». В связи с этим перед ученицей были поставлены следующие задачи:

1. Познакомиться с «Псковским областным словарем с историческими данными».
2. Узнать, как назывались предметы крестьянской кухонного убранства в псковских говорах.
3. Сравнить псковские диалектные наименования с общерусскими наименованиями.

Деятельность студента: на этом этапе происходило формирование мотивации ученицы, консультирование по выбору тематики и жанра проекта.

Второй, аналитический, этап был посвящен составлению подробного плана работы над проектом, обсуждению путей сбора информации и осуществлению поисковой работы. Для исследования ученица выбрала следующие слова: *лавка*, *кружка* (в первом значении), *латка*, *печь* (*печье*, *печьё*), *кувшин* (*кубел*, *кубан*), *лежанка*, *макатры* (в двух первых значениях). Место, где осуществлялся сбор информации, – библиотека факультета русской филологии и иностранных языков Псков ГУ. Студентка оказывала помощь в подборке необходимых материалов, определении общего направления и главных ориентиров поиска, консультировала по содержанию проекта, помогала в систематизации и обобщении материалов, отслеживала деятельность ученицы, оценивала промежуточные результаты.

Третий, практический, этап был связан с оформлением работы над проектом.

Четвертый этап – презентационный. Он завершил, подытожил работу над проектом. Результат был представлен в классе.

На контрольном этапе происходил отчет, оценка результатов проекта и общего хода над ним.

Анализ проведенной работы показал, что ПОС дает возможность осуществлять проектную деятельность и в других классах основной и средней школы.

Мы представили лишь некоторые формы работы, которые можно использовать на уроках и во внеурочной деятельности. В своей работе мы используем учебники русского языка для 5–9 классов С.И. Львовой и В.В. Львова, но полагаем, что и другие учебники позволяют привлечь ПОС.

Литература и источники

1. Львова С.И. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учр. В 3 ч. Ч. 1 / С.И. Львова, В.В. Львов. М.: Мнемозина, 2011.
2. Львова С.И. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учр. В 3 ч. Ч. 2 / С.И. Львова, В.В. Львов. М.: Мнемозина, 2012.
3. Львова С.И. Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учр. В 2 ч. Ч. 1 / С.И. Львова, В.В. Львов. М.: Мнемозина, 2012.

УДК 378.147

Л.Ф. Свойкина
(Белгород, Россия, svoykina@bsu.edu.ru)

Роль регионального культурного компонента в формировании межкультурной компетенции у иностранных студентов

В статье рассматривается вопрос формирования межкультурной компетенции у иностранных студентов в межкультурном образовательном процессе; особая роль в этом процессе принадлежит учебным текстам, содержащим культурный компонент, в том числе и региональный.

Ключевые слова: культура, межкультурная компетенция, межкультурный образовательный процесс, русский язык как иностранный, учебный текст

L.F. Svoykina

The Role of Regional Cultural Component in the Development of Intercultural Competence of Foreign Students

The article deals with the issue of the development of foreign students' intercultural competence in cross-cultural educational process; the special role in the process belongs to the educational texts that contain cultural component, including the regional one.

Key words: culture, cross-cultural competence, cross-cultural educational process, Russian as a foreign language, educational text.

Важное место в международной образовательной деятельности высших учебных заведений России занимает подготовка специалистов для зарубежных стран, в том числе и филологов, отвечающих современным требованиям общественного развития. Обучение иностранных граждан на различных этапах сопровождается рядом проблем и трудностей, связанных в том числе и с адаптацией к новой социокультурной и образовательной среде. При этом процесс адаптации определяется этнокультурными и этнопсихологическими особенностями индивида. Решающим в процессе адаптации к новой культуре является приобретение и совершенствование поведенческих умений и навыков для адекватной коммуникации с представителями иной лингвокультурной общности. В этой связи вопрос формирования межкультурной компетенции у носителей иной лингвокультуры по-прежнему считается актуальным. При этом под межкультурной компетенцией мы понимаем совокупность знаний, навыков поведения, умственных, личностных качеств, приобретенных в процессе освоения системы культурных ценностей, обеспечивающих: а) понимание иноязычной культуры; б) умение «подключаться» к иной языковой картине мира, не утрачивая собственной культурной идентичности; в) распознавание и понимание носителей языка на прагматическом уровне и порождение собственного высказывания в процессе межкультурного общения.

Одним из путей формирования межкультурной компетенции можно назвать межкультурное образование, которое выполняет важнейшую социальную функцию, заключающуюся не только в передаче национальной, этнической культуры, но и являющуюся средством приобщения личности к общечеловеческим ценностям, к мировому культурному процессу, неотъемлемой частью и равноправным компонентом которого является культура любого народа.

Многолетний опыт работы с иностранными студентами - представителями различных лингвокультур – позволяет утверждать, что особая роль в межкультурном образовательном процессе принадлежит иностранному (русскому) языку и культуре, которые можно рассматривать как единый взаимосвязанный компонент учебного процесса. Более того язык отражает картину мира любого этноса, что позволяет относиться к нему как к социокультурному и этнопсихологическому организму.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Е.И. Пассова, отмечающего ключевую роль культуры как «системы ценностей, используемых в качестве содержания образования» (Пассов). Культура не может оставаться «довеском, украшением, приправой» (Там же) к владению иностранным языком, поскольку невозможно изучать иностранный язык отдельно от культуры. Изучая русский язык как иностранный и культуру России, иностранный студент получает возможность понять великое духовное богатство русского народа, его обычаи и традиции, знание которых необходимо будущему специалисту для дальнейшей профессиональной деятельности в качестве преподавателя русского языка как иностранного. Помимо этого, важнейшим этапом в обучении языку можно считать «усвоение фоновой информации о фактах данной культуры … в сравнении с фактами собственной культуры» (Бердичевский 2005).

Ключевое значение для формирования межкультурной компетенции имеют положения М.М. Бахтина о человеке как уникальном феномене культуры, вступающем во взаимодействие с другими личностями-культурами, творящим себя в процессе такого взаимодействия и воздействующим на других (Бахтин 1979: 46). В

этой связи включение студентов – представителей различных лингвокультур – в формат межкультурной коммуникации, основанной на уважительном отношении к «другому», на владении нравственными принципами и приемами межкультурного общения, на способности видеть в «другом» полноценную, равнодостойную личность, на готовности к диалогу культур, является наиболее поступательным движением к формированию межкультурной компетенции.

С целью формирования у обучающихся данного качества правомерным видится решение следующих задач:

– воспитание позитивного отношения к языкам и культурам различных этносов, проживающих в регионе, как к социокультурным ценностям;

– формирование общей культуры личности, в основе которой лежит ориентация на национальные и общечеловеческие нравственные ценности, на лучшие достижения мировой цивилизации и осознание принадлежности к поликультурному социуму;

– восприятие чужой культуры, как равноценной, составляющей многоликую палитру мировой культуры.

Наилучшей иллюстрацией существующих культурных ценностей любого этноса, на наш взгляд, являются народные праздники, обычаи и традиции, фольклор. Изучение народных обычаев и традиций, посещение народных праздников, непосредственное участие в них вызывает у иностранных студентов неподдельный интерес. Так можно узнать некоторые «секреты» повседневной жизни, быт народа и лучше понять роль и значение отдельных событий для человека другой культуры.

Одним из эффективных средств формирования межкультурной компетенции мы считаем ***учебные тексты***, содержащие культурный компонент, в том числе и региональный, отражающий культурное достояние, традиции, быт народа. С нашей точки зрения, это способствует: а) формированию у иностранных студентов системы ценностей, связанной с реальной моделью мира носителей изучаемого языка; б) приобретению личностных качеств, необходимых человеку при его интеграции в иную культуру, в) обеспечению адекватного национальной культуре речевого поведения и применения его в повседневной межкультурной

коммуникации; в) преодолению психологических барьеров в процессе коммуникативной деятельности; г) обеспечению профессиональной направленности в изучении языка.

С.Г. Тер-Минасова к культурному компоненту относит следующее: а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к культуре, господствующей в данной системе нормативных требований); б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой; в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинесический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности; г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры; д) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса (Тер-Минасова 2000: 27–28).

При отборе текстового материала для учебных текстов мы опирались на принятое в науке определение текста как продукта духовной культуры человеческой цивилизации и конкретного народа (А.Ф. Лосев, Л.Н. Михеева, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.), как средства языкового воздействия на обучаемого (А.Н. Васильева и др.), как средства реализации основных функций языка/речи (Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев и др.).

Начальный этап формирования межкультурной компетенции у иностранных студентов начинается на подготовительном факультете с последующим ее развитием на первом и последующих курсах обучения по направлению подготовки «Филология». Начиная с этапа базового уровня изучения русского языка как иностранного, студенты благодаря изучению микротекстов знакомятся с университетом, социокультурными учреждениями, историей города, в котором им предстоит жить и учиться. При организации образовательного процесса по дисциплине «Русский язык (грамматика и разговорная практика)» на этапе овладения I Сертификационным уровнем студентам предлагаются

учебные тексты с региональным культурным компонентом, отвечающие требованиям данного уровня. *Так, например, при изучении лексической темы «Искусство России» мы обязательно предлагаем учебный текст о М.С. Щепкине – нашем земляке, внесшем неоценимый вклад в зарождение и развитие театра в Российской империи. При изучении темы «Белгород и Белгородская область» включаем в тексты информацию о ремеслах Белгородского края, о народном костюме, его особенностях и отличиях от народных костюмов других областей.*

Здесь следует отметить, что работа с ***учебными текстами*** с региональным культурным компонентом обычно предшествует такой форме организации урока как экскурсия, которая является неисчерпаемым источником для сбора материала о языке, культуре, искусстве страны изучаемого языка. Информация, полученная из ***учебного текста***, позволяет студентам принимать участие в коммуникативном процессе с носителями языка при проведении экскурсий в музей М.С. Щепкина в селе Красное Яковлевского района Белгородской области, в Музей народной культуры г. Белгорода и села Купино Шебекинского района, на Борисовскую фабрику художественной керамики и т.д. Кроме того, такая форма организации урока способствует повышению мотивации изучения языка. Можно утверждать, что, вернувшись из таких поездок, студенты становятся культурно-обогащенными и приобретают новые знания (лингвострановедческие и социокультурные), а самое главное, коммуникативные навыки, способствующие формированию межкультурной компетенции.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что изучение иностранного (русского) языка является достаточно сложным процессом для большинства иностранных студентов и без создания условий для мотивации изучения языка, данный процесс может осложняться различными психологическими и коммуникативными барьерами, ведущими в дальнейшем к проблемам личностного и межкультурного характера. В этой связи использование в образовательном процессе ***учебных текстов*** с культурным компонентом, в том числе и региональным, помогает им в реальной коммуникативной деятельности использовать полученные знания, формировать в своем сознании механизмы взаимопонимания в общении с представителями других лингвокультур.

Литература

1. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.
2. Бердичевский А.Л. Межкультурное общение. Проблемы обучения // Мир русского слова. 2005. № 1–2.
3. Пассов Е.И. Развитие индивидуальности как цель иноязычного образования // URL: http: www.gramota.ru/mag_arch.html?id=207
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.

УДК 372.8

Н.И. Яковлева
(Псков, Россия, yakovlevani@rambler.ru)

О сформированности текстовых умений выпускников Псковской области

В статье освещаются проблемы, связанные с уровнем сформированности текстовых умений выпускников общеобразовательных учреждений Псковской области.

В основе анализируемого материала творческие работы участников единого государственного экзамена по русскому языку (2017 г.). Представлен анализ сочинений, рассматриваются как позитивные, так и проблемные стороны письменных высказываний выпускников.

Ключевые слова: аналитическая деятельность, восприятие, коммуникативная компетенция, творческая деятельность, текст, текстовые умения, типы ошибок.

N.I. Yakovleva

On the Development of School Leavers' Textual Skills in the Pskov Region

The author explores the problems associated with the development of textual skill levels of school leavers in the Pskov Region.

The article examines creative works of the participants of the Unified State Exam in 2017. The research is based on the analysis of the

compositions. Prominence is given both to positive and problematic issues of school leavers' works.
Key words: analytical activity, communicative competence, text, textual skills, types of errors, perception, creative activity.

Текстовые умения являются важнейшими в системе познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий учащихся и формируются на основе знаний об устройстве русского языка и об особенностях его употребления в различных условиях общения. Процесс обучения в современной школе включает формирование не только навыков анализа языка, но и умений использовать различные виды чтения текстов, их информационной переработки, точно, правильно, логично и выразительно излагать свою точку зрения по поставленной проблеме, соблюдать в процессе коммуникации основные нормы устной и письменной речи.

Чтобы сделать выводы об уровне сформированности текстовых умений выпускников нашего региона, проанализируем результаты единого государственного экзамена по русскому языку, которые показали выпускники 2017 года.

Для понимания текста школьники должны уметь анализировать языковые средства, например, правильно определять лексическое значение слов, знать лексические нормы. Большинство выпускников (97%) верно объяснили лексическое значение слов в тексте при помощи словарных статей. Значительно лучше в этом году справились и с заданием на лексические нормы, проверяющим умение понимать значение слова, исправить ошибку, подобрав к выделенному слову пароним.

Однако ряд вопросов базового уровня сложности у выпускников вызывает затруднение. Так, с заданием на определение функционально-смысловых типов речи справились 41,4% выпускников. Возможно, это связано с тем, что тип речи учащиеся привыкли определять у целого текста или у большого его фрагмента. А найти элементы описания, рассуждения или описания в одном или двух предложениях оказалось по-прежнему сложным для них. Результат этого задания оказался ниже, чем в прошлом году, тогда был 51,2%. Из вопросов

базового уровня сложности лучше в этом году выполнено задание № 20 – на понимание текста и подбор высказываний, соответствующих содержанию текста. Если в 2016 г. его верно выполнили 51, 8 % учащихся, то в 2017 г. – 71,4%. И все-таки для 30% выпускников характерно невнимательное, поверхностное чтение текста.

Интересно сравнить результаты выпускников различного уровня. Выделим три группы. В группе № 1 учащиеся, не преодолевшие минимального балла, в группе № 2 учащиеся, получившие от 60 до 80 баллов, в группе № 3 выпускники – от 81 до 100 баллов.

Среди заданий *высокого уровня сложности* выделим вопрос о средствах связи предложений в тексте (задание № 23). Например: *найдите предложение, которое связано с предыдущим при помощи лексического повтора.* Такое предложение нашли только 46% учащихся. Причем, выпускники из группы № 1 получили 0 баллов, из группы № 2 только 46,8% справились с заданием, в группе № 3 – 68,2%. Данные результаты показывают, что у 54% учащихся недостаточно усвоены морфологические, лексические и словообразовательные единицы и их функциональная роль в тексте. В 2016 г. таких выпускников было 39%.

С определением выразительных средств языка в тексте (задание № 24) в этом году справились хуже, чем в 2016 г. Так, максимальные 4 балла получили 37,33% (в 2016 г. – 43,94%). Выпускники из группы № 1 получили 0 баллов, из группы № 2 только 36,5% получили максимальные 4 балла, в группе от 81 до 100 – 69%. Следовательно, работу над определением выразительных средств в текстовых фрагментах необходимо усилить.

Текстовые умения выпускников отражаются и в сочинении-рассуждении на основе прочитанного текста, которое включено в экзаменационные материалы. Этот вид сочинения проверяет культуру чтения выпускников, позволяет им вступить в диалог с автором текста, привлекать сведения из смежных областей, использовать личный опыт в рассуждении, в ходе интерпретации предложенного текста создать

высказывание новое, иное по отношению к первичному тексту. Таким образом, сочинение-рассуждение на основе прочитанного текста можно определить как вторичный текст. Н.А. Ипполитова отмечает: «Вторичный текст представляет собой результат переработки исходного (первичного) текста и является в определенной степени реакцией на прочитанное, ответом на сказанное и, в конечном счете, результатом процесса восприятия и интерпретации исходного текста» (Ипполитова 2007: 319). Особенности сочинения-рассуждения на основе прочитанного текста точно определяет И.В. Лаврова: «Первичный текст содержит проблему-концепт, которая предполагает репрезентацию во вторичном тексте сочинения-рассуждения и категоризацию ее на новом уровне» (Лаврова 2011: 10).

Выпускник должен показать культуру чтения текста, понимание проблем высказываний.

Для информационной переработки предлагались тексты русских писателей: К.М. Симонова, Б.Л. Васильева, В.М. Санина, К.Г. Паустовского. Проблематика текстов разнообразная, представляющая интерес для выпускников: проблема исторической памяти, отношения к памятникам воинской славы; проблема различия довоенного и послевоенного поколений; влияния времени на формирование системы ценностей молодежи, ценности воспоминаний и выбора жизненного пути; проблема нравственного выбора и ответственности человека за свои поступки, влияния совести на поступки людей; проблема влияния красоты природы на человека и взаимосвязи любви к природе и Родине, вопросы выразительности и красоты русского языка.

Следует отметить, что почти 94% выпускников понимают текст и правильно формулируют его проблемы. Наиболее трудным для выпускников оказался текст по В.М. Санину. Большое количество учащихся не поняло, что речь идет о двух временных планах: прошлом (военном) и настоящем (полярном). Сложная композиционная структура текста позволила некоторым выпускникам обратиться именно к первой части и связать проблему с поведением человека на

войне, не принимая во внимание мысли автора об ответственности человека за поступки, о влиянии совести на поступки людей, о проявлении слабохарактерности, малодушия.

Часть выпускников в понимании текстов использует «заготовки» проблем, имеющих косвенное отношение к прочитанному тексту. Например, в тексте по К.Г. Паустовскому проблема влияния красоты природы на человека подменялась проблемой влияния человека на природу. Использовались рассуждения об экологических вопросах, с чем был и связан подбор аргументов (В. Распутин «Прощание с Матерой», Б. Васильев «Не стреляйте в белых лебедей»).

Следует отметить неспособность некоторых выпускников воспринимать текст целиком. В основном вычленяют из авторских рассуждений отдельные мысли и развивают их в своих сочинениях. Так, в тексте по Б.Л. Васильеву основная проблема связана с различием довоенного и послевоенного поколений, с влиянием времени на формирование системы ценностей молодежи, с ценностью воспоминаний, помогающих человеку пережить тяжелые времена. Однако во многих работах обращалось внимание просто на жестокость войны.

Уровень сформированности некоторых текстовых умений у выпускников еще недостаточно высокий. Так, за комментарий к сформулированной проблеме максимальное количество баллов получили только 28,42% учащихся (в 2016 г. – 32,74%), 2 балла у 36,56%, 0 баллов – 10,57%. Выпускники из группы № 1 получили 0 баллов, в группе № 2 только 24% имеют максимальные 3 балла, в группе № 3 – 61,82 %. В комментарий должно быть включено не менее двух примеров из прочитанного текста, важных для понимания проблемы. Но примеры эти должны быть включены в собственное рассуждение. Приведем пример удачного подхода к комментированию проблемы (фрагменты сочинений приводятся без редактирования): «*В основе текста рассуждение о различиях между довоенным и послевоенным поколениями. Рассказчик противопоставляет своё поколение современным юношам и девушкам, описывая времена своей молодости.*

Автор отмечает, что все его одноклассники мечтали стать командирами Красной Армии, надеть «самую красивую и самую модную» одежду своего времени – военную форму. Одна из героинь Искра говорит: До чего ж в ней уютно». Слово «уютно» является ключевым для понимания внутреннего состояния юных ребят. Б. Васильев подчеркивает, что былое поколение твердо знало, что будет война, а современное убеждено, что её не будет.

Кроме того, автор обращает внимание и на повседневную жизнь довоенного поколения. Ребята с детства играют в то, чем живут сами, соревнуются не за отметки, а за честь именоваться «чкаловскими» или за право побывать на открытии нового цеха завода. Их сильный характер и становится причиной главного подвига в жизни – защиты Родины несмотря ни на что. «А ведь никто не хотел умирать».

Как видим, выпускник заостряет внимание на деталях текста, приводит примеры из него, включает их в собственное размышление и демонстрирует понимание исходного текста. К сожалению, во многих работах для комментария просто использовались примеры из текста, большие цитаты и пересказ содержания. Не прослеживалось умение выпускников включать примеры из текста в собственное рассуждение, а также правильно вводить цитаты.

Верно определили авторскую позицию 88,51% школьников, в 2016 г. – 91,39%. Неспособность воспринимать текст целиком приводит и к непониманию авторской позиции. Так, в тексте по Б.Л. Васильеву, поднимая проблему ценности воспоминаний, выпускники подчеркивают жестокость военных лет и не отражают авторского размышления о том, что светлые воспоминания помогают человеку пережить тяжелые времена, наполненные горечью жизненных утрат.

36,7% выпускников за аргументацию собственного мнения по проблеме получили 3 балла, в 2016 г. – 41%. 14% получили 0 б. Если сравнить максимальные баллы за аргументацию выпускников из трех групп, то из учащихся группы № 1 никто не получил высшего балла. В группе № 2

34,5% учащихся получили 3 балла, а в группе № 3 таких было 76,9%.

Хочется отметить, что и в этом году большее количество учащихся использовали для аргументов примеры из художественной литературы. Вероятно, влияет подготовка школьников к сочинению по литературе. И сами аргументы стали развернутыми и доказательными, свидетельствующими о хорошей начитанности выпускников, зрелости их суждений. Приведем фрагменты из сочинений:

А. «С мнением Б. Васильева нельзя не согласиться. Действительно, в любой трудной жизненной ситуации стоит «затянуться потуже», быть готовым совершить подвиг, идти к победе и никогда не сдаваться.

Вспоминается произведение К. Воробьева «Убиты под Москвой». Молодые, красивые кремлевские курсанты с простыми винтовками направляются на войну против немцев с танками и мощной военной техникой. Сначала ребята не осознают всей серьезности происходящего, ведь никогда до этого они не сталкивались с войной лицом к лицу. Но через некоторое время курсанты осознанно стремятся защищать свою Родину. Они превращаются в настоящих бойцов. Так, например, в произведении представлена история духовного становления Алексея Ястребова, молодого офицера, отдающего приказы неуверенным голосом, а в конце повести бросающегося на немецкий танк совершенно осознанно. Таким образом, ребята, являющиеся довоенным поколением в самом начале произведения, переступают через свои страхи, с честью и доблестью сражаются за Родину, вступают в последний бой, после которого остается лишь один выживший человек».

В. «Сейчас эстрадные исполнители или голливудские актеры могут похвастаться миллионами поклонников, которые всячески стараются подражать своему идеалу. Но в сороковые годы прошлого столетия восхищались советскими солдатами и старались на них равняться. Так, например, в произведении Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» показано, что молодежь часто отправляла письма на фронт или в госпитали солдатам, героически проявившим себя в бою.

Множество писем приходило и на имя Алексея Мересьева, поскольку все были поражены подобной твердостью характера летчика и никак не ожидали от него настолько сильной преданности своей цели. Это доказывает, что взгляды молодых людей изменились с течением времени, но мне кажется, что это вполне закономерный ход вещей, учитывая среду, окружающую нас». Во втором примере мы видим, как в стандартном наборе художественных произведений выпускник находит аспекты, нетрафаретно аргументирующие мнение автора сочинения.

Смысловой цельностью, речевой связностью и последовательностью изложения обладают сочинения 48% выпускников (они получили максимальное количество баллов – 2 балла), 1 балл получили тоже 48%. В оценке сочинений по этому критерию мы по-прежнему обращали внимание на наличие вступления, заключения как необходимых компонентов рассуждений, да и вообще сочинений любого типа. Например:

«К счастью, мы сейчас живем в мирное время. У нашего поколения есть всё, о чем только можно мечтать: светлое небо над головой, возможность учиться, свобода выбора занятий, предпочтений. Каждый из нас по-своему уникален. В нас заложены как сильные, так и слабые стороны, касающиеся, например, нашего саморазвития. Но достаточно ли мы сильны духом? И к чему нам надо стремиться? Вот вопросы, волнующие Б. Васильева». Или: *«Самое тяжелое время для любого народа – война. Она вырывает людей из повседневной жизни, требует от них немедленно сплотиться, проверяет их силу духа, испытывая и защитников Родины, и мирных жителей на стойкость. Пережив войну, человек меняется из-за жестокости и трагичности пройденного пути и уже смотрит на мир другими глазами. В связи с этим Б.Л. Васильев ставит проблему различия довоенного и послевоенного поколений».*

Следует предупреждать учащихся от распространенного в последние годы недочета, когда в качестве вступления используется информация об авторе статьи, которая сводится к переписыванию сведений об авторе.

Анализ сочинений свидетельствует о том, что по-прежнему практически грамотных среди выпускников, к сожалению, немного. Результаты почти такие же, как и в прошлом году. Пишут без орфографических ошибок всего 32,7% (в 2016 г. – 33%), допускают не более 2 ошибок – 38,59% учащихся (в 2016 г. – 38,84%). Максимальные 3 балла по орфографии из учащихся группы № 1 не получил никто. В группе № 2 30,8% выпускников получили максимальные 3 балла, а в группе № 3 таких было 69,32%. На орфографическом уровне выпускников особенно затрудняет правописание НЕ с различными частями речи (особенно с наречиями); правописание союзов и омонимичных им частей речи (*также, тоже – так же, то же)*, а также производных предлогов. Хуже с пунктуационной подготовкой выпускников. Без пунктуационных ошибок сочинения у 17% учащихся (в 2016 г. – 19%), допускают 1–3 ошибки 36,6 % (в 2016 г. – 37%). 24,8% получили 0 баллов. Высшего балла по пунктуации из учащихся группы № 1 не получил никто. В группе № 2 только 12% выпускников получили 3 балла, а в группе № 3 таких было 50%. На пунктуационном уровне сложным оказывается для выпускников постановка знаков препинания в предложениях с вводными словами, с обособленными членами предложения и в сложных предложениях различного типа.

Грамматических ошибок не допущено у 29% учащихся (в 2016 г. у 40,28%), допущено не более одной речевой ошибки у 32% учащихся (в 2016 г. у 37,28%). Максимальных 2 баллов по соблюдению языковых и речевых норм из учащихся группы №1 не получил никто. В группе № 2 25% выпускников получили максимальные 2 балла, а в группе № 3 таких было 62%. Среди грамматических ошибок выделяются ошибки на образование слов и их форм, на нарушение норм управления, согласования в словосочетаниях и предложениях, на построение предложений с деепричастным и причастным оборотом, с однородными членами, на образование причастий. Речевые ошибки чаще всего связаны с незнанием лексического значения слов, нарушением лексической сочетаемости, тавтологией, однообразием в использовании синтаксических конструкций,

использование слов, стилистически неуместных. Приведем некоторые примеры:

Он не думал о других и что произойдет дальше.

…она несанкционированно отлучалась из отряда…

Давайте и мы порассуждаем на этот основополагающий вопрос бытия.

Каждый гражданин России обязан чтить память погибшим.

Памятник для каждого был значен по-своему.

Он рассказал о солдате, которого похоронили как память для всей страны.

За вторым аргументом далеко ходить не буду.

Поиски пищи обвенчались успехом.

Главный герой решает убить своего напарника по Родине.

Таким образом, в целом у выпускников 2017 года можно отметить вполне удовлетворительный уровень сформированности текстовых умений. Вместе с тем среди творческих работ встречается достаточно много глубоких, серьезных сочинений, свидетельствующих о высоком уровне подготовки по русскому языку авторов этих работ.

Результаты анализа заданий аналитического и творческого характера подчеркивают необходимость совершенствовать методику работы над всеми видами речевой деятельности:

– для адекватного понимания темы, проблемы текста, основной и дополнительной информации важно уделять особое внимание различным видам чтения текста, особенно художественного стиля;

– для комментирования проблемы использовать текстуальный анализ, направленный на осознание коммуникативной действенности языковых средств;

– для обоснования своей точки зрения учить школьников приводить различные способы аргументации собственных мыслей;

– в системе развития связной речи основными видами работы должны быть письменный ответ на проблемный вопрос и сочинение различного типа и жанра.

Литература

1. Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Саввова М.Р. Русский язык и культура речи. М., 2006.
2. Лаврова И.В. Сочинение-рассуждение как разновидность вторичного текста: базовые характеристики. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2011.

ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ СОКРАЩЕНИЯ

Словари и другие источники (наиболее часто встречающиеся в статьях)

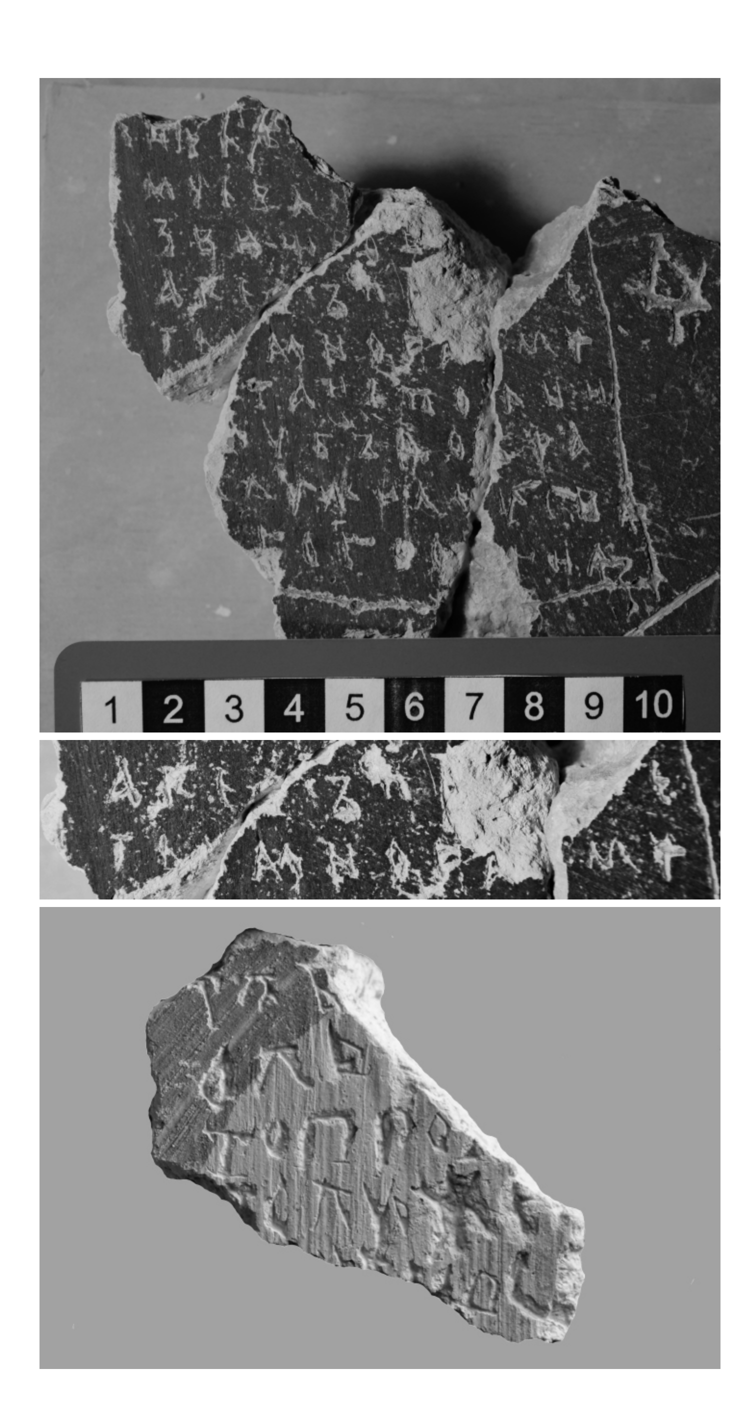
Архив КПОС – Архив картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» (рукописный фонд Псковского областного словаря, хранящийся в Псковском государственном университете).
БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
БАС РЯ – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, научный координатор издания А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–.
Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1982 (1880–1882).
КПОС – Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина при Санкт-Петербургском государственном университете).
ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров.
МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26 / Под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Л. / СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2016 (издание продолжается).
Разговорник Т.Ф. – Fenne T. Low Germann Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.
СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с пред. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1986–1987.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Сокращения названий районов Псковской области[1]

Аш. – Ашевский (упразднен в 1963 г. с передачей в состав Беж. р-на)
Беж. – Бежаницкий
Вл. – Великолукский
Гд. – Гдовский
Дед. – Дедовичский
Дн. – Дновский
Идр. – Идрицкий (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Себ. р-на)
Кар. – Карамышевский (упразднен в 1963 г. с передачей в состав Пск. и Порх. р-нов)
Кач. – Качановский (упразднен в 1963 г. с передачей в состав Палк. и Печ. р-нов)
Кр. – Красногородский
Кун. – Куньинский
Локн. – Локнянский
Ляд. – Лядский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Гд. и Пл. р-нов)
Нев. – Невельский
Н-Рж. – Новоржевский
Н-Сок. – Новосокольнический
Оп. – Опочецкий
Остр. – Островский
Пав. – Павский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Порх. и Стр. р-нов)
Палк. – Палкинский
Печ. – Печорский
Пл. – Плюсский
Пож. – Пожеревицкий (упразднен в 1958 г. с передачей в состав Дед. р-на)
Полн. – Полновский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Гд. р-на)
Порх. – Порховский
Пск. – Псковский
Пуст. – Пустошкинский
Пушк. – Пушкиногорский
Пыт. – Пыталовский
Себ. – Себежский
Сер. – Середкинский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Гд. и Пск. р-нов)
Сл. – Славковский (упразднен в 1958 г. с передачей территорий в состав Кар. р-на; сейчас Порх. р-н)
Сош. – Сошихинский (упразднен в 1959 г. с передачей в состав Н-Рж. и Остр. р-нов)
Стр. – Струго-Красненский (прежняя редакция названия – Стругокрасненский)
Тор. – Торопецкий (передан в состав Тверской обл.)
Холм. – Холмский (передан в состав Новгородской обл.)
Усв. – Усвятский

[1] Сокращения названий районов Псковской области даны по источнику: Псковский областной словарь с историческими данными. Л.: ЛГУ, 1967. С. 27–41.


1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет русской филологии и иностранных языков
Кафедра русского языка
и русского языка как иностранного
Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ
(к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной
и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного
словаря с историческими данными»)

Часть 1

Подписано в печать 01.12.2017 г.

Бумага офсетная. Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 26,25.
Гарнитура Times New Roman
Тираж 100 экз. Заказ № 1232.

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС» с оригинал-макета заказчика.
180000, г. Псков, ул. Металлистов, д. 25;
тел/факс 8(8112) 79-37-23; тел. 8-921-218-47-47;
e-mail: izd-logos@yandex.ru